

РОБЕРТ ГОВАРД

СЛЕД ГУННА

ТОМ 4

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

РОБЕРТ ГОВАРД
СЛЕД ГУННА

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ 4

РОБЕРТ
ГОВАРД

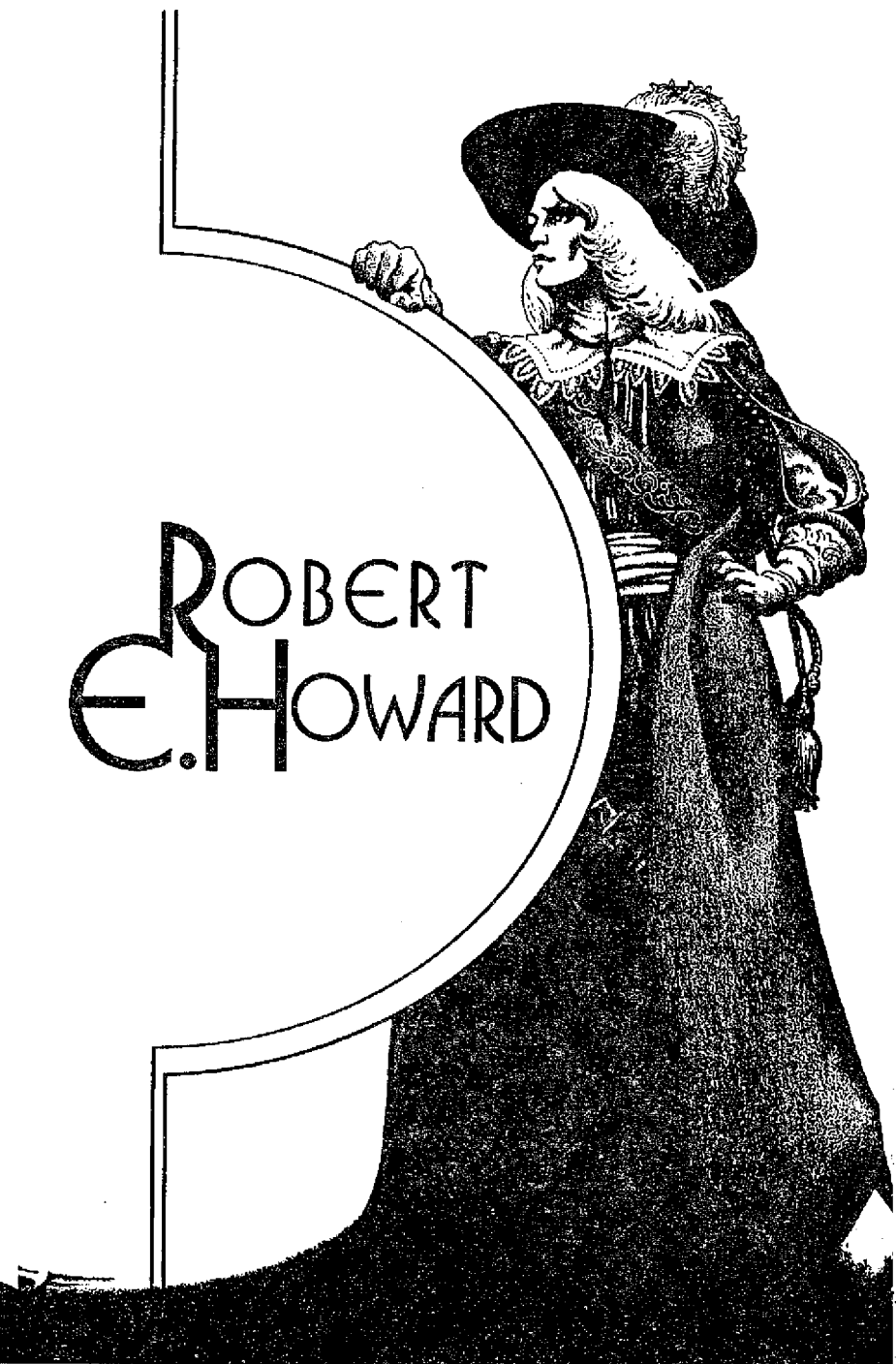

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
В 8 ТОМАХ

«ТЕРРА — КНИЖНЫЙ КЛУБ» МОСКВА
«СЕВЕРО-ЗАПАД» САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2003

ROBERT
E. HOWARD

РОБЕРТ
ГОВАРД

ТОМ
4

СЛЕД
УННА

УДК 82/89
ББК 84 (7 США)
Г57

Оформление художника
В. ДОМОГАЦКОЙ

Руководители проекта
И. ПЕТРУШКИН, А. ТИШИНИН

Составитель
А. ЛИДИН

Авторские права защищены.

Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Говард Р. И.

Г55 Собрание сочинений: В 8 т. Т. 4: След Гунна: Рассказы / Пер. с англ.; Сост. А. Лидина. — М.: ТЕРРА—Книжный клуб; СПб.: Северо-Запад, 2003. — 480 с.

ISBN 5-275-00863-5 (т. 4)

ISBN 5-275-00830-9

Роберт Говард (1906—1936) — один из самых талантливых писателей-фантастов Соединенных Штатов Америки, чье творчество было очень ярким, а жизнь — очень короткой.

В четвертый том вошли произведения, где благородные пираты, воюющие с работорговцами и жаждущие испанского золота, величайшие авантюристы прошлого, необузданные воины варварских племен, ищущие славы на службе у заморских владык, познали глубины человеческого коварства и ярости разбушевавшихся стихий...

УДК 82/89
ББК 84 (7 США)

ISBN 5-275-00863-5 (т. 4)
ISBN 5-275-00830-9

© ТЕРРА—Книжный клуб, 2003
© Издательство «Северо-Запад»,
перевод, 2003

ТИГРЫ
МОРЕЙ

ТИГРЫ МОРЕЙ

1

-Морские тигры! У них сердца волков и тела из закаленной стали! Пожиратели ворон, смысл существования которых в том, чтобы убивать либо быть убитыми! Этим великанам ласкает слух звон мечей, он для них звучит нежнее самых сладких любовных песен!

Усталые глаза короля Геринта затумашила печаль.

— Ну и что в этом нового? Вот уже многие годы такие же люди то и дело нападают на моих подданных, точно обезумевшие от голода волки.

— А разве мы с тобой не читали в римских книгах, как Цезарь стравливал волков с волками? — отозвался менестрель Донал. — Если ты помнишь, именно благодаря этому римлянам удалось покорить наших предков. А ведь наши прадеды в свое время считались волками из волков.

— Зато их потомки напоминают скорее ручных овец, — со скорбью в голосе негромко произнес король. — За долгие годы мира с Римом наш народ забыл воинское искусство. А сейчас, когда Рим потерял бывшее

величие и силу, мы боремся только за выживание и не способны даже на то, чтобы защищать своих женщин.

Донал поставил кубок и облокотился на массивный резной дубовый стол.

— Стравить волков с волками! — воскликнул он. — Ты сказал — да я и сам это знаю, — что невозможно снять войска с границ, чтобы отправить их на поиски твоей сестры принцессы Елены. Этого нельзя было бы сделать, даже если бы ты точно знал, где ее разыскивать. Значит, тебе придется нанимать людей, а эти, про которых я только что тебе говорил, своей отвагой и дикой силой, пожалуй, превосходят напавших на нас англов настолько же, насколько англы превосходят наших мягкотелых крестьян.

— Однако пойдут ли они против своих соплеменников, да еще под предводительством бритта? — задумчиво произнес король. — И будут ли они хранить мне верность?

— Они со своими соплеменниками ненавидят друг друга не меньше, чем мы ненавидим и тех, и других, — отвечал менестрель. — Кроме того, ты можешь пообещать им высокую награду за возвращение принцессы Елены.

— Расскажи-ка мне о них поподробнее, — решил король Геринт.

— Их вожак, Вулфер Головорез, такой же рыжебородый гигант, как и они все. Он по-своему умен, но викинги избрали его вожаком, конечно, из-за его непомерной отваги и ярости в бою. Своим любимым боевым топором он орудует играючи, хотя это тяжелое оружие на длинной рукояти, он с легкостью разрубает этим топором мечи, щиты, тяжелые шлемы и крепкие головы своих врагов. Когда Вулфер, с ног до головы забрызганный кровью, сверкая глазами и потрясая рыжей бородой, врывается в ряды неприятеля, мало находится смельчаков, способных встать на его пути.

Однако там, где надо шевелить мозгами, он во всем полагается на своего верного товарища. Этот его совет-

ник и правая рука умен и изворотлив, как змей. Нам он давно известен. Он не из викингов, это кельт по имени Кормак Мак Арт, его еще называют *Кливин*, или попросту Волк. Одно время он был вожаком ирландских пиратов, совершавших набеги на Британские острова и грабивших побережье Галлии и Испании. Время от времени они нападали даже на самих викингов. Однако гражданская война разметала его людей по свету, а сам он присоединился к Вулферу. Люди Вулфера — юты, датчане. Их земли лежат южнее норвежских.

Кормак Мак Арт одновременно и хитер, и безрассудно отважен, как все кельты. Он высокий и мускулистый, его можно уподобить тигру, тогда как Вулфер напоминает, скорее, дикого быка. Кормак рубится в основном мечом, и в искусстве поединка ему поистине нет равных. Викинги фехтовать не умеют, им что мечом, что молотом орудовать, все едино. Кельт же превосходно владеет мечом и с мечом в руках даст сто очков вперед любому из них. В нашем мире древнее искусство римских фехтовальщиков почти забыто, и Кормак — редкое исключение. Рассказывают, что в битве он хладнокровен и потому очень опасен, не зря его прозвали Волком. Но иногда в пылу смертельной схватки он забывает обо всем, охваченный неистовой яростью, и тогда он становится страшнее самого Вулфера, и нет такого врага, который смог бы выстоять против бешеного кельта.

Король Геринт легким кивком дал понять, что внимательно выслушал своего менестреля.

— Ты смог бы быстро отыскать их для меня?

— Ваше Величество, это можно сделать хоть сейчас. Они сейчас ремонтируют свой драккар в небольшом заливе на западном побережье. Места там довольно безлюдные, и викингов это вполне устраивает — они хотят как следует подготовиться к выступлению против англов. У Вулфера только один корабль, но он стоит многих — он быстроходен и увертлив, а его люди дерутся столь отчаянно и дружно, что англы, юты и саксы боятся Вулфера больше, чем кого бы то ни было

другого. Вулфер любит сражаться, а если к тому же награда будет достаточно высокой, он сделает для вас все, что будет в его силах.

— Обещай ему все, что он захочет, — негромко произнес Геринт. — Похитили не просто принцессу, похитили мою любимую маленькую сестренку.

Тонкие черты его красивого лица одновременно выразили нежность и боль.

— Положитесь на меня, Ваше Величество, я все сделаю как надо, — ответил Донал, наполняя свой кубок. — Я знаю, где найти викингов, и смогу договориться с ними. Но вам, Ваше Величество, придется самому — именно самому — дать Кормаку ваше королевское слово в том, что вы исполните любое его требование. Эти западные кельты гораздо более недоверчивы, чем сами викинги.

Геринт кивнул. Он хорошо знал своего менестреля. Донал был малый себе на уме, он мог часами болтать о всяких пустяках, но когда дело касалось серьезных вещей, он умел держать язык за зубами. Кто-то проклинал его изворотливость, кто-то восхищался ею, а мастерство, с которым он владел арфой, открывало ему даже те двери, которые не уступили бы топору. Донал выходил невредимым из таких переделок, в которых многие отважные воины попросту погибали. Он был дружен со многими морскими вождями, о которых среди британцев ходили легенды одна другой мрачнее, однако у Геринта не возникало ни тени сомнения в своем менестреле. Король доверял ему во всем.

2

Датчанин Вулфер погладил свою рыжую бороду и задумался. Это был настоящий великан; под чешуйчатыми железными латами угадывались горы мышц. В своем рогатом шлеме Вулфер казался еще выше. Огромная рука сжимала древко большого боевого то-

пора, и Вулфер являл собой почти точную копию древнего варвара. Однако несмотря на свой грозный вид предводитель викингов был явно растерян и сбит с толку. Так ничего и не придумав, он повернулся и задал какой-то вопрос сидевшему рядом с ним воину.

Высокий и мускулистый, этот воин был все же не так по-бычьему огромен, как Вулфер, однако в каждом его движении была видна прямо-таки тигриная легкость и гибкость, которые отличали его от вожака викингов. Был он смугл, гладко выбрит, из-под шлема, украшенного султаном из конского волоса, виднелась ровно подстриженная черная грива. На нем не было золотых украшений, столь любимых викингами, а одет он был в легкую кольчугу.

— Ну, Кормак, — обратился к нему вожак, — что ты об этом думаешь?

Кормак Мак Арт промолчал. Его холодные серые глаза, не отрываясь, вглядывались в глаза менестреля Донала. Донал был худощав и невысок ростом, голубоглазый, с непокорными светлыми волосами. По его причудливой одежде можно было сразу определить придворного шута. Он не взял с собой ни арфы, ни меча и сейчас напряженно всматривался в суровое, испещренное шрамами лицо кельта.

— Я доверяю тебе не больше, чем любому другому, — прервал, наконец, молчание Кормак, — и одного твоего честного слова мне недостаточно. Почему знаю, может, все это простая уловка, чтобы отпраздновать на поиски чего-то, чего и на свете-то нет, а может, и того хуже — прямо в лапы к врагам? Кроме того, у нас есть небольшое дельце на восточном побережье Британии...

— То, о чем я вам говорю, принесет вам куда больше, чем любая пиратская вылазка, — перебил его менестрель. — Если вы пойдете со мной, я отведу вас к человеку, чье слово весит больше моего. Но к нему мы пойдем только втроем: я, ты и Вулфер.

— Ловушка! — рявкнул рыжебородый ют. — Ну, Донал, такого я от тебя...

Кормак медленно покачал головой, продолжая смотреть прямо в глаза менестреля.

— Нет, Вулфер, если бы это была ловушка, Донал тоже оказался бы обманутым, а в это я не могу поверить.

— Если ты действительно так считаешь, — сказал Донал, — то почему не можешь поверить моему честному слову во всем остальном?

— Это совсем другое дело, — спокойно ответил пират. — Пока что только мы с Вулфером рискуем нашими шкурами, а вот потом, если мы тебе поверим, рисковать придется всей команде. Поэтому я просто обязан все сам проверить. Я не думаю, что ты лжешь, но ведь и тебя могли обмануть.

— Тогда пошли скорее. Я отведу вас к тому, кто сможет рассеять все ваши сомнения.

Кормак поднялся с большого камня, на котором сидел, и поправил шлем. Вулфер проворчал что-то себе под нос, недоверчиво качая головой, и отдал приказ викингам, сидевшим неподалеку вокруг небольшого костра. Одни из них жарили над костром оленину, другие играли в кости, остальные осматривали вытасценную на берег ладью. Вокруг шумел густой лес, сплошной стеной окружавший поляну на берегу залива. Эта поляна, казалось, самой природой была предназначена для пиратской стоянки.

— Корабль уже почти готов, — пробурчал Вулфер, глядя на драккар. — Завтра утром мы могли бы уже выйти в море и заняться нашими делами...

— Не ворчи, Вулфер, — успокаивающе отозвался кельт. — Если тому человеку, о котором говорит Донал, не удастся нас убедить, мы вернемся и завтра уплывем отсюда, чтобы заняться нашими делами.

— Если только вернемся.

— Ты слишком подозрителен. Донал с самого начала знал, что мы расположились здесь на ремонт. Если бы он хотел нас выдать, он давно мог привести сюда королевскую конницу или британских лучников.

Я думаю, что Донал, как и прежде, ведет честную игру. Пока что я не склонен доверять тому, кто стоит за ним.

Они уже покинули поляну и теперь шли густым лесом. Склон становился все круче, а лес редел. Вскоре они вышли к высоким скалам, возле которых лишь кое-где росли небольшие группы деревьев, да местами высились огромные старые дубы. Скалы громоздились так причудливо, что казалось, будто этими огромными камнями когда-то играли титаны. Местность выглядела совсем дикой и суровой. Путники обогнули одну из скал и увидели под кряжистым дубом высокого человека, закутанного в пурпурный плащ. Рядом никого больше не было, и Донал быстрыми шагами направился к незнакомцу, знаком пригласив своих спутников следовать за собой. Лицо Кормака оставалось непроницаемым, а Вулфер что-то проворчал в бороду и, перехватив поудобнее свой верный боевой топор, огляделся по сторонам, готовый в любой миг дать отпор любому противнику. Все трое остановились рядом с незнакомцем, и Донал снял украшенную перьями шляпу. Незнакомец откинул от лица плащ, и у невозмутимого кельта вырвалось изумленное восклицание:

— Боги! Да это же сам король Геринт!

Однако ни он сам, ни Вулфер не спешили пасть на колени либо обнажить головы. Эти дикие морские разбойники не признавали над собой ни королевской, ни чьей-либо другой власти. Сейчас в их поведении не было ни излишней дерзости, ни подобострастия. Вулфер во все глаза глядел на человека, чья государственная мудрость и бесспорная доблесть завоевали добрую славу. Викинги с уважением относились к этому монарху, которому удавалось годами сдерживать напор саксов, стремившихся к Западному морю.

Перед ютом стоял высокий стройный сероглазый человек с тонкими аристократическими чертами лица. Кроме черных волос, ничто не указывало на примесь римской крови в его жилах, однако весь его облик наводил на мысль о древней, насчитывавшей много ве-

ков цивилизации, поверженной в прах нахлынувшими варварами. Он как бы олицетворял собою то, что осталось от могущественной некогда Римской империи, захлебнувшейся в крови, в которой топили ее орды завоевателей. Кормак, как и все кельты, не питавший теплых чувств к своим уэльским сородичам, невольно проникся сочувствием к доблестному королю, и даже Вулфер, встретив пронизательный взгляд короля бриттов, испытал что-то вроде благоговения. Подданных короля Геринга со всех сторон припирали к стенке, заставляя думать только о спасении собственной жизни, однако этот народ не собирался складывать оружие и отчаянно дрался с врагами, спасая остатки своей древней культуры. Временами эта отчаянная борьба казалась безнадежной. Боги Рима пали под ножами готов и вандалов, варвары хозяйничали во дворцах цезарей, о которых уже мало кто помнил. И лишь эти кельты, сплоченные Герингом на отдаленном острове, хранили верность традициям древней Империи.

— Вот те войны, о которых я говорил вам, Ваше Величество, — почтительно произнес Донал. Геринт кивнул и поблагодарил его, сохраняя истинно королевское достоинство.

— Они хотят из ваших уст услышать подтверждение тому, что я им уже рассказал, — с той же почти-тельностью сказал менестрель.

— Друзья мои, — негромко заговорил король, — я пришел сюда, чтобы просить вас о помощи. Мою сестру принцессу Елену, которой нет еще и двадцати весен, похитили. Я не знаю, как это случилось, и кто это сделал. Однажды утром она направилась на верховую прогулку в лес в сопровождении своей горничной и пажа, и с тех пор ее никто больше не видел. Это случилось тогда, когда на наших границах царило абсолютное спокойствие, что вообще бывает крайне редко. Когда мы бросились искать принцессу, то нашли только изуродованное до неузнаваемости тело пажа в маленьком болотце в лесной глуши. Поодаль в лесу мирно паслись

их оседланные лошади, однако принцесса Елена и ее горничная бесследно исчезли. Мы перевернули вверх дном все королевство от границ до морского берега, но никаких следов так и не нашли. Наши люди, посланные с тайной миссией к англам и саксам, тоже вернулись ни с чем, и наконец мы решили, что принцессу похитила одна из пиратских шаяк, случайно высадившаяся на нашем побережье. Они, видимо, не задерживались на берегу и вскоре опять ушли в море.

Что касается поисков на море, то здесь мы совершенно беспомощны. У нас нет кораблей — остатки британского флота погибли в сражении с саксами за Корнуол. Но даже если бы у нас и сохранился флот, нам некого было бы снарядить в дорогу, хотя речь идет о жизни принцессы Елены. Сейчас нам дорог каждый человек: с востока нам угрожают англы, на юге — воронье Цедрика. Мое отчаяние заставило меня обратиться за помощью к вам. Вы уже поняли, что я не могу даже приблизительно сказать, где искать мою сестру. Я не могу сказать, как выволить ее, если вы ее найдете. Я могу только просить вас: ради Бога, найдите принцессу, спасите ее и привезите ко мне, а я уплачу любую цену, которую вы за это назначите.

Вулфер выразительно взглянул на Кормака. Этот взгляд означал, что предложение короля следует обдумать, и кое-кто должен этим немедленно заняться.

— Прежде чем мы отправимся на поиски, нужно бы условиться о цене.

— Так вы согласны?! — воскликнул король, и его лицо осветилось надеждой.

— Не торопитесь, — остудил его пыл Кормака. — Сперва давайте договоримся об условиях. Вы просите нас о нелегком деле; мы должны найти девушку, о которой известно лишь то, что она кем-то похищена. Что, если мы избородим все океаны и вернемся с пустыми руками?

— Я заплачу вашу цену в любом случае, — порывисто сказал Геринг. — Золота у меня достаточно. Если

бы только я мог обменять его на воинов! Однако меня предостерегает пример Вортигерна.

— Если наши поиски окажутся успешными, и мы привезем принцессу живой или мертвой, вы заплатите нам сотню фунтов чистым золотом и еще добавите по десять фунтов за каждого из тех, кто погибнет в этом деле. Если мы не сможем найти принцессу, вы все же заплатите нам по десять фунтов за каждого убитого, но сверх этого мы ничего не потребуем. Мы не саксы, чтобы трястись над каждой монеткой. Кроме того, вы должны нам позволить отремонтировать корабль в одном из ваших заливов, доставить нам все, что потребуется для ремонта, и пополнить наши припасы. Согласны ли вы, Ваше Величество, на такие условия?

— Согласен, и вот вам моя рука! — король протянул руку, и Кормак почувствовал нервное пожатие длинных аристократических пальцев Геринта.

— Когда вы выйдете в море?

— Как только вернемся к нашему драккару.

— Я отправляюсь с вами, — неожиданно сказал Донал, — и еще один человек очень хотел бы участвовать в поисках принцессы.

Он коротко свистнул и чуть было не лишился головы: пронзительный свист очень уж напоминал сигнал к атаке, и пираты схватились за оружие. Однако Кормак и Вулфер тут же успокоились, когда увидели, что из лесу вышел один-единственный человек.

— Это Марк, сын благородного бритта, — представил юношу Донал, — жених принцессы Елены. Если вы не возражаете, он тоже присоединится к нам.

Юноша был высок и отлично сложен, на нем красовались доспехи и шлем легионера, на поясе висел длинный тяжелый меч. Черные волосы и оливково-смутлая кожа красноречиво свидетельствовали, что в жилах их обладателя течет горячая южная кровь, и что его род едва ли не древнее королевского. Взгляд больших серых глаз был печален, на юном лице легко читалось беспокойство и волнение.

— Я умоляю вас позволить мне отправиться с вами, — Марк обращался к Вулферу. — Боевое искусство мне знакомо, а сидеть дома, не зная ничего о судьбе моей возлюбленной невесты, и ждать вестей от вас для меня было бы хуже смерти.

— Что ж, — пророкотал Вулфер, — отправляйся с нами, если хочешь. Похоже, что в этом походе твой меч не будет лишним. Король Геринт, неужели у вас нет никаких догадок о том, кто похитил вашу сестру?

— Никаких. В лесу мы нашли единственный маленький след возможных похитителей. Вот это.

Король достал что-то из складок одежды и протянул жожаку викингов. Вулфер внимательно взгляделся в маленький отполированный наконечник стрелы, казавшийся совсем крохотным на его огромной ладони, затем передал наконечник Кормаку. Кормак поднес его к глазам. Лицо кельта осталось непроницаемым, лишь глаза на мгновение вспыхнули. То, что он сказал, прозвучало для всех неожиданно:

— Пожалуй, с сегодняшнего дня я отпускаю бороду.

3

Свежий морской ветер раздувал паруса драккара, а ритмичный плеск множества весел служил аккомпанементом старой матросской песне, которую дружно пели гребцы. Кормак Мак Арт стоял на корме, полностью облаченный в доспехи, и султан из конского волоса, украшавший его шлем, развевался на ветру. Рядом с ним, опираясь на топор, стоял Вулфер и время от времени подавал громкие команды рулевому.

— Кормак, — неожиданно спросил викинг, — а кто сейчас правит Британией?

— А как ты думаешь, кто правит Аидом, когда Плутону приходится отлучиться? — ответил кельт вопросом на вопрос.

— Я же не прошу тебя пересказывать мне римские мифы, которые ты знаешь, — обиделся Вулфер.

— Рим хозяйничал в Британии, как Плутон в Аиде, — уже серьезно ответил Кормак. — Теперь, когда Рим пал, британские вожди и короли готовы глотки друг другу перегрызть за корону. Восемьдесят лет назад, когда Аларик со своими готами разграбил столицу Империи, легионы были выведены из Британии. Британии нужен был король, и тогда Вортигерн провозгласил себя королем. Он сам впустил в свой дом волков — нанял ютов Хенгиста и Хорса с их дружинами, чтобы обороняться от пиктов, ты это и сам знаешь. Следом за ютами пришли англ и саксы и потопили остров в крови. Вортигерн был свергнут. Теперь Британия разделена на три кельтских королевства. Пираты держат в страхе восточное побережье и медленно, но верно продвигаются к западу. Южным королевством Дамнонией и прилегающими к ней землями Сейр Одан управляет Ютер Пендрагон. В срединном королевстве от границы с Дамнонией до Камбрианских гор властвует Геринт. К северу от его владений лежит страна, которую бритты называют Стратклайдом, — в ней правит король Карт. Жители Стратклайда — самые дикие из всех бриттов, ибо римлянам так и не удалось завоевать их племена. То же самое можно сказать и о западных областях Дамнонии, и о западных горах во владениях Геринта, да и многие варварские племена не испытали римского владычества и сейчас не подчиняются ни одному из трех королей. На острове вольготно чувствуют себя грабители и бандиты, а между тремя королями тянутся бесконечные дразги благодаря воинственному характеру Ютера и свирепому нраву Карта. Если бы не Геринт, безумный Ютер и необузданный Карт давно бы уже вцепились друг другу в глотки.

Сообща они действуют очень редко, и хватает их ненадолго. А кроме того, на острове гнездятся еще юты, англ и саксы, которые постоянно на ножах друг с другом и с кельтами, а и те, и другие, и третьи все время под-

тягивают подкрепления с континента, и их сородичи приплывают на остров в своих длинных низких кораблях.

— Вот об этом я знаю, — заявил ют. — Я и сам немало этих кораблей отправил напрямик в Мидгард. Наступит день, когда вся Британия станет нашей.

— Да, эта земля стоит той крови, которая за нее льется, — согласился кельт. — А что ты думаешь о тех двоих, что плывут сейчас с нами?

— С Доналом мы давно знакомы. Когда он касается струн своей арфы, у меня в груди сжимается сердце, и я будто снова становлюсь безусым юнцом. А если надо, то он возьмет в руки меч, мы знаем, что он неплохо владеет оружием. Ну а римлянин, — так Вулфер назвал Марка, — что ж, он похож на опытного воина, хотя и очень молод.

— Его предки три сотни лет командовали легионами в Британии, а еще раньше сражались под орлами Цезаря в Галлии и Италии. Только благодаря хорошо усвоенной римской стратегии британским рыцарям до сих пор удается сдерживать саксов. Однако, Вулфер, что же ты ничего не скажешь мне о моей бороде? — Кельт провел ладонью по жесткой щетине на подбородке.

— Никогда я не видел тебя таким заросшим, — пророкотал ют. — Разве что бывали такие многодневные сражения, когда у тебя просто не было времени вовремя поскоблить щеки.

— Еще несколько дней, и мои шрамы окончательно спрячутся, — усмехнулся Кормак. — Тебе ничего не припомнилось, когда я приказал взять курс на дальриадийскую Ару?

— А что мне должно было припомниться? Я решил, что ты просто собираешься порасспрашивать о пропавшей принцессе тамошних диких скоттов.

— С чего же ты решил, будто я думаю, что они могут что-то знать?

Вулфер пожал плечами:

— Ты всегда знаешь, что делаешь, я это давно понял.

Кормак достал из сумки кремниевый наконечник стрелы. — Только у одного из племен на этих островах могут быть такие стрелы, — сказал он. — Это каледонские пикты, которые владели здешними землями задолго до кельтов. Они пользовались такими кремневыми наконечниками в каменном веке и сражаются ими сейчас. Я своими глазами видел такие стрелы, когда служил в дружине короля Дальриадии Гола. Вскоре после того, как из Британии были выведены легионы, пикты, точно голодные волки, набросились на южное побережье. Однако юты, англы и саксы отбросили их назад, на окраину обитаемых земель, и с тех пор прошло столько времени, что король Гарт и его подданные, которые граничат с пиктами, просто забыли об их существовании.

— Значит, ты думаешь, что это пикты похитили принцессу? Но как...

— Вот об этом нам и предстоит узнать, и именно поэтому мы направляемся в Ару. Скотты с пиктами вот уже добрую сотню лет живут бок о бок. Почти все это время они враждовали друг с другом, однако сейчас между ними заключено перемирие, и скотты должны знать, что творится в Империи Мрака. Так иногда называют королевство пиктов, а оно и в самом деле темное, мрачное и жутковатое. Понять эту древнюю расу нам, пожалуй, не под силу.

— Так нам надо поймать какого-нибудь скотта и поговорить с ним по душам!

Кормак покачал головой:

— Нет, ни в коем случае. Я сойду на берег и потолкаюсь среди них. Не забывай, что они мои соплеменники.

— Эти твои соплеменники повесят тебя на первом же попавшемся суку, если только узнают, — проворчал Вулфер. — Любить тебя им не за что. Ты, правда, в ранней юности верой и правдой служил королю Голу, но с тех пор ты уже столько раз совершал набеги на побережье Дальриадии, и не только с твоими ирландскими разбойниками, но уже и со мной...

— Потому-то я и отпускаю бороду, старое морское чудовище, — рассмеялся кельт.

4

На изрезанное шхерами западное побережье Каледонии опустилась ночь. Вдалеке на востоке темнели под звездным небом громады гор; на берег набегали волны и тотчас же бежали прочь, чтобы докатиться до других заливов и незнакомых берегов. «Ворон» стоял на якоре в северной части укромной затоки, притаившись под крутым берегом. Кормак уверенной рукой провел драккар через рифы под покровом темноты. Кормак Мак Арт хоть и родился в Ирландии, но все без исключения острова Западного моря служили ареной его приключений с тех пор, как он впервые взял в руки меч, поэтому он знал эти места как свои пять пальцев и подвел бы судно к берегу даже с закрытыми глазами.

— Ну вот, — сказал он, — а теперь я иду на берег. Но только один.

— Позволь мне пойти с тобой! — пылко воскликнул Марк, однако кельт только покачал головой.

— Своей речью и внешностью ты сразу выдашь нас обоих. Тебе, Донал, тоже нельзя пойти со мной, хотя я и знаю, что звуками твоей арфы наслаждались короли скоттов. Кроме меня, ты один знаком с этим побережьем, и значит, только ты сможешь вывести наш драккар из затоки, если я не вернусь.

Кельт был неузнаваем — короткая густая борода изменила черты лица, под ней исчезли шрамы. Он снял свой шлем с украшением из конского волоса и стащил с себя замечательную легкую кольчугу. Вместо этого он надел простой круглый шлем и облачился в грубые дальриадийские латы. На «Вороне» можно было найти доспехи любых народов.

— Ну что, старый волк, — Кормак с усмешкой повернулся к Вулферу, — молчишь, но я же вижу, как

горят у тебя глаза. Ты тоже хочешь отправиться со мной? Да уж, дальриадийцы, несомненно, встретили бы тебя с почетом! Еще бы! Ты же их давний добрый друг. Кто, как не ты, так ловко жег их деревни и без счета топил их лодки?

Вулфер беззлобно выругался.

— И в самом деле, скотты так нежно нас любят, что, только завидев мою рыжую бороду, наверняка повесят нас обоих без долгих разговоров. И все же, не будь я вожаком на этой посудине, нипочем не отпустил бы тебя на такое опасное дело одного. Ты ведь у нас такой бестолковый!

Кормак от души рассмеялся.

— Жди меня до рассвета, но не дольше, — сказал он напоследок.

Скользнув по борту драккара, кельт с головой ушел под воду, вынырнул и, несмотря на тяжелые доспехи, тянувшие его ко дну, быстро поплыл к берегу. Он какое-то время плыл вдоль скал, высматривая удобное место для того, чтобы выбраться на берег. Наконец, он нашел такое местечко. Правда, не всякий горный козел решился бы взбираться на скалы в этом месте, однако у Кормака не было ни времени, ни желания искать дорогу полегче. Призвав на помощь всю свою споровку и опыт, он выбрался из воды и вскарабкался на вершину скалы. Вглядевшись в темноту, он направился по камням туда, где скалы становились более пологими. Вскоре он уже шагал на юг, туда, где горели вдалеке тусклые огоньки костров дальриадийского города Ары.

Заслышав сзади осторожные шаги, он мгновенно повернулся, выхватив из ножен меч, готовый встретить врага лицом к лицу. Перед ним возник силуэт великана.

— Грат! Какого дьявола...

— Вулфер боялся, как бы с тобой чего не случилось, и послал меня следом.

Кормак взорвался. Он долго на разные лады клял и Грата, и Вулфера. Грат невозмутимо выслушивал брань, и Кормак прекрасно знал, что спорить с ним

бесполезно. Огромного роста ют был беззаветно предан Вулферу и слепо выполнял любые его приказы. Он был немного не в себе с тех пор, как в одной из схваток его ранили в голову. Однако он был отчаянно смел, и на него всегда можно было положиться, а его опыт лишь немногим уступал опыту самого Кормака.

— Ладно уж, делать нечего, идем дальше, — сказал великану Кормаку, отведя душу. — Однако запомни: в деревню со мной ты не пойдешь. Спрячешься где-нибудь, понял?

Грат кивнул и последовал за кельтом. Кормаку быстро пошел вперед, Грат не отставал и двигался почти неслышно, что было удивительно для такого гиганта.

Кормаку надеялся на то, что благополучно выполнит задуманное и к рассвету вернется на драккар, однако шел осторожно, внимательно вслушиваясь в ночную тишину, готовый к неожиданной встрече с целым отрядом воинов, которые могли выйти из Ары или, наоборот, возвращаться по домам. Но пока все было спокойно, им с Гратом сопутствовала удача, и вот уже Ара была перед ними на расстоянии полета стрелы.

— Укройся здесь под деревьями, — прошептал Кормаку великану, — и что бы ни случилось, не вздумай и близко подходить к городской стене. Если услышишь, что началась свалка, дождайся утра, а если я не вернусь за час до рассвета, беги к Вулферу. Ты все понял?

Грат, как обычно, кивнул и исчез за деревьями, а Кормаку направился к стене.

Ара стояла на берегу небольшого сильно вдававшегося в сушу залива. На берегу Кормаку увидел несколько грубых дальриадийских лодок. Такие лодки служили скоттам для вылазок против бриттов и саксов, а также для поездок в Ульстер за припасами. Ара была скорее военным лагерем, чем мирным поселением, настоящая Дальриадия начиналась довольно далеко отсюда.

Впечатление Ара производила достаточно убогое — несколько сотен жалких хижин, окруженные невысокой стеной из грубо обтесанных камней. Од-

нако Кормаку был хорошо известен неукротимый нрав здешних жителей. Каледонские кельты, конечно, не славились ни богатствами, ни хорошим оружием, однако это с лихвой восполняла их звериная свирепость. Сотня лет, проведенная в постоянных стычках с пиктами, бриттами и саксами, не слишком способствовала развитию культуры, и жителей Ары можно было считать настоящими дикарями, однако им удалось сохранить боевой пыл своих предков. То же самое можно было сказать и обо всех каледонских кельтах. Многие их поколения десятилетие за десятилетием теряли достижения своих ирландских соплеменников в науках и искусствах, однако унаследовали от прадедов первобытную ярость в битвах.

Их предки пришли в Каледонию из Улада, откуда их вытеснили более сильные южные ирландские племена. Кормаку по своей крови принадлежал к тем завоевателям: он родился в Коннахте и теперь не испытывал никаких теплых чувств по отношению к каледонским кельтам, как, впрочем, и к своим сородичам в северной Ирландии. Вместе с тем, он жил среди них достаточно долго, чтобы сохранить уважение к их бойцовским качествам.

Кельт бесшумно подошел к воротам и окликнул стражей, не дожидаясь, пока они заметят его первыми. Часовые спокойно сидели возле костра в полной уверенности, что вокруг все тихо — типично кельтская беспечность. Чей-то хриплый голос приказал Кормаку стоять на месте. Зажегся факел, и в его неверном свете Кормаку увидел над воротами суровые, заросшие кудлатыми волосами лица и пристально вглядывавшиеся в него холодные серые и голубые глаза.

— Кто ты такой? — спросил один из воинов.

— Парта Мак Отна из Улада. Хочу поступить на службу к вашему вожаку Ихейду Мак Эйлайбу.

— Ты промок насквозь.

— Было бы странно, если бы я умудрился выйти сухим из воды, — отвечал Кормаку. — Прошлым утром я и еще несколько человек вышли на лодке из Улада.

В море мы встретились с саксами, и похоже, только мне одному удалось избежать их стрел и не пойти на дно. Я доплыл до берега, вцепившись в обломок мачты.

— А саксы куда подевались?

— Я видел, как их парус исчез на юге. Должно быть, хотели столкнуться с бриттами.

— Как же случилось, что береговая стража не заметила тебя, когда ты выбрался на сушу?

— Я вышел на берег почти в миле отсюда к югу, увидал огоньки за деревьями и пошел сюда. Мне приходилось бывать здесь раньше, и я знал, что это Ара, — сюда-то мы и собирались.

— Похоже, что он не врет, — проворчал один из дальриадийцев. — Впустите его.

Ворота распахнулись, и спустя мгновение Кормак оказался в стане своих заклятых врагов. Возле хижин горели костры, у ворот собралась толпа зевак, прислушивавшихся к разговору между стражниками и незнакомцем. При взгляде на этих людей можно было судить и обо всем населении этой дикой суровой земли. Среди любопытных было довольно много женщин мощного телосложения, но порядком растрепанных. Чумазные полутолые ребятишки со спутанными грязными волосами во все глаза смотрели на Кормака. Он обратил внимание на то, что у каждого в этой толпе имелось какое-то оружие, даже едва научившиеся ходить несмышлелышки тискали в ручонках камни или палки. Такой готовности к схватке требовала от этих людей их полная опасностей жизнь. Кормак отлично знал, что в случае опасности даже самые маленькие дети будут драться, как дикие котята. Он и сам когда-то был таким же. Ничего удивительного, что римлянам так и не удалось покорить этот народ.

С тех пор, как Кормак дрался бок о бок с этими свирепыми воинами, прошло пятнадцать лет. Он не боялся быть узнанным кем-нибудь из прежних товарищей. Благодаря своей густой короткой бороде не боялся он и того, что в нем узнают соратника Вулфера.

Один из стражников велел кельту следовать за ним и повел его к самой большой хижине. Кормак не сомневался в том, что это и есть резиденция вождя и его приближенных. В Каледонии никогда особенно не заботились о роскоши. Дворец короля Гола оказался обыкновенной избой, разве что чуть более просторной, чем остальные. Кормак усмехнулся себе под нос, сравнив это поселение с великолепными городами, в которых ему приходилось бывать. Однако главное в городе все же не башни и стены, а люди, которые в нем живут, — подумалось ему.

Его ввели в просторную комнату. Здесь несколько десятков воинов сидели вокруг огромного грубо сколоченного стола, большинство из них то и дело прикладывались к кожаным бурдюкам. Во главе стола восседал сам вождь, которого Кормак знал издавна, а возле его ног валялся полупьяный менестрель. Кормак невольно сравнил это всклокоченное существо с бессмысленной улыбкой на испитом лице с подтянутым изящным Доналом. Да, ничего не скажешь, правы кельтского двора были просты, даже, пожалуй, слишком.

— О, сын Эйлайба, — почтительно произнес сопровождавший Кормака часовой, — к нам из Ирландии прибыл воин, который хочет поступить к тебе на службу.

— Кто твой вождь? — прохрипел Ихейд, и тут Кормак понял, что дальриадиец совершенно пьян.

— Сейчас я свободный воин, — отвечал Волк. — Но раньше я служил в дружине Донна Руат Мак Фина, короля Улада.

— Садись и пей с нами, — приказал король и подкрепил свое приглашение неверным взмахом волосатой руки. — Потом поговорим.

На Кормака больше никто не обращал внимания. Двое скоттов подвинулись, чтобы он смог сесть за стол, кто-то подал ему кубок, до краев наполненный излюбленным напитком кельтов — обжигающим ирландским самогоном. Быстрым взглядом Кормак окинул пирушку дальриадийских воинов и обратил внимание

на двоих, сидевших почти напротив него. Одного из них он хорошо знал — это был Сигред, норвежский изгой, нашедший убежище здесь, среди злейших врагов своего народа. Кровь бросилась Кормаку в голову, когда его взгляд встретился со злобным взглядом северянина, устремленным прямо на него. Однако взглянув на соседа Сигрела, кельт забыл обо всем.

Это был невысокий кряжистый воин, смуглолицый, гораздо более смуглый, чем сам Кормак. Мрачный взгляд черных глаз на неподвижном лице был сродни взгляду змеи. Коротко подрезанные черные волосы перехватывал тонкий серебряный обруч. Всю его одежду составляла набедренная повязка да широкий кожаный пояс, на котором висел короткий зазубренный меч. Пикт! Кормак едва удержался от радостного восклицания, его сердце затрепетало в предчувствии удачи. Однако он решил не торопиться и для начала попытался заговорить с королем Ихейдом, повторив свою придуманную историю в надежде, что тот упомянет в разговоре принцессу Елену, если только знает что-нибудь о ней. Однако вождь дальриадийских воинов был чересчур пьян для того, чтобы вести какие-то разговоры. Он орал варварские песни, отбивая такт рукояткой меча по столу и совершенно не прислушиваясь к дикому аккомпанементу арфы пьяного менестреля. Замолкал Ихейд лишь для того, чтобы влить в себя очередную немалую порцию отвратительного на вкус пойла, которым потчевали за этим столом. Пьяны были все, кроме Кормака и Сигрела, внимательно наблюдавшего за новым гостем.

Пока Кормак пытался придумать, как бы завязать разговор с пиктом, менестрель закончил одну из своих диких песен, в которой Ихейда Мак Эйлайба называл Альбийским волком, величайшим из воинов.

Пикт, пошатнувшись, вскочил на ноги и ударил пустым кубком по столу. Он был мертвецки пьян — пикты пьют обычно слабое вересковое пиво и непривычны к крепким кельтским напиткам. Ирландский самогон быстро валит их с ног. Вот и этот пикт еле язы-

ком ворочал, его неподвижное лицо как-то обмякло, и только глаза сверкали двумя черными углями.

— Это правда, Ихейд Мак Эйлайб — великий воин, — выкрикнул пикт на каком-то чудовищном наречии, отдаленно напоминавшем язык кельтов, — но даже он не самый великий из воинов Каледонии. Никто не может сравниться в величии с королем Бругаром Темным, который восседает на древнем троне пиктов! А следующий за ним — Грулк! Да, это я, Рубака Грулк! В моем доме в Гротто на полу лежит ковер из скальпов бриттов, англов и саксов, да и скоттов тоже!

Кормак с досадой передернул плечами. Пьяная болтовня этого хвастуна могла задеть кого-нибудь из менее пьяных скоттов, того и гляди, вспыхнет драка, и от пикта останется мокрое место. Тогда от него уже ничего не узнаешь. Однако пикт продолжал, и его следующие слова заставили Кормака прислушаться с удвоенным вниманием.

— Кто из всей Каледонии, как не Грулк, похитил у южных бриттов прекраснейшую в мире девушку?! — выкрикнул он, дико вращая пьяными глазами. — Нас было пятеро в лодке, когда буря отнесла нас на юг, к землям Геринта. Мы высадились на берег в поисках пресной воды и в глухом лесу повстречались с тремя бриттами — юношей и двумя хорошенькими девицами. Парень полез было в драку, но я, Грулк, повис у него на плечах, повалил на землю и снес ему голову своим верным мечом. А девиц мы погрузили в лодку и поплыли с ними на север, и добрались до Каледонии и доставили их прямо в Гротто!

— Пустое хвастовство! — наудачу перебил пикта Кормак. — В Гротто сейчас нет таких женщин, о которых ты говоришь, — добавил он в надежде услышать что-нибудь еще полезное.

Пикт зарычал, словно раненый зверь, и схватился за рукоять меча.

— Когда старый Гонар, наш верховный жрец, увидел ту, что была одета получше и назвалась Атлантой,

он воскликнул, что эта девушка предназначена судьбою в жертву богу Луны, ибо носит на груди знак, о котором ведает лишь он, Гонар. И тогда он отправил эту девушку вместе с ее подругой, имя которой Марсия, на Остров Алтаря в Шетляндах. Специально для этого скотты дали ему лодку, и он отправил девушек под охраной пятнадцати лучших воинов. Атланта — дочь знатного бритта. Бог Голка будет рад такой жертве.

— И когда же они отправились в Шетлянды? — ухмыльнувшись, спросил Кормак, не обращая внимания на то, что пикт все еще держится за рукоять меча.

— Вот уже три недели тому назад. Но еще не наступила ночь Лунной Жертвы. Однако ты сказал, что я лгу...

— Выпей и забудь об этом, — пророкотал один из воинов и подал пикту полный до краев кубок. Пикт схватил кубок обеими руками и окунул в хмельную жидкость чуть ли не пол-лица. Он пил огромными глотками, и струйки вина стекали по его обнаженной груди. Кормак поднялся из-за стола. Он узнал все, что ему было нужно, и теперь надеялся, что скотты слишком пьяны и никто не заметит его ухода. Вот через стену будет не так легко перебраться. Однако едва он успел об этом подумать, как увидел, что поднялся не он один. Изгнанный с родины викинг Сигрел обходил стол, направляясь к Кормаку.

— Что же ты, Парта, так быстро утолил жажду?

Внезапным движением он едва не скинул шлем с головы кельта. Кормак оттолкнул его руку, но Сигрел уже победно кричал:

— Ихейд! Мужи Каледонии! Среди нас лжец и преступник!

Пьяные воины ошарашенно таращились на него.

— Это *Кормак Кливин!* — Выкрикнул Сигрел, хватаясь за меч. — Кормак Мак Арт из шайки викинга Вулфера!

Кормак взвился, словно раненый тигр. В неровном свете факелов блеснула сталь, и голова Сигрела

покатилась под ноги не успевшим опомниться скоттам. Одним прыжком пират подскочил к двери и отворил ее ногой, когда скотты, протрезвев, сорвались с мест и с яростными криками схватились за оружие.

В одно мгновение вся деревня была на ногах. Жители, видевшие, как Кормак выскочил из дворца с обгаренным кровью мечом, без долгих рассуждений пустились за ним в погоню. Пьяные дружинники, выкатившиеся, наконец, из дворца, ревели от бешенства и выкрикивали настоящее имя гостя, крики сливались в один сплошной рев. Теперь за Кормаком гналась, казалось, вся Ара от мала до велика.

Кормак летел, не чуя под собой ног, тенью скользил между хижинами и, наконец, добрался до городской стены. В этом месте стена не охраивалась, стражники стояли только у ворот. Легко перемахнув через низкую стену, кельт помчался к лесу. Быстрый взгляд через плечо показал ему, что преследователи не потеряли его из виду. Воины перебирались через стену с оружием в руках.

Еще немного, только бы добраться до первых деревьев! Он бежал, пригнувшись, каждое мгновение ожидая, что в спину вонзится стрела. Однако на его счастье дальриадийцы были неважными лучниками, и ему удалось невредимым добраться до кромки леса.

Основная масса его преследователей отстала от него ярдов на сто, но один из каледонцев умудрился вырваться вперед, и теперь Кормак слышал за спиной его тяжелый топот. Кельт резко повернулся, чтобы расправиться со своим единственным врагом, однако из-под его ноги неожиданно вывернулся камень, и кельт упал на одно колено. Он успел выставить вперед свой меч, чтобы отразить удар, но в то же мгновение из-за дерева выпрыгнул рыжий великан, выбил тяжелый меч из руки скотта, и в следующий миг безжизненное тело дальриадийца навалилось на Кормака.

Кельт отбросил тело скотта и вскочил на ноги. Погоня приближалась, и Грат со звериным рычанием повернулся лицом к противнику, однако Кормак схва-

тил его за руку и увлек за собой в лесную чащу. В следующее мгновение они оба, лавируя между деревьями, уже неслись туда, откуда недавно пришли в Ару.

Позади трещали ветки под ногами дружинников, и слышалась яростная брань. Не одна сотня каледонских воинов принимала участие в этой безумной погоне за двумя заклятыми своими врагами. Лес становился все гуще, и Кормаку с Гратом приходилось теперь бежать медленнее, время от времени замирая в тени деревьев или бросаясь ничком за кусты, чтобы пропустить преследователей вперед. Им удалось оторваться от погони на достаточно большое расстояние, когда до слуха Кормака донесся отдаленный собачий лай.

— Проклятье! — пробормотал кельт. — Мы ушли далеко от них и могли бы теперь выйти к скалам и быстро добраться до корабля. Но если они пустили по нашим следам собак, то мы приведем их дьявольское племя прямехонько к Вулферу. Их здесь столько, что они в два счета разделяются с нашим драккаром и со всей нашей командой. Если мы поплывем, то нам, может быть, удастся сбить их со следа.

Кормак резко повернул на запад, почти под прямым углом к тому направлению, в котором они бежали, и они с Грантом ускорили бег и почти тут же оказались на небольшой поляне лицом к лицу с тремя дальриадийцами, осыпавшими их проклятиями. Не так уж сильно они оторвались от преследователей, как показалось поначалу Кормаку, и кельт, рутая себя последними словами, успел подумать, что драка наделает немало шума, который, конечно же, привлечет всех остальных скоттов.

Один из скоттов бросился на Кормака, двое навалились на Грата. Мощный удар кулака кельта пришелся прямо в небольшой крепкий щит, и меч дальриадийца опустился на его шлем, рассек металл и коснулся волос. Но прежде чем скотт успел нанести следующий удар, Кормак одним резким движением перерубил своему противнику левую ногу и вторым быстрым ударом меча снес голову с плеч падающего воина.

Тем временем Грат, обладавший силой дикого медведя, пробил щит каледонийца, словно тот был бумажным, и рассек надвое голову врага. Кормак повернулся, чтобы помочь Грату, как раз в тот момент, когда второй напавший на юта воин с отчаянием затравленного зверя набросился на великана. Кельту показалось, что меч скотта до половины вошел в широкую грудь товарища. Однако Грат схватил врага за горло, оттолкнул и нанес ему страшный удар своим мечом, почти пополам разрубив тело несчастного скотта и сломав лезвие.

— Ты тяжело ранен, Грат? — Кормак попытался стащить с великана доспехи, чтобы остановить кровь, однако тот отбросил руку кельта.

— Пустяки, царапина, — пренебрежительно отозвался он. — Гораздо хуже, что я лишился меча. Бежим!

Кормак недоверчиво покачал головой, однако повернулся и побежал в прежнем направлении. Оглянувшись, он удостоверился, что Грант следует за ним без особых усилий, и прибавил шагу, заслышав приближающийся лай. Через несколько мгновений кельт и ют снова были в густых зарослях. Вскоре они слышали плеск волн и выскочили на скалистый берег, с которого к воде склонялись деревья. Дыхание Грата сделалось тяжелым и прерывистым. К северу виднелись очертания мыса, за которым стоял «Ворон», между заливом Ары и этим мысом вдоль берега мили на три тянулись скалы. До «Ворона» оставалось примерно столько же.

— Придется плыть отсюда, — сплунув, проворчал Кормак. — Чтобы добраться до Вулфера, нам придется обогнуть тот мыс, другого пути нет. Скалы там слишком крутые, мы не сможем через них перебраться. Может, это и к лучшему: собаки потеряют здесь наш след. Что с тобой, во имя богов?!

Грат покачнулся и рухнул вниз лицом, его раскинутые руки оказались в воде. Кормак мгновенно оказался рядом с ним и перевернул великана на спину, однако в глазах юта уже не было жизни. Свиристый оскал на его лице сменился маской вечного покоя. Кормак рванул

кольчугу, пытаясь услышать биение сердца, — сердце остановилось. Когда кельт отнял руку от груди друга, она была вся в крови, и он изумленно присвистнул. Как мог человек с такой ужасной раной возле самого сердца пробежать добрых полмили? Кормак горестно покачал головой. Собачий лай, прозвучавший где-то неподалеку, заставил его поспешить. Проклиная скоттов, он стянул с себя кольчугу, шлем, сбросил башмаки, потуже затянул пояс с висевшим на нем мечом и бросился в воду.

Залив окутывала предрассветная мгла. Вулфер расхаживал по палубе своего драккара, беспокойно поглядывая на воду. Но вот он услышал негромкий звук, примешавшийся к размеренному плеску волн, бьющихся о берег или о борт корабля. Негромко окликнув товарищей, он перегнулся через борт. Рядом с ним в темноту всматривались Марк и Донал. Из воды показался темный силуэт человека, которого можно было принять за призрак. Наконец окровавленный полуобнаженный Кормак Мак Арт выбрался из воды и перевалился через борт на палубу.

— Скорее на весла, волки, и в море. Сейчас здесь будет несколько сот дальриадийцев. Ведите судно на Шетлянды — сестру Геринта пикты отправили туда.

— А где Грат? — спросил Вулфер, и Кормак опустил голову.

— Забей в мачту бронзовый гвоздь. Теперь Геринт должен нам десять фунтов.

Печаль, мелькнувшая в его глазах, смягчила холодную жесткость этих слов.

5

Марк места себе не находил, метался по палубе драккара. Ветер наполнял паруса, гребцы дружно работали длинными веслами, и судно резво бежало по волнам, однако беспокойному бритту казалось, что они не двигаются с места.

— Почему пикт называл ее Атлантой? — воскликнул он, обращаясь к Кормаку. — Имя ее служанки и в самом деле Марсия, но где доказательства того, что вторая девушка — именно принцесса Елена?

— Какие тебе еще нужны доказательства? — отозвался кельт. — Неужели ты думаешь, что принцесса настолько глупа, чтобы признаться похитителям, кто она такая? Если бы пикты узнали, что в лапы к ним попала сестра Геринта, они потребовали бы выкуп в половину королевства.

— Этот пикт говорил о Лунной Жертве. Что это такое?

Вулфер и Кормак обменялись взглядами, затем Кормак взглянул на Марка, открыл было рот, но промолчал.

— Скажи, — посоветовал кельту Донал. — Лучше, если он будет знать.

— Пикты чтят странных и страшных богов, — произнес, наконец, Кормак, — и те, кто бороздит моря, кое-что знают об их обычаях, правда, Вулфер?

— Верно, — подтвердил викинг. — Немало наших друзей погибло на их алтарях.

— Один из этих богов — бог Луны Голка. В ночь Лунной жертвы ему приносят в жертву девушку знатного рода. Его мрачный черный алтарь стоит на пустынном острове в Шетляндах, его окружают каменные колонны вроде тех, что ты видел, наверное, в Стоунхендже. Вот на этом алтаре в полнолуние и совершается обряд жертвоприношения.

Марк вздрогнул и сжал кулаки так, что ногти впились в ладони.

— О боги Рима! Неужели такое возможно?

— Рим пал, его боги мертвы и нам уже не помогут, — мрачно отозвался Вулфер и поднял свой острый боевой топор. — Нам поможет оружие. Как только мои волки попадут в этот каменный круг, Голка получит такую жертву, о которой ему и не мечталось никогда!

— Парус справа по борту! — раздалось с наблюдательной площадки. Вулфер быстро повернулся на-

право, а в следующий момент все, кто был на палубе, увидели странный длинный и низкий корабль.

— Драккар, — пробурчал Кормак. — Летит нам наперсез под полными парусами.

В холодных голубых глазах рыжебородого юта полыхнула ярость. Зычным голосом он отдал несколько быстрых команд своим людям.

— Клянусь костями Тора, этот наглец получит свое! — воскликнул он.

Марк схватил юта за плечо:

— Ты предлагаешь драться с каждым пиратом, что повстречается нам на пути? — яростно крикнул юный бритт. — Ты согласился искать принцессу Елену и не имеешь права рисковать, особенно теперь, когда мы идем по четкому следу. Ты что же, готов все бросить на полпути в угоду своей любви к кровавым побоищам?

В глазах Вулфера сверкнуло бешенство.

— Это ты посмел указывать мне на моем корабле? — прорычал он. — Даже ради Геринта со всем его золотом я не покажу корму первому попавшемуся забияке. Он хочет драки, и он ее получит.

— Вулфер, Марк абсолютно прав, — вмешался Кормак. — Однако, клянусь кровью богов, уйти мы уже не успеем, придется драться. Они плывут прямо на нас, и уже отсюда видно, что на палубе готовятся к схватке.

— Все равно не ушли бы, — буркнул ют, но по выражению на его лице было ясно, что его это вполне устраивает. — Я узнал эту посудину. Это «Огненная женщина» моего смертельного врага Родда Торвальда. Она не уступает в скорости «Ворону» и мчалась бы за нами неотступно до самых Шетлянд, так что нас ждет переделка.

— Значит, надо быстро приготовиться к драке, — сказал Кормак. — На удачный таран у нас шансов мало, давай пойдем на абордаж.

— Я родился в морском бою, а драккары топил задолго до того, как узнал о твоём существовании, — огрызнулся Вулфер. — Я знаю, что надо делать. А тебе,

наренъ, — повернулся он к Марку, — приходилось бывать в таких стычках?

— Нет, но если я испугаюсь, можешь повесить меня на носу твоего драккара, — со злостью ответил бритт.

Вулфер отвернулся, скрывая довольную ухмылку.

В те далекие времена не было принято маневрировать, да и корабли викингов гораздо позже стали поворотливыми. Длинные низкие драккары мчались навстречу друг другу, и их команды, толпившиеся на палубах, осыпали друг друга проклятиями.

Марк огляделся по сторонам. Вокруг него были оскаленные, с горящими ненавистью глазами лица ютов. Тогда он взглянул вперед, туда, где на палубе вражеского корабля стояла стена светлоглазых светловолосых викингов. Многие из них угрожающе били мечами по щитам, скаля зубы. Молодой бритт невольно поежился, но не от страха, а от того, что ему стало не по себе, как стало бы не по себе любому человеку, встретившему стаю голодных волков.

Когда корабли сблизились на достаточное расстояние, в обе стороны градом полетели стрелы. В стрельбе из лука люди Вулфера имели явное преимущество, они были прославленными лучниками в северных морях. Их противники так же, как и саксы, плохо владели искусством стрельбы из лука, и стрелы не причинили никакого вреда команде «Ворона». На драккаре неприятеля Марк насчитал уже четверых упавших. Было похоже, что в числе погибших оказался рулевой: корабль неожиданно повернул и стал описывать широкую дугу вокруг «Ворона». Марк увидел, как к рулю бросился высокий светловолосый викинг, и понял, что это сам капитан Родд Торвальд. Ему удалось вернуть корабль на прежний курс. Еще несколько мгновений, и драккары с треском ударились борт о борт.

Над водой разнесся многоголосый рев викингов, и вскоре морские волны обагрились кровью. Все смешалось. С обеих сторон полетели abordажные крюки, намертво сцепляя корабли. Каждый стремился ока-

заться на палубе врага и занять выгодную позицию. Марк сцепился с каким-то желтоглазым великаном, и, пытаясь оторвать его от борта, увидел через плечо противника Родда Торвальда, бросившего руль и устремившегося к борту. Марку удалось, извернувшись, перерезать своим длинным мечом горло викинга, и он уже занес ногу на борт, как Родд подскочил к нему и занес свой меч. От неминуемой гибели Марка спас внезапно появившийся перед ним щит — это менестрель Донал успел спасти юноше жизнь.

Неподалеку на палубе Вулфер широким движением смертоносного топора расчистил себе путь, и в следующее мгновение он уже стоял на палубе «Огненной женщины». Следом за ним на палубу чужого корабля прыгнули Кормак, Торфин, Эдрик и Снорри. Бедняга Снорри погиб, едва его ноги успели коснуться чужой палубы, секундой позже топор викинга раскроил голову Эдрика. Однако оборона викингов была сломлена, и люди Вулфера волной хлынули на палубу вражеского драккара.

На скользкой от крови палубе в смертельной схватке сшиблись вожаки. Топор Вулфера смахнул наконец копья Родда Торвальда, однако Вулфер не успел нанести второй удар. Торвальд выхватил меч из чьей-то мертвой руки и ткнул им в грудь Вулфера. Кольчуга Вулфера в одно мгновение окрасилась кровью, однако он с безумным ревом двумя руками поднял над головой свой топор и со всей силой опустил его на плечо Торвальда. Топор как нож в масло прошел сквозь железный панцирь, и Родд Торвальд упал к ногам рыжебородого юта, разрубленный почти надвое.

Среди людей Вулфера раздались победные крики. Однако викинги дрались отчаянно: они знали, что побежденным пощады не будет. Марк оказался в самой гуще, бок о бок с ним дрался Донал. Марк безумствовал — мысль о том, что они тратят на этих пиратов драгоценное время, тогда как принцесса Елена где-то ждет спасения, приводила его в неистовство. Эти проклятые пираты отвлекли Вулфера, и пока они дерутся, Елена

может погибнуть. От этой мысли глаза юноши заволокли красная пелена. Огромный викинг выбил щит из его руки, но Марк, казалось, даже не заметил этого.

— О боги! — вздохнул, взглянув на него, Кормак. — Никогда не слышал, чтобы римляне становились берсеркерами, но...

Рука Марка двигалась мерно, словно часть неумолимого механизма, а глаза неотрывно смотрели на медальон, висевший на бычьей шее одного из пиратов. Чей-то меч угодил в его шлем, однако юноша даже не заметил этого. Медальон словно загипнотизировал его и заставил с новыми силами обрушиться на врага. Этот медальон на золотой цепочке был выкован из золота, а на его крышке красовался рубин, похожий на лист аканта. С леденящим душу криком Марк обрушился на пирата, посмеявшегося завладеть этой драгоценной реликвией. Он даже не успел понять, что стальное лезвие его меча пронзило насквозь тело противника.

Упав на колени, Марк сорвал медальон с безжизненного тела и поднес его к губам. Тут же, словно опомнившись, он потрянул умирающего викинга за плечо.

— Говори правду! — выкрикнул он на языке англов, который должен был понимать викинг. — Перед лицом смерти скажи правду: откуда у тебя этот медальон?!

Глаза пирата уже закатывались, но последним усилием воли он проговорил:

— Одна из тех девушек... на... лодке у пиктов...

— Что вы с ними сделали?! — Марк изо всех сил встряхнул обмякшее тело.

К ним подскочил Кормак и тоже бросился на колени рядом с Марком, мгновение спустя к ним присоединился Донал, и все они склонились над умирающим пиратом.

— Мы продали их... — прошептал тот, — Торлейфу, сыну Хорди за... — Глаза пирата закатились, и его голова стукнулась о доски палубы. Марк в отчаянии взглянул на Донала.

— Ты видишь, Донал, — воскликнул он, потрясая медальоном. — Ты видишь? Это медальон Елены, я сам ей его подарил! Они с Марсией были на этом корабле! А теперь... Кто такой Торлейф, сын Хорди?

— Успокойся, — произнес Кормак. — Это пират из северян, угнездившийся на Гебридах. Не теряй надежды. Если Елена попала к викингам, то она сейчас в большей безопасности, чем была бы, останься она в лапах дикарей из Хьятленда.

— Но теперь нам нельзя терять времени! Боги послали нам эту весть, и если мы опоздаем, то можем опять потерять след!

Палуба и нос драккара были свободны, хоть и залиты кровью, но на корме еще кипела схватка. В морских битвах того времени не было принято щадить противника, и юты добивали викингов. Никому из побежденных и в голову не приходило молить о пощаде, они дрались до последнего дыхания.

Кормак обошел тела убитых и умирающих и с трудом прорубился к Вулферу. Тот, забыв обо всем на свете, орудовал своим смертоносным боевым топором. Кормак с огромным трудом оттащил Вулфера в сторону.

— Угомонись, старый волк! — выкрикнул он. — Мы победили, Родд Торвальд мертв. Стоит ли тупить об этих дурней добрую сталь?

— Я не сойду с этой палубы, пока кто-то из них жив! — рявкнул разгоряченный битвой ют. Кормак рассмеялся.

— Остынь! Этот бой не последний. Прежде чем мы их перебьём, они отправят к праотцам еще двух-трех наших, а сейчас нам нужен каждый. Только что умирающий болван сказал, что принцесса в поместье Торлейфа, сына Хорди, на Гебридах.

Вулфер широко ухмыльнулся. В списке его врагов числились почти все вожаки викингов.

— Это правда? Эй, волки! Бросайте этих крыс! Пусть себе тонут или плывут, куда хотят. Мы идем на Торлейфа, сына Хорди!

Ругаясь во весь голос, он вновь окунулся в водоворот сражения и по одному вытолкал своих людей с «Огненной женщины». Оставшиеся в живых и истекающие кровью пираты Торвальда недоуменно смотрели вслед победителям; вся палуба была сплошь покрыта трупами и сломанным оружием.

— Эй вы, жалкие крысы! — выкрикнул на прощание Вулфер. Гребцы на «Вороне» уже взялись за весла. — Оставляю вам ваше корыто и падаль впридачу! Делайте, что хотите, и благодарите Тора за то, что я вас пощадил!

Побежденные молчали, хмуро глядя на победителей, затем один из викингов, рослый утрюмый воин, выкрикнул в ответ, потрясая окровавленным топором:

— Придет день, и ты, Головорез, проклянешь Тора за то, что оставил в живых Хальфгара по прозвищу Волчий Клык!

Несколько позже Вулферу пришлось вспомнить это имя, но сейчас он хохотал и издевался над викингами, оставшимися на борту вражеского драккара. Кормак пытался его успокоить.

— Не стоит оскорблять побежденных, — говорил он. — И, кроме того, ты ранен, тебя надо бы перевязать. Дай-ка, я займусь твоей раной.

Марк молчал и не сводил глаз с медальона. После битвы он чувствовал безмерную усталость, однако его одолевали тревожные мысли. Он пытался постичь собственную душу: ведь нескольких мгновений оказалось достаточно, чтобы он лишился трезвости и рассудительности, унаследованных его родом три сотни лет назад от римских офицеров. Все подмяла под себя первобытная кельтская ярость, та самая, которая остановила когда-то великого Цезаря. В этой схватке он стал одним из окружавших его дикарей. Юноша чувствовал, что он, как и весь остальной, римский некогда, мир, возвращается в лоно, породившее быт его предков. И не тех, что жили три столетия назад, а куда более древних, общих с Головорезом Вулфером.

— Отсюда уже рукой подать до Калджорна, где Торлейф, сын Хорди, выстроил свою усадьбу,— сказал Кормак и посмотрел на мачту, в которой торчали шестнадцать бронзовых гвоздей.

Северяне постепенно заселяли Гебридские и Оркадские острова, устраивались и на Шетляндах. Однако их стоянки еще не выглядели настоящими поселениями, а были обыкновенными пиратскими лагерями.

— У Торлейфа четыре корабля и сотни три воинов,— продолжал Кормак.— А у нас только «Ворон» и неполная сотня. Поэтому мы не сможем взяться за дело так, как любит Вулфер: сойти на берег и сжечь все, что горит. Да и не удастся так просто вырвать у Торлейфа такую добычу, как принцесса Елена. Надо будет действовать хитростью.

— Вот что пришло мне в голову: стоянка Торлейфа на восточной стороне острова Калджорн, а островок этот совсем небольшой. Мы подойдем к нему ночью и с запада, там полно отвесных скал, за которыми можно будет до поры спрятать драккар. Люди Торлейфа обычно там не шаяются. Я сойду на берег и попытаюсь отыскать принцессу.

Вулфер рассмеялся.

— Здесь тебе придется потруднее, чем со скоттами. У тебя на носу написано, что ты кельт, не успеешь и шагу ступить, как они вырежут ремни из твоей шкуры.

— Вот увидишь, я заползу к ним, как змея, и они понятия об этом иметь не будут,— отозвался Кормак.— Твои северяне считают себя большими хитрецами, поэтому их будет не трудно обвести вокруг пальца.

— Я пойду с тобой,— сказал Марк.— На этот раз я не собираюсь отсиживаться в стороне.

— А мне, значит, останется грызть когти на западном побережье,— проворчал Вулфер.

— Погодите-ка,— вмешался Донал.— Мне кажется, Кормак, что мой план будет лучше твоего.

— Тот план или этот, не все ли равно? — сказал Вулфер. — Надо застать Торлейфа врасплох и напасть на него.

— Если бы ты дал себе труд *задуматься*, ты бы такого не сказал, — ядовито ответил ему Кормак. Он один мог себе позволить разговаривать с вожакom таким тоном. — Собаки Торлейфа почуют нас издали и поднимут такой лай, что мертвеца разбудят, а не то что дружинников. Что ты хотел предложить, Донал?

— Собака может залаять и на змею, — произнес арфист. — Однако если она залает на раба из бриттов, то никто из викингов не обратит на это внимания. На Калджорне наверняка не меньше рабов, чем самих пиратов, так что бритт, одетый в лохмотья, не вызовет никаких подозрений. Я мог бы пробраться в их лагерь под видом раба и попытаться разузнать все, что нам нужно, чтобы вызволить принцессу Елену.

— Рабы сразу заметят чужака, — сказал Кормак. — Как ты можешь быть уверен, что они не выдадут тебя? Вовсе не все пленники попали к Торлейфу из земли Геринта, а даже если бы это было так — не все подданные относятся к Геринту одинаково. Он был бы не королем, а святым, если бы пользовался всеобщей любовью.

— Я и не говорю о всеобщей любви к Геринту, — ответил Донал. — Но наверняка все пленники Торлейфа ненавидят варваров, обративших их в рабство. Так что никто меня не выдаст, хотя они, конечно, и поймут сразу, что я чужак. Но они наверняка поймут и то, что я не желаю добра их хозяину.

Кормак, Вулфер и Марк переглянулись. Марк открыл было рот, но не нашел, что сказать. Кормак, коротко рассмеявшись, похлопал Донала по плечу.

— Так и быть, арфист, — сказал он. — Мы высадим тебя на западной окраине острова и будем ждать твоего возвращения.

— Но если окажется, что собаки Торлейфа спят по ночам... Вулфер потряс своим огромным топором. — Тогда уж будем действовать по-моему.

Холодный и колючий ветер с моря пронизывал Кормака и тех, кто вместе с ним всматривался в темноту, до самых костей. Пятьдесят гребцов на «Вороне» дремали, не выпуская из рук весел, готовые в любой момент к отплытию в случае опасности. Кормак с Вулфером и десятком людей дожидались возвращения Донала.

— Он может не вернуться сегодня, — с горечью сказал Марк, кутаясь в шерстяной плащ.

— Из трех дней, о которых мы с Доналом условились, остался еще один, — отозвался Кормак. — Не горячись. Нетерпение никогда не сослужит доброй службы.

— Да уж, — буркнул Вулфер, обтирая топоролой куртку.

— Это очень плохо, что ее захватил именно Торлейф, — неожиданно высказал Марк то, что его мучило. — Два года назад на нас напал его брат Ролл. Наша конница преградила путь викингам, когда они возвращались с добычей. Мы тогда перебили их всех.

Кормак взглянул на римлянина.

— Да, я слышал об этом, — произнес он. — Они с Торлейфом были близнецами, хотя и непохожими друг на друга. Ролл был коренаст и светловолос, а Торлейф очень высокого роста, и волосы у него такие же темные, как у меня.

— Торлейф отправил своего племянника Рольфа, сына Ролла, чтобы выкупить тело и похоронить его по их языческим обрядам, — продолжал Марк, — однако было уже поздно. Мы сбросили трупы в реку, как только закончилась схватка.

Вулфер удивленно покачал головой.

— Значит, их тела обглодали угри? Что ж, если бы Ролла убил я, то поступил бы так же. И Торлейфа ждет та же участь, если только боги будут милостивы ко мне.

— Ты сказал *мы*, — переспросил Кормак. — Это что же, люди Геринта?

— Я и мои люди! — воскликнул Марк. — А как еще следовало поступить с этими бандитами, которые грабили и резали наших людей, как скот?!

— Ну, что сделано, то сделано, — сказал Кормак. — Но Елена поступила мудро, назвавшись другим именем. Вулфер усмехнулся.

— Да уж! — сказал он. — Если бы Торлейф узнал, кто она на самом деле, то лучшее, на что она могла бы надеяться, это то, что он отдал бы ее на забаву сразу всем своим воинам.

— Тсс! — Кормак приложил палец к губам. — Сюда кто-то идет.

Ночь выдалась безлунная, с моря дул пронизывающий ветер. Вулфер и Марк увидели чью-то тень уже в пятидесяти ярдах. Человек направлялся в их сторону, ветер пытался свалить его с ног.

Негромко лязгнули мечи, которые Марк и Кормак выхватили из ножен.

— Это я, — услышали они голос Донала. — Впрочем, если вы сомневаетесь, то я останусь здесь, а вы подойдите и убедитесь.

— Не валяй дурака, Донал, — с нескрываемой радостью ответил Кормак. — Иди сюда скорее! Какие новости ты нам принес?

— Новостей достаточно, — сказал менестрель, подойдя к пиратам. — Только давайте я расскажу все на «Вороне» в теплом трюме.

На нем был плащ с капюшоном и грубые серые штаны, босые ноги до самых колен облепила грязь.

— Пстой! — озабоченно проговорил Кормак. — Погони за тобой нет?

— Как будто нет, — ответил Донал, тяжело дыша. Его рубаха была мокрой от пота, несмотря на ледяной ветер. Пройти через весь остров под покровом безлунной ночи оказалось делом нелегким, хотя менестреля не обременяли ни доспехи, ни оружие.

— Тогда подождем здесь часок-другой, — сказал Вулфер. — Мы потеряем гораздо больше времени, если попытаемся отчалить до рассвета.

— Ты прав, — согласился Кормак, протягивая Доналу бурдюк бриттского пива. — И время потеряем, да

и кого-нибудь из людей можем больше не увидеть — свалится за борт в темноте на таком ветру, и поминай, как звали. Так что выкладывай свои новости, менестрель.

Донал утолил жажду и заговорил.

— Атланта и в самом деле находится в лагере Торлейфа. Ее охраняют две женщины и два вооруженных викинга. На ночь ее спальню запирают снаружи. Торлейф уверен, что получит за нее большой выкуп.

— Так значит, они знают, кто она такая? — воскликнул Вулфер.

— Нет, — покачал головой Донал. — Атланта сказала ему, что она дочь Артура, копящего короля Ютера. Так что в ближайшее время послы Торлейфа отправятся на юг, в Дамнонию для переговоров.

— А когда они вернутся, выяснив, что она солгала, — горячо воскликнул Марк, — Торлейф подвергнет ее служанку, а может быть, и саму Елену страшным пыткам, чтобы узнать правду! Мы должны спасти ее!

— Раз ее запирают в спальне, мы не сможем напасть на них ночью, — хмуро отозвался Кормак. — Все, на что мы способны, — это огонь, а тогда девушка наверняка сгорит вместе с теми, кто сторожит ее.

— Торлейф не будет пытать служанку Атланти, — сказал Донал. — Сын Ролла Рольф, племянник Торлейфа, увез девушку из лагеря на корабле, на котором викинги обычно добираются до континента. Они отплыли прошлой ночью, так что все вокруг только диву дались. Рольф у Торлейфа вместо сына, так что никто не посмел перечить, раз парню захотелось развлечься со служанкой.

Донал держал в левой руке бурдюк с пивом, словно арфу, сам этого не замечая. Он уже успел вспомнить, что он королевский менестрель, и рассказывал, словно хотел потешить пиратов сказкой.

— Мы можем захватить Рольфа в плен! — сказал Марк. — Предложим его дядюшке обменять его на Елену, жизнь на жизнь. От *такого* выкупа Торлейф не сможет отказаться, будь она хоть дочерью Геринта!

— Ничего не выйдет! — почти весело ответил Донал. — Елена вовсе не пленница Торлейфа.

— Что ты говоришь?! — потрясенно воскликнул Марк.

Кормак взял Донала за подбородок и пристально всмотрелся в его лицо. — В плену у Торлейфа Марсия, одетая в платье своей госпожи и украшенная ее драгоценностями, — проговорил он. — Я правильно угадал, менестрель?

— Да, — ответил Донал. — Я бы и сам сейчас рассказал. — Он погладил подбородок.

— В следующий раз не увлекайся так, а то суть твоего рассказа может ускользнуть, — сказал Кормак. — Но вообще-то ты молодец. Я горжусь тем, что дружен с тобой.

— Этого-то я и боялся! — упавшим голосом проговорил Марк. — Конечно, Рольф узнал Елену — ведь он видел ее тогда, два года назад. Но почему он увез ее, а не выдал дяде?

Кормак пожал плечами. На востоке небо начинало светлеть.

— Давайте-ка возвращаться на корабль, — сказал он. — Когда доберемся до «Ворона», будет уже достаточно светло, чтобы отчалить. Не будем терять времени.

На лице Марка было написано отчаяние.

— Блеск золота способен ослепить кого угодно, Марк, — обратился к бритту Донал. — Рольф прекрасно понимает, что его дядя не согласится принять выкуп за сестру Геринта. Парень, видно, решил сам получить состояние и отделиться от дяди.

Позади них послышался глухой звук удара. Кормак выхватил меч.

— Вулфер! — окликнул он. — Вулфер!

Огромный ют шел за ними, на ходу вытирая окровавленный топор.

— Один мерзавец все же шел за Доналом от самого лагеря, — удовлетворенно сказал он. — Было бы досадно навестить Торлейфа и не дать работы моему топору.

Четверо гребцов на корме и двое рядом с Кормаком на носу размеренно взмахивали веслами, и «Ворон» плавно скользил вдоль лесистого берега.

— Мы что, входим в эту реку? — крикнул Вулфер от рулевого весла.

Весной, когда в верховьях реки таяли снега, течение здесь было, наверное, бурным. Но сейчас река несла свои воды так сонно и лениво, что камыши возле берегов, казалось, даже не шевелились. Ничто не указывало на то, что здесь прошел корабль, однако если Рольф владел определенным мастерством, то он мог провести свой легкий ял так, что он не задел камышовые заросли.

— Нет, не будем рисковать... — начал было Кормак, но тут его острые глаза увидели в небольшом водовороте клочок белой ткани. — Да, клянусь дьяволом! — воскликнул он. — Они, должно быть, оставались здесь прошлой ночью. Войдем, только осторожнее. Только бы не сесть на мель!

Гребцы с правого борта налегли на весла, разворачивая драккар. По команде Вулфера люди перебежали с носа на корму, и «Ворон» вошел в устье. Теперь гребцы на корме бросили весла и перебрались на нос. Однако, несмотря на этот маневр, корабль царапнул килем дно.

Когда опасность сесть на мель миновала, Кормак, перегнувшись через борт, веслом достал из водоворота вещь, которая привлекла его внимание. Это был полотняный пояс, не очень умело расшитый узором из цветов. Пиктские женщины такого не носили. Однако этот пояс был слишком прост для жены какого-нибудь вожака. Те, кто был побогаче, позволяли себе носить пояса из кожи, а этот пояс вполне мог принадлежать служанке Елены.

«Ворон» прошел опасный поворот, и Кормак командовал:

— Гребите к берегу! Мы их нашли!

Одномачтовый скандинавский ял был вытащен так далеко на берег, как только его можно было вытащить в одиночку. С подветренного борта было устроено ложе, рядом остывшая кучка углей.

Рольф со своей пленницей был здесь. Причина, заставившая их покинуть судно, бросалась в глаза: у противоположного борта лежало тело пикта, пронзенное широким мечом викинга. Из леса до слуха Кормака допелся лязг оружия и отчаянный крик.

— Вперед! — воскликнул кельт. — Десять человек пусть останутся на корабле, остальные со мной, иначе весь наш риск может не оправдаться!

Звуки битвы внезапно стихли. Еще один крик разнесся над лесом и оборвался: видимо, раненому не хватало дыхания. Кормак и следом за ним викинги бежали, подгоняемые яростью, по следу. Кормак отбросил всякую осторожность — только бы не опоздать! Увидев двух мертвых пиктов, он на мгновение остановился как вкопанный.

Берег был болотистым, под ногами хлопала болотная жижа. Видимо, Рольф с девушкой, отразив нападение, бросились бежать в надежде добраться до твердой земли и где-нибудь укрыться. Ярдах в ста от реки им действительно удалось найти убежище.

В крутом известняковом откосе на высоте шести футов над землей постоянные ветры выдули широкую выемку. В этом углублении стоял залитый кровью светловолосый викинг и с яростью загнанного зверя смотрел вниз. Откос окружали десятка три пиктов. Их предводитель — вождь или жрец — потрясал жезлом, на который был насажен череп с хрусталем в глазницах.

Выемка в известняке была неглубокой. Викинг мог стоять во весь рост только у самого ее края. За его спиной пряталась девушка, лицо которой удивительно напоминало лицо короля Геринта. В окровавленной руке она крепко сжимала кинжал.

Белый известняк был забрызган кровью, у подножия откоса лежало несколько раненых или убитых

пиктов. Рольф, а это был он, унаследовал от отца широкие плечи и был отличным бойцом.

Его тело защищала только легкая кольчуга, щит остался на корабле, когда внезапно напали пикты. Половина пиктов была вооружена луками. Когда их товарищи отступили от смертоносного меча викинга, лучники дружно выстрелили.

Легкие стрелы пиктов не могли пробить кольчугу, но руки и ноги Рольфа не были защищены, а одна из стрел впилась в его правую щеку. Рольф обломал ее древко, оставив в щеке зазубренный наконечник.

Пикты продолжали осыпая юношу стрелами, еще немного — и он истечет кровью из многочисленных ран.

Все это Кормак увидел в одно мгновение. Он со своими людьми был уже не более чем в двадцати шагах от места схватки. Однако ни викинг, ни пикты еще не увидели их. Рольф с решимостью безумца бросился с откоса вниз на своих врагов.

Ему навстречу шагнул пикт с длинным копьем и тут же нашел свою смерть — он упал, перерубленный надвое яростным ударом меча юного викинга. Однако остальные тут же налетели на Рольфа, точно пчелы на медведя, один из них подло ударил викинга ножом в спину.

Одним прыжком Кормак оказался рядом с пиктом и снес его голову с плеч, пираты бросились на пиктов. Кормак взглянул на Елену — к беззащитной девушке подбирались три пикта. Кельт мощным ударом меча перерубил одному из них хребет. Второй удар рассек панцирь второго пикта и разрубил его тело от плеча почти до пояса. Третий пикт обернулся и с кошачьим проворством метнул копье прямо в лицо Кормака.

Кельт увернулся, и копье просвистело возле его левого уха. Кормак не успел поднять меч — пикт замертво свалился ему под ноги с кинжалом между ребрами. Елена едва удержалась на краю выемки — с такой силой она ударила ненавистного пикта.

Кормак опустил меч и оглянулся. Схватка закончилась. Уцелевшие пикты бежали в лес. Вулфер сви-

репо оглядывал поле битвы, но на этот раз на его тополе не было ни единого пятнышка крови. Он стоял у руля на «Вороне», потому и добежал до места схватки, когда она уже была закончена.

— Спускайся, девочка, — обратился Кормак к принцессе и протянул руку, чтобы помочь ей. — Мы выполняем повеление твоего брата. Теперь мы доставим тебя прямо к нему и получим золото, которое он нам пообещал за твое спасение.

На миг Елена заколебалась, потом подала ему окровавленную руку и легко прыгнула на землю.

— Елена! — воскликнул Марк. В руке у него был жезл вожака пиктов, которого он убил своими руками. — Любимая, ты ранена?

Девушка, не обращая никакого внимания на жениха, порывисто шагнула туда, где двое ютов оттащивали от Рольфа тела убитых пиктов. — Похоже, северянин жив, — сказал один из них.

— Это нетрудно исправить, — Вулфер поднял над головой топор.

— Нет! — отчаянно вскрикнула Елена. Она бросилась на землю и прижалась к залитой кровью кольчуге Рольфа, потом повернулась к своим спасителям с искаженным от ярости лицом.

— Это Рольф меня спас! — выкрикнула она. — Он знал, что может сделать со мной его дядя, если только узнает, кто я такая. Рольф хотел отвезти меня к брату, и не за деньги, а во имя нашей любви. Пикты обещали сохранить ему жизнь, если он вернет меня для их Луишой Жертвы. Вы видите, что он им на это ответил! — Девушка кивнула на убитых пиктов.

— Она сама не знает, что говорит! — вырвалось у Марка. — От того, что ей пришлось пережить, у нее помутился рассудок.

— Принцесса! — обратился к ней Донал. Меч в его руке выглядел нелепо. — Принцесса, Рольф прекрасно понимал, что пикты не пощадят его, даже если он выполнит их требование. Он спасал себя, а не тебя.

— Чем они клялись, девочка? — спросил Вулфер. Топор он все еще держал в руках. — Должно быть, могилами своих матерей? Это их любимая клятва.

— Их жрец поклялся Голкой, богом Луны, — ответила она. — Он поклялся, что луна остановит кровь в его жилах, если он не отпустит Рольфа живым и невредимым.

Вулфер взглянул на Кормака, приподняв бровь. Кельт кивнул.

— Такую клятву пикты должны были сдержать, — произнес он. — Рольф, конечно, это знал не хуже нас. Поднимись, принцесса. Он молод и полон сил, а его раны не столь глубоки, чтобы отнять у него жизнь. Но его нужно побыстрее перевязать.

Девушка благодарно взглянула на Кормака и поднялась.

— Значит, я должен оставить этого храбреца, моего кровного врага, в живых? Так, что ли, кельт? — спросил Вулфер.

— Да, — твердо ответил Кормака, глядя ему в глаза. Ют вздохнул.

— Бьорн, ты лучше всех знаком с искусством врачевания. Сделай все возможное, чтобы спасти этого молодца.

— А что делать с ним потом? — растерянно произнес Марк. Он обвел взглядом своих товарищей, избегая смотреть на бледное лицо Елены. — Отнесем его к его кораблю и оставим там?

— Рольф отправится с нами, — сказала Елена. — Вулфер хмыкнул. Девушка вспыхнула и опустила глаза, затем решительно вскинула голову и продолжила: — Мы с ним так решили. Если мой брат благословит нас, я выйду замуж за Рольфа. А если Герингу будет угодно по-другому распорядиться его судьбой, я все равно останусь с ним.

— Ну, это нас уже не касается, — сказал Кормака. — Главное — вернуть тебя брату.

— Принцесса, ты сошла с ума! — воскликнул Марк. — А как же обещание, которое ты дала мне?

— Тебе его дал мой брат! — ответила Елена. — Мы с Рольфом любим друг друга с тех пор, как встретились два года назад!

— Два года назад, после того, как его отец залил кровью нашу землю! А своих сыновей, когда они вырастут, ты отправишь на юг, чтобы они продолжили то, что начал их дед?

— Время кровопролитий когда-нибудь должно закончиться, — просто сказала девушка. Она опять покраснела, но это была краска гнева, а не стыда. — Если я могу приблизить этот день, выйдя замуж за человека, который любит меня, который рисковал жизнью ради моего спасения, — пусть будет так, Марк. Пусть будет так!

Марк еще не успел убрать в ножны меч, на котором уже засыхала кровь жреца пиктов. Словно в беспамятстве, он занес меч над Еленой. Донал хотел схватить бритту, но наткнулся на руку Кормака.

На голову Марка опустился топор Вулфера. Бритт выронил меч, его тело обмякло, однако упал он не сразу, а только когда ют освободил топор.

Елена, оцепенев от ужаса, смотрела на Вулфера. Он оторвал полосу от плаща Марка и вытер свое страшное оружие, затем спокойно произнес:

— За тебя, девочка, мы должны получить сотню фунтов золотом. Разве я мог позволить кому бы то ни было лишить нас обещанной награды?

Кормак взглянул на тело Марка и произнес:

— Его время прошло. Может быть, он и сам успел это понять. Однако мы отвезем тело его воинам и скажем им, что он погиб, как герой, окруженный бешеными пиктами.

Елена опустилась на колени и разрыдалась. Она бессознательно гладила руку Рольфа. Донал вздохнул и убрал в ножны свой меч.

— Хо! — воскликнул Кормак, оглядев молчавших пиратов. — Пора нам, братцы, возвращаться на корабль. Не станем же мы здесь дожидаться, пока Торлейф обнаружит, что его провели!

КРАЙ, ГДЕ ЗАХОДИТ СОЛНЦЕ

-Дружнее! — крикнул Кормак Мак Арт, стоя возле рулевого весла на носу корабля, но штормовой ветер отнес его команду в сторону, и тридцать пар викингов, сидевших на веслах, не услышали ее.

На правых шкапцах капитан Вульфер Головорез налегал на весло всей тяжестью своего массивного тела. Вспышки молний отражались от его блестящего шлема, от огромного ютского лука, который Вульфер не снял даже сейчас; рыжая борода капитана развевалась на ветру.

— Дружнее! — опять скомандовал Кормак, но ветер вновь оборвал его крик и унес в штормовое море. Кормаку приходилось удерживать тяжелое сосновое весло футов девятнадцати длиной — оно выворачивалось из его рук, будто живое.

Викинги хотели потрещать поселения саксов именно в это время, когда те не ждали никаких нападений, и потому сейчас им пришлось вести рискованную игру с непогодой. Шторм пришел с северо-востока и обрушился на корабль, швыряя его вверх и вниз по волнам, как скорлупку.

Это был настоящий шторм. Драккар летел по морю, послушный воле свирепого ветра, однако даже грозная сила стихии не могла так просто сокрушить это крепкое судно, управляемое сильной и мужественной командой. Пираты знали: они должны выбраться из этого шторма, чтобы благополучно вернуться в Англию и там приняться за привычный разбой и грабежи с удвоенной яростью.

А пока ветер и волны пытались отправить судно прямо в преисподнюю. На пиратов повеяло грозное дыхание неотвратимой гибели, им уже стало казаться, что перед кораблем разверзлись врата ада.

— Дружнее! — опять выкрикнул Кормак, приподнимаясь. Кельту становилось все труднее управляться с носовым веслом — оно было длиннее и тяжелее всех остальных весел и сейчас с силой вырывалось из уключины. Красно-зеленые вспышки молний на добрую сотню футов освещали разбушевавшееся море вокруг корабля. Нос драккара задрался на высокой волне; корму едва не захлестнуло очередным ревущим валом.

Юты были опытными, закаленными в битвах викингами — все они сотни раз встречались лицом к лицу со смертью среди дикой пляски мечей и топоров. Кормак считал, что нет на свете силы, способной сломить дух его боевых товарищей, однако сейчас он ясно видел, что многие из них уже вверили свою жизнь судьбе; ими овладела апатия; они сидели на скамьях, бесстрастно поднимая и опуская весла, и в глазах у них застыло покорное ожидание гибели.

И все же, пока эти крепкие и мужественные люди продолжали работать веслами, оставалась надежда на спасение — ведь обычно в спокойную погоду пираты вели свой драккар по морю быстрее, чем человек бежал по ровной дороге... Сейчас судно медленно двигалось к краю штормового круга.

Весло капитана Вулфера было длиной около десяти футов, его вырезали из сердцевины могучего дуба, и сейчас, чтобы справиться с ним, юту пришлось

перегнуться через борт. Кормак видел перекошенное лицо друга с открытым ртом: Головорез изрыгал яро-стные проклятия морским демонам, алчущим гибели корабля и всей команды; он был ужасен в неестествен-ном красно-зеленом свете молний с растрепанной рыжей бородой.

— Друж...

Кормак оборвал команду и на миг замер на месте. Его названный брат, его самый верный, самый близкий друг, не раз стоявший с ним спиной к спине в кровавых схватках, Вулфер вдруг перелетел через борт драккара. Тяжелое дубовое весло не сломалось в могучих руках, но лопнул тугой узел, державший его в уключине.

Продолжая сжимать оторванный румпель, с вы-ражением несказанного изумления на лице ют ныр-нул головой в волну. Кормак в ужасе дрогнул: он знал, что этот огромный бесстрашный человек, рожденный на морском берегу и ставший пиратом чуть ли не в двена-дцатилетнем возрасте, плавать умел не лучше, чем летать.

Викинги вскрикнули в один голос. Кормак, не раздумывая более, кинулся к борту, бросив свое вес-ло. Так же, как Вулфер, как другие пираты, он был в кольчуге и латах, готовый к любой неожиданности, только не к той, что случилась. Викинги всегда ждали схватки, тем более сейчас, когда слепая ярость штор-ма могла столкнуть их драккар с другим кораблем. Друзей в морях у них не было, поэтому такая встреча означала неминуемую битву.

Теперь же меч Кормака, стальной тяжелый шлем и отличная римская кольчуга сослужили ему недобрую службу: они тянули его вниз, в пучину, они сковыва-ли его, словно цепями. Кельт погрузился в воду.

Он старался не выпускать из виду тонущего Вул-фера. В руках ют все еще сжимал дубовое рулевое вес-ло, однако оно не могло удержать на поверхности его огромное тяжелое тело.

Три мощных гребка — и Кормак оказался рядом с Вулфером. Он схватил друга за край железного на-

грудника. Течение под ними было таким же сильным, как поток воды, что заставляет вертеться мельничное колесо.

Яркая вспышка осветила бушующие волны, а в следующее мгновение сплошная тьма окутала обоих пиратов. Голова у Кормака закружилась; он вдохнул последний раз и захлебнулся соленой холодной водой. Потом все погрузилось в небытие — всякие чувства и мысли исчезли.

...Возвращение к жизни произошло почти мгновенно. Кормак открыл глаза и некоторое время лежал не двигаясь. Под ним — он хорошо это чувствовал — был холодный каменный пол; из проемов между колоннами и из окон сверху струился пурпурно-зеленый свет.

Кормак поднялся. Одновременно рядом с ним встал и Вулфер — его башмаки, подбитые железом, клацнули по каменной плите пола. Молча друзья повернулись спиной к спине, на расстоянии длины меча друг от друга, и начали оглядывать зал, в котором оказались. При этом ют снял с пояса свое излюбленное оружие — боевую секиру, а Кормак обнажил меч.

— Куда это мы попали? — проворчал Вулфер.

Над ними возвышался купол диаметром в добрых триста футов, покрытый золотом (если только глаза не обманывал жуткий сверхъестественный свет). Его поддерживали шестнадцать огромных колонн, выстроенных попарно. Сами колонны были из желтого с красноватыми прожилками мрамора, с дорическими остроконечными желобками, а их основания и капители украшали узоры из серебра.

Купол поднимался лишь над одной частью огромного здания неправильной формы. Вторая его часть представляла собой нечто вроде внутреннего двора с колоннадой. Все это великолепие было окутано совершенной тишиной.

Кормак вновь оглядел пол, выложенный скромными черными и белыми шестиугольниками, которые скреплялись между собой золотыми полосами. На

фоне их желтые мраморные колонны с красными прожилками выглядели очень нарядно и величественно, хотя странный свет придавал всей картине чрезвычайную загадочность.

Под сводами этого огромного строения царил дух древности.

— Что это за место? — крикнул Вулфер, и зычный голос его отозвался гулким эхом, загудев под куполом среди колонн.

И в этот момент у входа в зал появились люди. Их было около ста — мужчины, женщины, дети и старики. Одетые в грязное тряпье, они робко жались друг к другу и были до того малорослы и смуглы, что в первый миг Кормак решил, будто встретил в этих древних стенах стаю обезьян.

Как бы то ни было, вся эта толпа медленно приближалась к пиратам.

Левой рукой Кормак выхватил из-за спины небольшой легкий щит и на всякий случай приготовился защищаться, хотя ни один из пришельцев не был вооружен.

— Не подходите! — громовым голосом крикнул Вулфер. В обеих руках он сжимал древко своей секиры — поистине грозного оружия. Нижний край лезвия заканчивался острым крючком, с помощью которого можно было сбросить всадника с седла или молниеносным движением лишить врага спасительного щита. Но сейчас, перед безоружной толпой маленьких смуглых человечков, огромный Вулфер со своей секирой выглядел столь же нелепо, сколь выглядело бы вооруженное до зубов войско перед стадом овец.

Толпа обступила викингов. Человечки переговаривались между собой, указывали пальцами на незнакомцев; звучание их голосов напоминало жужжание множества пчел. Самые высокие из них едва ли доходили Кормаку до подмышек. Они теснились вокруг пиратов, разглядывая их одежду и доспехи, но избегали смотреть им в глаза.

Вулфер выкрикнул замысловатое проклятие и топнул ногой, отгоняя самых любопытных, которые пытались дотронуться до ножен с кинжалом. Вскрикнув от ужаса, маленький человечек — а может быть, это была женщина — отпрянул назад. Внезапно назад подалась и вся толпа.

В задней стене бесшумно отворилась дверь — просто сдвинулась одна из узорных плит, ранее ничем не выделявшаяся среди других. В образовавшемся проходе появился темноволосый человек нормального роста, в пурпурном плаще, с золотым ожерельем на шее.

Он поднял руку и заговорил на незнакомом Вулферу и Кормаку языке. Толпа почтительно замерла, припав к каменному полу.

Спустя несколько мгновений маленькие человечки бесшумно поднялись и быстро вышли, оставив в зале лишь с десяток своих братьев, которые тут же застыли у стен в ожидании дальнейших распоряжений.

— Мир вам, чужестранцы, — произнес незнакомец на чудовищно искаженном, но все же узнаваемом кельтском наречии. — Мое имя Креон, я король этого проклятого богами острова. А вот...

В дверном проеме за спиной короля появилась молодая женщина в белых, расшитых золотом одеждах. Чертами бледного лица и черными волосами она походила на Креона, но то, что придавало его облику благородство, в ней обернулось подлинной красотой.

— ... вот моя дочь Антея, — закончил фразу Креон и слегка улыбнулся, заметив, с каким изумлением и восторгом уставились на девушку пираты.

— Что это за место? — слово в слово повторил Кормак вопрос Вулфера, с трудом отрывая взор от Антеи.

— Это место... — начала отвечать девушка. Ее голос напоминал нежный мелодичный звон колокольчика, а кельтским языком она владела, безусловно, намного лучше своего отца, — ...все, что осталось на земле от славной и могучей Атлантиды.

— Вы говорите по-кельтски, — обвиняющим тоном произнес Вулфер. Он немного опустил секиру и перехватил древко — теперь он держал оружие одной рукой.

Кормак насторожился: он прекрасно знал, что ют в любое мгновение может перерубить пополам Креона вместе с дочерью, кроме того, он знал, что его друг особенно опасен как раз в такие моменты, как теперь, когда он в замешательстве.

— Да, говорим, — ответила Антея на искаженном германском наречии. Даже Кормак не сразу понял, что она хотела сказать. — Еще мы знакомы с речью саксов, однако, боюсь, недостаточно хорошо.

— Девушка улыбнулась, увидев, как вытянулись лица гостей.

Из дальней части зала, возле главных дверей, слышался шорох. Вулфер развернулся как пружина. Он уже занес над головой секиру для удара, способного раскроить надвое слона. Однако тревога была напрасной: под своды зала скользнули несколько слуг с подносами, на которых лежали плоды и орехи.

Рыжебородый ют разочарованно опустил секиру, потом, подумав, засунул ее за пояс. Кормак ухмыльнулся и тоже вложил наконец меч в ножны. Хорошо было бы, конечно, высушить ножны, обтереть и смазать жиром лезвие... Ну да ладно, потом, не сейчас.

— Значит, вы атланты? — спросил он. Креон грустно улыбнулся.

— Они атланты, — показал он на маленьких темнокожих слуг. — Мы с дочерью — потомки последних афинян, завоевавших этот остров до того, как Атлантида скрылась под водой.

Он скрестил руки на груди и обвел взглядом стоявших вдоль стен слуг.

— Они преуспели в науках и искусствах — в живописи, скульптуре и прочих вещах, что отличают человека от животного. Но скоро должен наступить конец — и для атлантов, и для нас, ставших их хозяевами.

— Где мы? — как во сне, спросил Вулфери и направился к колоннам. Он двигался быстро и грациозно, несмотря на свой огромный рост и могучее сложение.

Маленькая женщина протянула Вулферу спелые груши, и он заплясал вокруг нее какой-то немислимый танец. Он и пальцем не дотронулся до нее, однако она в ужасе бросила поднос и спрятала лицо в ладонях.

Кормак, повинувшись инстинкту, подошел к Вулферу, готовый отразить неожиданное нападение. Они с Вулфером до сей поры оставались живы именно благодаря тому, что всегда сражались вместе, а не поодиночке. Сотни раз они спасали друг друга от неминуемой гибели, разрубая древко копья, нацеленного в спину товарища, или отбивая занесенный над головой его смертоносный меч. Сейчас им вроде бы никто не угрожал, и все же Кормак смутно чувствовал присутствие какой-то недоброй силы.

Викинги вышли из храмового зала во двор. Двор этот когда-то был вымощен мраморными плитами, но теперь меж ними буйно росла трава, и даже могучие деревья тянули к небу свои толстые ветви.

Напротив храма стояло прямоугольное двухэтажное здание, обшитое оловянными пластинами, а может быть, потускневшим от времени серебром. Часть двора между этими строениями была тщательно вычищена от растительности. Из здания в храм цепочкой тянулись смутные слуги с подносами в руках. Под пристальными взглядами Кормака и Вулфера все они вздрагивали.

Вот рядом с пиратами появилась Антея, одарив Кормака улыбкой, смысл которой остался для него неясен. Только сейчас он заметил, что белое одеяние девушки было закреплено на левом плече заколкой с огромным сверкающим рубином. Похожий камень украшал и плащ ее отца, и Кормак подумал, что только эти рубины сохранили свой истинный цвет во всем неестественном освещении этого загадочного места.

Он поднял голову и вскрикнул, заслонив глаза ладонью. Вместо солнца высоко в небе, над храмом,

висел большой шар, заливавший все вокруг багряно-зеленым мерцающим светом. Кормака охватила дрожь, и он опустил голову. До тех пор пока он не увидел этот шар, он не мог до конца представить себе, что каким-то непостижимым образом оказался вырванным из привычной реальности. Где бы ни находилась эта загадочная Атлантида, мир ее был для Кормака чужим и незнакомым.

— Как мы сюда попали, милая девушка? — почти вкрадчиво спросил Вулфер. Однако любой, кто знал юта так же хорошо, как Кормака, сразу понял бы, что ярость юта вот-вот перехлестнет через край.

— Иногда в тот огромный пузырь, где мы все находимся, затягивает кого-нибудь из внешнего мира, — ответила Антея. Она говорила спокойно, но по легкому подергиванию ее век Кормака понял, что она угадала, в каком расположении духа находится рыжебородый пират. — К нам попадает прибитый к берегу лес, морские птицы, а иногда люди. Это, правда, не так уж часто случалось за последние тысячелетия, в течение которых большая часть острова остается на дне.

— На моей памяти и на памяти моей дочери, — сказал Креон, выходя к ним из-за двух расположенных рядом колонн, — сюда попадали христианские монахи из Ирландии и пираты, называвшие себя саксами и ютами. А теперь здесь оказались вы.

Он печально наклонил голову.

Где-то неподалеку раздался крик животного. Что обозначал этот крик — боль или торжество победы, — понять было трудно, но стало ясно, что за пределами двора есть что-то еще.

— Как же нам в таком случае выбраться отсюда? — спросил Кормака. Он задал этот вопрос тихим подавленным голосом, ибо в его душу закрался ужас. — Как нам вернуться в тот мир, из которого мы попали сюда?

И было уже неважно, что в том единственном родном и привычном мире бушевал шторм, грозивший погубить пиратов в любую минуту.

— За десять тысячелетий никому не удалось покинуть Атлантиду, — ответил Креон. — Этого не смог сделать никто из моих предков, этого не смог сделать никто из потерпевших кораблекрушение — никто. Мы здесь как в ловушке.

— Но здесь у нас не самый плохой мир из всех существующих, — добавила его дочь, посмотрев на Кормака манящим взглядом. Однако его сейчас не интересовали женщины, даже если они обладали такой привлекательностью, как Аптея. Он оглянулся и внимательно осмотрел ближайшую колонну.

Колонны снаружи храма выглядели весьма величественно, хотя и уступали в размерах тем восьми нарам колонн, на которых держался купол. Человек не смог бы обхватить такую громаду руками.

Колонны эти были сложены из огромных каменных цилиндров. Видимо, сначала их устанавливали друг на друга, а потом уже отделявали и полировали. Но даже если в Атлантиде всегда было так тихо, как сейчас, время не могло не разрушать камень.

Креон говорил о десяти тысячелетиях. Что ж, за это время едва заметные стыки каменных цилиндров, в которые, должно быть, прежде не вошло бы и лезвие ножа, выкрошились по краям, так что теперь, обладая достаточной ловкостью, можно было вскарабкаться вверх, находя опору для рук и ног. Именно это и решил попробовать Кормак — подняться по колонне так же, как он поднимался по отвесным скалам, когда требовалось застать врасплох береговую стражу. Он никогда не откладывал на потом то, что мог сделать сейчас. Посему, не теряя времени, обхватил древний камень руками и подтянулся. Он услышал, как Вулфер внизу спросил:

— А эти остальные, где они? На ваших монахов мне плевать, однако если где-то здесь есть саксы, я не прочь подраться с ними.

— Последний монах умер год тому назад, — отозвалась Аптея. — Его звали Цеарбал. Это был больной

старик, он так и не поправился с тех пор, как в страшный шторм попал сюда.

Она говорила негромко, к тому же башмаки Кормака скрежетали о камень, однако он расслышал ее слова. Кельт не рисковал понапрасну и не спешил, внимательно выбирая, куда поставить носок башмака или за какую выемку в камне уцепиться пальцами.

Оказалось, что храм стоял посреди густых джунглей. Кое-где среди зелени виднелись сверкающие металлические крыши, но больше было одиноких полуразрушенных стен — остатков каких-то древних строений.

— Саксы, как и вы, предпочитали действовать, — сказал Креон. — Я надеюсь, что вы не последуете их примеру, чтобы не повторить их ужасную судьбу. Дело в том, что мы находимся на острове, который окружен как бы поясом из воды, можно даже сказать — глубоким и широким рвом. До катастрофы остров соединялся с двумя кольцевыми островами и с большой землей целой системой мостов, однако все их разрушило землетрясение, когда затонул континент.

Рядом с колонной, на которую вскарабкался Кормак, росло старое фиговое дерево футов сорок высотой. Наверное, давным-давно какая-то птица уронила зернышко, склевав мякоть плода, и из этого зернышка вытянулись семь толстых стволов, корнями уходивших глубоко в землю, под колонны. Хотя фиговые деревья не очень-то крепки, один из зеленых стволов вполне мог выдержать вес человеческого тела. Туда-то Кормак и перебрался осторожно.

— Когда континент затонул, уцелели только кольцевые острова и храм, — произнесла Антея. — Все, что осталось от Атлантиды, находится здесь, и отсюда нет выхода. Но Аслиф и его саксы не поверили этому и погибли, пытаясь преодолеть непреодолимую преграду.

В полумиле от храма Кормак увидел широкую полосу воды. Из воды выпрыгнула рыба. Ни в ее фор-

ме, ни в блестящей чешуе не было ничего необычного, однако даже на таком расстоянии кельт заметил, что рыба эта огромна — десять, а то и двенадцать футов в длину.

Берега казались неестественно ровными — вода образовала вокруг острова правильный круг, опоясав остров кольцом. По другую сторону воды была видна такая же заросшая густым лесом земля, как и на центральном острове, но там почти не было видно развалин. По всей видимости, все здания были разрушены землетрясением.

Дальний край кольцевого острова расплывался в багряно-зеленой дымке, будто свет искусственного солнца рассеивался по стене. Пока препятствия не выглядели непреодолимыми, хотя, конечно, на таком расстоянии невозможно было разглядеть что-либо определенно.

Они с Вулфером построят плот или даже настоящую лодку, если только у греков найдутся для этого более подходящие инструменты, чем меч Кормака и боевая секира юта. С помощью весел или шеста они доберутся до кольцевого острова, потом быстро пройдут через лес и окажутся возле границы. Так или иначе, они найдут способ выбраться отсюда, хотя бы на их пути оказалась сплошная стальная стена.

— Саксы построили плот, — сказал Креон, словно в ответ на мысли Кормака. — Мы предупреждали их, что в воде они встретятся с чудовищами, но они не стали нас слушать. Аслиф смеялся и говорил, что им не страшны ни люди, ни дьяволы, пока они способны держать в руках оружие.

— А этот Аслиф, — спросил Вулфер, — он был ростом с меня или немножко пониже? Если это тот, про кого я думаю, то у него должны быть светлые волосы, а оружие его — разукрашенное серебром копьё с наконечником, широким, как лопата.

— Да, ты верно его описал, — ответила за отца Антея. — Когда он и его люди появились здесь, он

назвал себя Аслиф Проклятье Горма. Он был твоим другом?

— Нет, — скрипнув зубами, произнес Вулфер. — Зато Горм был сыном моей сестры. Вот уж не думал я, что встречу здесь его заклятого врага!

— Не встретишь, — сказал Креон. — Как я уже говорил, Аслиф и его люди построили плот и стали добычей чудовищ, обитающих в воде.

Кормак увидел, как из воды одновременно выпрыгнули три гигантские рыбины, на миг образовав в воздухе серебристую стену. Какие еще существа могли населять этот огромный ров? Ширина водной полосы составляла примерно полмили, несколько миль в длину вокруг острова... Если этот ров так глубок, как кажется, то там можно встретиться с чем-нибудь необычайным и неожиданным.

— Вы считаете меня дурнем или младенцем, которому можно рассказывать сказки? — свирепо спросил Вулфер. — Что же это за чудовище такое, способное погубить команду дюжих викингов?

— Оно выплыло из-под плота! — звонко выкрикнула Антея. Ее ноздри трепетали от гнева — их с отцом едва ли не обвиняли во лжи.

— Оно откусывает руки и ноги тем, кто пытается спастись! Оно покрыто твердым, как железо, панцирем!

Там, где Кормак только что видел выпрыгнувших из воды рыб, над водой вдруг поднялась огромная тень, футов пятьдесят высотой. Голова на длинной толстой шее напоминала крокодилю; туловище было огромным, цилиндрической формы; вместо ног — широкие мощные ласты; в открытой пасти виднелись крупные острые зубы. Чудовище двигалось с неожиданной для его размеров скоростью. Шкура его, как успел рассмотреть Кормак, была черной и блестящей.

В более поздние времена люди называли бы это существо кронозавром. Кормаку это слово, конечно, не было знакомо, и он подумал, что видит самого морского дьявола.

Кронозавр стремительно погрузился под воду, при этом почти не потревожив ее гладкой поверхности. На воде не осталось никаких следов чудовища, зато на берегу кольцевого острова Кормаку почудилось какое-то движение.

Но этот берег был слишком далеко, и кельт не смог разглядеть ничего толком. Может быть, там, в зарослях, дикая коза лакомила сочными листьями, может быть, просто ветер пошевелил ветви деревьев.

Однако Кормак был твердо уверен, что за покойной темной воды на том острове есть люди. Он стал осторожно спускаться вниз.

Осмотр этой чужой земли не рассеял тумана тайны, а, скорее, добавил вопросов, на которые нужно было получить ответ. Одно Кормак Мак Арт знал твердо: во что бы то ни стало надо выбраться отсюда, вернуться в знакомые, чистые, соленые моря своего истинного мира. Он не мог точно сказать, что именно ему здесь пришлось не по душе, — наверное, все, но багряно-зеленый свет точно вызывал у него отвращение.

— Кто все это создал, наконец? — свирепо спросил Вулфер. — Кто превратил это место в ловушку для мореплавателей, попавших в шторм?

Ют нервно стиснул пальцами древко своей верной секиры, хотел было выдернуть ее из-за пояса, но что-то его удержало.

Кормак хорошо знал своего друга: еще немного, и Вулфер выхватит секиру и начнет размахивать ею, давая выход охватившему его бешенству. А враги... Пусть пока их здесь не видно. Если Вулферу понадобятся враги, он их найдет. А если его бешенство переключится через край, он начнет крушить все подряд.

— Атлантиду подняли со дна моря могущественные чародеи с помощью великой магии, — сказал Крон. — Эта земля изначально не отличалась устойчивостью. Атланты использовали свои магические возможности против нас, афинских завоевателей, когда наш флот высадился на их земле. Нам удалось преодолеть

их защитные силы, и тут началось великое землетрясение, погубившее Атлантиду. Остатков колдовского могущества хватило только на то, чтобы спасти этот остров да еще ближайший из кольцевых островов.

Кормак спустился вниз и встал на каменную плиту рядом с греками и Вулфером. Темнокожие слуги выглядывали из храма, но не решались подойти ближе к хозяевам.

— На том берегу есть люди! — радостно воскликнул кельт, хлопнув товарища по плечу. Он хотел как можно скорее отвлечь Вулфера от мрачных мыслей, понимая, что если тот даст волю скопившейся ярости, то ничего хорошего из этого не выйдет. — Там люди! Похоже, и мужчины, и женщины.

И он сурово посмотрел на Креона:

— Я не ошибся? На кольцевом острове есть люди?

— Да, конечно, — не задумываясь, ответил Креон. — Их там много, возможно, больше сотни. Это атланты, но они выше и стройнее своих здешних сородичей, — он повел рукой в сторону слуг, ожидавших приказаний поодаль. — Правда, они там совершенно одичали. Живут подобно животным...

Кормак дружески обнял Вулфера за плечи и встряхнул. Теперь он мог не тревожиться — ют, видимо, успокоился. Если в кровавые времена падения Рима его инстинктивное стремление убивать было кстати, то сейчас оно могло сослужить им плохую службу.

— К счастью, нас с ними разделяет вода, — взволнованно добавила Антея. — Иначе они давно расправились бы с нами. И своего правителя они, наверное, убили. Мерзкие звери.

Кормак взглянул на девушку.

— Но если атланты были такими могущественными чародеями и владели тайным знанием... — задумчиво сказал он. — Как вы смогли довести их до подобного состояния?

При последних словах в его голосе послышались металлические нотки.

На губах Антеи мелькнула улыбка — тонкая, как легкое кипжала.

— Мы были еще более могущественными. И хотя во мне самой не течет ни капли крови атлантов, величайшими магами Атлантиды были женщины, и одна из них во время катастрофы спаслась в этом храме.

Вулфер встряхнулся, как медведь, вылезший из берлоги. Его глаза блестели, однако во взгляде уже не было прежнего бешенства, напугавшего Кормака.

— Я голоден, — проворчал ют. — И не надо предлагать мне никаких лакомств и прочей чепухи вроде той, что мы уже пробовали здесь. Я хочу мяса.

Креон улыбнулся:

— Конечно. Как только вы появились, я велел слугам зажарить козочку. Сейчас мы пойдем во дворец.

Антея рассмеялась и дотронулась хрупкими маленькими пальчиками до плеча Кормака.

— А если одной козочки окажется мало, мы зажарим еще и будем кормить вас до тех пор, пока вы не насытитесь.

Ее смех звучал в мрачных джунглях будто легкий звон серебряных колокольчиков.

Дворцом оказалось здание напротив храма. Антея шла впереди, держа Кормака за руку. Она без умолку говорила о былом величии Атлантиды, о том далеком времени, когда этот остров был королевской резиденцией и именно отсюда властители управляли континентом. Прекрасный цветущий город, выстроенный на большой земле за кольцевым островом, теперь покоился на дне океана.

На полпути от храма ко дворцу кельт оглянулся через плечо. С этого места храм казался еще величественнее, чем вблизи. Фронтон украшали четыре золотые статуи, установленные на четырех массивных колоннах. Статуи доходили до середины купола, и, несмотря на их огромные размеры, казалось, что они парят в воздухе.

Кормак вспомнил, что Креон и Антея появились откуда-то снизу. Вероятно, под храмом находились

какие-то подземные покои. Он подумал, что хорошо было бы разузнать об этих подземельях побольше.

Когда они приблизились ко дворцу, стало видно, что время не пощадило и его. Серебряные пластины с палец толщиной, покрывавшие каменные стены, кое-где отвалились, а серебро остальных покорежилось и потемнело, хотя все же отражало свет искусственного солнца.

— Эта штукавина что, никогда не заходит? — грубо спросил Кормак, вдруг почувствовав прилив ярости, от которого он только что пытался избавить своего друга.

— Она будет гореть до тех пор, пока существует этот мир, — отозвалась Антея. — Величайшие чародеи Атлантиды сотворили этот остров; они хотели найти здесь вечное убежище на тот случай, если бы весь континент завоевали враги. — Она горько улыбнулась. — Они не думали, что нам так легко удастся проникнуть в их святилище и занять их место. Но, с другой стороны, и мы — то есть мои предки — тоже не ожидали, что останемся здесь навечно в ловушке. — Девушка взглянула на кельта и шагнула к нему ближе, словно желая рассеять его мрачность. — Во дворце у нас есть светильники. На время нашего обеда мы завесим окна. А потом нам вообще не понадобится никакого света, если только ты его не пожелаешь.

При других обстоятельствах Вулфер непременно разворчался бы из-за того, что козочку приготовили плохо, и был бы прав — мясо им подали жесткое, полусырое. Но пиратский драккар боролся с непогодой почти двое суток, и за это время у викингов не было никакой возможности сносно поесть. Время от времени удавалось перехватить разве что просоленный черный морской сухарь да запить его глотком эля вперемешку с брызгами бушевавших морских волн.

Поэтому сейчас ют даже внимания не обратил на то, как отвратительно приготовлено мясо. Схватив с блюда большой кусок козлятины, он жадно впился в

ного крепкими зубами. Слуги принесли вино в кувшинах, и, хотя оно оказалось кислым, Вулфер залпом осушил предложенный ему большой кубок. Во время трапезы он не снимал доспехов, а свою секиру приставил к высокому столику за спиной, поцарапав крючком ее красивый узор из слоновой кости. Креон и Антея, казалось, не заметили этого.

Все четверо сидели на массивных бронзовых табуретах, покрытых пурпурной шерстяной тканью. Кормак огляделся. Внезапно его поразила такая мысль: древняя Атлантида достигла вершин цивилизации, а теперь, спустя тысячелетия после катастрофы, то, что от нее осталось, пришло в упадок и могущественные некогда атланты превратились в обыкновенных дикарей. Разве не то же самое случилось и в его мире, где после падения Рима появились люди дикого и необузданного нрава, подобные ему самому, Кормаку Мак Арту?

Он даже рассмеялся. Не он придумал и создал этот мир. Если человечество время от времени должно возвращаться к первобытному состоянию, что ж, пусть так оно и будет. Тем хуже для людей. Но он, Кормак, силен, ловок и бесстрашен и вовсе не собирается приближать свой последний день и час.

Креон и его дочь с удивлением посмотрели на гостя. Его смех показался им странным. Вулфер остался невозмутим. Он показал смутному слуге па пустой кубок, и тот вновь наполнил его вином. Ют подцепил острием кинжала второй кусок жесткого мяса.

— Я думаю о том, как мы будем выбираться отсюда, — солгал Кормак, глядя на греков.

— Обязательно будем, — пробормотал Вулфер между двумя глотками вина, сбросив с кинжала мясо в свою тарелку. — Но сначала нам надо хоть немного поесть.

Стены зала, в котором они сидели, были покрыты медью и украшены гравюрами с изображением атлантов, мирно работающих в садах и полях, убира-

ющих урожай. В тяжелых бронзовых светильниках, стоявших вдоль стен, горело масло; колеблющийся свет подчеркивал красоту древнего убранства зала. На потолке можно было различить остатки старинной росписи — и ее время не пощадило.

Кормак протянул руку к своему широкому кубку из горного хрусталя, богато украшенному серебром. Антея, опередив слугу, сама взяла кувшин и налила Кормаку неразбавленного вина. Оно показалось кельту гораздо крепче, чем те вина, которые ему приходилось пить до сих пор. Наверное, это был очень древний напиток.

— Ну, теперь ты хоть немножко доволен? — кокетливо спросила Антея, не обращая внимания на то, что рядом сидит ее отец. На время обеда она сняла покрывало и осталась в белой прозрачной тунике, сквозь которую можно было видеть ее отлично сложенное тело с маленькой, но крепкой грудью и крутыми бедрами.

Рубиновая брошь, закреплявшая тунику на плече, словно светилась изнутри. Оправа камня была сделана в виде змеи, кусающей собственный хвост. Глядя на этот огромный рубин, Кормак раздумывал, какими магическими силами могут владеть Креон и его дочь.

Антея, казалось, была разочарована тем, что Кормак так пристально разглядывает ее брошь и не уделяет внимания ей самой.

— Так тебя интересуют только мои украшения? — капризно спросила она, отодвигаясь от Кормака. — А я думала, что ты мужчина!

В этот момент Вулфер швырнул под стол кости и опустошил свой кубок. Пол в зале был выложен такими же мраморными шестиугольниками, как и в храме, только здесь он был не черно-белым, а желтым с красноватыми прожилками. Каменщики расположили мраморные плиты так искусно, что только металлические соединения по краям нарушали узор.

Креон не смог сдержать улыбки над поведением юта. Сам он ел только фрукты. Если он и заметил, какие призывные взгляды бросала на Кормака его дочь, то ничем не выразил своего неудовольствия. Вообще греки как будто решили исполнять любые прихоти своих неожиданных гостей.

Кормак взглянул на Антею; она улыбнулась ему.

Ее волосы перехватывала золотистая лента, из-под которой черные локоны струились по спине до пояса.

По телу Кормака разлилось приятное тепло.

Он чувствовал себя сытым и отдохнувшим, здесь его не тревожил омерзительный свет искусственного багряно-зеленого солнца. Антея ему нравилась, а впрочем, она могла бы понравиться и монаху, принесшему обет безбрачия и чистоты. Кельт поднялся из-за стола и тут почувствовал, что старое вино ударило ему в голову. Он никогда не напивался до оупения и теперь сразу решил, что ему на сегодня достаточно.

Антея тоже выскользнула из-за стола и взяла в руки один из факелов. Ее улыбка показалась Кормаку очаровательной.

— Пойдем со мной, — нараспев произнесла она. — Я покажу тебе кое-что из древней магии, тебе это должно быть интересно.

Вулфер стукнул по столу пустым кубком, над которым тут же склонился слуга с кувшином. Ют свирепо взглянул на него, и маленький атлант в ужасе отшатнулся.

— Будь умницей, моя девочка, — сказал Креон. — А я пока постараюсь занять нашего второго гостя, чтобы он не скучал.

Кормак вышел вслед за девушкой, и они оказались в другом зале, отделанном слоновой костью и редкими породами дерева. Многие здесь за долгие века рассыпались в прах, и теперь видны были камни кладки и какие-то металлические части.

Пройдя еще ярдов двадцать по коридору, Антея остановилась и жестом пригласила Кормака войти в

комнату. Деревянная дверь была обита кожей, головки медных гвоздей образовывали на ней замысловатый узор. Кельт легко мог бы проломить эту дверь ударом кулака.

Антея вставила факел в гнездо подставки, изображавшей голову дракона с разинутой пастью. Кормак огляделся. Обстановка комнаты состояла из тяжелой бронзовой скамьи и множества кованых металлических сундуков разного размера, расставленных вдоль стен. Через распахнутую дверь во внутренние покои виднелась большая кровать овальной формы.

Кормак шагнул к девушке; она скользнула в его объятия и, схватив его правую руку, прижала ее к своей груди. В следующий миг она отскочила к противоположной стене.

— Сними эти противные доспехи, — сказала она, открывая один из кованых ящиков — узкий и высокий.

— Мои доспехи пока нам не мешают, — отозвался Кормак и опять шагнул к ней. Она рассмеялась звонким серебристым смехом, сунула руку в ящик и дотронулась до какого-то сложного устройства, лежавшего внутри. От ее прикосновения из ящика заструились лучи голубого света, тонкие, как нити пряжи, вытянутые из мотка.

— Ты видишь? — воскликнула Антея. — Это и есть та древняя магия, о которой я тебе говорила. Прикоснись вот тут, и это наполнит тебя доброй силой.

Тонкие лучи медленно, словно ощупывая пространство перед собой, потянулись к Кормаку.

— Убери это, — сказал кельт, угрюмо глядя на Антею. Он мгновенно протрезвел и прижался спиной к стене. Он и не думал, что может испытывать такой страх.

Над узкой верхней стенкой ящика появились серебряные рожки, из которых, как шелковые нити паутины, тянулись голубые лучи. Пальцы Антеи скользили по металлической пластине за рожками; она, не отводя взгляда от Кормака, будто перебирала невидимые струны. Светящийся голубым светом шар, пона-

челу показавшийся кельту похожим на моток тонких голубых нитей, на глазах вырастал, но лучи остановились на полпути от Кормака.

— Глухой, это не причинит тебе вреда, — рассмеялась девушка. — Посмотри на меня.

Раздался звук от удара металла о камень. Бронзовая скамья сама по себе перевернулась.

— Вулфер? — крикнул Кормак, бессознательно потянувшись правой рукой к рукоятке меча. Чувство собственного достоинства помешало ему обнажить оружие и тем самым показать, что он чем-то напуган.

Антея, продолжая держать руку за серебряными рожками, шагнула в середину светящегося облака, образованного мерцающими лучами; по ее фигуре разлилось сияние, словно водопад по стеклянной статуэтке. Драгоценный камень на ее плече засверкал вдвое ярче прежнего.

Обнаженная кожа и одежда девушки засветились, словно покрытые тончайшим слоем переливающегося красного стекла, только ее рука и ноги от колен до сандалий оставались за пределами сияющего облака.

— Теперь ты видишь? — спросила Антея. — Это безопасно.

И она протянула руку к Кормаку. Ее голос звучал странно, будто из-под воды. К кельту опять потянулись тонкие голубые лучи.

— Хватит! — крикнул Кормак, выхватив меч из ножен. — Останови их, а не то...

Внезапно дверь с грохотом распахнулась, и на пороге комнаты возник мускулистый, высокий, смуглый человек атлетического сложения. Его голову охватывала узкая повязка; из одежды на нем не было ничего, кроме коротких штанов с бахромой и ожерелья из медных бляшек. В руках дикарь сжимал древко каменного топора, мощным ударом которого он только что вышиб старую дверь.

Кормак, не раздумывая, ударил воина сбоку мечом в грудь. Тот даже не успел увидеть кельта, как рух-

нул к его ногам с раной в сердце. Последний крик так и не вырвался из горла дикаря — изо рта и ноздрей хлынула кровь, он изогнулся и замер на полу.

В коридоре Кормак увидел еще десяток, а то и дюжину полуобнаженных смуглых воинов. Он выдернул меч из тела первой жертвы и занес его над головой.

Светящееся облако тем временем полностью скрыло Антею; очертания ее тела теперь лишь смутно угадывались в голубом сиянии. Падая, дикарь задел край облака своим топором, и топор будто увяз в чем-то мягком, а потом стал медленно сползать вниз.

Привычным движением левой руки Кормак попытался выхватить из-за спины свой легкий небольшой щит, но это движение оказалось напрасным — щит остался возле стола в том зале, где они с Вулфером обедали.

Копье ударило Кормака в грудь. Отличная стальная кольчуга особого плетения выдержала удар, но кельт при этом едва удержался на ногах. Нападавшие дикари, очевидно, принадлежали к той же расе атлантов, что и слуги во дворце и в храме, однако они были выше ростом и хорошо сложены. Во всяком случае, ничто в их облике не наводило на мысли о вырождении.

Кормак отпрыгнул назад как раз в тот момент, когда перед самыми его глазами блеснуло лезвие бронзового меча. Мягкая бронза, конечно, не могла сравниться с римским кавалерийским стальным оружием, добытым в битве в Бильбао. Меч Кормака словно щелчку перерубил бронзовое лезвие и с размаху опустился на голову дикаря. Повязка на голове смутлокожего воина обгарилась кровью, и он упал вперед, не сгибая колен, как падает каменная статуя.

Перед Кормаком снова вырос воин с копьем, но на этот раз кельт был готов сразиться с ним. Краем глаза он увидел древко копья из кизилового дерева, толщиной с запястье, и решил, что рубить его мечом бесполезно — сталь застрянет в тяжелой древесине. Изловчившись, кельт ухватился за древко левой рукой

и мощным рывком бросил копейщика прямо на острие своего меча. Вскрикнув, дикарь упал замертво.

Кормак выхватил из-за пояса кинжал и оказался лицом к лицу с двумя могучими воинами. Однако оба атланта все же были ниже Кормака ростом и к тому же полуобнажены. Кельт вонзил свой испанский кинжал, лезвие которого возле рукоятки было шириной в пять пальцев, под ребра первому из нападавших и, пользуясь телом жертвы, как щитом, опустил меч на обнаженное плечо второго. Из страшной раны фонтаном забила кровь, и оба дикаря свалились под ноги Кормака.

Тут в его грудь врезался тяжелый бронзовый молот. Из глаз кельта посыпались искры от резкой боли в ребрах. Широкоплечий атлант вложил в удар молота, который он держал обеими руками, всю силу своего огромного тела, и на миг дыхание Кормака перехватило. Но сам дикарь не рассчитал силу удара и качнулся вперед, не удержавшись на ногах. Это погубило его — в следующее мгновение из его горла торчал смертоносный кинжал. Обмякшее тело кельт отбросил к стене коридора.

Уцелевшие атланты бросились бежать, некоторые из них побросали оружие, наверное, чтобы быстрее удрать. Кормак кинулся вслед за ними, забыв про Антею. Она так и продолжала стоять внутри сияющего голубого облака. Рядом с облаком валялся на полу каменный топор; копье, подобно ему увязшее в голубом сиянии, сползло вниз.

Кормак еще не оправился от удара молотом в грудь, и при каждом шаге его тело пронзала острая боль. Лезвие его меча, задевая каменные стены коридора, выбивало из камня красные искорки. Боль так ослабляла Кормака, что он, сам того не замечая, держался слишком близко к стенам. На бегу он выкрикивал проклятия и только усилием воли не останавливался и не терял сознание.

Если бы осколок сломанного ребра проткнул ему легкое, он уже сплевывал бы кровавую пену. Этого

пока не случилось. Сейчас Кормака беспокоило нечто гораздо более важное, нежели собственная боль. Боль была ничто по сравнению с сознанием, что где-то там, в зале, Вулфер, и что он может оказаться в опасности, и что есть еще враги, с которыми предстоит расправиться.

Слуг нигде не было видно. Убегавшие дикари скрылись в обеденном зале, и Кормак последовал за ними.

В обеденном зале царил хаос. Еще светили два уцелевших светильника, но в основном зал освещали не они, а такое же облако из тонких сияющих голубых лучей, какое Кормак уже видел в комнате Антеи.

Креон стоял в этом светящемся облаке, отделенный сиянием от всего окружающего. Правда, вместо того чтобы управлять лучами с помощью металлической панели, он просто водил руками. Тонкие мерцающие нити тянулись туда, куда указывал им Креон. Слово шелковые шнуры, они захлестывались на шеях двух дикарей, которые в когвельсиях извивались на полу.

Дикари окружали мерцающее облако, пытаясь проколоть его копьями или прорубить. Среди них было много женщин. В толпе выделялся старый воин с изрезанным морщинами лицом, державший в руках жезл. В колеблющемся свете, исходившем от голубого облака, жезл казался металлическим. На голове у вождя — а это, несомненно, был вождь — вместо повязки красовалось нечто вроде чалмы, сплетенной из золотой и серебряной проволоки.

Из пола в центре зала был вынут один из мраморных шестиугольников, под ним открывался черный проход куда-то вниз. Когда Кормак вбежал в зал, он успел увидеть, как и этом проходе исчезли связанные ноги Вулфера.

Меч кельта врезался в толпу дикарей, как коса в пшеничное поле. Для колебаний времени не было: главным преимуществом Кормака могла стать лишь внезапность. Римский меч вычерчивал в воздухе ши-

рокие дуги. Когда кто-то из атлантов, пригнувшись, пытался подойти к кельту, Кормак левой рукой беспощадно всаживал в тело врага кинжал.

Он прекрасно знал, что острое меча — испытанное и верное орудие убийства. Лезвием рубить удобнее, но такие удары не всегда бывают смертельны. Однако сейчас ему не приходилось раздумывать о том, каким именно способом расправляться с врагами.

Правильно нанесенный удар оставляет человеку возможность прожить не больше минуты — пока в сердце еще остается кровь. Однако в течение этой минуты смертельно раненная жертва еще многое может успеть.

Налетев на толпу дикарей подобно вихрю, Кормак посеял среди них ужас; некоторые просто оцепенели. Почти не глядя, кельт нанес страшную рану воину, что бросился на него с топором. Меч не дошел до сердца, и рана, скорее всего, была не опасна, но от неожиданности дикарь как подкошенный свалился на каменный пол и, скорчившись, застыл. Топор выпал из ослабшей руки, с грохотом отлетел в сторону; голова атланта запрокинулась, и он зажмурил глаза.

Вождь с жезлом громко что-то выкрикнул, и уцелевшие дикари метнулись к зияющему входу в подземелье. Нападение Кормака оказалось столь внезапным и ошеломляющим, что никто из них не сумел оказать кельту серьезного сопротивления. Воины (а многие из них были женщинами) инстинктивно выбрасывали перед собой оружие, пытаясь защититься, но в мерцающем свете голубого облака они, пожалуй, даже не успели понять, что перед ними один-единственный враг.

Кормаком владела ярость и жажда убийства; ему было все равно, отступают его враги или стоят на месте. Он ударил в спину одного из бегущих и налетел на вождя. Тот поднял ему навстречу свой жезл.

С кончика жезла заструились тонкие голубые лучи, точь-в-точь такие, как из магических приспособ-

лений греков. Лучи коснулись правой руки Кормака, его движение замедлилось, а в следующий миг меч и вовсе застыл в воздухе.

— Чтоб твои потроха свиньи съели! — в бешенстве выкрикнул Кормак, устремляясь к вождю с кинжалом.

Вождь отпрянул назад. С кончика жезла слетел еще пучок голубых лучей, и они коснулись левого запястья кельта. Их прикосновение оказалось леденящим.

За спиной вождя последний из его уцелевших воинов исчез в черном отверстии. Дикарь подвинул каменный шестиугольник на его прежнее место, камень глухо стукнул о камень, и вход в подземелье закрылся.

Несколько раненых воинов лежали на полу, некоторые громко стонали. Тех двоих, чьи шеи были перехвачены голубыми лучами, Креон продолжал удерживать в прежнем положении. Лицо грека было очень странным — как будто его распяли.

Кормак опять шагнул к вождю. Им владело такое чувство, словно его меч и левая рука придавлены каменной скалой. Концом своего жезла вождь направил одинокий луч на правое запястье Кормака, потом кулаком ударил кельта в грудь.

В зал вбежала Антея и выхватила меч у одного из раненых. За ней толпой следовали слуги.

— Отец! — воскликнула она. Черты ее лица изменились, она словно постарела с тех пор, как Кормак видел ее в последний раз в ее покоях.

Вождь атлантов отступил, и голубые лучи отпустили Кормака. Старик перевел конец жезла на подземный ход. Жезл пробил камень и полетел вниз, вслед за бежавшими дикарями. Тогда вождь шагнул навстречу Кормаку. Освобожденный меч тут же пронзил его насквозь, однако кельт успел с изумлением понять, что римская сталь прошла сквозь тело мертвеца.

Свет, окружавший Креона, с тихим звоном сжался в маленький шарик и исчез. Грек, пошатываясь, шагнул к дочери.

— Они прошли через подземный ход, — выдохнул он. — Прошли, миновав Стража. У них есть жезл власти.

Креон выглядел дряхлым стариком. Глядя на него, Кормак вспомнил лицо вождя атлантов — оно словно стояло перед его глазами.

Тряхнув головой, кельт выдернул оружие из тела атланта, потом сорвал его пояс. Он не спешил. Надо было хотя бы отдышаться и дать мышцам минутный покой, прежде чем действовать дальше. Матерчатым расшитым поясом вождя дикарей Кормак вытер лезвие меча и кинжал.

Стены зала и даже потолок были забрызганы кровью. Большинство раненых уже не подавали признаков жизни. На полу крови почти не было, и Кормак понял почему. За тысячелетия каменный пол покрылся невидимыми глазу трещинами, и кровь просочилась в камень на целый дюйм.

— Жезл власти? — переспросила Антея. — Теперь, когда прошло столько времени? Но это невозможно, невозможно!

— Невозможно, но это так. Истощение ужасно, — отозвался Креон. — Взгляни, вот у него был в руках жезл. — Он коснулся кисти руки вождя носком сандалии, и она отломилась, как сухая ветка. Все тело атланта было высохшим, будто по меньшей мере год лежало под солнцем в самой жаркой пустыне.

— Где Вулфер? — спросил Кормак.

Его грудь тяжело вздымалась и опускалась, однако с каждым вдохом дыхание становилось ровнее, и он уже не хватал воздух открытым ртом с жадностью утопающего. Если к нему еще и не вернулись потраченные силы, то, по крайней мере, он уже почти не чувствовал той боли в ребрах, которая мешала ему преследовать атлантов в коридоре. Его тело еще должно было послужить ему. Конечно, он еще не был в идеальном состоянии, но ведь и вся его жизнь складывалась отнюдь не идеально, а уж то, что происходи-

ло сейчас, было и вовсе далеко от какого-либо идеала и спокойствия.

Греки разом взглянули на него.

— Атланты забрали с собой твоего друга, — сказал Креон. — Дикари с кольца, напавшие на нас из тоннеля, проложенного подо рвом. Не могу даже представить себе, что им понадобилось от него. Они не могли знать, что кроме нас с Антеей здесь есть еще кто-то.

Он посмотрел на свою дочь.

— Я захватил двоих. Ты?..

Антея сокрушенно покачала головой:

— Нет, нет. А из этих нам никто не может пригодиться?

Она оглядела лежавших на полу дикарей. Застывшие глаза одной из женщин, вытянутая и неподвижно замершая нога атланта, пытавшегося убежать от смертоносного меча Кормака, скорчившиеся неподвижные тела остальных...

— Нет, конечно, — ответила она себе самой. — Вижу, что нет.

— Куда они забрали его? — прорычал Кормак так, что слова, казалось, запрыгали от стены к стене.

— Откуда... — начала было Антея и — замерла. Язык не повиновался ей. Она невероятно состарилась. Такова была цена, которую они с отцом платили за владение древней магией. Так, могущество, заключавшееся в жезле власти, погубило того, кто им пользовался, это Кормак видел собственными глазами.

— Мне кажется, что они утащили его туда, где живут сами, — на кольцевой остров, — сказал Креон. — Если только они доберутся туда и не достанутся Стражу... Правда, у них есть магический жезл... Я не поверил бы, что возможно пройти мимо Стража, если бы не видел их здесь сам.

Креон, пошатываясь, прислонился спиной к металлическому ящику, из которого еще недавно исходило голубое сияние. Кормак вздрогнул, но греку попросту нужно было на что-то опереться, чтобы не

упасть в изнеможении на пол. Вместо бодрого и полного сил человека, встречавшего гостей в храме, сейчас перед Кормаком стоял древний старец. Вытерев кинжал, Кормак убрал его в ножны; затем он убрал в ножны и меч и шагнул к каменной плите, закрывавшей вход в тоннель. Сквозь щели вокруг неплотно прилегавшей плиты пробивался свет — он был слишком слабым, чтобы подумать, будто он исходит от светильников.

— Тебе нельзя идти туда! — воскликнула Антея. — Страж!..

— Если только дикари не убили его, — слабым голосом перебил ее Креон. Антея повернулась к отцу.

— С одним только жезлом? — ядовито спросила она. — Взор, отец. Мы с тобой вместе пытались справиться со Стражем еще тогда, когда он был гораздо меньше!

Кормак потрогал каменную плиту, обдумывая, как бы подцепить ее и сдвинуть с места.

— Тебе нельзя туда идти, — с неожиданной злобой сказал Креон. — Ты пропадешь. Скорее всего станешь добычей Стража.

Кормак оглянулся. Те двое атлантов, которых Креон удерживал магическими лучами, неподвижно лежали на полу. Слуги связывали их ноги и запястья крепкими шелковыми веревками. Такими же веревками были связаны ноги Вулфера, мелькнувшие перед Кормаком, когда он вбежал в зал...

Кельт выпрямился и мельком подумал, что его мышцы уже в полном порядке. Резким движением ноги он поднял один из бронзовых табуретов и сорвал покрывавшую его ткань. Креон отшатнулся; слуги с возгласами ужаса разбежались по сторонам. Антея прикрыла ладонью левой руки рубиновую брошь. Ее лицо оставалось непроницаемым.

Кормак поднял табурет над головой, будто тяжелый цеп, и ощутил его приятную тяжесть. В следующий миг он с силой бросил его на металлический сун-

дух, из которого Креон извлекал голубые сияющие лучи.

Кельт не хотел сам прикоснуться к этому дьявольскому устройству.

Бронзовый кованый сундук и бронзовый табурет мгновенно со звоном расплавились. Металл засветился, но не голубым, а жарким, изжелта-оранжевым светом, как раскаленный уголь в пылающей жаром печи. Брызги расплавленной бронзы разлетелись во все стороны, распространяя по залу запах какой-то горячей мерзости.

Слуги с воплями толпой выбежали из зала. Застигал на полу раненый дикарь. Греки стояли молча, потрясенные происшедшим.

— Так вы собирались нас использовать так же, как использовали этих несчастных? — прорычал в бешенстве кельт, показав на связанных дикарей. — Заморозить, связать, а что потом, хотел бы я знать?

Он сплунул. Плевок попал на ногу Креона.

— Убирайтесь отсюда, пока я не поступил с вами так же, как с этой вашей колдовской штуковиной!

С бледными, как полотно, лицами греки молча выскользнули из зала. На плаще Креона дымились края дыры, прожженной каплей расплавленного металла.

Кормак наклонился и ухватился пальцами за края каменной плиты, закрывавшей вход в подземелье. Железная отделка его ножен царапнула пол.

Лук Вулфера и колчан со стрелами стояли в углу, но секира исчезла вместе с ютом. Кормак никогда не позволял себе надеяться, так же как не пускал в свое сердце страх, но теперь...

Если Вулфер во что-то и верил в жизни, так не в богов, а в эту свою секиру, которая помогала ему справиться с любым врагом, встретившимся на его пути. Так что пока ют и его секира оставались вместе, они были непобедимы.

Кормак поднатужился и с резким криком выпрямился. Каменная плита весила вдвое больше челове-

ка, и держать ее можно было только за края — никаких специальных ручек на ней, конечно, не имелось. Дикая первобытная сила кельта вступила в борьбу с земным притяжением и тяжестью камня. Человек победил в этой борьбе, рывком подняв плиту над отверстием.

Выпрямляясь, Кормак повернулся с плитой в руках и отбросил ее туда, где еще светилась лужа расплавленного металла — все, что осталось от того, что было магическим устройством, которое давало Креону силу и могущество. Из-под камня вырвалось несколько искр.

Кормак схватил свой щит, поднял меч и опустил ноги в темноту подземного хода.

Подземный ход оказался высотой в добрых восемь футов и был вымощен каменными плитами. Дикари, как запомнилось Кормаку, не отличались гигантским ростом, хотя и были гораздо выше своего повелителя, который прислуживал грекам. Сначала он подивился, как им удалось сдвинуть каменную плиту входа, потом вспомнил о магическом жезле. Расплата за могущество была слишком высока, но и могущество магии он видел сам.

В начале тоннель представлял собой просторную трубу, засоренную илом и нанесенными штормовыми волнами камнями. В толстом слое ила отчетливо были видны следы бежавших дикарей, в одном месте из стены торчала медная кирка. Кто-то когда-то пытался выломать из стены камень и обломал ручку кирки.

Кормак, выставив перед собой обнаженный меч, направился вперед, туда, где тоннель расширялся.

Свет, увиденный им сквозь щели, исходил от слоя странной плесени, покрывавшей пол и каменные колонны просторного помещения, в которое выводил тоннель. Свод, поддерживаемый колоннами, поднимался на сорок, пятьдесят, шестьдесят футов над скользким полом и был покрыт металлом.

Местами металлическое покрытие было покоржено, некоторые колонны полуразрушены — все здесь указывало на давнюю катастрофу. Где-то вдалеке слышались звуки, напоминавшие вздохи могучих легких.

Без сомнения, это сооружение служило до гибели Атлантиды судостроительной верфью. Скаты, заросшие плесенью, тянулись от каналов к стенкам для причаливания судов. Наклонные поверхности предназначались для подъема кораблей из воды. Какой же должен был быть в Атлантиде флот, если люди выстроили такую верфь? Этого не мог себе представить даже такой моряк, как Кормак Мак Арт, побывавший на краю земли и повидавший на своем веку немало городов и стран.

Однако он не заметил и следа кораблей. Если в момент землетрясения здесь и находились какие-нибудь суда, то тысячелетия закончили разрушительную работу. Плесень покрывала скаты ровным толстым слоем, и уже невозможно было определить, где тут в далеком прошлом стояли корабли. Каналы были глубиной футов в двадцать — в расчете на суда гораздо больших размеров, чем те, которые были известны Кормаку и бороздили моря и океаны в его родном мире. Вода давно ушла из них; наверное, это случилось тогда, когда магические силы выдернули сей мирок из нормального времени и пространства. Кормак не мог найти объяснения тому, что здесь существуют вода и воздух, но коль уж светило искусственное багрово-зеленое солнце... К тому же сейчас кельту было не до раздумий о всех здешних странностях. Прежде всего предстояло найти и освободить Вулфера. Потом они выберутся отсюда. Все остальное не имело значения.

Следы дикарей на плесени он видел отлично, так что идти по ним не составляло труда. Здесь атланты спустились в канал, пересекли его и дальше бежали вдоль причала. На дне канала в беспорядке валялось оружие, вокруг была вытоптана широкая площадка,

напоминавшая поле битвы. Вдрут Кормак увидел кисть человеческой руки.

Она лежала на слое плесени. Кости запястья были раздроблены.

В слабом рассеянном свете кельт ориентировался с трудом; еще сложнее оказалось определить расстояние — сколько он прошел и сколько, может быть, придется еще пройти. Кормак шагнул вперед, и тут ему почудилось какое-то движение с правой стороны. Он быстро прикрылся щитом, но ничего не заметил, кроме широкой вертикальной трещины в ближайшей колонне. Именно там он видел что-то движущееся.

В сотне футов от выхода из тоннеля лежала половина женского тела без торса — только ноги и ягодицы. Голову он увидел футах в двадцати дальше. Черты лица выдавали преклонный возраст: оба глаза заволокла молочная пелена катаракт. При первом же взгляде на останки кельт понял: некое существо растерзало уже мертвое тело.

Кормак продвигался вперед, стараясь не скользить по плесени. Эхо его шагов гулко отдавалось среди колонн. Внезапно к звукам, похожим на вдохи и выдохи, примешался другой, напоминавший трель. Вслед за этим послышалось что-то вроде глухого урчания.

По мере продвижения вперед Кормак пытался найти хоть какой-нибудь след существа, растерзавшего тело дикарки. Без сомнения, именно его Креон и Антея называли Стражем, однако они никак не описали его. Других следов, кроме человеческих, Кормак здесь не видел. Может быть, таинственный Страж крылат?

Кельт взглянул наверх и увидел отраженный в потолке рисунок огромных следов, которые он не мог увидеть под ногами. Каждый след был в целый ярд длинной; все они хорошо отпечатались на блестящей плесени, были ровны и одинаковы и выстраивались в отчетливую линию, каждый на расстоянии пяти ярдов от другого. Теперь Кормак мог определить точнее: ди-

карей, возвращавшихся через тоннель на остров, преследовало многоногое существо футов пятнадцати в ширину.

На камне перед кельтом лежала человеческая нога, тела поблизости видно не было. Мышцы были иссохшими и дряблыми, старческими, как у того вождя, с которым Кормак сражался в зале дворца. Видимо, атланты пытались остановить того, кто их преследовал, с помощью магического жезла, и они страшно расплачивались за это.

Идя дальше вдоль следов, Кормак наткнулся на части другого тела, до того растерзанные, что невозможно было понять, принадлежало оно человеку или животному. Сила великой магии жезла делала всех его обладателей одинаковыми перед лицом смерти.

Чем ближе Кормак подходил к выходу из этого подземного царства, тем больше он видел вокруг следов давней катастрофы, погубившей Атлантиду. Все чаще на его пути попадались колонны, вывернутые из своих оснований и державшиеся вертикально только благодаря давлению свода сверху. Металлическое покрытие свода повсюду было повреждено; местами виднелись трещины шириной в целый фут.

Неподалеку уже мерцал багрово-зеленый свет. Широкий грязный скат, по которому можно было выбраться наверх, был завален камнями, и от его конца до отверстия в высоком своде оставалось еще футов тридцать.

Теперь повсюду Кормаку стали попадаться кости крупных животных. Наполовину заросший илом, валялся слоновий череп с бивнем — он показался Кормаку гораздо длиннее бивней живых слонов, которых ему доводилось встречать на земле.

Багрово-зеленые блики освещали свод и справа от Кормака, довольно далеко от того места, где он находился. Можно было предположить, что наружу ведет не один этот выход, но, сколько их всего, Кормак не мог сейчас узнать.

Он начал подниматься по наклонному скату наверх, пробираясь через грязь и камни, но еще не представляя себе, как он преодолеет тридцать футов от края ската до зияющего отверстия наверху. Может, удастся что-нибудь придумать...

Откуда-то из темноты слышались шлепающие звуки. Эхо сбивало Кормака с толку, не позволяя определить направление, откуда они доносились. Кормак припал на левое колено, прижав к себе щит и выставив вперед меч, готовый отразить нападение с любой стороны.

Извиваясь, изгибая спину как огромная приливная волна, по скату прямо на него надвигалась гигантских размеров сороконожка.

Кельт вскрикнул и, продолжая прижимать щит к груди, силеча ударил мечом, сам не зная куда. С таким же успехом он мог попробовать остановить оползень.

Отвратительная тварь шевелила одним усом, на месте второго торчал уродливый обрубок. Огромные челюсти шлепали друг о друга, открывая ужасную пасть. Два жала по обе стороны пасти, выделявшие ядовитую слюну, тянулись к груди Кормака.

Голову чудовища защищал панцирь, подобный каменной броне. Меч Кормака лишь слегка оцарапал его. На поверхности панциря виднелись и другие царапины, некоторые из них казались свежими. Тварь не обратила никакого внимания на выпад человека и продолжала тянуть к нему ядовитые жала.

Еще шаг гигантских лап, и оба жала ударили Кормака в грудь. Кольчуга не треснула и не разорвалась, но от безумной боли в поврежденных ребрах у Кормака потемнело в глазах. Он еще нашел в себе силы для второго удара мечом, но он, как и первый, не причинил чудовищу никакого вреда.

С обеих сторон бронированной головы сороконожки гроздьями сидели по шесть круглых выпуклых глаз. Третьим выпадом Кормак поранил три глаза сле-

ва, но тварь, казалось, даже не заметила раны. Кормак отступил назад по скату.

Круглое червеобразное тело чудовища в диаметре было около шести футов. Оно переваливалось на огромных неуклюжих лапах, на суставах которых росли волоски, напоминавшие тигриные когти. Каждая лапа заканчивалась огромной острой клешней, похожей на щипцы кузнеца. Тварь поднялась, опираясь на хвост, и три передние пары лап угрожающе зашевелились в воздухе, готовые схватить жертву.

Кормак упал на спину и с криком оттолкнул щитом клешни, коснувшиеся его кольчуги. Чудовище наклонило вперед голову, снова направив оба жала в грудь человека. В огромной пасти кельт разглядел две острые хитиновые пластины снизу и сверху. Без сомнения, они служили исполину вместо зубов.

Следующий удар Кормак нацелил прямо в раскрытую пасть, и челюсти тут же крепко сжали стальное лезвие острыми краями пластин. Кельт попытался протолкнуть меч глубже, однако из этого ничего не вышло. Сороконожка подняла голову, и Кормак, оторвавшись от земли, повис на рукоятке меча на высоте тридцати футов.

В следующий миг чудовище разжало челюсти. Кормак, перелетев через бронированную голову, скользнул по спине гада, покрытой панцирем, и упал в грязь. Шлем соскользнул с его головы и откатился в сторону, но меч он продолжал крепко сжимать в руке и по-прежнему прикрывал грудь щитом, чему сам немало удивился.

Пока отвратительная тварь, извиваясь, поворачивалась к нему, кельт успел вскочить на ноги и почти не глядя ударил ее мечом в бок, хотя и понимал, что удар будет напрасным — пробить каменный панцирь было совершенно невозможно. Гордость Кормака, его великолепный римский меч оказался бесполезен против мерзкого чудища. Кормак был теперь твердо уверен только в том, что сороконожке ничего не стоит

сожрать его, перемолов кости острыми пластинами. Это было так же верно, как то, что в настоящем мире каждое утро поднимается и каждый вечер заходит солнце.

Тварь повернулась, и перед человеком опять оказалась покрытая панцирем голова с ужасной пастью. Кельт выпрямился.

— Кормак! — прозвучал рядом знакомый голос.

Меч Кормака вновь скользнул по голове твари, повредив еще один глаз. И тут могучие руки подхватили кельта под мышки и рывком подняли вверх.

Голова чудовища молниеносно поднялась следом. Из обоих жал брызнула ядовитая слюна. Уцелевший ус, который был длиннее, чем все тело Кормака, качнулся вперед.

Кормак махнул мечом из стороны в сторону, стараясь не причинить вреда тому, кто крепко держал его в воздухе. Лезвие меча, описав широкую дугу, перерубило качавшийся ус пополам.

Тварь словно подпрыгнула, молниеносно вытянувшись вверх. Кормак вскрикнул и подтянул колени к груди. Рядом с его башмаками клацнули друг о друга страшные челюсти. Он ткнул мечом вниз, но уже не задел своего врага: Кормака и того, кто его держал, быстро поднимали на веревке наверх.

Чудовище опустилось на все лапы, медленно развернулось, потом двинулось по скату вниз, в том направлении, откуда появилось. Может быть, тварь решила, что рано или поздно человек все равно станет ее жертвой и потому сейчас не стоит тратить на него силы? А может быть, она просто потеряла Кормака из виду, ослепленная ярким светом, что струился сверху.

Все то время, пока кельта поднимали наверх, он видел под собой длинное, покрытое панцирем тело на мощных лапах и слышал тяжелое ритмичное шлепанье лап по грязи.

Но вот голова и плечи Кормака поднялись над краями отверстия, и он взглянул на кольцевой остров.

Неподалеку в воде плескалась огромная рыба; берег покрывала буйная растительность, хотя ужасный свет, заливавший все вокруг, делал картину весьма непривлекательной. Однако после Стража, убравшегося обратно в свой тоннель...

Двое смутлокожих ребятишек во все глаза смотрели на Кормака. Все взрослые тянули веревку, спасая Кормака и Вулфера.

Наконец друг отпустил Кормака, и кельт облегченно ступил на твердую землю. Его колени еще дрожали от перенесенного напряжения, и по ребрам разливалась ноющая боль.

Ют широко улыбался, уперев руки в бока.

— Я так и знал, что ты придешь, — пророкотал он. — Между прочим, я собирался идти и встречать тебя. Эти люди, которые спасли меня от того греческого кодуна...

Вулфер жестом показал в сторону десятка дикарей, толпившихся рядом. Они потирали руки, натертые грубой веревкой до саднящих ссадин. Одна из них — совсем юная девушка — была одета в украшенный затейливым узором жилет, а с ее пояса свешивался жезл власти. Она подошла к юту и встала рядом с ним.

— ...они считали, что я напрасно иду туда, но я подумал, что это все же лучше, чем оставить тебя там наедине с многоногим приятелем.

Кормак глубоко вздохнул и вложил свой меч в ножны.

— И ты, и они были одинаково правы, — пробурчал он.

— Мое имя Лоутра, — сказала девушка с жезлом власти. — Мой брат умер, и теперь я королева Атлантиды.

В ее голосе прозвучала почти детская важность. Она оглядела свои владения — лесные заросли — и своих подданных — ребятишек и горстку взрослых. Голос ее дрогнул, когда она добавила:

— Мы все должны умереть, сейчас или очень скоро. Канин и остальные не позволили бы мне взять жезл, пока мы бежали. А сейчас это мое право.

Она опять взглянула на своих подданных. Большинство из них были много старше ее. Некоторым старикам было, должно быть, за семьдесят, однако ничто в их облике не указывало на то неестественное одряхление, которым награждал жезл власти своих владельцев.

— Это мое право! — воскликнула Лоугра.

Остальные атланты, стоявшие поодаль, продолжали разглядывать свои руки. У них был вид уцелевших бойцов разбитой армии, впрочем, они таковыми и являлись. Кельт без труда понял, что большая часть атлантов погибла в этот день во дворце, а многие стали жертвой жуткого Стража подземелья.

Кормак оглядел дикарей. Теперь, когда они оказались его спасителями, а вовсе не противниками в кровавой схватке, он был немало удивлен их обликом — например, высокими лбами, что придавали атлантам чрезвычайно благородный вид, и тем мастерством, с которым была сшита их одежда и изготовлено снаряжение.

Один из атлантов держал в руке замечательное копьё с длинным древком; его длина была футов семь. Для тяжести на древко до середины были набиты металлические полосы. Наконечник копья показался Кормаку слишком широким. Вулфер проследил за его взглядом.

— Да, это копьё Аслифа, — ответил ют на молчаливый вопрос друга. — Должно быть, нам с ним предстоит встретиться в Валгале, не раньше. Честью для Горма было пасть от руки такого врага.

Кормак удивленно взглянул на своего названного брата.

— Аслиф Сакс появился у нас незадолго до того, как родились Хотин и Балла, — объяснила Лоугра, кивнув на двух детей. Ребятишкам было года по два, не

больше. Хотя, подумал Кормак, в таком месте, где не бывает смены дня и ночи и времен года, возраст, наверное, трудно определить на глаз.

— Он и его люди с боем ушли от колдунов, которые собирались вытянуть из них жизнь, как они поступали со всеми своими пленниками. Саксы построили плот, но водяные чудовища потопили его и сожрали всех, кроме самого Аслифа. Мы залечили его раны, и потом он повел нас против колдунов.

— Ты говоришь об этом выродке Креоне, который обвел меня вокруг пальца и заставил оцепенеть с помощью своего голубого света? — спросил Вулфер. — Он вовсе не потомок древних колдунов. Он и его дочь и есть эти древние колдуны и чародеи. Они выпивают кровь каждого, кого только им удастся изловить, чтобы самим сохранить молодость.

Пальцы юта непроизвольно сжали древко секиры.

— Не кровь, а жизнь, — поправила юта Лоутра. — Хотя это почти одно и то же. Аслиф вел нас подземным ходом. Он дрался со Стражем, пока остальные шли во дворец.

— Отличная работа, — произнес Вулфер, поглаживая древко секиры. — Мне-то не пришлось увидеть многоногого, пока я не спустился за тобой. Удерживать его хоть какое-то время одним только копьем — это, право, достойно мужчины.

— Посейдон отвернулся от нас, — горестно вздохнула Лоутра. — Он послал нам чудовищ — Креона и Антею с их черной магией. Если бы они не были чародеями, мы давно положили бы конец их власти.

Да уж, поистине эти двое — чудовища, мелькнуло в голове Кормака. Внезапно он понял, что не только магия греков стала причиной катастрофы. Мгновение назад глаза уцелевших атлантов ничего не выражали — в них застыла пустота, но сейчас он заметил, что их лица и взгляд изменились. В них появилось выражение отчаянной злости.

— У меня нет друзей по ту сторону, — угрюмо произнес Кормак. На всякий случай он отставил правую ногу назад, как бы случайно принимая оборонительную позицию.

От Вулфера не ускользнуло движение друга, и он, шагнув к кельту, обнял его за плечи.

— Эти люди тащили меня через подземные переходы связанным, — произнес ют. — Иначе я перебил бы их всех до одного, прежде чем они успели бы объяснить мне все как есть, а потом многоногий сожрал бы меня точно так же, как Аслифа, это уж точно.

— Такова была воля Посейдона, — сказала Лоутра. — Ты всего лишь его оружие.

— Бедняга Аслиф, — мрачно продолжал Вулфер, глядя куда-то вдаль. — Он был настоящим гигантом. Ему удалось на какое-то время задержать многоногую тварь, даже после того, как он остался без своего копья.

Кормак расправил затекшую под тяжестью доспехов спину и плечи, ощутив в мышцах рук привычную силу. Где-то в зарослях раздался трубный звук, и кельт вспомнил слоповий череп, который видел внизу.

— Здешние жители говорят, что отсюда нет выхода, — каким-то бесцветным голосом сказал Вулфер. — Так что греки не солгали. Они говорят, что мы можем остаться с ними на этом острове...

— Здесь больше не рождаются дети, — тихо и печально проговорила Лоутра. — Последние, кто родился здесь, это Хотин и Балла, а до них тоже долго никто не рождался — половину моей жизни. Посейдон отвернулся от нас.

Вдалеке опять протрубил слон. Кормак взглянул на королеву атлантов, но думал он о хитросплетении нитей в той сети, которую набросила на него судьба.

Кольцо воды было широко и глубоко, оно могло заключать в себе целый мир. Существа, населявшие его, могли существовать в воде с тех пор, как образовался этот загадочный мир со входом, но без выхода. Перебраться через водное пространство и при

этом остаться в живых оказалось невыполнимой задачей. Аслиф погубил саксов, которых повел за собой на плоту.

Другое дело подземные пещеры. Твари в панцирях могли подолгу обходиться без еды. Однажды Кормак нашел за подкладкой своего шлема паука, обитавшего там не меньше трех лет. Подкладка намокла от пота во время очередной жаркой битвы, и под ней пауку невозможно было найти никакой добычи, однако он, затаившись, продолжал жить.

Креон и Антея говорили о Страже так, будто чудовищная многоножка была одного возраста с ними, но из их слов можно было понять, что эта тварь одна. С одним чудовищем можно справиться, хотя по собственному опыту Кормак знал, что оружие здесь не поможет. Надо что-то придумать.

Греки, как плохие хозяева, выбрали самых лучших, полных жизненных сил атлантов себе в жертву, и за многие тысячелетия атланты на главном острове превратились в жалкое подобие людей. Вынужденные каким-то образом поддерживать свое существование, Креон с дочерью обратили свое могущество на то, чтобы находить для себя жертвы за пределами того мира, в котором они оказались заключены навечно. Ирландцы, саксы... А теперь и предводители пиратов.

Какое-то время Кормак стоял, глубоко задумавшись, совершенно неподвижно, всем своим видом напоминая бронзовую статую. Внимательно поглядев на кельта, Вулфер сказал:

— Что до меня, то я хочу немного — всего-навсего выбраться отсюда.

— Я хотел этого с самого начала, — прошептал Кормак. — И мое желание осталось неизменным. Но сначала мы должны разделаться с теми, кто затащил нас сюда. Разве не так, дружище?

Он взглянул на Вулфера и улыбнулся. Ужасным было выражение его лица в этот миг.

Ют пожал плечами и улыбнулся в ответ.

— Почему бы и нет, если ты так уж этого хочешь? Мне приходилось убивать людей и за меньшие провинности. — Он дико расхохотался, и в его глазах появилось то же хищное выражение, что и в глазах кельта. — Я убивал только для того, чтобы попробовать, остер ли мой новый меч!

Оба пирата рассмеялись и ударили друг друга по рукам ладонь в ладонь. Где-то опять протрубил слон.

— Но это безумие! — неожиданно гневно выкрикнула Лоутра, смотревшая на приготовления пиратов.

Ее слова напомнили Кормаку выражение лица Креона, когда грек понял, что кельт собирается следовать за атлантами в подземный ход. Конечно, Креону было досадно, что полный сил здоровый воин достанется не ему, а подземному чудовищу.

Вулфер примеривался к копью Аслифа. Копья не были привычным для юта оружием, но сейчас выбирать не приходилось. Да и гигантскую многоножку нельзя было назвать обычным противником.

— Человек может умереть только один раз, — назидательно ответил он. — Да и потом, Одину по душе храбрые.

— Но мы ничем не сможем вам помочь! — горячо воскликнула Лоутра. — А если вы останетесь здесь, с нами, то заклятие колдунов, может быть, не коснется вас, и тогда... Тогда у нас снова будут рождаться дети...

— Нам вовсе не нужна ваша помощь, — сурово оборвал ее Кормаку. Ему было наплевать на откровенный призыв, прозвучавший в словах Лоутры. Первая женщина, которую он увидел в этом мире, едва не погубила его. Теперь он вовсе не был уверен, что Лоутра менее опасна, чем Антея. А кроме того, перед ним стояла совсем другая задача.

Кельт опустил на колени и проверил крепость узлов на бычьих жилах, которыми веревочная лестница была привязана к трем большим старым деревьям.

Аслиф соорудил эту лестницу в расчете на свой вес и на вес атлантов, спускавшихся за ним в подземелье, но Кормак решил, что лишняя предосторожность не помешает, и со всей силой затянул узлы сам.

— Как ты думаешь, ведь об этом нашем приключении можно сложить неплохую сагу, верно? — с ухмылкой подошел к нему Вулфер. — О том, как мы с тобой полезли в логово дракона и победили его?

Ют критически оглядел свою секиру, проверил ногтем остроту лезвия. Перед этим он, наверное, целый час точил его камнем, хотя с тех пор, как месяц назад они одержали победу в битве в Оркнее, оно едва ли успело сильно затупиться. Голубые лучи Креона застали юта врасплох, он просто не успел пустить в дело свое любимое оружие.

— Правда, это не настоящий дракон, — продолжал он, — да и сложить о нас сагу будет некому. А жаль, славная бы вышла история.

— Если повезет, нам не придется драться с этой тварью, — отозвался Кормак. — Сходим туда и вернемся обратно, вот и все.

Он еще раз оглядел лестницу и все их снаряжение, потом взглянул на ухмыляющегося юта.

— Все готово. Как ты?

— Не придется драться? — разочарованно переспросил Вулфер. — Ну, впрочем, как скажешь. Тебе виднее.

Кормак сбросил лестницу вниз. Бамбуковые перекладины весело застучали. Бамбук, конечно, не очень надежный материал, но веревки крепкие, должны выдержать, даже если какая-то ступенька и сломается. Так подумал Кормак и начал спускаться вниз.

Башмаки Кормака коснулись беспорядочно наваленных камней. Здесь, в подземелье, по-прежнему раздавались шорохи, напоминающие глубокие вздохи. Кельт нахмурился: они могли заглушить иной звук — звук приближения врага, и тогда друзья окажутся в опасной близости от Стража...

Кормак спрыгнул с лестницы; следом за ним, ворча что-то себе под нос, спрыгнул и Вулфер. Ют легко управлялся со своей секирой в любой кровавой схватке, но тут ему пришлось карабкаться по веревочной лестнице, а этим искусством Вулфер владел не слишком-то хорошо.

— Ну, что теперь будем делать? — спросил он, оглядываясь. — Ты не собирался драться, но у многогого могут оказаться на этот счет совсем другие планы.

— Сюда, — сказал Кормак, направляясь вниз по скату. — Нам надо обрушить одну из тех колонн, что подпирают свод там, подалее от входа.

— А в этом случае мы не останемся здесь навсегда? — с сомнением пробормотал Вулфер. — Впрочем, делай, как знаешь.

Гулкое эхо их шагов вызвало у кельта мысли о чудовищной твари. Но пока гигантской сороконожки поблизости не было. Что ж, у нее достаточно обширные владения. Может быть, им удастся сделать то, что задумано, и вернуться наверх прежде, чем тварь окажется рядом. А может быть, чудовище и вовсе не учует пиратов — ведь оба его уса отсечены. И может, откуда ни возьмись появится друид, взмахнет золотым волшебным жезлом и вернет их с Вулфером в тот мир, где они родились?..

— А чем тебе не нравится эта? — спросил Вулфер, когда они проходили мимо одной из колонн. Во время землетрясения она сильно накренилась, и вдоль нее сверху донизу шла глубокая трещина. Было бы нетрудно закончить разрушение, начатое природой, хотя вряд ли это привело бы к чему-то дельному.

— А почему ты не рассказал атлантам, что ты задумал? Зачем тебе понадобилась такая таинственность?

— Все равно они ничем не помогли бы нам, — ответил кельт, однако на самом деле он просто привык держать свои замыслы в глубокой тайне, никому не

доверяя. — Они даже могли попытаться нам помешать. В конце концов, у нас с ними разные намерения.

Следующая колонна стояла довольно далеко, ярдах в пятидесяти — по крайней мере, так казалось Кормаку.

— Вот эта нам подойдет, — сказал он и вставил острый металлический стержень между двумя рядами каменной кладки.

Дикари делали свои инструменты из тех металлов, которые можно было найти в разрушенных строениях, — из бронзы, олова и меди. У них не имелось ни железа, ни стали, но этот стержень был выкован из крепкой тяжелой бронзы. Кормак собирался использовать его как рычаг.

Вулфер поглядел на колонну и вставил наконечник копья Аслифа под бронзовый стержень. После этого он изо всей силы налег на древко.

Камень медленно, со скрежетом начал выворачиваться с места и в конце концов выпал из кладки. Кормак подхватил рычаг и, вставив его между камнями нижнего ряда кладки, навалился на него со всей силой молодого тигра, так, что бронза погнулась.

Вулфер с рычанием пришел на подмогу кельту. Камень сдвинулся и рухнул к подножию колонны...

...Колонны были сложены без известкового раствора, к тому же их изрядно покорежило землетрясение, в результате которого затонула Атлантида. Все, что нужно было сделать пиратам, — это выломать камни одного ряда кладки, а остальное довершит за них тяжесть свода...

Неприятной встречи избежать не удалось. Спустя несколько мгновений кельт расслышал странные чавкающие звуки... Из темноты на Кормака и Вулфера надвигалась гигантская многоногая тварь, размеренно ступая всеми неуклюжими лапами по слабо светившейся плесени.

— Заканчивай работу! — прокричал другу Кормак. Сам он бросил рычаг, выхватил из ножен меч и

прикрылся щитом. Все это он проделал почти машинально, ни на миг не задумываясь. — Я задержу его!

— Нет! — взревел Вулфер, выхватывая копьё из трещины, куда он только успел его вставить.

— Тупоголовый ют! Единственная для нас возможность спастись — это обрушить свод! — крикнул Кормак, шагнув навстречу чудовищу.

Тварь остановилась и приподняла голову и переднюю часть тела. Кельт пригнулся, и ядовитые жала не задели его, мелькнув над головой.

Кормак оказался в настоящем лесу из огромных омерзительных волосатых лап с клешнями. К тому же лапы были покрыты роговыми пластинами. По одной из них он ударил мечом, и неожиданно для него самого этот удар пробил толстую шкуру, покрывавшую сустав.

Из раны полилась не кровь, а какая-то бесцветная жидкость; лапа дернулась.

Изогнувшись, сороконожка повернулась, и с обоих жал брызнула ядовитая слюна. Челюсти безостановочно открывались и закрывались — во время нападения все инстинкты твари были направлены на пережевывание добычи.

Кормак упал, откатился в сторону и снова быстро вскочил на ноги. Голова чудовища покачивалась, но поврежденные глаза и усы не давали ему возможности быстро обнаружить жертву, так что несколько мгновений Кормаку ничто не угрожало.

Из колонны один за другим выпало несколько камней. Вулфер работал одновременно и копьём, и рычагом. Он набросился на колонну с таким остервенением, будто перед ним был отряд врагов. Если он и видел схватку Кормака с многоногой тварью, то ничем этого не показывал.

Кормак тяжело дышал. Сороконожка обнаружила его и опять развернулась, пошевеливая остатками усов. Кельт опять шагнул ей навстречу и едва не упал, поскользнувшись на скользкой плесени.

Ядовитые жала ударили в щит слева. Щит выдержал удар, но Кормак отлетел назад и ударился о камень. Левая рука, которой он держал щит, почти онемела.

Сороконожка надвинулась на человека. Челюсти клацнули, словно камень о камень. Кормак извернулся, думая о том, как бы не подставить под удар острых жал обнаженные ноги.

В этот момент Вулфер схватил его за плечо и резко оттащил в сторону. Удар мощной бронированной головы пришелся прямо по колонне.

Колонна рассыпалась на куски, любой из которых мог наповал убить человека, в какие бы прочные доспехи он не был одет. Лапы сороконожки продолжали по инерции двигаться вперед; на спину, покрытую панцирем, падали камни.

Кормак отполз подальше от падающей колонны, а заодно и от чудовища. Щит звенел, как гонг, при каждом прикосновении к полу подземелья, но даже Кормак с его острым слухом не слышал этих звуков из-за грохота падающих камней.

Остатки древней Атлантиды начали разрушаться. Обшитый металлом свод прогнулся и треснул; сверху сначала небольшой струйкой, а потом все более сильным и обширным потоком полилась вода. Пиратам повезло: в этом месте над подземельем был уже ров с водой, а не пласты твердой земли.

Теперь оставалось только благополучно выбраться на поверхность.

Вулфер перегнулся пополам, прижав к груди огромный камень. Это была часть капителя колонны. Сначала, взглянув на друга, Кормак ничего не понял, но в следующий момент ему стало ясно, что произошло: камень ударил юта в грудь так, что у него замерло дыхание.

Кельт поднял Вулфера одной рукой, не вспомнив о своем щите и не вложив меч в ножны.

— Пошли, ленивая скотина! — крикнул он. — Как ты думаешь, я выберусь отсюда, если ты не потащишь меня на себе?

Вместе с потоком воды в подземелье летели комья грязи и водоросли. Вода покрыла слой плесени на полу, и слабое свечение исчезло.

Вулфер, все еще согнувшись и прерывисто дыша, судна переставлял ноги. Он потерял копье Аслифа. Левой рукой он обхватил Кормака за пояс. Кельт шел вперед, волоча друга за собой. Но здоровяк Вулфер понемногу приходил в себя. Он по-прежнему сжимал секиру в правой руке. Он всегда был готов схватиться с врагом.

Вода доходила друзьям уже до колен, идти становилось все труднее. Шум водопада заглушал все остальные звуки.

Но вот наконец забрезжило пятно яркого багрово-зеленого света. Веревоочная лестница покачивалась от движения воздуха, идущего от потока воды.

Вулфер убрал руку с пояса Кормака и повернулся назад, занеся над головой секиру. Уловив движение друга, кельт повернулся вслед за ним. Это была давняя привычка, приобретенная за долгие годы во многих кровавых битвах.

Поднимая лапами фонтаны брызг, огромная сороконожка надвигалась прямо на них.

Со страшным криком Кормак ударил чудовище щитом в морду. Тварь, как и в прошлый раз, подняла голову и переднюю часть туловища. Видимо, ее крохотный мозг был способен только таким образом реагировать на прямое нападение, сколько бы подобное ни повторялось. Вулфер изо всей силы опустил вперед секиру и мощным ударом перерубил одну из огромных лап с правой стороны туловища.

Сороконожка наклонилась над кельтом, не обращая никакого внимания на острие меча, упиравшееся в пластину панциря между туловищем и головой. Меч не принес твари никакого вреда — ее защищал хитиновый покров.

Лапа с клешней толкнула Кормака в грудь, и он упал спиной в воду, едва успев прикрыться щитом. Но

вот одно из ядовитых жал пробило щит и скользнуло по запястью кельта. Он закричал, продолжая барахтаться в холодной воде и пытаясь подняться.

Вулфер ударил тварь секирой, отступил на шаг и ударил еще раз. Каждый раз испытанное боевое оружие отсекало одну из лап чудовища. Ют занес секиру над головой для четвертого удара, но в этот миг тварь резко попятилась назад.

Левой рукой Вулфер помог Кормаку встать на ноги. В правой он сжимал секиру, не сводя глаз с отступившей сороконожки. Омерзительная тварь свернулась кольцом вокруг груди камней. В багрово-зеленом свете ее длинное туловище казалось коричневым.

— Стобой все в порядке? — спросил Вулфер. Двигаясь спиной к спине, друзья начали подниматься по скату туда, где висела веревочная лестница. Сороконожка в любой момент могла опять накинуться на них.

— Да, — ответил Кормак, потирая левую руку. Ядовитое жало только скользнуло по его запястью, не поранив, но в том месте, где оно коснулось кожи, кельт чувствовал слабое жжение.

Наконец они достигли цели, однако Кормак был уверен, что как только один из них начнет подниматься по лестнице, чудовище нападет на второго.

— Поднимайся первым, — сказал он Вулферу тоном, не допускавшим возражений. — Я пойду следом за тобой.

— Так я тебя и послушался! — ответил ют. — Ты первым спускался, тебе первому и подниматься. Давай пошевеливайся.

Вода продолжала прибывать и уже плескалась в начале ската. Тварь снова развернулась и направилась к людам. Пираты отскочили в разные стороны; каждый встал так, чтобы не мешать другому своим оружием.

Вулфер занес над головой секиру. Кормак выставил вперед правую ногу, приготовившись налечь на меч всем весом своего тела. Он вовсе не надеялся, что мечом удастся пробить мощный панцирь чудовища, и

догадывался, что даже смертельно раненная сороконожка проживет еще столько, что успеет сожрать их обоих. Однако его правилом было драться до конца, каков бы он ни представлялся...

Кормак не мог себе представить, что будет с Атлантидой, когда вся вода уйдет под землю. Он понимал только, что у них с Вулфером есть еще немного времени, и этого времени вполне хватит, чтобы расправиться с коварными греками.

Из отверстия, ведущего в подземелье, поднялась отвратительная голова сороконожки. Огромные челюсти, не останавливаясь ни на миг, перемалывали останки последней королевы атлантов.

Меч Кормака рассек сустав одной из лап чудовища. Вулфер поднял секиру и опустил ее на покрытую панцирем голову, словно молот.

На земле поднялась часть туловища твари. Кормаку удалось перерубить еще одну лапу с клешней. Секира Вулфера пробила панцирь, поднялась и опустилась опять.

Сороконожка скользнула назад и скрылась в отверстии.

— А теперь пойдем и разделаемся с греками, — сказал Вулфер, вытирая лоб. — Пусть бы их оказалось и больше двух.

Не теряя понапрасну времени, Кормак и Вулфер направились по дну рва к главному острову. Дно было покрыто толстым слоем ила, так что друзья шли по колено в скользкой вязкой массе. Кельт отчаянно ругался и высоко поднимал меч.

Неподалеку в иле билась огромная рыба, длиною ярдов в пять. При таких размерах она могла бы запросто проглотить человека. Ее чешуя блестела в ярком свете искусственного солнца. Без воды ей оставалось жить совсем недолго. Любителей падали ждал недурной пир.

Переход по илистому дну оказался изнурительным и занял гораздо больше времени, чем рассчитывал Кормак.

Оставалось только надеяться, что Креон и Антея не ждут их возвращения и не успеют подготовиться.

А впрочем, кельту было уже все равно. Он чувствовал в себе такую ярость, что мог бы сразиться с кем угодно голыми руками и без доспехов.

— Проклятый жезл там, где ему самое место. Теперь он не сможет убивать людей так, как убивал до сих пор, — неожиданно с горечью произнес он. — Она не должна была этого делать!

— Кто знает, почему человек поступает так или иначе? — задумчиво отозвался ют.

Башмаки Вулфера хлюпали по жидкой грязи. Кормак быстро прошел еще ярдов двадцать и остановился, чтобы перевести дух перед следующим рывком.

Центральный остров был окружен мраморным парашетом, поднимавшимся на полтора фута над уровнем воды, когда она еще заполняла ров. Едва ли после столь тяжелого перехода друзья смогли бы вскарабкаться по гладкой мраморной поверхности. Справа, в сотне ярдов от пиратов, виднелась полуразрушенная мраморная площадка, от которой вниз шла широкая лестница. Кельт изменил направление и двинулся туда. За площадкой на берегу он увидел сверкающие серебром стены здания. Видимо, это и был дворец.

Неподалеку, наполовину зарывшись в грязь, лежало существо со множеством щупальцев. Оно было покрыто панцирем. Поначалу Кормак подумал, что оно сдохло, но потом заметил большой выпуклый глаз, глядевший в их с Вулфером сторону. Однако пираты были на таком расстоянии от странного существа, что оно никак не смогло бы дотянуться до них щупальцами.

Вулфер хмыкнул, кивнув в сторону удивительного создания:

— Лучше уж тащиться по колено в грязи, чем плыть рядом с этакой тварью.

Вдали, из-за закрученной стены, показалась чешуйчатая голова, которая покачивалась на длинной мощной шее футах в десяти от поверхности. Два бле-

стящих глаза уставились на Вулфера и Кормака долгим взором, словно чудовище размышляло, подходящая ли это для него добыча.

Наверное, пираты в качестве трапезы все-таки устроили кронозавра, потому что он испустил злобный крик и двинулся по направлению к ним.

— Рядом с таким уродом плавать тоже невесело, — пробормотал ют. — Впрочем, с ним, должно быть, и ходить-то опасно.

— Бежим! — крикнул Кормака.

До мраморной площадки оставалось еще ярдов сто — там они должны были оказаться вне досягаемости кронозавра. Он был пока достаточно далеко, но продвигался по илу очень быстро. Конечно, теперь, без воды, он не проживет долго, но пока что он был жив, голоден и, судя по всему, очень свиреп.

Может быть, если бы они остановились и замерли на месте, чудовище не тронуло бы их? Раздумывать об этом времени не оставалось. Было ясно, что кронозавр предназначил их обоих себе на обед.

Слой ила высотой до колен замедлял движения. Ничего героического не будет и том, что они утонут в этой грязи или их сожрет невиданная тварь...

— Если мы добежим... до лестницы... — задыхаясь, выговорил ют, — ты один... сможешь его... задержать?

— Смогу! — крикнул в ответ Кормака.

Все его тело словно горело огнем. Горели ноги, руки, жар разливался по груди, и красная пелена застилала глаза. Кельт не понимал, что задумал Вулфер, но размышлять об этом не стал. Главное — побыстрее добраться до мраморной площадки. Он вовсе не собирался заканчивать жизнь в желудке чудовища, хотя надеяться оставалось только на чудо.

Башмаки Кормака застучали по мраморным ступеням. Он перепрыгивал через две ступеньки сразу. Две, еще две. Теперь, по крайней мере, под ногами была не грязь, а твердая опора.

Кормак остановился и обернулся. Мимо него проскочил наверх Вулфер, оставляя на ступеньках грязные следы. Голова кронозавра метнулась к людям, из раскрытой пасти высунулся длинный раздвоенный язык. Меч Кормака, описав в воздухе широкую дугу, отсек часть языка чудовища. Брызнула кровь.

Кронозавр отклонил голову назад; его вытянутые челюсти сомкнулись. Грудь чудовища поднималась и опускалась, из ноздрей вырывался струями пар. Ноздри прикрывались своеобразными клапанами, которые открывались во время выдоха и закрывались после вдоха.

Кормак перешагнул еще через две ступеньки, потом еще. Чудовище не отставало. Его спину покрывала черная с зеленою чешуя — ее пластины переливались в свете искусственного солнца.

Кончиком меча Кормак ударил по приоткрытой пасти и рассек десны кронозавра. Конечно, эта рана вовсе не была опасной, да и вообще Кормак не представлял, как нужно ранить это чудовище, чтобы нанести ему хоть какой-то вред.

Боль опять заставила тварь с рычанием откинуть голову назад. Конечно, кельт понимал, что справиться с кронозавром ему не под силу, однако точными ударами меча можно было хотя бы ненадолго задержать его. В отличие от исполинской сороконожки, он, по-видимому, был способен испытывать боль и неприятные ощущения останавливали его.

Кормак повернулся и взбежал по лестнице наверх, думая о том, как бы не оступиться, — если только он поскользнется и полетит вниз, все будет кончено. Но вот он добрался до площадки. Над ней поднимался полуразрушенный купол; большая часть колонн уцелела. За ними можно было укрываться от выпадов чудовища.

Кронозавр выгнул мощную шею и скользнул вперед, помогая себе передними лапами. Огромное туловище распростерлось на ступенях, разрушая древний мрамор. Отвратительная голова металась туда-сюда, лишь каким-то чудом еще не сбив человека с ног.

Решив не ждать нападения, Кормак ударил мечом в горло кронозавра. Однако шея чудовища была точно покрыта железом. Меч вошел в нее на длину ладони, а кровь едва проступила. Нечего было и думать о том, чтобы перерубить артерии.

Кронозавр в ярости мотнул головой, и в следующий миг его челюсти сжали одну из колонн. Кормак увидел зубы чудовищных размеров, невероятно широкие у основания и чрезвычайно острые. Эти зубы были предназначены для того, чтобы сокрушать панцири других тварей, вроде той, что неподвижно лежала в иле на дне рва, когда пираты вышли из подземелья.

Зубы кронозавра крошили мрамор, как мягкий известняк. Колонны были сложены из отдельных цилиндров, скрепленных между собой свинцовыми скобами. Видимо, под зубами чудовища оказалась такая скоба — он отдернул голову и двинулся дальше. На суше он передвигался довольно неуклюже, ворочая лапами. Кормак занес было меч над головой, но удар огромного лапа отбросил его футов на двадцать.

Шея кронозавра вытянулась, и голова его оказалась у самой груди Кормака. Кельт успел подумать, что на этот раз его не спасет кольчуга, которой он так гордился. Ведь он только что видел, как эти зубы крушили мрамор...

В этот миг стрела пригвоздила раздвоенный язык чудовища к небу.

Кронозавр зарычал и поднял голову навстречу новому врагу. На дорожке, выложенной мраморными плитами и ведущей во дворец, стоял Вулфер, сжимая в руках свой лук.

Пока Кормак поднимался на ноги, ют выпустил еще одну стрелу в раскрытую пасть чудовища.

Снова зарывав, разъяренное чудовище вползло на мраморную площадку, смегая на своем пути оставшиеся колонны. Посуху оно передвигалось с трудом, но от этого не становилось менее опасным.

Сердце Кормака замерло, когда эта тварь двинулась мимо него. Лезвие меча вошло в кожу кронозавра.

ра чуть ли не на локоть, однако рана эта, видимо, была для исполина не страшнее пустячной царапины.

Вулфер держался с таким невозмутимым видом, будто командовал сейчас целой армией. Следующая его стрела впиалась в правое нижнее веко чудовища, а сразу вслед за ней ют послал стрелу прямо в немигающий глаз.

Кронозавр повернул голову направо. Его примитивный мозг не мог иначе отреагировать на потерю зрения с одной стороны.

Вулфер использовал каждый миг. Стрелы вонзались в шкуру одна за другой, но не причиняли кронозавру никакого вреда.

Кормаку пришлось упереться в бок чудовища ногой, чтобы вытащить меч. Он напряг все силы, даже те, о наличии которых в себе не ведал сам, — казалось, меч застрял в скале. Наконец ему удалось освободить свое оружие. И тогда проклятая тварь вновь повернулась мордой к нему. Кельт бросился на мраморные плиты площадки и перекатился под огромным туловищем. Теперь он стал невидимым для полуослепшего чудовища. Мощный лапс хлопнул по мрамору как раз в том месте, где только что стоял Кормак.

Кронозавр попытался уйти назад. Стрелы Вулфера были для него как осинные укусы для человека: если бы их было слишком много, они, пожалуй, могли оказаться смертельными.

Ют перестал стрелять. Чудовище сползло вниз и двинулось по дну рва, поднимая фонтаны грязных брызг.

— Отличная работа... — начал Кормак. Вулфер поднял лук и изо всей силы натянул тетиву. За полетом стрелы почти невозможно было проследить. Она вонзилась в шею кронозавра, у самого основания головы. Словно не заметив этого, чудовище продолжало шлепать через ров по слою ила и грязи.

Вулфер опустил лук. Эта стрела была последней в его колчане.

— Он уходит, — произнес Кормак, стирая правое запястье.

— Верно,— отозвался ют.— И теперь мы знаем, что он не вернется.

Пожав плечами, Кормак сорвал несколько листьев с ближайшего куста и обтер ими лезвие своего меча.

— Пойдем искать греков,— сказал он.

Когда пираты подошли к задней стене дворца, земля под их ногами содрогалась. Со стены сорвалась тяжелая серебряная пластина и со звоном упала на мраморную дорожку.

Вулфер ухмыльнулся.

— Думаю, они понимают, что мы пришли вернуть им долг,— произнес он.

— Так оно и есть,— отозвался Кормак. Двери были распахнуты настежь — никто не закрыл их после того, как ют выбежал из дворца со своим луком и колчаном, спеша на помощь другу, так что теперь пираты беспрепятственно вошли внутрь. Оба они держали наготове оружие, оба напряжились, приготовившись к смертельной схватке.

Однако по дороге в обеденный зал друзья никого не встретили. В самом зале они обнаружили почти прежнюю картину. Тела убитых дикарей исчезли, однако брызги крови и сломанная мебель напоминали о том, что произошло здесь совсем недавно.

За второй дверью, ведущей из зала, стояли двое слуг, негромко переговариваясь между собой. Когда за их спинами, как из-под земли, выросли пираты, атланты отчаянно закричали и попытались убежать. Кормак стремительно бросился наперерез и поймал маленькую женщину за плечи.

Вулфер наклонился к пленнице:

— Где твои хозяева?

Маленькая смуглая женщина опустила на пол, закрыла лицо руками и тоненько жалобно заскулила.

— погоди-ка, дружище,— сказал Кормак.— Они же не понимают нашего языка.

Он поднял служанку на ноги. Весила она не больше ребенка. Может быть, она и была ребенком. Все эти

атланты выглядели сморщенными маленькими старичками.

— Креон? — спросил он, пытаясь придать своему голосу мягкость. — Антея? Скажи, девочка, где они.

Должна же она, в конце концов, знать имена своих хозяев.

— Где Креон и Антея?

Пленница продолжала скулить. Неожиданно из-за двери выглянул второй слуга и быстро закивал. Указательным и средним пальцами вытянутой руки он показывал себе за спину.

Кормак оставил женщину, и они с Вулфером вместе протиснулись в дверь. Маленький атлант семенил впереди, с ужасом поглядывая на пиратов через плечо. Он выбежал из дворца и показал на храм.

— Отлично. Вперед! — рявкнул ют. Кормак не отставал от него, сжимая в руке меч.

Слуга показал внутрь храма и остановился. Кормак обернулся, чтобы посмотреть, нет ли погони, и увидел в дверях дворца еще нескольких слуг, боязливо жавшихся друг к другу.

Земля содрогалась. Некоторые из каменных плит, которыми было вымощено пространство между храмом и дворцом, находили друг на друга, между другими на глазах увеличивались трещины.

Кормак вбежал в храм первым. В огромном зале под куполом не было никого, хотя здесь могли поместиться тысячи людей.

Дальняя дверь — из нее появились греки, когда Кормак и Вулфер пришли в себя после падения из своего мира в этот, чужой — была и сейчас открыта.

— Туда, — решительно сказал Кормак. Гул, которым сопровождалась подземные толчки, заглушил его голос, однако Вулфер и сам уже увидел открытую дверь.

Вниз от нее вела винтовая лестница. Ее ступени поблескивали серебром. Лестница ходила ходуном под ногами пиратов, узкие ступени двигались, как живые.

По стенам, словно мириады крошечных копий искусственного солнца, прыгали дрожащие красно-зеленые огоньки.

Если бы не знакомое голубоватое сияние возле дальней стены, Кормак не увидел бы Креона и Антею в огромном зале. Они стояли рядом с уцелевшим магическим ящиком; над ним поднимался голубоватый свет.

Из стены выламывались и с грохотом падали на пол огромные камни, из-под которых в зал текла вода. Антея пыталась остановить разрушение, направляя на стену колдовские лучи.

Однако остановить катастрофу магическое устройство греков уже не могло. Сила магии заключалась в поглощаемой голубым сиянием человеческой жизни, а вода не была живой. До тех пор пока колдовские лучи питались чужой жизнью, они могли пресекать любое противодействие, но сейчас у них не было силы, способной сдержать напор воды...

В жалком создании, стоявшем позади металлического ящика, почти невозможно было узнать Креона. Антея стала похожа на муху, из которой наук высосал кровь. Она повернулась к двери и попыталась поднять руку, но не смогла.

Кормак вспомнил девушку по имени Лоутра, погибшую в пасти отвратительного чудовища. Он не улыбнулся, однако и печали в его сердце не было.

Голубое сияние внезапно исчезло. Стена рухнула и погребла под собой Креона, Антею и магический ящик.

Вулфер потянул Кормака за плечо, и пираты быстро поднялись обратно в храм.

Землетрясение продолжалось. Вот рухнула и разлетелась на мелкие куски одна из огромных колонн. Остаться в храме — значило неминуемо погибнуть, посему друзья поспешили к выходу.

Пол под куполом вздыбился; тяжелые шестиугольные плиты поднялись и опять упали; колонны трескались. Вниз посыпались обломки купола.

Наружные колонны раскачивались из стороны в сторону; наконец каменные цилиндры, из которых они состояли, развалились и рухнули на обломки храма.

Кормак с обнаженным мечом в руке в какой-то момент оказался на краю мраморной плиты, вздыбившейся на десять футов над плитой возле входа в храм. Он не удержался на ногах и покатился куда-то вниз. Однако со следующим подземным толчком ему удалось вскочить на ноги.

Тяжелые мраморные колонны и купол, разрушаясь, проваливались куда-то вниз, в подвалы. Оттуда вырывались клубы пара. Смешиваясь с тучами пыли, они окутывали разрушенный храм так, что на его месте уже ничего нельзя было разглядеть.

— Вулфер! — изо всех сил крикнул Кормак. Звук его голоса потонул в страшном грохоте землетрясения. Искусственное солнце померкло, его скрывали теперь пар и пыль. Багрово-зеленый свет сменился бледно-шафрановым, напоминающим цвет остывающих в очаге углей.

— Вулфер!

Огромная рука юта схватила руку Кормака. Оба держали оружие наготове, хотя в этом теперь не было никакой нужды. Биться было не с кем, но пираты считали, что наступил их последний час, а настоящему мужчине подобает умирать с оружием в руках.

Секира, меч и верный друг — что еще нужно, когда наступает конец света?

Искусственное солнце давало теперь не больше света, чем луна в утреннем ясном небе. Отовсюду слышался страшный гул — мир рушился.

Рядом с друзьями опять вздыбилась поверхность вымощенного двора. Огромная сосна, в сотню футов высотой, закачалась и, вывернувшись из земли с корнями, рухнула в нескольких ярдах от людей. Бежать было некуда.

Внезапно небо треснуло, как скорлупа огромного яйца, и сквозь трещину, рассеивая непроглядную

тму, засияло настоящее солнце, умытое туманами земных северных морей. Огромный водяной вал захлестнул то, что некогда было великой Атлантидой; земля ушла из-под ног пиратов.

В последний миг Кормак успел вложить меч в ножны.

— Сюда! — крикнул он, увлекая за собой Вулфера к дереву, едва не раздавившему их несколько мгновений назад. Теперь в свете настоящего солнца можно было разглядеть что-то рядом.

Пираты ухватились за ветви огромного дерева. Кормак подумал, что надо бы привязать себя к дереву хотя бы поясами, однако времени на это не оставалось. К тому же трудно было угадать, каким образом поток воды перевернет дерево вместе с ними.

Огромная соленая волна накрыла их с головой и вынесла куда-то из мира, который должен был исчезнуть несколько тысячелетий назад.

Дерево вздрогнуло, стремительно закрутилось в воде и полетело куда-то. Кормак изо всех сил держался за крепкие ветви. Земля исчезла в глубинах настоящего моря. Огромная волна, видимо, ушла дальше. Теперь со сна спокойно покачивалась на воде. Кормак перебрался наверх и огляделся в поисках Вулфера. Из воды высунулась рука, ухватилась за ветку в десяти футах от кельта.

Кормак вскочил на ноги, балансируя на стволе дерева, как он часто делал, стоя на носу корабля. Однако прежде чем он успел прийти на помощь другу, из воды показалась вторая рука, а за ней голова, мокрая рыжая борода и мощные плечи Вулфера. Ют сплонул, глубоко вдохнул и взгромоздился на дерево верхом, как на коня.

— А я уж подумал, что ты решил меня бросить, — сказал Кормак.

Вулфер вытащил из-за пояса секиру и вонзил ее глубоко в ствол дерева. Теперь за ее древко можно было держаться.

— Что ты хочешь этим сказать? — проворчал он. — Ты, наверное, забыл, что капитан-то я!

Краем глаза Кормак уловил какое-то движение в воде неподалеку. Скорее всего, это была рыба. Но могло быть и так, что это вынырнул из воды уцелевший кронозавр. Кормак невольно рассмеялся. Выйти живыми из такого приключения и оказаться-таки сохранными отвратительным чудовищем!

— Не вижу ничего смешного,— прорычал Вулфер.— Ты, конечно, не догадался прихватить ничего съестного?

— Я не...— начал было Кормак, но, не договорив, вскочил на ноги. Вулфер на всякий случай схватил друга за ногу.

— Я действительно не прихватил с собой ничего съестного,— произнес Кормак,— но я думаю, что съестное найдется у них. Гляди-ка, это же наш корабль! Эти лодыри отдыхают! Смотри, весла опущены в воду, парусов нет. Вот что делает с людьми перемена погоды!

Он поднял меч и замахал им над головой:

— Эй! Эй вы, бездельники! Эй!

Поднялся и Вулфер:

— Эй, на корабле! Гакон, ленивая скотина! Быстро на весла!

Корабль стоял в четверти мили от сосны, на которой плыли друзья. Однако кто-то услышал призыв своего капитана. Весла дружно ударили по воде.

Кормак и Вулфер опять уселись на ствол, ожидая встречи с викингами. Еще несколько мгновений назад они и мечтать не могли о такой удаче.

— Спасибо тебе, что ты бросился за мной в воду,— сказал Вулфер, не глядя на друга.

Кормак усмехнулся.

— За сокровища целого мира не позволил бы тебе утонуть.

Он вспомнил маленькую Лоутру, вздохнул и стал ждать приближения корабля.

КЛИНКИ
ДЛЯ ФРАНЦИИ

ВОИТЕЛЬНИЦА

1

Агнес! Рыжее отродье дьявола, где ты? — это был крик отца — по-другому он ко мне и не обращался.

Я откинула с лица мокрые от пота волосы и взвалила на плечо связку хвороста. Отдыхать мне случилось редко.

Отец раздвинул кусты и вышел на поляну — высокий, худой, злой. Лицо его было темным от загара, приобретенного во время многочисленных военных кампаний, и покрыто шрамами, полученными на службе у алчных герцогов. Увидев меня, он нахмурился — пожалуй, если б на его лице появилось другое выражение, я бы его и не узнала.

— Где ты прохлаждаешься? — заревел он.

— Ты же сам послал меня в лес за хворостом, — ответила я угрюмо.

— Разве я послал тебя на целый день? — рявкнул он, пытаясь отвесить мне подзатыльник, от которого я увернулась с ловкостью, приобретенной большим опытом. — Ты что, забыла, что сегодня твоя свадьба?

При этих словах пальцы мои бессильно разжались, и бечевка выскользнула из рук, вся связка хвоста рассыпалась по земле. Мне показалось, что даже солнце как-то потускнело, а птицы запели печальнее.

— Я забыла, — прошептала я пересохшими внешне губами.

— Давай, собирай свои ветки и ступай домой, — сердито произнес отец. — Солнце уже садится. Неблагодарная дрянь, проклятая негодница, твой отец должен тащить свои старые кости через весь лес, чтобы привести тебя к мужу.

— К мужу! — пробормотала я. — Это к Франкусу?! Черт побери!

— Ах ты дрянь, ты смеешь поминать черта? — заревел отец. — Проучить тебя снова? Ты смеешь пренебрегать человеком, которого я для тебя выбрал? Франкус — самый прекрасный юноша во всей Нормандии!

— Он жирная свинья, — прошептала я. — Чавкающая, вечно жующая, тупорылая свинья!

— Замолчи! — вскрикнул отец. — Он будет мне поддержкой в старости. Я больше не могу ходить за плугом. Старые раны дают себя знать. Муж твоей сестры Изабель — собака, он мне не помощник. А Франкус не такой. Он тебя укротит. Он тебе потакать не будет, как я. Он-то уж тебя пообломает, моя красавица.

Услышав это, я почувствовала, что кровь в моих жилах закипела и кровавая пелена заволокла взор. Так всегда случалось при разговорах о том, что меня пора усмирить. Я швырнула на землю ветки, которые до этого машинально собирала и увязывала, и вся моя ярость вылилась в крик:

— Пусть он сгниет в аду, и ты вместе с ним! Я не выйду за него замуж. Бей меня, хоть убей! Используй, как хочешь, но я никогда не лягу с Франкусом в одну постель!

Глаза отца загорелись таким гневом, что я бы дрогнула, если б не охватившее меня бешенство. В его взгляде отражалось пламя ярости, насилия, то, что

жило в отце, когда он грабил, убивал и насиловал, будучи воином Вольного Отряда. Он бросился на меня и попытался ударить кулаком в голову. Я увернулась, он ударил левой, но снова мимо. Так он колотил воздух, пока со звериным криком не поймал меня за волосы и не намотал их на руку, дернув назад мою голову и чуть не сломав шею. Затем он ударил меня правым кулаком в подбородок, и свет померк перед моими глазами.

Должно быть, я пробыла сколько-то времени без сознания — достаточно долго, чтобы он успел перетащить меня из леса в деревню. Не в первый раз я приходила в себя после побоев, но сейчас меня тошнило, голова кружилась, и все тело болело от ссадин и синяков, полученных, пока отец волок меня по земле. Я лежала в нашей жалкой лачуге. Когда я с трудом приподнялась и села, то обнаружила, что вместо простого шерстяного платья на мне свадебный наряд. Клянусь святым Дионисием, почувствовать его на себе было отвратительнее скользкого прикосновения змеи, меня охватила дрожь, я хотела сорвать его с себя, но снова подступили тошнота и головокружение, и я со стоном повалилась на пол. И опять на меня навалилась тьма, еще чернее, чем прежний обморок, и я увидела себя в ловушке, из которой нет выхода. Сила вытекала из меня; я бы расплакалась, если б могла. Но я никогда не умела плакать, и теперь была слишком слаба, чтобы проклинать отца. Я просто лежала, тупо уставившись на изгрызенные крысами бревна нашей лачуги.

Затем я почувствовала, что кто-то вошел в комнату. Откуда-то издали послышались разговоры и смех, словно где-то собиралась толпа. Это Изабель пришла ко мне, неся в руках своего младшего ребенка. Изабель смотрела на меня сверху вниз. Я подумала о том, как она ссутулилась, как искривились от тяжелой работы ее пальцы и что лицо ее покрылось морщинами от постоянной усталости и боли. Праздничная одежда подчеркивала все то, чего я раньше не замечала, видя ее в обычном крестьянском платье.

— Все готово к свадьбе, Агнес,— произнесла она робким, как всегда, голосом.

Я молчала. Она усадила ребенка на пол и встала на колени рядом со мной, глядя мне в лицо со странной печалью.

— Ты молода, сильна и свежа, Агнес,— сказала она так, словно говорила больше сама с собой, чем со мной.— Почти прекрасна в этом свадебном наряде. Разве ты не счастлива?

Я устало закрыла глаза.

— Ты должна смеяться и веселиться,— вздохнула она; вздох походил больше на стон.— Это бывает только раз в жизни девушки. Ты не любишь Франкуса. Но и я не люблю Гийома. Жизнь женщины трудна. Твое стройное гибкое тело согнется и усохнет, как мое, от вынашивания детей, пальцы скрючатся, а сознание исказится и затуманится от непосильного труда, усталости и вечно стоящего перед глазами лица, которое ты ненавидишь...

Я открыла глаза и удивленно посмотрела на нее.

— Я лишь на несколько лет старше тебя, Агнес,— прошептала она.— Ты хочешь стать такой, как я?

— Что девушка может сделать? — беспомощно произнесла я.

Внезапно в ее глазах вспыхнул отблеск пламени, которое я так часто видела в глазах отца.

— Только одно! — прошептала она.— Только одно может сделать женщина, чтобы освободиться. Не цепляйся за жизнь, чтобы стать как наша мать, как твоя сестра, не живи, чтобы быть такой, как я. Уходи, пока ты сильна и красива. Держи! — она быстро наклонилась, что-то вложила в мою руку и, схватив ребенка, ушла. Я неподвижно уставилась на кинжал с тонким лезвием, лежащий у меня на ладони.

Глядя вверх на грязные балки лачути, я поняла, что предлагает мне Изабель. Мои пальцы сжимали тонкую рукоятку кинжала, и новые необычные мысли проникли в мой разум. Прикосновение рукояти вызы-

вало трепет в жилах и странное чувство узнавания, словно в глубине души поднимались смутные воспоминания, которые невозможно объяснить, а можно только почувствовать. Прежде я никогда не держала в руках никакого оружия, кроме топора для колки дров и кухонного ножа. Это тонкое смертоносное лезвие, блестевшее на ладони, казалось старым другом, вернувшимся после долгой разлуки.

За дверью голоса стали громче, зашаркали ноги, и я быстро сунула кинжал за корсаж. Дверь распахнулась, и несколько чужих лиц злобно уставились на меня. Я увидела мать, огрубевшую и бесцветную — рабочее животное, лишенное всех чувств, и за ее плечом — сестру. На лице Изабель мелькнуло разочарование и тоска, когда она увидела, что я жива. Она отвернулась.

Остальные ввалились в лачугу и стянули меня со скамьи, смеясь и что-то выкрикивая. Принимали ли они мою неохоту идти за девичью застенчивость или знали о моей ненависти к Франкусу — так или иначе, это их не останавливало. Железная рука отца обхватила мое запястье, а лапа жирной крикливой тетki взялась за другую руку, и они потащили меня из дома в круг орущих, хохочущих крестьян, уже порядком пьяных. Толпа сыпала грубыми шутками и грязными замечаниями. Я извивалась, как дикое животное, ослепнув и обезумев от ярости, и моим захватчикам приходилось прикладывать все силы, чтобы вести меня. Отец проклинал меня вполголоса и выворачивал мне руку так, что чуть не сломал ее, но все, чего он добился, — это брошенное сквозь зубы проклятие и пожелание ада его душе.

Навстречу нам вышел священник — сморщенный, хлопающий глазами дурень, которого я ненавидела так же, как их всех. Франкус подошел ко мне. На нем была новая кожаная куртка и бриджи, а вокруг жирной шеи висела гирлянда из цветов. Он самодовольно ухмылялся, вызывая во мне дрожь отвращения. Он стоял, скалясь, как безмозглая мартышка, с мстительным победоносным видом и плотоядным выражением поросячьих глазок.

При виде его я внезапно прекратила вырывать-ся, словно пораженная столбняком, и мои мучители ослабили хватку и отошли. Так я мгновение стояла перед ним лицом к лицу, молча с ненавистью уставившись на него, согнувшись, словно желая припасть к земле.

— Поцелуй ее, парень! — раздался чей-то пьяный крик, и тогда, будто развернувшаяся тугая пружина, я выхватила кинжал из корсажа и ударила Франкуса. Удар был молниеносен, и эти тупоголовые болваны не могли ни предугадать его, ни предотвратить. Кинжал вонзился в жирное сердце ничего не подозревавшего Франкуса, а я, завизжав от дикого веселья, увидела глупое растерянное выражение на его лице, сменившееся выражением боли, вытащила кинжал из его груди. Он упал, захлебываясь кровью, как зарезанная свинья. Кровь струилась сквозь его прижатые к груди пальцы, и к ним лили лепестки от свадебной гирлянды. То, что случилось, долго рассказывать, а на самом деле все произошло в одну секунду. Я прыгнула, ударила кинжалом и убежала — все в один миг. Отец, бывший солдат, сообразительнее и подвижнее остальных, вскрикнул и хотел схватить меня, но поймал пустой воздух. Я пролетела сквозь оторопевшую толпу и помчалась в лес. Когда я добежала до деревьев, отец схватил лук и выстрелил. Я отпрыгнула в сторону, и стрела вонзилась в дерево.

— Пьяный дурак! — дико расхохоталась я. — Ты уже выжил из ума, если мог промахнуться в такую цель!

— Вернись, дрянь! — заорал он свирепо.

— Только в ад и вместе с тобой, — ответила я, — пусть дьявол угостится твоим черным сердцем! — Это были мои последние слова отцу. Я повернулась и помчалась в лес.

Куда я бежала, я не знаю. Позади я слышала крики неуклюже преследовавших меня крестьян, затем лишь возгласы, отдаленные и неясные, которые скоро затихли. У большинства моих храбрых поселян не хватало духу заходить в глубину леса в сумерках. Я

бежала, пока не перехватило дыхание и не подогнулись колени. Я упала плашмя на мягкую, покрытую листьями землю и пролежала в полузабытии до восхода луны. Луна посеребрила ветки в вышине, и тени деревьев стали вырисовываться еще ярче. Я слышала вокруг себя шорох и движение, говорившие о присутствии зверей, а возможно, и чего-нибудь похуже — оборотней, гоблинов и вампиров, насколько я знала. Однако страха не было. Прежде я не раз спала в лесу, когда ночь заставляла меня далеко от деревни с грузом хвороста или когда отец, напившись, выгонял меня из лачуги.

Я поднялась и пошла через освещенный луной лес, следя за направлением, чтобы как можно дальше отойти от деревни. В предрассветной тьме меня свалила усталость, я упала на траву и погрузилась в глубокий сон, не заботясь о том, не нападет ли на меня зверь или призрак, прежде чем придет рассвет.

Но денья встретила целой и невредимой, чувствуя страшный голод. Я села и поначалу не могла понять, где я, однако порванное свадебное платье и кинжал на поясе, запачканный кровью, вернули меня к действительности. Я захохотала, вспомнив лицо умирающего Франкуса, меня охватил неукротимый восторг свободы, захотелось петь и кружиться в танце, как сумасшедшей. Но я отерла кинжал о листья и пошла куда глаза глядят — навстречу солнцу.

Вскоре я вышла на лесную дорогу и обрадовалась, потому что свадебные туфли из шодди почти развалились. Я привыкла ходить босиком, но даже мои ноги не могли вытерпеть шиповник и лесные коряги.

Солнце еще не поднялось высоко, когда, дойдя до поворота дороги, на самом деле бывшей не чем иным, как лесной тропой, я услышала стук копыт. Инстинкт подсказывал спрятаться в кусты, но что-то остановило меня. Я искала признаки страха в душе и не находила. Так я стояла на середине тропы, неподвижно, с кинжалом в руке, когда из-за поворота выехал всадник и натянул поводья, изумленно выругавшись.

Он уставился на меня, а я, молча, в упор смотрела на него. Он был красив — но о такой красоте говорят «порочная» — среднего роста и стройный. Он ехал на прекрасном коне со сбруей из красной кожи и блестящего металла; одет он был в шелковые рейтузы и вельветовый камзол, слегка потертый; позади него развевался алый плащ, а на шляпе торчало перо. На нем не было перевязи, только меч на поясе в потертых кожаных ножнах.

— Клянусь святым Дионисием! — воскликнул он. — Что за лесная фея или богиня зари передо мной?

— Кто ты такой, чтобы спрашивать? — ответила я, не чувствуя ни страха, ни смущения.

— Что ж, я Этьен Вильер из Аквитании, — произнес он и тут же прикусил губу и завертел головой, словно рассердившись на себя за то, что так проговорился. Затем, окинув меня взглядом с кончиков ног до макушки и обратно, он рассмеялся.

— Из какой безумной сказки ты сюда явилась? — спросил он. — Рыжеволосая девушка в рваном свадебном платье с кинжалом в руке посреди леса на рассвете! Это более чем романтично! Иди сюда, хорошая моя, расскажи мне, что это за шутка.

— Нет никакой шутки, — мрачно ответила я.

— Но кто ты? — настаивал он.

— Мое имя Агнес де Шатильон, — произнесла я.

Он снова захохотал, прихлопывая себя по бедрам.

— Переодетая благородная леди, — смеялся он. — Святой Иоани, история становится все пикантнее! Из какой тенистой обители, из какого охраняемого великанами замка вы сбегали в этом крестьянском уборе, моя леди? — и он отвесил поклон, взмахнув шляпой.

— Я имею столько же прав на это имя, сколько и все те, кто носит высокие пышные титулы, — сказала я сердито. — Мой отец — внебрачный сын крестьянки и герцога де Шатильона. Отец всегда носил имя, которое унаследовали и его дочери. Если оно тебе не нравится, ступай своей дорогой. Я не просила тебя останавливаться и высмеивать меня.

— Нет, я не высмеиваю, — запротестовал он, жадно оглядывая мою фигуру с головы до ног. — Клянусь святым Триньяном, благородное имя подходит тебе больше, чем многим высокородным леди, которые жеманятся и томно вздыхают под его бременем. Зевс и Аполлон, ты высокая и гибкая прелестница — нормандский персик, честное слово! Я буду твоим другом. Расскажи, почему ты одна в лесу в такой час в рваном свадебном одеянии и дырявых туфлях.

Он ловко спрыгнул со своего рослого коня, держа передо мной в руке шляпу. Теперь он не улыбался, его темные глаза не насмехались, но мне показалось, что в их глубине промелькнул какой-то странный огонек. Слова Вильера внезапно открыли мне, как я одинока и беспомощна, и что мне не к кому обратиться. Возможно, поэтому я так легко открылась первому дружелюбно настроенному незнакомцу; кроме того, Этьен Вильер умел так располагать к себе женщин, что они доверяли ему.

— Прошлой ночью я сбежала из деревни Ла Фер, — сказала я. — Меня хотели выдать замуж за человека, которого я ненавидела.

— И ты провела ночь одна в лесу?

— Что здесь такого?

Он покачал головой, словно не мог поверить в это.

— Но что ты будешь делать теперь? — спросил он. — У тебя есть друзья поблизости?

— У меня нет друзей, — ответила я. — Я буду идти вперед, пока не умру от голода или что-нибудь другое не обрушится на меня.

Некоторое время он размышлял, теребя чисто выбритый подбородок большим и указательным пальцами. Трижды он поднимал голову и окидывал меня взглядом, и один раз я заметила, как тень пробежала по его чертам, на секунду так изменив его лицо, что, казалось, передо мной был другой человек. Наконец он произнес:

— Ты слишком красивая девушка, чтобы погибнуть в лесу или попасть в руки разбойников. Если хочешь, я возьму тебя с собой в Шартр, где ты сможешь

получить работу служанки и зарабатывать этим на жизнь. Ты умеешь работать?

— Ни один мужчина в Ла Фер не умеет делать больше, чем я, — ответила я.

— Клянусь святым Иоанном, я тебе верю, — сказал он, восхищенно кивнув головой. — В тебе есть что-то почти языческое — в высоком росте и гибкости. Поехали, ты будешь мне доверять?

— Я не хочу доставить тебе неприятности, — сказала я. — Люди из Ла Фер преследуют меня.

— Чепуха! — презрительно фыркнул он. — Слышал ли кто-нибудь о том, чтобы крестьянин отошел от деревни дальше, чем на одну лигу? Ты в безопасности.

— Только не от отца, — мрачно произнесла я. — Он не простой крестьянин, а солдат. Он будет идти за мной до конца, пока не найдет и не убьет.

— В таком случае, — предложил Этьен, — мы должны найти способ одурочить его. Ха! Сдается мне, меньше мили назад я проезжал мимо юноши, чья одежда подойдет тебе. Жди здесь. Мы сделаем из тебя мальчика! — с этими словами он повернул коня и умчался прочь.

Я смотрела ему вслед и раздумывала, увижу ли его снова, не сместся ли он надо мной. Я ждала, а стук копыт затих вдалеке. Над лесом воцарилась тишина. Вновь я ощутила приступы жестокого голода. Некоторое время спустя, показавшееся мне бесконечным, послышался стук копыт, и Этьен Вильер галопом подлетел ко мне, весело хохоча и размахивая связкой одежды.

— Ты убил его? — спросила я.

— Нет, я отпустил его на все четыре стороны, правда, голого, как Адама. Теперь иди вон в ту рощицу и быстро переоденься. Нам надо спешить, до Шартра много лиг. Брось мне свое платье, я брошу его на берегу реки, что течет неподалеку отсюда. Возможно, твою одежду найдут и подумают, что ты утонула,

Он вернулся быстрее, чем я закончила одеваться в мой новый непривычный наряд, и мы переговаривались через кусты.

— Твой почтенный отец будет искать девушку, — смеялся он, — а не мальчика. Когда он спросит крестьян, не видели ли они высокую рыжеволосую девушку, крестьяне будут только непонимающе качать головой. Ха-ха-ха! Хорошая шутка над старым негодяем!

Я вышла из-за кустов, Вильер внимательно осмотрел меня. Я чувствовала себя непривычно в рубашке, штанах и шляпе, но в то же время я ощутила свободу, которой никогда не испытывала в юбке.

— Зевс! — пробормотал Вильер. — Переодевание тебе почти не помогло. Только безнадежно тупой, слепой деревенский олух не сообразит, что ты не мужчина. Послушай, давай я отрежу кинжалом вот эти рыжие локоны. Может быть, это поможет.

Но, отхватив мою гриву по плечи, снова покачал головой.

— Даже так ты женщина с головы до ног, — сказал он. — Что ж, может быть, случайный встречный, быстро проезжающий мимо, ничего и не заметит. Будем надеяться на это.

— Почему ты так беспокоишься обо мне? — поинтересовалась я, так как не привыкла к доброму отношению.

— Почему, бог мой? — удивился он. — Разве любой человек, о котором стоило бы говорить, смог бы оставить юную девушку скитаться и голодать в лесу? В моем кошельке меди больше, чем серебра, и камзол потерт, но Этьен Вильер ставит свою честь так же высоко, как любой рыцарь или барон, и не позволит издеваться над беззащитными, пока в его кошельке есть хоть монета, а в ножнах — меч.

Услышав эти слова, я почувствовала необычайное смущение и замешательство, так как была неграмотна и необучена, и не знала слов, чтобы выразить благодарность. Я что-то неуклюже забормотала, а он улыбнулся и мягко велел замолчать, объяснив, что не нуждается в благодарности и что добро само по себе награда для того, кто его совершает.

Он вскочил на коня и подал мне руку. Я села позади него, и мы понеслись по тропе. Я держалась за его пояс и наполовину завернулась в его развевающийся на ветру плащ. Я почувствовала уверенность, что любовью прохожий, мимо которого мы пролетим, в самом деле подумает, что скачут мужчина и юноша, а не мужчина и девушка.

Мой голод усиливался, но я не жаловалась, так как мне это было привычно. Мы ехали на юго-восток, и казалось, что чем дальше, тем очевиднее становилось беспокойство Этьена. Он говорил мало и старался держаться менее людной дороги, постоянно сворачивая на верховые тропы или тропинки дровосеков, петлявшие между деревьями. Мы встретили лишь несколько человек: два-три крестьянина с топором на плече или связкой хвороста, которые глазели на нас и стягивали с головы потертые шапки.

Был уже полдень, когда мы остановились у таверны — лесной гостиницы, малолюдной, стоящей на отшибе, с общарпанными выцветшими стенами. Этьен назвал ее «Пальцы мошенника». Навстречу нам вышел хозяин, вытирая руки о грязный фартук и глупо кивая головой. Был он сутулый, неуклюжий, с косыми злыми глазками.

— Мы желаем поесть и переночевать, — громко объявил Этьен. — Я Жерар де Бретан из Монтобана, а это мой младший брат. Мы были в Кане и теперь едем в Тур. Позаботьтесь о коне и принесите жареного каплуна, хозяин.

Хозяин закивал, что-то забормотал, взяв поводья скакуна, и подозрительно долго задержал на мне взгляд, когда Этьен спускал меня с седла, так как у меня от долгой скачки онемели руки и ноги. Я не была уверена в том, что одежда не выдала меня.

Войдя в таверну, мы увидели только одного человека за столом, он потягивал вино из кожаного бурдюка. Это был толстяк со свисающим жирным брюхом. Он посмотрел на нас и открыл было рот, чтобы что-то произнести, но Этьен многозначительно взгля-

нул на него, и мне показалось, что они молча обменялись понимающими взглядами. Толстяк, не промолвив ничего, вновь принялся за вино, а мы с Этьеном сели за столик, куда неряшливо одетая служанка принесла заказанного каплуна, горох, хлеб, канский рубец в огромном блюде и два кувшина вина.

Я жадно набросилась на еду, помогая себе кинжалом; Этьен же ел мало, вертя куски в руках и то и дело переводя взгляд с толстяка, который теперь, казалось, спал, сидя ко мне спиной, на грязные ромбовидные окна и даже на задымленные балки под крышей. Пил он много, вновь и вновь наполняя кувшин, и под конец трапезы спросил, почему я не притронулась к своему кувшину.

— Я была слишком занята едой, чтобы пить, — ответила я и неуверенно поднесла вино к губам — прежде я никогда его не пробовала. Все спиртное, оказывавшееся каким-либо образом в нашей жалкой лачуге, выпивал отец. Я опустошила разом весь кувшин, как это делал отец, закашлялась и задохнулась, но вино пришлось мне по вкусу. Этьен удивленно прошептал:

— Клянусь святым Михаилом, ни разу в жизни не видел, чтобы женщина выпила вот так целый кувшин вина! Ты опьянеешь, девушка.

— Ты забыл, что с этого дня я не девушка, — так же тихо напомнила я. — Ну что, поехали дальше? — Он покачал головой:

— Мы останемся здесь до утра. Ты, наверное, устала и нуждаешься в отдыхе.

— Мое тело онемело, так как я не привыкла к верховой езде, но я не устала.

— Тем не менее, — произнес он нетерпеливо, тронув меня за руку, — мы остаемся здесь до завтра. Я думаю, так будет безопаснее.

— Как хочешь, — согласилась я. — Я полностью в твоих руках и хочу во всем тебе повиноваться.

— Вот и хорошо, — сказал он, — ничто так не красит девушку, как готовность к послушанию. — Он позвал хозяина, который уже вернулся из конюшни и

топтался теперь около стола. — Хозяин, мой брат устал. Проводи его в комнату, где можно поспать. Мы приехали издалека.

— Да, ваша честь! — хозяин закивал и забормотал что-то, потирая руки. Манера Этьена держаться производила на простой народ впечатление значительности, как будто он был по меньшей мере графом. Но об этом позже.

Хозяин, шаркая ногами, провел нас через примыкающую к бару комнату с низким потолком, которая вела в другую комнату, более просторную. Она была под самой крышей, скудно обставленная, но мне показалась изысканнее всех комнат, что я видела когда-нибудь раньше. В комнате была только одна дверь — почему-то инстинктивно я начала обращать внимание на такие детали — выходящая на лестницу, и только одно окно, слишком узкое даже для меня. Изнутри на двери не было засова. Этьен нахмурился и бросил подозрительный взгляд на хозяина, но тот, казалось, этого не заметил и, потирая руки, расписывал прекрасные достоинства каморки, в которую привел нас.

— Поспи, брат, — сказал Этьен, чтобы слышал хозяин. Уходя, он шепнул мне на ухо: — Я не доверяю ему, уедем отсюда сразу, как стемнеет. Отдохни пока. Я приду за тобой.

То ли от вина, то ли действительно от усталости, я уснула в ту же секунду, как только легла, не раздеваясь, на соломенный тюфяк.

2

Меня разбудил тихий звук открывающейся двери. Я открыла глаза и увидела лишь тьму и пару звездочек в крошечном окне. Все было тихо, но в темноте кто-то двигался. Я услышала скрип половицы, и мне показалось, что я уловила звук сдерживаемого дыхания.

— Это ты, Этьен? — прошептала я. Ответа не последовало, я спросила чуть громче: — Этьен! Это ты, Этьен Вильер?

Мне снова показалось, что я слышу тихое сопение, затем опять скрипнула половица, и дверь тихо открылась и закрылась. Я поняла, что снова одна в комнате. Я вскочила и схватила кинжал. Это был не Этьен, обещавший прийти за мной ночью. Я хотела знать, кто пытался подкрасться ко мне в темноте.

Проскользнув к двери, я открыла ее и вгляделась в темноту нижней комнаты, но ничего нельзя было увидеть, словно я смотрела в колодец, однако было слышно, как кто-то пробирается вниз, а затем хлопнула входная дверь. Взяв кинжал в зубы, я съехала по перилам лестницы так легко и бесшумно, что сама удивилась. Когда мои ноги коснулись пола, я схватила кинжал и замерла в темноте. Входная дверь качалась открытая, и в проеме на секунду мелькнула чья-то тень. Я узнала сутулую большеголовую фигуру хозяина гостиницы. Он дышал так шумно, что не мог услышать моего приближения. Хозяин неуклюже, но быстро побежал на задний двор гостиницы и исчез в конюшню. Я напрягла все свое зрение и разглядела, что он вышел с конем под уздцы. Но он не сел на него, а пошел в лес, стараясь не шуметь. Спустя некоторое время я услышала стук копыт вдалеке. Очевидно, отойдя на безопасное расстояние, он вскочил в седло и понесся к какой-то неведомой цели.

Все, что я могла подумать, — это то, что хозяин каким-то образом узнал меня и теперь поскакал, чтобы сообщить обо мне отцу. Я приоткрыла дверь в бар: там никого не было, кроме спящей на полу служанки. Свеча горела на столе, и мошки кружились вокруг нее. Откуда-то издали доносился неясный звук голосов.

Я выскользнула из таверны и крадучись обошла ее кругом. Тишина окутывала черный лес, лишь изредка вскрикивала ночная птица и перебирал копытами конь в стойле.

В маленькой комнате на другой стороне таверны мерцал свет свечи. Эта комната была отделена от общей гостиной коротким коридором. Проходя мимо окна, я выстыла на месте, потому что услышала свое имя. Я припала к стене, без смущения подслушивая. Это был быстрый, внятный, хотя и приглушенный шепот Этьена:

— ...Она сказала, Агнес де Шатильон. Какая разница, как назвала себя крестьянка? Разве она не красotka?

— Я видел в Париже и более хорошеньких и в Шартре тоже, — громко ответил другой голос. Я была уверена, что принадлежал он толстяку, которого мы видели в таверне.

— Хорошенькая! — презрительно воскликнул Этьен. — Девушка более чем хорошенькая. В ней есть что-то дикое и необузданное, что-то свежее, полнокровное, говорю тебе. Любой поизносившийся знатный господин дорого заплатит тебе за нее; она вернет молодость самому пресытившемуся развратнику. Послушай ты, Тибальт, я не предлагал бы тебе такую цену, если бы для меня не было так рискованно ехать с ней в Шартр. К тому же эта собака, хозяин, подозревает меня.

— Если он действительно узнал в тебе человека, за чьей головой охотится герцог д'Аленсон... — проговорил Тибальт.

— Тихо, дурак! — зашипел Этьен. — Это еще одна причина, по которой мне надо избавиться от девчонки. Случайно я назвал ей свое настоящее имя. Но клянусь всеми святыми, Тибальт, встреча с ней потребовала бы покоя и праведника! Я сворачивал по дороге и выехал прямо на нее: высокую, стоящую на фоне зеленого леса, в рваном свадебном платье, с горящими синими глазами и с солнечными лучами, вспыхивающими в рыжих волосах и на запачканном кровью кинжале! На секунду я даже усомнился, что она человек, и на меня накатил страх, почти ужас.

— Деревенская девчонка на лесной дороге испугала Этьена Вильера, распутника из распутников, — фыркнул Тибальт и шумно глотнул из кувшина.

— Ты не понимаешь, — не унимался Этьен. — В ней было что-то роковое, как в героине какой-нибудь трагедии, что-то ужасное. Она чиста, но в ней есть нечто странное и темное, чего я не могу ни объяснить, ни понять.

— Хватит, хватит, — зевнул Тибальт. — Ты плетешь целый роман вокруг нормандской шлюшки. Перейдем к делу.

— Я как раз подошел к главному, — резко произнес Этьен. — Я собирался привезти ее в Шартр и продать знакомому владельцу борделя. Но вовремя осознал свою глупость. Мне бы пришлось слишком близко проезжать от владений герцога Аленсонского, если бы он узнал, что я поблизости...

— Знаю, — проворчал Тибальт. — Он дорого заплатил бы за сведения, касающиеся твоего местонахождения. Открыто он не смеет арестовать тебя; ему удобнее убить тебя кинжалом из-за угла или выстрелом в спину. Он заткнул бы тебе рот тайно и тихо, если б мог.

— Да, — произнес Этьен, содрогнувшись. — Я — дурак, что так далеко заехал на восток. К утру меня уже здесь не будет. Но ты можешь отвезти девушку в Шартр без всякой опасности, можешь даже в Париж, неважно куда. Дай мне цену, которую я прошу, и она твоя.

— Это слишком дорого, — запротестовал Тибальт. — Полагаю, она дерется, как дикая кошка?

— Это твоя забота, — грубо ответил Этьен. — Ты укротил достаточно девиц, так что должен справиться и с этой. Хотя предупреждаю тебя, в этой девушке пламя. Но это твое дело. Ты говорил, твои компаньоны сейчас в деревне неподалеку. Пусть помогут тебе. Если не сумеешь получить за нее круленькую сумму в Шартре, Орлеане или Париже, то ты еще глупее, чем я.

— Ладно, ладно, — проворчал Тибальт. — Я попытаюсь, в конце концов это то, чем должен заниматься деловой человек.

Я услышала звон монет, падающих на стол, и он показался мне похоронным звоном по моей жизни.

И в самом деле, это были мои похороны, потому что, узнав, стоя под окном гостиницы, что меня ждет, девушка, которой я была, умерла, а вместо нее родилась женщина, такая, как я теперь. Вся моя слабость исчезла, и холодная ярость сделала меня твердой, как сталь, и податливой, как огонь.

— Выйдем, чтобы скрепить сделку, — сказал Этьен. — И я должен ехать. Когда пойдешь за девчонкой...

Я рывком распахнула дверь. Рука Этьена с чашей замерла у самых губ. Тибальт выпучил на меня глаза. Улыбка исчезла с лица Этьена, он побледнел, прочтя смертный приговор в моем взгляде.

— Агнес! — воскликнул он, поднимаясь. Я шагнула через порог, и мой кинжал пронзил сердце Тибальта, прежде чем он успел встать. Предсмертное хрипение искривило его толстые губы, он свалился со скамьи, захлебываясь кровью.

— Агнес! — снова крикнул Этьен, протянув вперед руки, словно пытаясь меня отстранить. — Подожди, девушка...

— Ты паршивая собака, — закричала я, впадая в бешенство. — Ты свинья, свинья, свинья! — Только моя безумная ярость спасла его от смерти.

Прежде чем я ударила его, он успел повернуться так, что кинжал содрал только кожу с его ребер. Трижды я ударила его, молча и неотвратно, но он как-то уклонялся от удара в сердце, хотя и рука, и плечо его были в крови. Он отчаянно схватил меня за запястье, пытаясь сломать мне руку. Сцепившись, мы упали на стол. Этьен перегнул меня через край стола, стараясь побороть, но чтобы схватить меня за горло, ему пришлось убрать руку с моего запястья. Тогда я вырвалась из ослабшей хватки и вонзила кинжал в грудь Этьена. Лезвие скользнуло по железной пряжке и прорезало рваную рану через грудь; хлынула кровь, раздался стон. Этьен отпустил меня, я вывернулась из-под него и нанесла ему удар кулаком. Голова Этьена резко дернулась назад, кровь из ноздрей брызнула. Я прыгнула

на него и пальцами надавила ему на глаза, но он оттолкнул меня с такой силой, что я пролетела через всю комнату и, ударившись о стену, повалилась на пол.

Я чувствовала головокружение, но вскочила, схватив отломанную ножку стола. Одной рукой Этьен отирал кровь с глаз, а другой искал меч. Он снова не рассчитал скорость моей атаки, и ножка стола с силой обрушилась на его голову, содрав кожу с черепа. Кровь хлынула ему на лицо, он закрылся руками, а я продолжала осыпать его ударами. Он, полусогнутый, ослепший, пятился назад, пока не свалился на обломки стола.

— Боже, девушка, — простонал он, — ты убьешь меня?

— С легким сердцем! — расхохоталась я так, как никогда прежде не смеялась, и ударила его позыше уха, снова отбросив его на сломанный стол, с которого он с усилием пытался встать.

Стон сквозь слезы слетел с искаженных губ Этьена:

— Во имя бога, девушка, — молил он, слепо протягивая ко мне руки, — будь милосердна! Остановись во имя святых! Я не готов умереть!

Он старался встать на колени. Кровь, хлеставшая из разбитой головы, обагрила его одежду.

— Остановись, Агнес, — бормотал он. — Пощади меня, во имя бога!

Я колебалась, мрачно глядя на него, затем бросила в сторону свою дубинку.

— Живи, — сказала я с презрением. — Ты слишком ничтожен, чтобы пачкать о тебя руки. Убирайся!

Он попытался встать, но не смог.

— Мне не подняться, — простонал он. — Комната плывет, и в глазах темно. О Агнес, ты подарила мне горький поцелуй! Бог милосерден, но я умираю в грехе. Я смеялся над смертью, а теперь, когда она рядом, я боюсь. Ах, господи, мне страшно! Не оставляй меня, Агнес! Не дай мне умереть как собаке!

— С какой стати? — зло спросила я. — Я тебе доверяла, считала, что ты благороднее обычных людей,

слушая твои лживые слова о рыцарстве и чести. Тыфу! Ты продал бы меня в рабство, которое отвратительнее, чем турецкий гарем.

— Знаю, — простонал он. — Моя душа чернее ночи, что надвигается на меня. Позови хозяина, пусть он приведет священника.

— Он уехал по своим делам, — ответила я. — Он прокрался через заднюю дверь и поскакал в сторону леса.

— Он поехал, чтобы выдать меня герцогу Алессонскому, — прошептал Этьен. — Он все-таки узнал меня. Я действительно пропал.

Я догадалась, что это произошло из-за того, что в темноте я позвала Этьена по имени, — так хозяину стало известно настоящее имя моего фальшивого друга. Следовательно, если герцог арестует Этьена, это случится из-за моего непредумышленного предательства. Как большинство деревенских людей, я испытывала к знати только страх и недоверие.

— Я увезу тебя отсюда, — сказала я. — По моей воле даже собака не попадет в руки закона.

Я поспешила из таверны к конюшне. Неряхи-служанки уже не было: возможно, она тоже побежала в лес, если не была слишком пьяна, чтобы заметить что-нибудь. Я оседлала коня Этьена. Конь прыдал ушами, грыз поводья и лягался, но я подвела его к двери. Войдя к Этьену, я увидела, что он действительно представляет собой страшное зрелище: весь в синяках и кровоподтеках, в рваном камзоле и рубашке, залитой кровью.

— Я привела твоего коня, — сказала я. — Потерпи, я тебя донесу.

— Ты не сможешь этого сделать, — запротестовал он, но я, не дослушав, взвалила его на плечи и понесла к коню. В самом деле, я передвигалась с трудом, потому что тело его совершенно обмякло, как мертвое. С огромными усилиями я положила его поперек седла и привязала.

Некоторое время я колебалась, не зная, куда отправиться. Наверное, он почувствовал мою нерешимость и проговорил:

— Скачи по дороге на запад, в Сен-Жиро. Там есть таверна в миле от города — «Красный вепрь». Хозяин таверны — мой друг.

За ночь, пока мы скакали на запад, я говорила мало. Мы никого не встретили на дороге, огороженной черными стенами леса и освещенной лишь бледными звездами. Мои руки стали липкими от крови Этьена, так как из-за скачки его многочисленные раны снова начали кровоточить, а сам он начал бредить, несвязно бормотать о временах и людях, неизвестных мне. Вскоре он стал перечислять имена, которые я слышала, — лордов, леди, солдат, разбойников и пиратов. Он, захлебываясь, шептал о темных делах, подлых преступлениях и странных геройских подвигах. Временами он пел отрывки из военных, застольных песен и непристойных баллад, любовную лирику, тараторил на незнакомых мне языках. С той ночи я проехала немало дорог, но эта скачка в лесу Сен-Жиро была незабываемой.

Когда я подъехала к таверне, о которой говорил Этьен, сквозь ветки деревьев забрезжил рассвет. Судя по строению, это была она, и я крикнула хозяина. На порог деревенский мальчик вышел в ночной сорочке, зевая и кулаками протирая заспанные глаза. Увидев огромного коня и всадника, залитого кровью, он оторопел от страха и удивления и шмыгнул за дверь. Через минуту наверху осторожно приоткрылось окно, из которого высунулся ночной колпак и дуло мощной аркебузы.

— Езжай своей дорогой, — сказал колпак, — мы не имеем дел с бандитами и убийцами.

— Здесь нет бандитов, — сердито ответила я, чувствуя усталость и нетерпение. — Это человек, на которого напали и чуть не убили. Если ты хозяин «Красного венря», то это твой друг — Этьен Вильер из Аквитании.

— Этьен! — воскликнул хозяин. — Я сейчас спущусь. Почему ты не сказал, что это Этьен?

Окно захлопнулось, и послышались звуки бегущих по ступеням ног. Я спрыгнула с коня, подхватила

падающее тело Этьена и положила его на землю. Хозяин и слуги бежали к нам с факелами.

Этьен лежал как мертвый. Лицо его было мертвенно-бледным там, где не было запачкано кровью, однако сердце билось нормально, и он был в полусознании.

— Кто это сделал, господи? — с ужасом спросил хозяин.

— Я, — коротко ответила я. Хозяин, бледный в свете факелов, перевел на меня взгляд.

— Боже милосердный! Юноша, который... Защити нас, святой Дионисий! Это женщина!

— Хватит болтать! — рассердилась я. — Отнеси его наверх и устрой в лучшей комнате.

— Н-н-но... — замямлил хозяин, все еще ошарашенный.

Я топнула ногой и обругала его, как всегда делаю в подобных случаях.

— Смерть дьявола и Иуды Искарота! — воскликнула я. — Ты позволишь своему другу умереть, пока глазеешь и пялишься на меня! Несите его! — я положила руку на кинжал на поясе, и слуги поспешно повиновались, косясь на меня так, словно я дочь самого дьявола.

— Этьен всегда здесь желанный гость, — пробормотал хозяин, — но дьяволица в штанах...

— Свои штаны ты дольше проносишь, если будешь меньше говорить и больше работать, — заверила я его, выхватив широкодульный пистолет из-за пояса одного из слуг, который был так напуган, что забыл о своем оружии. — Делай, как я говорю, и сегодня больше не будет убийств. Быстро!

Воистину события этой ночи закалили меня. Я еще не совсем переродилась во взрослую женщину, но была к этому близка.

Они отнесли Этьена в комнату, которую Дюкас (так звали хозяина) называл лучшей в таверне, и, по правде говоря, она была гораздо удобнее, чем любая комната в «Пальцах мошенника». Она была наверху,

выходила на входную лестницу и имела подходящего размера окна, хотя в ней и не было второй двери.

Дюкас уверял, что из него такой же врач, как из любого в округе, но мы раздели и принялись лечить Этьена. В самом деле, более неумелого ухода за человеком я еще не видела, не говоря уже о том, что Этьен был тяжело ранен. Но когда мы смыли с него кровь и грязь, то обнаружили, что ни одна из ран не задевала жизненно важных органов, череп тоже был цел, хотя кожа на голове повреждена в нескольких местах. Правая рука была сломана, другая — почернела от синяков. На сломанную кость мы наложили жгут. Я помогала Дюкасу во всем, так как несчастные случаи и раны были обычным делом в Ла Фер.

Когда мы перевязали раны и уложили Этьена в чистую постель, он настолько пришел в себя, что смог выпить вина и поинтересовался, где он. Узнав, что это «Красный вебрь», он прошептал:

— Не оставляй меня, Агнес. Дюкас — редкий человек, но мне нужна женская мягкая рука.

— Избави меня святой Дионисий от такой мягкой руки, как у этой бешеной кошки, — чуть слышно пробормотал Дюкас.

— Я останусь, пока ты не встанешь на ноги, Этьен, — сказала я, он, видимо, обрадовался, услышав это, и спокойно уснул.

Я попросила комнату и для себя. Дюкас послал мальчишку позаботиться о коне, а меня провел в комнату, примыкающую к комнате Этьена, но не связанную с ней дверями. Когда я улеглась в постель, уже всходило солнце. Я не только раньше не лежала на перине, но даже ее ни разу не видела. Я проспала много часов.

Проснувшись, пошла к Этьену и нашла его в полном сознании и спокойным. Тогда люди были поистине железными и, если их раны не были изначально смертельными и по легкомыслию и невежеству лекарей не начинали гноиться, быстро поправлялись. У Дюкаса не было ни одного тошнотворного и глупого средства, превозносимого докторами, он собирал це-

лебные травы в глубине леса. Он сказал, что научился этому искусству у сарацинского народа хакимов во время путешествия в юности. Дюкас оказался человеком со многими неожиданными достоинствами.

Мы вместе ухаживали за Этьеном, и он быстро поправлялся. Этьен подолгу разговаривал с Дюкасом, но большую часть времени он просто лежал и молча смотрел на меня.

Дюкас иногда беседовал и со мной, но, кажется, побаивался меня. Когда я спросила, сколько должна ему, он ответил, что нисколько и что еда и ночлег будут бесплатными для меня, пока Этьену нравится мое присутствие. Однако Дюкас очень боялся, что я проболтаюсь кому-нибудь из жителей городка о том, что Этьен Вильер здесь. Слути, по его мнению, были абсолютно надежны. Я ничего не спрашивала у Дюкаса о причине ненависти герцога д'Аленсона к Этьену, но Дюкас как-то сказал:

— У герцога особые счеты с Этьеном. Когда Этьен был в свите этого благородного господина, то оказался недостаточно мудр и не исполнил одно очень деликатное поручение герцога. Д'Аленсон честолюбив; говорят, его может удовлетворить лишь должность не меньше, чем констебль Франции. Он сейчас в большой милости у короля, и блеск его положения может померкнуть, если станет известно, какими письмами однажды обменялись герцог и Карл Германский, который теперь известен народам как император Священной Римской империи.

Этьен один знал всю подноготную этой государственной измены. Поэтому д'Аленсон жаждет его смерти, однако не решается напасть открыто. Он хочет ударить тихо и тайно, из-за угла — это будет кинжал, яд или засада. Пока Этьен в пределах досягаемости герцога, единственное спасение для него — секретность.

— Полагаю, есть и другие такие же, как негодий Тибальт? — спросила я.

— Разумеется, — сказал Дюкас, — конечно, среди банды висельников есть те, кто клонет на наживу, но у них есть правило чести — не предавать своего. А

Этьен в прошлые времена был одним из них — вором, похитителем женщин, грабителем и убийцей.

Я покачала головой, размышляя над странностью людей: Дюкас, честный человек — друг бандита Этьена и хорошо знает о его преступлениях. Возможно, многие из честных людей втайне восхищаются разбойниками, видя в них тех, кем хотели бы быть, если б хватило смелости.

Итак, пока я выполняла все пожелания Дюкаса. Время тянулось медленно. Я редко выходила из таверны, только ночью, чтобы побродить по лесу, не опасаясь встретить людей из деревни или из города. Во мне зарождалось беспокойство и чувство, что я жду чего-то, сама не знаю чего, и что мне надо что-то сделать — не знаю что. Так прошла неделя, а потом появился Жискар де Клиссон.

3

Однажды утром я вошла в таверну после утренней прогулки по лесу и увидела сидящего за столом незнакомца, увлеченно обгладывающего кость. Он, заметив меня, на секунду прекратил жевать. Он был высок, мощного телосложения. Его худое лицо пересекал шрам, серые глаза были холодны как сталь. Он в самом деле выглядел стальным человеком в своей кирасе, в набедренных и ножных латах. Его палаш лежал на коленях, а шлем — рядом на скамье.

— Клянусь богом, — произнес он. — Хотел бы я знать: ты мужчина или женщина?

— А ты как думаешь? — спросила я, опершись руками о стол, глядя на него сверху вниз.

— Только дурак мог задать подобный вопрос, — сказал он, покачав головой. — Ты женщина с головы до ног, однако мужской наряд тебе странно подходит. И пистолет на поясе тоже. Ты напоминаешь мне одну женщину, которую я знал. Она ходила в походы и сра-

жалась, как мужчина, и умерла от пули на поле боя. Ты светлая, она была темная, но в тебе есть что-то похожее на нее в линии подбородка, в осанке — нет, не могу объяснить, в чем. Садись, поговорим. Я Жискар де Клиссон. Ты слышала обо мне?

— Много раз, — ответила я, усаживаясь. — В моей родной деревне ходит много рассказов о тебе. Ты возглавляешь наемные войска и Свободных Компаньонов.

— Когда у мужчин достаточно мужества, чтобы стоило их возглавить, — сказал он, отпив из кувшина и протянув его мне.

— Эй, клянусь кишками и кровью Иуды, ты пьешь, как мужчина! Возможно, женщины вынуждены становиться мужчинами, ибо, клянусь святым Триньяном, мужчины становятся женщинами в наши дни. Я не завербовал ни одного новобранца для своей кампании в этой провинции, где в не столь далекие времена мужчины дрались за честь последовать за капитаном наемников. Смерть сатаны! Когда император собирает своих проклятых ландскнехтов, чтобы выгнать из Милана де Лотрека, и король так нуждается в солдатах — не говоря уже о богатой добыче в Италии, — каждый дееспособный француз обязан отправиться в поход на юг, клянусь богом! Эх, за былую силу духа истинных мужчин!

Глядя на этого покрытого шрамами ветерана, слушая его, я почувствовала, что сердце мое застучало быстрее и наполнилось странными желаниями, мне показалось, что я слышу, как всегда слышала в мечтах, отдаленный гром барабанов.

— Я еду с тобой! — воскликнула я. — Я устала быть женщиной. Я стану участником твоей кампании!

Он расхохотался, словно над самой смешной шуткой на свете.

— Клянусь святым Дионисием, девушка, у тебя подходящий характер, но нужно иметь больше, чем пару брюк, чтобы стать мужчиной.

— Если та женщина, о которой ты говорил, могла воевать, то смогу и я! — воскликнула я.

— Нет, — он покачал головой. — Черная Марго из Авиньона была одна на миллион. Забудь свои фантазии, девушка. Надень юбку и снова стань примерной женщиной. Тогда... что ж, в твоём истинном обличье я был бы рад взять тебя с собой!

Выкрикнув проклятие, от которого он вздрогнул, я вскочила, оттолкнув скамью так, что она с грохотом упала. Я стояла перед ним, сжимая кулаки, дыша яростью, которая всегда молниеносно загоралась во мне.

— Всегда мужчины на первом месте! — проговорила я сквозь зубы. — А женщина должна знать свое место: пусть доит коров, прядет, шьет, печет пироги и носит детей, пусть не выходит за порог и не приказывает своему господину и хозяину! Да?! Плевала я на всех вас! Нет на свете такого мужчины, который встретился бы со мной с оружием в руках и остался жив, и прежде чем я умру, я докажу это. Женщины! Рабыни! Стонущие, раболепствующие крепостные, пресмыкающиеся под ударами, мстящие за себя самоубийством — как толкала меня сделать моя сестра. Ха! Ты отказываешь мне в месте среди мужчин? Клянусь богом, я буду жить так, как мне нравится, и умру так, как пожелает бог, но если я не подхожу в товарищи мужчинам, то, по крайней мере, я не стану и его любовницей! Так что отправляйся к черту, Жискар де Клиссон, и пусть дьявол разорвет твоё сердце!

Я развернулась и гордо ушла, а он смотрел мне вслед, разинув рот. Поднявшись к Этьену, я застала его в кровати, почти поправившимся, правда, бледным и слабым, с перевязанной рукой, которая еще не зажила.

— Как дела? — спросила я.

— Неплохо, — ответил Этьен и, пристально посмотрев, спросил: — Агнес, почему ты оставила мне жизнь, когда могла ее забрать?

— Из-за женщины внутри меня, — упрямо ответила я, — которая не выносит, когда беспомощный несчастный молит о пощаде.

— Я заслужил смерть от твоей руки,— прошептал Этьен,— больше, чем Тибальт. Почему ты ухаживала и заботилась обо мне?

— Я не хотела, чтобы ты попал в руки герцога по моей вине,— сказала я,— потому что это я непреднамеренно выдала тебя. Теперь, когда ты спросил меня об этом, я тоже хочу задать тебе один вопрос: зачем тебе быть таким отъявленным негодяем?

— Только бог знает,— ответил он, закрыв глаза.— Сколько себя помню, я всегда был таким. Память возвращает меня в трущобы Пуатье, где в детстве я питался корками и обманывал ради нескольких пенни, и там я получил первые уроки жизни. Я был солдатом, контрабандистом, сводником, головорезом, вором — всегда последним негодяем. Святой Дионисий, некоторые из моих дел слишком грязны, чтобы сказать о них. И однако в глубине моего существа всегда был спрятан истинный Этьен Вильер, не запятнанный этой мерзостью, и этот Этьен страдает от раскаяния и страха. Поэтому я молил о жизни, когда мне следовало принять смерть, и поэтому, лежа здесь, рассказываю тебе правду, вместо того, дабы плести сети, чтобы соблазнить тебя. Если б я мог быть целиком чист или целиком порочен!

В эту минуту раздались грубые голоса и шаги по лестнице. Я подбежала к двери, чтобы закрыть ее на засов, так как услышала имя Этьена, но он поднял руку, останавливая меня, прислушался и с облегчением откинулся на подушку.

— Нет, я узнал голоса. Войдите, друзья! — позвал он.

В комнату ввалилась развязная, разухабистая группа под предводительством толстопузого негодяя в громадных ботинках. Его команда состояла из четверых оборванных бродяг, в шрамах, с обрезанными ушами и с перебитыми носами. Они злобно посмотрели на меня, затем на Этьена.

— Итак, Этьен Вильер,— сказал толстяк,— мы нашли тебя! От нас спрятаться не так легко, как от герцога д'Аленсона, да, собака?

— Что за тон, Тристан Пеллини? — спросил Этьен, неподдельно удивившись. — Вы пришли поприветствовать раненого товарища или...

— Мы пришли свершить справедливое возмездие над крысой! — прогремел Пеллини. Он повернулся к своей команде и стал тыкать толстым пальцем в каждого: — Видишь, Этьен Вильер? Жак Борте, Гастон Волк, Жан Корноухий, Конрад Немец и я, пятый, — мы хорошие люди и когда-то, в самом деле, твои товарищи, но сейчас пришли, чтобы свершить суд над тобой — грязным убийцей!

— Ты спятил! — воскликнул Этьен, стараясь подняться на локте. — Кого я убил, что ты так разъярился? Когда я был одним из вас, разве не разделял я всегда наравне с вами тяготы и опасности воровства и не делил ли честно добычу?

— Сейчас мы говорим не о добыче! — прогремел Тристан. — Мы говорим о нашем товарище Тибальте Базасе, грязно убитом тобой в таверние «Пальцы мошенника»!

Этьен замер, открыв рот, ошарашенно поглядев на меня, затем снова закрыл рот. Я шагнула вперед.

— Дураки! — воскликнула я. — Он не убивал эту жирную свинью Тибальта. Его убила я.

— Святой Дионисий! — засмеялся Тристан. — Это девчонка в штанах, о которой говорила служанка! Ты убила Тибальта? Ха! Хорошенькая ложь, но неубедительная для тех, кто знал Тибальта. Служанка слышала, что дерутся, и убежала в испуге в лес. Когда она решилась вернуться, Тибальт лежал мертвый, а Этьен и эта ведьма ускакали вместе. Нет, все слишком ясно. Этьен убил Тибальта, безусловно, из-за этой самой шлюхи. Отлично, когда мы избавимся от него, то позаботимся и о его потаскухе, да, парни?

Те согласно кивнули на грязное предложение негодяя.

— Агнес, — проговорил Этьен, — сходи и позови Дюкаса.

— Черта с два, — сказал Тристан. — Дюкас и все слуги в конюшне, чистят коня Жискара де Клиссона. Мы закончим свое дело до того, как они вернутся. Привяжем этого предателя вон к той скамье. Прежде чем перережу ему горло, я с радостью опробую свой нож на других частях его тела.

Он презрительно оттолкнул меня и шагнул к постели Этьена. Этьен попытался встать, и Тристан ударил его кулаком, и тот снова повалился на подушку. В эту секунду кровь моя закипела. Прыжок — и меч Этьена был в моей руке. Когда я ощутила в ладони рукоять меча, сила и необычная уверенность, словно огонь, наполнили мои вены.

Со свирепым криком я подлетела к Тристану, и он отступил, запнувшись о свой меч. Коротким ударом в толстую шею я заставила его замолчать. Он упал, фонтанируя кровью, голова его повисла на куске кожи. Остальные бандиты завопили, как стая борзых, и уставились на меня с ужасом и ненавистью. Вспомнив о пистолете, я выхватила его и, не целясь, выстрелила в лицо Жака, превратив его голову в красное месиво. В пистолетном дыму трое оставшихся бросились на меня, изрыгая проклятия.

Есть вещи, для которых мы рождены и в которых талант превышает опыт. Я, никогда прежде не державшая меч, почувствовала, что он словно ожил в моих руках, управляемый неведомым инстинктом. Я обнаружила в себе быстроту глаз, рук и ног, которая не могла сравниться с неуклюжестью этих болванов. Они только мычали и слепо рубили воздух, теряя силы и скорость, словно дрались не мечами, а дровоколами, я же наносила удары молча и со смертоносной точностью.

Я мало что помню из той схватки: все смешалось для меня в багровом тумане, на фоне которого выделяются лишь несколько деталей. Мой мозг работал слишком стремительно, чтобы действия зафиксировались в памяти, и я теперь точно не помню, с какими прыжками, наклонами, отходами в сторону я париро-

вала атаки мечей. Знаю только, что размозжила голову Конрада Немца, как дыню, и его мозги повисли на лезвии меча. Помню, что тот, кого звали Гастон Волк, слишком доверился своей кольчуге под лохмотьями, мой удар пронзил ржавое железо, и он рухнул на пол с вывалившимися кишками. В красном тумане один Жан надвигался на меня, и я коснулась мечом его правого запястья, отрубив руку, державшую меч, хлынул багровый фонтан крови. Жан глупо уставился на хлещущий кровью обрубок, а я пронзила его грудь с такой яростью, что упала вместе с ним на пол.

Не помню, как я встала и вытащила меч из трупа. Перешагивая через тела, волоча меч, я проковыляла к окну и прислонилась к подоконнику. Смертельная усталость навалилась на меня вместе с жестокой рвотой. Из раны в плече струилась кровь, моя рубашка превратилась в лохмотья. Комната плыла перед глазами, запах свежей крови вызывал отвращение. Как сквозь дымку, я увидела белое лицо Этьена.

Затем послышался топот ног по лестнице, и вбежали Жискар де Клиссон с мечом в руке и Дюкас. Они уставились на открывшееся им зрелище как в столбняке, де Клиссон с отвращением выругался.

— Что я вам говорил? — чуть не задохнулся Дюкас. — Дьявол в штанах? Святой Дионисий, вот это бойня!

— Твоя работа, девушка? — странно тихо спросил Жискар. Я откинула назад мокрые волосы и, качаясь, выпрямилась.

— Да. Это был долг, который я должна была оплатить.

— Боже мой! — прошептал Жискар, обводя взглядом комнату. — В тебе есть что-то темное и странное, при всей твоей чистоте!

— Да, Темная Агнес! — сказал Этьен, приподнявшись на локте. — Звезда тьмы светила при ее рождении, звезда тьмы и непокая. Куда бы она ни пошла, везде будет литься кровь и будут умирать мужчины. Я

понял это, когда увидел ее стоящей на фоне восхода, который высветил кровь на ее кинжале.

— Я заплатила свой долг,— сказала я.— Если я и подвергла риску твою жизнь, то оплатила долг кровью,— и, бросив меч к его ногам, я повернулась к двери.

Жискар, наблюдавший все это с глупым от изумления лицом, покачал головой и, как в трансе, шагнул ко мне.

— Когти дьявола! — сказал он.— То, что произошло, в корне изменило мое мнение! Ты вторая Черная Марго из Авиньона. Настоящая женщина меча стоит двух десятков мужчин. Ты все еще хочешь поехать со мной?

— Как товарищ по оружию,— ответила я.— Я никому не буду любовницей.

— Никому, кроме смерти,— сказал Жискар, посмотрев на трупы.

4

Неделю спустя после битвы в комнате Этьена Жискар де Клиссон и я выехали из таверны «Красный вепрь» и отправились по дороге на восток. Я сидела на горячем боевом скакуне, одетая как подобает товарищу де Клиссона — в вельветовый камзол, шелковые бриджи и длинные испанские сапоги. Под камзолом мое тело защищала простая стальная кольчуга, а на голове возвышался блестящий шлем. Из-за пояса торчали пистолеты, меч висел на богато вышитой перевязи. Поверх всего этого развевался плащ из багряного шелка. Все это купил для меня Жискар, начинавший ругаться, когда я протестовала против его расточительности.

— Можешь заплатить мне из той добычи, что мы возьмем в Италии,— сказал он.— Но товарищ Жискара де Клиссона должен ехать нарядно одетым!

Иногда я сомневалась в том, что Жискар принимает меня как мужчину в той полной мере, как мне

хотелось. Возможно, тайно он еще лелеял свою первоначальную мысль. Но это не имело значения.

Прошедшая неделя была очень насыщенной. По несколько часов каждый день Жискар учил меня искусству владения мечом. Сам он считался лучшим мастером меча во Франции, и он клялся, что не встречал еще ученика способнее, чем я. Я училась тонкостям битвы мечом так, словно была рождена для этого, и быстрота моих глаз и рук часто срывала изумленное восклицание с губ Жискара. Кроме того, он учил меня стрелять в цель из пистолета и показал много искусных и невероятных трюков в битве один на один. Ни один новичок никогда не имел более знающего учителя, и ни один учитель никогда не имел более устремленного ученика. Я горела желанием постигнуть все, что касалось этого мастерства. Казалось, я заново родилась для этого нового мира, предназначенного мне с самого рождения. Прошлая жизнь превратилась в сон, который скоро забудется.

Итак, однажды ранним утром, еще до восхода, мы с Жискаром вскочили на коней во дворе «Красного вепря», и Дюкас пожелал нам попутного ветра. Мы уже повернули со двора, когда раздался голос, звавший меня по имени, и я увидела белое лицо в окне наверху.

— Агнес! — крикнул Этьен. — Ты уезжаешь, даже не попрощавшись со мной?

— Для чего такие церемонии между нами? — спросила я. — Ни ты, ни я ничего не должны друг другу. И нет, насколько я знаю, между нами дружбы. Ты уже достаточно здоров, чтобы самому заботиться о себе, и не нуждаешься больше в моей помощи.

Не сказав больше ни слова, я отпустила поводья, и мы с Жискаром поскакали по лесной дороге, подгоняемые ветром. Он посмотрел на меня сбоку и пожал плечами.

— Странная ты женщина, Темная Агнес, — сказал он. — Ты, кажется, двигаешься по жизни, как парка, — всегда одинаковая, неумолимая, отмеченная ро-

ковой печатью. Я думаю, мужчины, которые находят-ся рядом с тобой, не проживут долго.

Я не ответила, и так мы молча ехали сквозь зеленый лес. Солнце встало, залив золотом ветви, качающиеся на ветру. Впереди через дорогу пронесся олень, птицы защебетали песню радости жизни.

Мы ехали по той дороге, по которой я везла Этьена после битвы в «Пальцах мошенника», но в поддень свернули на другую, пошире, спускающуюся на юг. Не успели мы свернуть, как Жискар произнес:

— Покой там, где нет человека. И что теперь?

Какой-то деревенский парень, спавший под деревом, вздрогнул, проснувшись, и уставился на нас, затем отпрыгнул в сторону и нырнул в дубовую чащу, что окружала дорогу. Я только мельком успела его рассмотреть: на нем была рубаха дровосека с капюшоном, он производил впечатление отъявленного негодяя.

— Наше воинственное появление напугало этого деревенщину, — рассмеялся Жискар. Но мной овладела странная тревога, заставлявшая меня беспокойно глядываться в лесную чащу вокруг.

— В этом лесу нет бандитов, — пробормотала я. — У него не было причины убегать от нас. Мне это не нравится. Слушай!

Откуда-то из-за деревьев донесся высокий, пронзительный, переливающийся свист. Через несколько секунд ему ответил другой, очень отдаленный. Я напрягла слух и, кажется, уловила третий свист, еще дальше.

— Мне это не нравится, — повторила я.

— Птица подзывает своего друга, — отмахнулся Жискар.

— Я родилась и выросла в лесу, — нетерпеливо произнесла я. — Это не птица. Это люди в лесу подают друг другу сигналы. Мне кажется, это связано с негодяем, убежавшим от нас.

— У тебя инстинкт старого солдата, — рассмеялся Жискар, сняв шлем со вспотевшей головы и пове-

сив его на луку седла, — Подозрительность, настороженность — это хорошо. Но они бесполезны в этом лесу, Агнес. У меня нет здесь врагов. Напротив, я здесь хорошо известен и всем друг. И поскольку рядом нет грабителей, нам нечего опасаться.

— Говорю тебе, — не соглашалась я, — у меня непреодолимое предчувствие, что не все в порядке. Почему парень убежал от нас и потом свистел кому-то, скрытому в глубине леса? Давай свернем с дороги на тропинку.

К этому времени мы проехали некоторое расстояние от места, где услышали первый свист, и выехали к открытому месту вокруг мелкой речки. Здесь дорога как бы расширялась, хотя по-прежнему ее окружали густой кустарник и деревья. С левой стороны кусты были гуще и ближе к дороге. Справа рос редкий кустарник, окаймляющий речушку, на противоположной стороне которой берег упирался в голые скалы. Пространство между дорогой и речушкой, заросшее низким кустарником, составляло около сотни шагов.

— Агнес, девочка, — сказал Жискар, — говорю тебе, мы в такой же безопасности, как...

Бах! Грохочущий залп раздался из кустов слева, покрыв дорогу клубами дыма. Мой конь пронзительно заржал и шарахнулся в сторону. Жискар выбросил вперед руки и повалился в седле, а его конь упал под ним. Все это я видела лишь короткий миг, так как мой конь понесся стрелой направо, продирая кусты. Ветка выбила меня из седла, и я, оглушенная, рухнула на землю.

Лежа там, не видя дороги из-за густой травы, я слышала громкие грубые голоса выходящих из засады на дорогу мужчин.

— Мертв, как Иуда Искариот! — рявкнул один. — Куда поскакала девчонка?

— Ее раненый конь помчался туда, через речку, с пустым седлом, — ответил другой. — Она упала где-то в кустах.

— Если бы только взять ее живой, — произнес третий. — Она доставила бы редкое развлечение. Но герцог сказал, лучше не рисковать. А, здесь капитан де Валенс!

По дороге простучали копыта, всадник закричал:

— Я слышал залп, где девушка?

— Лежит мертвая где-то в кустах, — ответили ему. — А вот мужчина.

Через секунду раздался крик капитана:

— Тысяча чертей! Идиоты! Растяпы! Собаки! Это не Этьен Вильер! Вы убили Жискара де Клиссона!

Поднялся шум, посыпались проклятия, обвинения и оправдания, заглушаемые голосом того, кого называли де Валенсой.

— Говорю вам, я узнал бы де Клиссона и в аду, это он, несмотря на то, что вместо головы у него кровавое месиво. О, идиоты!

— Мы только повиновались приказам, — ревел другой голос. — Когда вы услышали сигнал, то послали нас в засаду и приказали стрелять, кто бы ни проехал по дороге. Откуда мы знали, кого должны были убить? Вы не называли его имя, наше дело было только стрелять в того, на кого вы укажете. Почему вы не остались с нами, чтобы посмотреть, как выполняется приказ?

— Потому что я на службе у герцога, дурак! — закричал де Валенс. — Меня слишком хорошо знают. Я не могу рисковать, чтобы меня увидели и узнали, если дело провалится.

Затем они набросились на кого-то другого. Понимался звук удара и крик боли.

— Собака! — вопил де Валенс. — Разве не ты дал сигнал, что Этьен Вильер едет этой дорогой?

— Я не виноват! — завыл парень — крестьянин, судя по выговору. — Я не знал его. Хозяин «Пальцев мошенника» приказал мне следить за мужчиной, скачущим вместе с рыжей девушкой в мужском платье, и, когда я увидел ее верхом на коне рядом с солдатом,

я подумал, что это, должно быть, и есть Этьен Вильер... ах... простите!

Раздался выстрел, пронзительный крик и звук упавшего тела.

— Нас повесят, если герцог узнает об этом, — сказал капитан. — Жискар пользовался большой благосклонностью виконта де Лотрека, правителя Милана. Д'Аленсон повесит нас, чтобы умиловить виконта. Мы должны позаботиться о своих шеех. Спрячем тела в реке — ничего лучшего нам не придумать. Ступайте в лес и ищите труп девчки. Если она еще жива, мы должны закрыть ей рот навеки.

Услышав это, я начала потихоньку отползать назад, к реке. Оглянувшись, я увидела, что противоположный берег низкий и плоский, заросший кустарником и окруженный скалами, о которых я упоминала, и среди них виднелось что-то похожее на вход в ущелье. Казалось, ущелье показывает путь к отступлению. Я подползла почти к самой воде, вскочила и подбежала к журчащей по каменистому дну реке. В этом месте она была не выше колен. Бандиты рассеялись в виде полумесяца, шаря по кустам. Я слышала их позади себя и вдали от меня, с другой стороны. Внезапно один завопил, словно гончая, увидевшая дичь:

— Вон она идет! Стой, черт возьми! — Щелкнул фитильный замок, пуля просвистела мимо моего уха, но я продолжала бежать дальше. Они догоняли, грохоча и вопя, продираясь сквозь кусты позади меня — десяток мужчин в шлемах, кирасах, с мечами в руках. Тот, что кричал, увидел меня, когда я уже вошла в воду. Опасаясь удара сзади, я повернулась к нему на середине реки. Он шел ко мне, поднимая брызги, огромный, уса́тый, вооруженный мечом.

Мы схватились с ним, рубя друг друга, стоя по колено в воде. Вода сковывала ноги. Его меч опустился на мой шлем, и искры посыпались у меня из глаз. Я видела, что остальные окружают меня, и бросила все силы на отчаянную атаку. Мой меч стремительно про-

шел между зубов врага и пробил его череп насквозь по краю шлема.

Он упал, окрасив реку в багровый цвет. Я выдернула меч из тела, и тут пуля ударила меня в бедро. Я закачалась, но не упала и быстро выпрыгнула из воды на берег. Враги неуклюже бежали по воде, выкрикивали угрозы и размахивали мечами. Некоторые стреляли из пистолетов, но цель была слишком подвижна. Я достигла скалы, волоча раненую ногу. Сапог был полон крови, вся нога онемела.

Я бросилась сквозь кусты к входу в ущелье — и холодное отчаяние внезапно сжало мне сердце. Я была в ловушке. Это оказалось не ущелье, а просто широкая, в несколько ярдов, расщелина в скале, которая сужалась до щели. Она образовывала острый треугольник, стены которого были слишком высоки и гладки, чтобы взбираться по ним даже со здоровыми ногами.

Бандиты поняли, что мне не ускользнуть, и подходили с победными криками. Я бросилась за кусты у расщелины, выхватила пистолет и прострелила голову ближайшему из них. Тогда остальные приникли к земле, чтобы укрыться. Те, что были на другой стороне реки, рассеялись по кустам у берега.

Я перезарядила пистолет и старалась не высовываться, а они переговаривались и стреляли наугад. Но пули свистели высоко над моей головой или расплющивались о скалу. Один из них выполз на открытое пространство, и я подстрелила его, остальные кроважально завопили и усилили огонь. От другой стороны реки было слишком большое расстояние, чтобы метко стрелять, а остальные плохо прицеливались, так как не смели высунуться из укрытия.

Наконец один закричал:

— Почему бы одному из вас, идиоты, не спуститься вдоль реки и не поискать место, где можно залезть на скалу и добраться до девчонки сверху?

— Потому что невозможно выйти из укрытия, — ответил де Валенса. — Она стреляет как сам дьявол.

Подождите! Скоро стемнеет, и в темноте она не сможет целиться. Ей не сбежать. В сумерках мы поймаем ее и закончим это дело. Сучка ранена, я знаю. Подождем!

Я выстрелила в сторону, откуда доносился голос де Валенсы, и по взорвавшейся ругани поняла, что мой свинец был близок к цели.

Затем потянулось ожидание, во время которого изредка раздавались выстрелы из-за деревьев. Раненая нога ныла, мухи вились надо мной. Солнце садилось, начало смеркаться. Меня мучил голод, но вскоре жестокая жажда вытеснила все мысли о еде. Вид и журчание реки сводили с ума. Пуля в бедре причиняла невыносимые страдания, я ухитрилась вырезать ее кинжалом и остановила кровотечение, придавив рану смятыми листьями.

Я не видела выхода; казалось, здесь мне суждено умереть вместе с мечтами о блеске, славе и удивительных приключениях. Бой барабанов, за которыми я хотела идти, стих, превратившись в похоронный звон, пророчащий смерть и забвение.

Но я не нашла в душе ни страха, ни сожаления, ни печали. Лучше умереть здесь, чем жить и стареть, как женщины, которых я знала. Я подумала о Жискаре де Клиссоне, лежащем рядом со своим мертвым конем головой в луже крови, и пожалела о том, что смерть настигла его таким образом — не так, как он желал, не на поле битвы со знаменем короля, развевающимся над ним, среди грохота боевых горнов.

Часы тянулись медленно. Один раз мне почудился стук копыт скачущего галопом коня, но звук быстро стих. Я шевелила онемевшей ногой и проклинала комаров. Я хотела, чтобы враги поскорее напали на меня, пока еще достаточно светло для стрельбы.

Они переговаривались в сгущающихся сумерках. Внезапно я услышала голос сверху и резко обернулась, подняв пистолет. Я подумала, что они все-таки залезли на скалу.

— Агнес! — тихо окликнул голос. — Не стреляй! Это я, Этьен! — Кусты раздвинулись, и из-за края скалы появилось бледное лицо.

— Назад, дурень! — воскликнула я. — Тебя подстрелят, как птенца!

— С их стороны меня не видно, — уверенно произнес он. — Говори тише, девочка. Смотри, я спускаю веревку. Она с узлами. Сможешь подняться по ней? Я не смогу тебя вытянуть одной рукой.

— Да! — шепнула я. — Спускай быстрее и хорошо укрепи конец. Я слышу, как они идут по реке.

Веревка змеей скользнула ко мне вниз. Обхватив ее согнутыми коленями, я поднималась на руках. Это было тяжело, так как нижний конец болтался как маятник, в разные стороны. Я не могла помочь себе ногами, потому что раненое бедро полностью онемело, да и мои испанские сапоги не были предназначены для лазанья по канату.

Я взобралась на вершину скалы в тот момент, когда на берегу закрипел песок под сапогами и почти рядом послышалось звяканье стали.

Этьен быстро смотал веревку и, сделав мне знак рукой, повел через кустарник. Говорил он быстрым беспокойным полупшепотом:

— Я услышал выстрелы, когда ехал по дороге. Привязав коня в лесу, я прокрался вперед посмотреть, что происходит. Я увидел мертвого Жискара и по крикам этих вояк понял, что ты в беде. Я знаю это место с давних времен. Я снова вернулся к коню и скакал вдоль реки, пока не нашел место, где можно проскочить верхом по скалам через ущелье. Веревку я сделал из плаща, разорвав его и связав куски при помощи пояса и сбруи. Слушай!

Позади раздались бешеный рев и проклятия.

— Д'Аленсон в самом деле жаждет заполучить мою голову, — прошептал Этьен. — Я слышал разговор этих ребят, пока крался рядом. Все дороги на несколько лиг от владений Аленсона патрулируются такими

же бандитами, так как эта собака — хозяин гостиницы — доложил герцогу, что я в этой части королевства.

Теперь тебя тоже будут преследовать. Я знаю Рено де Валенсу, капитана этой банды. Пока он жив, ты не будешь в безопасности, так как ему нужно уничтожить все свидетельства того, что это его головорезы убили Жискара де Клиссона. Вот мой конь. Нам нельзя терять времени.

— Но почему ты поехал за мной? — спросила я.

Он повернулся ко мне — бледная тень вместо лица в сумерках.

— Ты была не права, когда сказала, что между нами нет никаких долгов, — сказал он. — Я обязан тебе жизнью. Это из-за меня ты дралась и убила Тристана Пеллини и его воров. Почему ты ненавидишь меня? Ты вполне отомщена. Ты приняла Жискара де Клиссона как товарища. Разреши мне поехать на войну вместе с тобой.

— Как товарищу, не больше, — сказала я. — Запомни, я больше не женщина.

— Как брат по оружию, — согласился он. Я протянула руку, он — свою, наши пальцы сомкнулись.

— Опять мы поедем на одном коне, — засмеялся он и запел веселую песенку старинных времен. — Едем скорее, пока те собаки не нашли сюда дорогу. Д'Аленсон перекрыл дороги в Шартр, Париж и Орлеан, но нам принадлежит мир! Я думаю, нас ждут славные дела, приключения, войны и добыча! Вперед, в Италию! Да здравствуют храбрые искатели приключений!

КЛИНКИ ДЛЯ ФРАНЦИИ

1

Эй, парень, на что тебе меч? О, клянусь святым Дени, да это женщина! Женщина в шлеме и с мечом!

И разбойничьего вида верзила с черными усами и бородой резко остановился, изумленно глядя на меня.

Нисколько не смутившись, я спокойно встретила его взгляд. Да, женщина, но ведь здесь безлюдное место — темный лес, унылая просека и никакого жилья поблизости. Но я не носила охотничьего костюма, камзола и испанских сапог — мне совершенно ни к чему попусту красоваться и пускать кому-либо пыль в глаза. Мои рыжие локоны украшал самый простой шлем, а на боку висел самый простой меч.

Я внимательно пригляделась к черноусому незнакомцу, с которым волею судьбы встретилась в лесу, и он мне даже немного понравился. Вид у него был довольно неплохой — лицо украшали глубокие шрамы, глаза смотрели настороженно и недоверчиво; шлем поблескивал золотой отделкой, так же как и доспехи, видневшиеся из-под плаща. Плащ, кстати, сам по себе был замечатель-

ным — из благородного кипрского бархата, с золотым шитьем. По всей видимости, обладатель роскошного плаща остановился здесь, чтобы вздремнуть под раскидистым деревом. Неподалеку стоял его конь, привязанный к толстой ветке и покрытый богатой попоной из красной кожи с золотыми шнурами. При виде этого прекрасного животного я печально вздохнула, потому что самой мне с рассвета пришлось брести пешком и ноги в длинных сапогах уже ныли и горели.

— Женщина! — все так же изумленно повторил черноусый. — А одета как мужчина! Послушай, девочка, сними-ка этот потрепанный плащ, у меня есть для тебя кое-что получше! Черт возьми, да ведь ты хорошенькая, стройная — просто прелесть! Давай снимай свои лохмотья!

— Прочь с дороги, собака! — резко осадил я его. — Я тебе не дешевая потаскушка для твоих забав!

— А кто тогда? — спросил он, глядя на меня влюбленными глазами. Попросту говоря, он просто пожирал ими меня.

— Агнес де ля Фер, — ответила я. — Если ты здесь не чужеземец, то должен знать обо мне.

Он покачал головой, продолжая мысленно меня раздевать.

— Нет, я только что приехал сюда, а вообще-то я родом из Шалона. Но это неважно. Важно, что ты мне нравишься. Подойди-ка поближе ко мне, Агнес, и поцелуй меня.

— Болван! — во мне уже начала закипать ярость. — Неужели во Франции мне нужно перебить половину мужчин, чтобы научить остальных приличным манерам? Знаешь, я ношу эту одежду только как форму и инструмент моего ремесла, а не для того, чтобы привлекать внимание мужчин. Я пью, сражаюсь и живу, как мужчина...

— Но любить будешь, как женщина! — нетерпеливо воскликнул он и тут же прыгнул ко мне, как дикий зверь, пытаясь заключить меня в свои объятия, но тут же отскочил назад, получив хороший удар по гу-

бам. Тоненькая струйка крови потекла из рассеченной губы, красиво окрашивая его черную бороду.

— Мерзавка! — взревел он. — Да я тебя сейчас изуродую!

Он вновь протянул ко мне огромные руки, но в то же мгновение я выхватила свой меч, и он вдруг словно протрезвел, увидев, что я не шучу. Отпрянув назад, он тоже выхватил меч из-под плаща и замахнулся на меня.

Наши клинки встретились; раздался оглушительный звон, разбудивший эхо в тихом сонном лесу. С первого же удара я едва не убила своего противника, и его спасло лишь то, что ему частично удалось парировать мой удар. Острием меча я попала ему в челюсть, и кровь обильно полилась на латный воротник. Он забыл, как бешеная собака, но рана все же несколько остудила его пыл, и он, кажется, понял, что столкнулся отнюдь не с детской задачей.

Мой противник владел мечом не так уж плохо, но для меня не имели значения его успехи в фехтовании, — ведь я училась у лучшего во Франции мастера этого дела! Чернобородый был силен и опытен более не в честном бою, а в ином: он ловко использовал различные хитроумные и довольно подлые трюки, красноречиво свидетельствующие о том, что он нечестный человек. Скорее всего, он был наемником, убийцей, которому платили за его работу, и он продавал свой меч всякому, кто мог отсыпать ему за это достаточно денег.

Но я не была ребенком в этой игре, и с моей реакцией не мог тягаться ни один мужчина. Потерпев неудачу во всех своих уловках и увертках, чернобородый попытался одолеть меня простой и грубой силой, начав обрушивать на меня страшные удары. Но и из этого у него ничего не вышло, потому что хотя я и женщина, но обладаю упругой гибкостью пантеры, и мне удалось уклониться от всех его выпадов. Придя в неопределимую ярость, он рубился все сильнее, но наконец силы его начали иссякать, дыхание становилось

все более прерывистым и затрудненным, и пена, полившаяся из рта, смешалась с кровью на его бороде.

И тут, когда его сила и ярость начали угасать, я принялась безжалостно и неумолимо атаковать его. Несколько точных ударов — и острие моего меча вонзилось, пройдя сквозь бороду, в горло над верхним краем латного воротника. Коротко вскрикнув, он тут же рухнул на землю к моим ногам.

Я вытерла меч и принялась размышлять о своих дальнейших действиях, решив для начала опустошить его кошелек. Открыв его, я разочарованно вздохнула, увидев там лишь несколько серебряных монет — а ведь я была совсем без денег и сильный голод уже давно мучил меня. Но, как бы то ни было, содержимого кошелька вполне хватало на ужин в какой-нибудь дешевой таверне. Затем я оглядела свой плащ. Он был совсем старым и рваным, как заметил чернобородый, и я взяла его бархатный, с роскошным золотым шитьем, приводившим меня в умиление. Когда я снимала с него плащ, оттуда выпала черная шелковая маска, и сначала я не хотела поднимать ее, но затем, поразмыслив, все же подняла и сунула себе за пояс. Потом я накрыла тело своим старым плащом, оттащила его в кусты, чтобы на него не наткнулся случайный прохожий, и, вскочив на коня, помчалась дальше в том же направлении, в котором шла до этого, испытывая радость от того, что теперь смогу дать отдых усталым ногам.

Я мчалась сквозь сгущающиеся сумерки, размышляя о событиях, что выпали на мою долю с тех пор, как я, никому не известная девушка из провинции, заколола кинжалом человека, за которого мой отец заставлял меня выйти замуж. После этого я убежала из дому и стала воином, вольным странником и разбойником.

Опасности и смерть ходили за мной по пятам. Жискар де Клиссон — тот, кто научил меня искусству владения мечом, тот, кто плечом к плечу со мной принимал участие в войнах в Италии, — был подло застрелен в спину, из кустов, головорезами, нанятыми

герцогом д'Аланконом. Они приняли его за моего друга Этьена Вильера. Этьену многое было известно об интригах против короля Франсиса, которые плел герцог, и за эти знания мой друг мог поплатиться жизнью. Теперь и меня тоже преследовал Ренно де Валенс, главарь этих наемников, потому что он считал меня опасным свидетелем — ведь, кроме него, только я одна знала правду о смерти де Клиссона.

Де Валенс не сомневался: если всплывет наружу то, что он и его головорезы убили Жискара де Клиссона, знаменитого боевого генерала, их повесит герцог д'Аланкон — хотя бы для того, чтобы успокоить друзей де Клиссона. Тело генерала они бросили в реку, и после этого де Валенс начал охотиться за мной, имея на то личные мотивы — точно так же по личным мотивам охотился за Этьеном герцог д'Аланкон.

Нам с Этьеном удалось бежать; мы нетлали и прятались, как дикие звери от гончих собак, стремясь добраться до Италии, но наши преследователи, прочесывая всю страну, загнали нас в этот глухой край. Сейчас я мчалась на встречу с Этьеном. Он уже добрался до берега и там пытался найти одного пирата по имени Роджер Хауксли. Этот англичанин совершал набеги на побережье.

Ищейки следовали за нами по пятам; спрятаться от них было уже нелегко, поэтому мы надеялись на помощь пирата. Я должна была встретиться со своим другом в полночь, в одном условленном месте у дороги, ведущей к берегу.

Сумерки сгустились, а я продолжала скакать. В душе моей не осталось ни малейшего сожаления о том, что променяла свою жизнь, полную нудной однообразной работы в деревне Ля Фер, на жизнь, полную опасностей и приключений. Непостижимый рок уготовил мне эту жизнь, и я оказалась приспособленной к ней, как любой мужчина — пить, ругаться, играть в азартные игры и драться. С пистолетом, кинжалом или мечом в руках я вновь и вновь доказывала свою доблесть и отвагу и не боялась ни одного мужчины на све-

те. Лучше короткая, дикая, но яркая жизнь, чем тоскливая работа по дому в качестве служанки у мужчины, которого я ненавидела.

Наконец я подъехала к маленькой таверне у лесной дороги. Я осторожно заглянула внутрь, но в просторной комнате не увидела никого, кроме мальчика — разносчика вина — и молодой служанки. Я оставила коня на попечение слуги из конюшни и решительно шагнула в таверну.

Мальчишка-разносчик изумленно взглянул на меня, но притаил большой кувшин вина, а девушка уставилась на меня так, что глаза ее готовы были вылезти из орбит. Но я давно привыкла к таким взглядам и спокойно велела ей принести еды, а затем уселась на скамью, не снимая шлема, — он напоминал мне, что нужно быть постоянно начеку и в полном вооружении.

Я принялась за еду и вскоре услышала, как в задней части таверны дверь открылась, а затем тихонько закрылась; до моих ушей донесся приглушенный гул голосов. Я еще не знала, что бы это могло значить, но постаралась побыстрее закончить трапезу, притворяясь, что не обращаю никакого внимания на хозяина таверны — молчаливого смуглолицего человека в кожаном переднике, который вышел откуда-то из внутренней комнаты и пристально посмотрел на меня, а затем повернулся и вновь исчез в недрах своего заведения.

Вскоре после его ухода в таверну через боковую дверь вошел другой человек — маленький, плотного телосложения, с резкими чертами темного лица, закутанный в черный шелковый плащ. Я чувствовала на себе его взгляд, но даже не поглядела в его сторону, а лишь украдкой вытянула немного меч из ножен. Он быстро подошел ко мне и прошипел:

— Ля Балафр!

Поскольку он явно обращался ко мне, я обернулась, продолжая сжимать рукоять меча, и он отпрянул, дыша со свистом сквозь зубы. Несколько мгновений мы молча смотрели друг на друга, а затем он воскликнул:

— Святой Дени! Женщина! Ля Балафр — это женщина! Они не сказали мне... Я не знал...

— И что? — грозно спросила я, все еще не понимая причин его замешательства.

— Да нет, неважно, — пробормотал он наконец. — Вы не первая женщина, которая носит бриджи и меч. Неважно, какой палец нажимает на курок, главное, чтобы пуля достигла цели. Ваш хозяин велел мне найти этот плащ — именно благодаря золотому шитью я и узнал вас. А теперь идемте, а то уже поздно. Вас ждут в потайной комнате.

Теперь я поняла, что этот человек принял меня за того наемника, которого я убила; несомненно, чернородый головорез ехал к месту назначенной встречи. Я не знала, что и сказать. Если бы я стала отрицать, что я — Ля Балафр, то вряд ли его друзья позволили бы мне уйти с миром, не выяснив, каким образом ко мне попал этот плащ. Я не видела никакого другого выхода, кроме как сбить с ног темнолицего человечка и броситься наутек. Но после следующих его слов все резко изменилось.

— Наденьте свою маску и плотно закутайтесь в плащ, — сказал он. — Никто не знает вас, кроме меня, а я знаю вас только потому, что мне описали ваш плащ. С вашей стороны было непростительно глупо сидеть здесь, в таверне, открыто, когда любой мог вас увидеть. Наша задача такова: мы должны скрывать наши личности, не только сегодня вечером, а всегда. Меня зовут Жан, и больше я ничего не скажу вам о себе. Остальных вы не будете знать, так же как и они вас.

После этих слов мною овладело неудержимое желание последовать за ним — результат свойственного мне безрассудства и чисто женского любопытства. Не говоря ни слова, я поднялась, надела маску, позаимствованную у настоящего Ля Балафра, закуталась в плащ так, что никто не смог бы определить, что я женщина, и двинулась вслед за человеком, назвавшимся Жаном.

Он провел меня через дверь в конце комнаты, которую затем тщательно запер на засов, и, вытащив

черную маску, похожую на мою, надел ее. Затем, взяв со стола свечу, Жан повел меня по узкому коридору, выложенному деревянными панелями. Наконец он остановился и, задув свечу, осторожно постучал в стену. С той стороны раздался шорох; деревянная панель отодвинулась, и я увидела нолоску тусклого света, упавшую в коридор. Жестом приказав мне следовать за ним, Жан проскользнул в образовавшееся отверстие, а за ним вошла я, закрыв за собой панель.

Я оказалась в маленькой комнате без окон и дверей, хотя, очевидно, там должны были быть какие-нибудь вентиляционные окошки. Накрытый капюшоном потайной фонарь тускло освещал комнату, и в его призрачном свете я увидела девять фигур, сидевших вдоль стен на скамьях. Все они закутались в темные плащи, надвинули по самые брови шляпы с перьями или черные шлемы, а лица закрыли такими же, как и у меня, черными масками. Через прорези в масках были видны только их горящие глаза. Никто из них не двигался и не разговаривал. Всем видом своим они напоминали приговоренных к смертной казни.

Жан молча указал мне мое место на скамье, а затем бесшумно пересек комнату и отодвинул другую панель. Тотчас появилась еще одна фигура, в маске и плаще, как и остальные, но все же кое-чем на них не похожая. Этот человек вошел решительным шагом — он явно привык командовать, и, даже не видя его лица, я почувствовала в его облике что-то знакомое.

Он прошел в центр комнаты, и Жан сделал движение в сторону остальных, как бы говоря, что все в сборе и готовы начать. Вновь прибывший кивнул и обвел нас взглядом.

— Вы получили свои инструкции перед тем, как прийти сюда. Все вы знаете, что должны лишь следовать за мной и подчиняться моим приказам. Не задавать никаких вопросов; вам хорошо заплатят, и это единственное, что вас касается. Разговаривать как можно меньше. Вы не знаете меня, а я не знаю вас. Чем

меньше каждый знает о других, тем лучше для всех. Как только наше задание будет выполнено, мы рассеиваемся в разные стороны. Все понятно?

Все сидевшие на скамьях молча кивнули в знак согласия. Я еще плотнее закуталась в плащ, пристально вглядываясь в стоявшего посреди комнаты человека. Я уже слышала его голос при обстоятельствах, которые вряд ли когда-нибудь забуду, — это был тот самый голос, что отдавал команды убийцам Жискара де Клиссона, когда я лежала раненая в расщелине скалы и отстреливалась от них. Главаря злодеев звали Рено де Валенс — именно тот, кто разыскивал меня, желая отнять мою жизнь.

Когда его стальные глаза, горевшие из-под маски, обвели нас пристальным взором, я невольно сжалась и нащупала под плащом рукоять меча. Но мои опасения были напрасны — де Валенс все равно не смог бы узнать меня в этом облачении, будь он хоть самым Сатаной.

По знаку Жана мои враги поднялись и направились к панели, через которую вошел де Валенс. Молча мы прошли гуськом вслед за ним в открытое отверстие — цепь молчаливых черных призраков. Оставшийся последним Жан погасил светильник и последовал за нами. Какое-то время мы шли в полной темноте, затем перед нами открылась дверь, и широкие плечи главаря на мгновение мелькнули в дверном проеме на фоне звезд. Мы вышли в маленький внутренний дворик позади таверны, где двенадцать коней непрерывно били копытами о землю и грызли удила. Моего среди них не было, хотя я и велела слуге следить за ним. Очевидно, у каждого в этой таверне был свой приказ.

Не произнося ни слова, мы сели на коней и тронулись за Валенсом через двор на дорогу, которая вела в лес. Мы ехали в полной тишине, если не считать цокота копыт по твердой земле да легкого поскрипывания кожаных подпруг. Мы двигались на запад, к берегу; лес наконец стал редеть, а дорога раздвоилась и исчезла в густом кустарнике. Дальше мы уже ехали не

цепочкой, а беспорядочной массой, и я подумала, что судьба послала мне удачу. Я не знала, куда мы направляемся, но меня это не очень и заботило, — должно быть, это было очередное задание герцога д'Аланкона, поскольку злодеями командовал де Валенс, его правая рука. Но я хорошо знала одно — пока жив де Валенс, ни моя жизнь, ни жизнь Этьена не стоили и ломаного гроша.

Было совсем темно; луна еще не взошла, а звезды скрывались за толщей густых облаков. Дорога так больше и не появилась, и нам приходилось продираться через колючие заросли кустарников. В ветвях деревьев завывал ветер, под шум которого я потихоньку все ближе и ближе подбиралась к де Валенсу, сжимая под плащом кинжал.

Теперь я уже ехала рядом с ним и слышала, как он тихо говорил Жану, наклонившемуся к нему со своего седла: «Он был дурак, что насмеялся над ней, когда она могла сделать его выше короля Франции. Если Роджер Хауксли...»

Приподнявшись в стремях, я ударила кинжалом между его лопаток с такой силой, на которую только была способна. Из его груди вырвался хрип, и де Валенс, вывалившись из седла, рухнул на землю. В то же мгновение я развернула своего коня и рванула прочь.

Дико заржав, скакун помчался напролом сквозь непроходимые заросли, оставив позади нас черные силуэты, и мы исчезли в темном лесу прежде, чем злодеи успели сообразить, в чем дело, и выхватить свои мечи.

Позади себя я слышала вопли и проклятия, звон стали и голос Жана, пронзительно бранившегося, а также голос де Валенса, который, задыхаясь, отдавал команды. Он не умер! Я начала проклинать судьбу. Очевидно, он носил под плащом пластинчатую кольчугу, такую же, как у меня, и мой кинжал даже не ранил его — лишь страшная сила удара сбросила его с коня. Зная врага достаточно хорошо, я не сомневалась, что он быстро нападет на мой след, если только дру-

гое, более важное и срочное дело не остановит его. Хотя трудно было себе представить, что у него могло быть дело более важное, чем поймать меня; к тому же Жан наверняка уже сказал ему, что мнимый Ля Балафр — на самом деле рыжеволосая девица, и де Валенс понял, что это и есть его заклятый враг Агнес де Шатильон.

Поэтому я продолжала прищипривать коня, который мчался бешеным галопом во тьме через кустарники, и в любой момент ожидала услышать за спиной топот копыт. Я скакала на юг, к дороге, где мы должны были встретиться с Этьеном Вильером, и вылетела на нее раньше, чем рассчитывала. Дорога извивалась к западу на берег, и злодеи все это время двигались параллельно ей.

Примерно через милю я увидела на обочине каменный крест — там была развилка. Одна часть дороги шла на запад, а другая — на юго-запад. Именно в этом месте мы и должны были встретиться с Этьеном Вильером. До полуночи было еще несколько часов, и я ничего не имела против, чтобы провести их под открытым небом, ожидая друга, если только де Валенс не явится раньше. Подъехав к кресту, я нашла себе неподалеку убежище среди частых деревьев, и принялась ждать Этьена.

Ночь была тихая и спокойная, и я не слышала никаких звуков преследования; я надеялась, что если наемники и помчались за мной, то сразу потеряли меня в темноте, что было вполне возможно.

Я привязала коня к дереву и едва устроилась поудобнее на траве, как вдруг услышала топот копыт. Я вскочила на ноги, но тут же с облегчением вздохнула — конь был один, и приближался он с юго-запада. С мечом в руке я затаилась за деревом, а топот становился все громче и громче, пока наконец луна, прорвавшаяся сквозь толщу облаков, не осветила всадника, который галопом мчался по белой дороге в развевающемся на ветру плаще. И тут я узнала стройную фигуру и украшенную пером шляпу Этьена Вильера.

Он подлетел к кресту и огляделся, по привычке вспух сказав самому себе: «Слишком рано; ну что ж, я подожду се здесь».

— Тебе не придется долго ждать, — молвила я, выходя из-за дерева.

Он резко обернулся в седле, держа в руке пистолет, а затем рассмеялся и прыгнул на землю.

— Клянусь святым Дени, Агнес! — воскликнул он. — Я никогда не удивлюсь, встретив тебя где угодно и в какое угодно время! Что, у тебя конь? И великолепный новый плащ! Дьявол, да тебе явно где-то привалила удача — интересно, это игра в кости или меч?

— Меч, — коротко ответила я.

— Но почему ты приехала сюда так рано? — спросил он. — Есть причина?

— Здесь недалеко рыскает Рено де Валенс, — сказала я и увидела, как он поднял пистолет, вглядываясь в темноту. Я быстро рассказала ему, что произошло, и Этьен покачал головой.

— Дьявол его побери, — пробормотал он. — Рено трудно убить. Но послушай, я хочу рассказать тебе одну странную историю. Здесь неплохое место, чтобы смотреть и слушать, и смерть не сможет подобраться к нам из-за угла или потайного хода. А потом мы решим, что делать дальше, потому что на Роджера Хауксли рассчитывать больше нельзя.

Итак, слушай: прошлой ночью, едва взошла луна, я подошел к небольшой бухте, где, как я знал, должна была стоять на якоре посуда англичанина. Мы, бродяги, умеем узнавать секреты — ты прекрасно это знаешь, Агнес. Берег там кругом неровный, со скалами и фьордами, а сама бухта окружена деревьями, которые растут на склонах вплоть до самой кромки берега. Я пробрался между ними и увидел его корабль «Надежный друг», стоявший на якоре, с мертвецки пьяной командой на борту. Эти пираты — полные идиоты. Я

видел, как они валялись на палубе и их помятые каски рядом с ними, и я проклял тех, кто должен был охранять их, — такие же пьяные, они спали крепким сном. Я стал размышлять, окликнуть ли мне их или подплыть к кораблю, и вдруг услышал приглушенный всплеск весел и увидел три большие лодки, плывущие прямо к покоящемуся в безмолвии кораблю. В лодках сидели люди, и при свете луны я увидел, как заблестела сталь в их руках. Не видимые спящими пиратами, они начали подниматься на борт, и я не знал, что мне делать — то ли закричать, то ли затаиться, — ведь это мог быть сам Роджер, возвращавшийся со своими людьми из очередного рейда.

При свете луны я разглядел их — то были, несомненно, англичане, одетые в костюмы простых матросов. Внезапно один из пьяных на палубе зашевелился во сне, приподнялся, а затем резко вскочил и пронзительно закричал, предупреждая товарищей об опасности. Из кают, хватая оружие, немедленно выскочили люди Роджера Хауксли и он сам, но на них уже навалились таинственные пришельцы, рубя полусонных пиратов мечами. Это скорее напоминало бойню, чем сражение. Пираты, так и не успевшие до конца протрезветь, были безжалостно перерезаны почти до последнего человека. Я видел, как их тела сбрасывали за борт. Некоторые сами прыгнули в воду и поплыли к берегу, но таких было совсем немного. Затем победители подняли якорь, и несколько человек прыгнули обратно в лодки, потащив за собой на буксире «Надежного друга». Из своего укрытия я видел, как корабль расправил паруса и вышел в открытое море, а через несколько мгновений за ним последовал другой корабль. Я больше ничего не знаю об оставшихся в живых пиратах, потому что они, выбравшись на берег, тотчас бросились в лес и исчезли. Я знаю одно — Роджер Хауксли больше не хозяин корабля, и я не знаю, жив он или нет, но в любом случае мы должны найти кого-нибудь другого, кто мог бы отвезти нас в Италию.

Но вот тут-то и загадка — некоторые из англичан, которые захватили «Надежного друга», были простыми грубыми матросами. А другие нет! Я понимаю английский и узнаю благородную речь! Вымазанные дегтем штаны не скроют высокого происхождения их владельца от зоркого взгляда. Агнес, теми матросами командовали аристократы, изменившие свой облик!

— Зачем? — не поняла я.

— Ну как зачем? Все очень просто! Они подплыли к мысу, где бросили якорь, и послали людей в лодках за добычей. Удача была на их стороне — ведь будь Хауксли и его люди трезвы и бдительны, они немедленно заметили бы приближение лодок и перевернули бы их. Поэтому аристократы оделись простыми матросами, намереваясь уничтожить морских разбойников быстро, молча и тайно. Почему они это сделали, я точно не знаю, но Хауксли одинаково ненавидели и французы, и англичане.

— Этьен, слушай! — воскликнула я. С востока раздался топот копыт. Облака вновь закрыли луну, и стало темно, как в царстве мертвых.

— Де Валенс! — прошептала я. — Он едет сюда — и совершенно один! Дай мне пистолет, на этот раз он не ускользнет!

— Надо убедиться, что он действительно один, — шепнул в ответ Этьен, вручая мне пистолет.

— Абсолютно один, — твердо сказала я. — Если только сам дьявол не скачет вместе с ним.

Летающая тень смутно замаячила во мраке ночи, и в это мгновение свет луны прорезал узкую полоску в облаках и выхватил из темноты всадника и коня. И тогда я выстрелила.

Огромный конь мгновенно рухнул на землю. Тихину ночи прорезал крик отчаяния, который эхом подхватил Этьен. Он увидел — так же, как и я — в момент вспышки выстрела женщину, сжимавшую поводья летящего коня.

Мы побежали вперед и увидели ее стройную фигуру. Она встала на колени, беспомощно подняв руки и всхлипывая от страха.

— Вы ранены? — тяжело дыша, спросил Этьен. — О Боже, Агнес, ты убила женщину!

— Я убила только ее коня, — ответила я. — Он вскинул голову как раз в тот момент, когда я выстрелила. Сейчас я осматриваю ее.

Наклонившись над ней, я подняла ее лицо, бледный овал которого смутно видела в темноте. Ее кожа была удивительно мягкой и нежной, так же как и ткань ее одежды.

— Ты ранена, девочка? — спросила я. Но, услышав мой голос, она вдруг вскрикнула и обвила руками мои колени.

— О, вы тоже женщина! Пощадите меня! Будьте милосердны, не убивайте меня! Пожалуйста...

— Перестань хныкать, девочка! — нетерпеливо приказала я. — Здесь никто не собирается тебя убивать. Ты не переломала кости, когда падала?

— Нет, я только ушиблась и испугалась. Но... о, моя бедная лошадь!

— Прошу прощения, — пробормотала я. — Я не люблю убивать животных. Я метила в вас.

— Но зачем вам убивать меня? — вновь запричитала она. — Я вас даже не знаю...

— Меня зовут Агнес де Шатильон, — представилась я, — некоторые называют меня Темной Агнес де ля Фер. А ты кто?

Я подняла ее на ноги и отступила на шаг. В это мгновение сквозь облака прорвался лунный свет, и дорога заискрилась серебристым сиянием. Я с изумлением смотрела на богатую одежду нашей пленницы; красота ее нежного прекрасного лица, обрамленного ореолом шелковистых волос, казалась какой-то нереальной; темные глаза сверкали в лунном свете, словно черный жемчуг. И вдруг Этьен как-то странно вскрикнул.

— Моя госпожа! — Он сорвал с себя шляпу и рухнул перед ней на колени. — Становись на колени, Агнес, скорее! Это же Франсуаза де Фуа!

— Чего ради честная женщина будет становиться на колени перед королевской куртизанкой? — сурово спросила я, сунув руки за пояс и широко расставив ноги. Этьен лишился дара речи, а девушка вздрогнула, услышав мои слова, сказанные с деревенской прямоотой.

— О, прошу вас, встаньте! — робко сказала она Этьену.

Тот поднялся, по-прежнему держа шляпу в руках.

— Но это было в высшей степени безрассудно, моя госпожа! — пылко произнес он. — Ехать одной, ночью...

— О! — внезапно вскрикнула она, схватившись за виски. — Ведь сейчас они, может быть, убивают его! О, сударь, если вы мужчина, прошу вас, помогите мне!

Она схватила Этьена за руки и умоляюще сжала их.

— Послушайте, — взмолилась она, хотя Этьен и так слушал только ее. — Я приехала сюда сегодня ночью одна, как вы видели, чтобы попытаться исправить зло и спасти жизнь человека. Вы знаете меня как Франсуазу де Фуа, любовницу короля...

— Я видел вас при дворе, где не всегда был посторонним, — сказал Этьен, и мне показалось, что эти слова он произносил с трудом. — Я знаю вас как самую красивую женщину во Франции.

— Благодарю вас, мой друг, — сквозь слезы улыбнулась она, все еще продолжая крепко сжимать его руки. — Но мир видит мало из того, что происходит за дворцовыми дверями. Люди говорят, что я вожу короля за нос, но — да поможет мне Бог — клянусь, что я всего лишь пешка в игре, которой не понимаю. Я рабыня более сильной воли, чем воля Франсиса.

— Луиза Савойская, — прошептал Этьен.

— Да, она через меня управляет своим сыном, а через него — всей Францией. Именно она сделала меня тем, кто я сейчас есть. А ведь я могла бы быть не любов-

ницей короля, а честной женой какого-нибудь честного человека. Послушайте, мой друг, послушайте и поверьте мне! Сегодня ночью один человек мчится к берегу — и к своей смерти! И письмо, которое завлекло его туда, было написано мною! О, как я отвратительна — ведь он любит меня! Но я сама себе не госпожа, я рабыня Луизы Савойской. Я выполняю все, что она мне велит делать. Она распоряжается мною по своему усмотрению, и я не в силах ей сопротивляться. Этот человек был в Аланконе, когда получил письмо, в котором я просила его встретиться со мной в одной таверне на берегу. Он поехал бы туда только ради меня, потому что ему хорошо известно о своих могущественных врагах. Но мне он доверяет — о, Боже, смилуйся надо мной!

Она истерически всхлипнула, а я смотрела на нее в изумлении, потому что за всю свою жизнь ни разу не видела плачущих людей.

— Это козни Луизы, — продолжала она. — Когда-то она любила этого человека, но он отверг ее, и она поклялась ему отомстить. Она уже лишила его титула и почестей, теперь она хочет лишить его жизни. В той таверне его должны встретить, но не я, а наемные убийцы. Они убьют его слуг и возьмут в плен его самого, чтобы отдать в руки пирата Роджера Хауксли, который хорошо заплатил, чтобы избавиться от него навсегда.

— Зачем же было так все усложнять? — недоверчиво спросила я. — Если хочешь избавиться от человека, то чего уж проще — нож в спину, и все дела!

— Луиза на это не осмелится, — покачала головой Франсуаза. — Этот человек силен и могуществен...

— Во Франции есть только один человек, которого Луиза может так сильно ненавидеть, — сказал Этьен, пристально глядя ей в глаза. Она опустила голову, затем подняла ее и встретилась взглядом с моим другом.

— Да, — всего лишь вымолвила она.

— Для Франции это будет ударом, — пробормотал Этьен, — если ему не повезет. Но, моя госпожа, Роджер Хауксли не придет туда, чтобы забрать его...

И он рассказал ей о том, что видел на берегу.

— Тогда наемники сами его убьют, — с горечью произнесла она. — Они ни за что не дадут ему уйти. Ими командует Жан, правая рука Луизы...

— И Рено де Валенс, — добавил Этьен. — Теперь я все понял — ты была как раз в этой шайке, Агнес. Интересно, знает ли д'Аланкон о заговоре?

— Нет, — ответила Франсуаза. — Но Луиза намеревается известить его, поэтому использует его самого доверенного человека — Рено де Валенса. О, Боже, мы теряем время! Прошу вас, помогите ему! Поедьте вместе со мной к таверне «Ястреб»! Может быть, мы еще успеем его спасти, если опережим наших врагов. Я убежала из дворца и скакала всю ночь во весь опор, так, пожалуйста, помогите мне сейчас!

— Франсуазе де Фуа никогда не придется просить дважды Этьена Вильера, — каким-то напряженным, неестественным голосом произнес Этьен, стоя в полосе призрачного лунного света со шляпой в руках. Возможно, это была всего лишь игра луны, но мне показалось странным выражение его лица — почему-то вдруг смягчились его резкие черты, ставшие таковыми за время дикой жизни бродяги, и он выглядел совсем другим человеком — благородным и утонченным.

— И вы, мадемуазель! — Придворная красотка повернулась ко мне, протягивая руки. — Вы не должны преклонять предо мной колени — вот, смотрите, это я стою на коленях перед вами!

И она тут же грохнулась на колени в придорожную пыль. Я поморщилась, увидев, как на ее глазах вновь заблестели слезы.

— Вставайте, девушка, — неуклюже буркнула я, вдруг чего-то застыдившись. — Не надо стоять предо мной на коленях. Я помогу всем, чем смогу. Мне ничего не известно о дворцовых интригах, и то, что вы сказали, мне не совсем понятно, но что мы сможем сделать — мы сделаем!

Всхлипнув, она поднялась и, обвив своими нежными руками мою шею, поцеловала меня в губы, что привело меня в совершенное замешательство. Я вдруг понял, что меня поцеловали впервые.

— Пошли, — грубовато сказала я. — Мы теряем время.

Этьен поднял Франсуазу и усадил ее в свое седло, усевшись сзади, а я взгромоздилась на своего огромного черного коня.

— У тебя есть какой-нибудь план? — спросил меня Этьен.

— Никакого. Мы будем действовать по обстоятельствам. Сейчас нам надо как можно быстрее мчаться в таверну «Ястреб». Если Рено потерял время, разыскивая меня — а я в этом не сомневаюсь, — то он и его наемники еще не успели добраться до таверны. Если они все же уже близко к ней — что ж, у нас всего два меча, но они стоят многих!

Я принялась перезаряжать пистолет, взятый у Этьена, а это было нелегкой задачей — в темноте, да еще на полном скаку. Поэтому что за беседа происходила между Этьеном и Франсуазой, я не знаю, но их неразборчивое воркование время от времени доносилось до моих ушей, причем в его голосе звучала незнакомая мне нежность, что было очень странным для такого бродяги, как Этьен Вильер.

Наконец мы подъехали к таверне «Ястреб», силуэт которой неясно вырисовывался на фоне темного неба. Таверна почти полностью была погружена во мрак, если не считать тусклого фонаря, освещавшего общую комнату. Над таверной стояла гробовая тишина, а в воздухе чувствовался запах свежеспролитой крови...

На дороге перед таверной лежал человек в ливрее лакея; его белое удивленное лицо невидящими глазами смотрело на звезды, а костюм его был залит кровью. Возле двери распростерлась фигура в черном плаще, рядом валялись обрывки пропитанной кровью

черной маски. Его лицо вряд ли узнал бы даже близкий друг — оно напоминало кровавое месиво.

Внутри, у самых дверей, лежал другой слуга, из пробитого черепа которого все еще вытекал мозг, а сам он продолжал сжимать сломанный меч. Общая комната представляла собой нагромождение сломанных скамеек и изрубленных столов, обильно залитых кровью. Третий слуга, скрючившись, лежал в углу; на его пропитанном кровью костюме было не меньше дюжины колотых ран от меча. Над помещением висела неестественная звенящая тишина.

Франсуаза, закрыв лицо руками и глухо застонав, упала на пол, охваченная ужасом от увиденного, и Этьен тут же бросился ее поднимать.

— Рено со своими головорезами уже был здесь, — сквозь зубы проговорил он. — Они взяли свою добычу и ушли. Но куда? Хозяин таверны и его слуги, должно быть, в ужасе разбежались, и, пока не наступит день, они не вернутся.

Но, внимательно оглядывая с мечом в руке все уголки, я обнаружила за перевернутой скамьей фигуру, что скрючилась и замерла в безумном страхе. Вытащив ее оттуда, я увидела, что это девушка-служанка, которая тут же рухнула предо мной на колени, моля о пощаде.

— Не бойся, все уже позади, — терпеливо сказала ей. — Никто тебя не тронет. Ну-ка, быстро расскажи, что здесь произошло.

— Люди в масках, — всхлипнула она. — Они внезапно вошли в дверь и...

— И ты не слышала топота копыт? — спросил Этьен. — Разве...

— Разве Рено предупреждает когда-нибудь своих жертв? — резко перебила я его. — Конечно, они оставили коней где-то поблизости, а сами тихо подошли к таверне. Пойдем, девочка!

— Они набросились на господина и его слуг, — зарыдала она. — На господина, который приехал сюда

раньше и молча сидел здесь за кубком вина, как будто о чем-то думал или грустил. Когда люди в масках вошли, он вскочил на ноги и крикнул, что его предали...

— Ах! — издала крик ужаса Франсуаза де Фуа, заламывая руки.

— И тогда здесь началась борьба, убийства... смерть, — продолжала рыдать девушка. — Они убили слуг господина, а его самого связали и увели...

— Это он так отделал наемника, который валяется за порогом? — спросила я.

— Нет, он убил его из пистолета. Но главный из тех, что были в масках — такой высокий человек в блестящей кольчуге под плащом, — изрубил лицо мертвого своим мечом...

— Да, — пробормотала я. — Де Валенс не оставил бы его так — он не желает, чтобы кого-нибудь из его наемников узнали.

— И этот же высокий человек, прежде чем уйти, проткнул мечом каждого из убитых слуг, чтобы убедиться, что они мертвы, — снова вскрикнула девушка. — Я спряталась за скамейкой, потому что была так испугана, что побоялась бежать, как хозяин и другие слуги.

— В каком направлении они побежали? — спросила я, хорошенько встряхнув дрожащую девушку.

— Вон туда! — указала она рукой. — По старой дороге к берегу.

— Ты слышала какие-нибудь разговоры людей в масках — куда они собирались направиться дальше?

— Нет-нет, они говорили мало, а я была так напугана...

— Дьявол тебя поberi, бестолочь! — в сердцах воскликнула я. — Такая работа никогда не делается молча. Подумай как следует, вспомни хоть что-нибудь из того, что они говорили, прежде чем я перекину тебя через свое колено.

— Все, что я помню, — со страхом глядя на меня, произнесла она, — это то, что высокий мужчина ска-

зал бедному господину, когда они его связывали. Он снял шлем и шутливо поклонился, а потом с насмешкою сказал: «Мой господин, корабль ждет вас!»

— Значит, они посадили его на корабль! — воскликнул Этьен. — А ближайшее место, где может стоять корабль, — это Пиратская Бухта! Они не могли уйти далеко от нас. Если они поехали по старой дороге — а скорее всего, так оно и есть, ведь они не знают страну так хорошо, как я, — то им придется добираться до бухты на полчаса дольше, чем нам, потому что мы поедем кратчайшим путем — я его знаю!

— Тогда скорее! — крикнула Франсуаза, в которой вновь вспыхнула надежда. Несколько мгновений спустя мы уже мчались сквозь мрак ночи к берегу. Тропинка, бравшая начало откуда-то из густых зарослей, была едва заметной, затем она перешла в горную тропу, что спускалась к морю мимо огромных валунов и поваленных деревьев.

Наконец мы примчались в бухту, окруженную каменистыми склонами, на коих росли могучие деревья. Сквозь них мы увидели мерцающие блики воды, а в ней — отражение дрожащей луны. Соскочив с коней, мы с Этьеном бросились вперед, оставив Франсуазу, и вскоре увидели открытый берег, который ярко осветила луна — как раз в этот момент она полностью вышла из-за облаков.

В тени деревьев стояла группа черных зловещных фигур, а на берегу, возле лодки, мы увидели людей, одетых в матросские костюмы. Чуть подальше в бухте стоял корабль, поблескивая позолоченной отделкой бортов, и Этьен тихо выругался.

— Это же «Надежный друг», но только с другой командой! Та уже пошла на корм рыбам, а эта — люди, захватившие корабль. Что же за дьявольская игра здесь идет?

Мы увидели человека, которого толкали вперед наемники в масках. Он был высок и хорошо сложен, и, несмотря на то что его одежда была порвана и зали-

та кровью, а руки связаны за спиной, он выглядел победителем.

— Святой Дени, — прошептал Этьен. — Ведь это он, действительно он!

— Кто? — спросила я. — Кто этот человек, ради спасения которого мы рискуем жизнью?

— Шарль... — начал было он, но вдруг замер. — Слушай!

Мы подобрались поближе, и до нас отчетливо донесся голос Рено де Валенса:

— Нет, этого не было в условиях сделки. Я вас не знаю. Пусть на берег сойдет ваш капитан, Роджер Хауксли. Я хочу убедиться, что он знает свои инструкции.

— Капитана Хауксли нельзя беспокоить, — ответил один из моряков — высокий человек с горделивой осанкой. Его французский не был безупречен. — Вам не стоит опасаться: вот «Надежный друг», а вот и храбрецы капитана Хауксли. Вы привезли нам пленника. Мы возьмем его на борт и отплывем. Вы сделали свою часть работы, теперь мы будем делать свою.

Я разглядывала моряков с любопытством, потому что никогда раньше не видела англичан. Высокие и крепкие, все они были вооружены огромными мечами, а под их одеждой тускло поблескивали кольчуги. Они взяли за плечи человека, которого Этьен назвал Шарлем, и повели его к лодке — за этим наблюдал солидный, внушительного вида господин в красном плаще.

— Да, — сказал Рено, — там действительно «Надежный друг», мне он хорошо знаком. Но вот вас я не знаю. Позовите капитана Хауксли, или я сейчас заберу пленника обратно.

— Ну хватит! — высокомерным тоном прервал его моряк. — Я же сказал, что Хауксли не может выйти. Вы не знаете меня...

Но де Валенс, внимательно прислушиваясь к голосу англичанина, внезапно в ярости закричал:

— Нет, клянусь Богом, я думаю, что знаю вас, мой господин!

И он вдруг подскочил к моряку и сдернул с него нахлобученную по самые брови широкополую шляпу, обнаружив под ней стальной шлем, венчавший его голову, и гордое надменное лицо с резкими ястребиными чертами.

— Ах вот как! — воскликнул де Валенс. — Теперь я знаю, зачем вам нужен мой пленник! Вы собирались держать его при себе — как дубинку над головой Франсиса! Вы просчитались! Я могу быть разбойником, но предателем моего короля — никогда!

И, выхватив пистолет, он выстрелил — не в английского лорда, а в пленного Шарля, однако англичанин успел ударить его по руке, и пуля пролетела мимо. В следующее мгновение на берегу началась суматоха — наемники Рено, услышав крики своего главаря, бросились на моряков; те достойно встретили их. Я увидела, как, выхватив меч, Рено замахнулся на лорда, по тот, подняв свой, парировал удар. Некоторое время они ожесточенно сражались, затем вдруг меч Рено стал красным, а англичанин упал на песок и затих.

Потом я увидела, что люди, державшие связанного Шарля, оставили его под присмотром господина в красном плаще и присоединились к сражению. Господин немедленно потащил пленника к лодке, несмотря на его отчаянное сопротивление. Затем я услышала всплеск весел и увидела три другие лодки, быстро плывущие к берегу.

Мы с Этьеном переглянулись и, выскочив из убежища, помчались по песку в сторону Шарля и господина в красном плаще.

Накал битвы уже достиг своего предела. Наемники, которых было много меньше, чем моряков, но зато они были злобные и яростные, как волки, отчаянно рубились с англичанами, заливая кровью песок.

Но когда мы вмешались в сражение, англичане вдруг набросились и на нас. Этьен выстрелил, промахнулся — его подвел обманчивый лунный свет — и в следующее мгновение уже сцепился с одним из моря-

ков на мечях. Я не стреляла до тех пор, пока дуло моего пистолета едва ли не коснулось груди противника, так что, когда я нажала на курок, тяжелая пуля разорвала его кольчугу как бумагу и занесенный над моей головой меч в то же мгновение упал на песок.

До Шарля и его охранника оставалось несколько шагов, но когда я приблизилась к ним, то увидела там еще одного. Пока люди на берегу сражались, убивали и погибали, де Валенс ни на миг не упускал из виду свою цель. Поняв, что ему не удастся вернуть пленника, он решил безжалостно убить его.

Он принялся прокладывать себе дорогу, отчаянно рубя мечом направо и налево. Подобравшись к пленнику, он попытался ударить его мечом по незащищенной голове, но плотный господин в красном плаще парировал удар и завопил, призывая на помощь своих соратников. В суматохе битвы его никто не услышал, и он продолжал парировать удары де Валенса, но так неуклюже, что вскоре Рено легко выбил меч у него из рук. Однако прежде, чем он успел еще раз замахнуться, я одним прыжком оказалась рядом с ним, обрушив на него всю силу своего удара и метя ему в шею над латным воротником. Но удача вновь изменила мне — мои ноги скользнули по песку, и острие меча лишь царапнуло его кольчугу.

Де Валенс мгновенно обернулся и узнал меня. Он потерял свою маску, и при неверном свете луны лицо его казалось безумным, а глаза горели дьявольским пламенем.

— Клянусь Богом! — взревел он, дико расхохотавшись. — Это же рыжеволосая бестия, которую я ищу!

Крича это, он все же успел отбить мой клинок и больше уже не произносил ни слова — мы молча, ожесточенно дрались. Кровь хлестала из моего бедра, раненая рука с трудом удерживала меч, но это только разозлило меня и удесятирило мою ярость. Наконец я нанесла ему решающий удар, пробив его шлем и почувствовав, что меч коснулся головы — из-под шлема потоком хлынула кровь, заливая его лицо. Еще один

такой же удар — и он зашатался, бросив быстрый взгляд в сторону и увидев, что почти все его наемники лежат мертвыми и никто не сможет ему помочь. Дико расхохотавшись, де Валенс вдруг отпрянул и метнулся прочь, пробиваясь через людей, пытавшихся его остановить. Ему это удалось, и вскоре он исчез в тени деревьев, а еще через несколько мгновений оттуда послышался топот копыт.

Я стремительно бросилась к узнику, которого, пытая и тяжело дыша, цепко держал человек в красном. Отшвырнув этого толстого господина в сторону, я быстро перерезала веревки, стягивающие руки Шарля, и, схватив его за руку, потащила к лесу. Не рассчитав своей силы, я так резко сдвинула его с места, что он упал и вынужден был следовать за мной едва ли не на четвереньках.

Господин в красном плаще отчаянно заверещал и пустился за нами в погоню, пытаясь вновь отобрать свою добычу, но я бесцеремонно отбросила его на несколько шагов и, поставив Шарля на ноги, снова потащила его в сторону леса. Похоже, он был немного не в себе от удара мечом плашмя по голове — я видела, что он едва мог идти. Но теперь к нам на помощь пришел Этьен; мы подхватили пленника с двух сторон под руки и поволокли его дальше.

Но господин в красном плаще не сдавался. По примеру де Валенса, он подбежал к Шарлю и ударил его мечом в спину. Но меч лишь скользнул по одежде пленника, потому что я успела ударить толстяка по руке с такой силой, что он покатился по песку, визжа, как обезумевшая свинья. Несколько англичан в испуге бросились поднимать его, увидев, что красный плащ господина окрасился бурой кровью, но я знала, что он всего лишь легко ранен, так как силу моего удара смягчила кольчуга.

Они выкрикивали какое-то имя, звучавшее как «Уолси», и бестолково вертелись вокруг него вместо того, чтобы осмотреть рану, а он, корчась на песке,

яростно ругался и проклинал своих неуклюжих помощников. Между тем мы с Этьеном и спасенным нами человеком добрались наконец до леса, где возле привязанных лошадей нас ждала Франсуаза.

Бледной тенью она стояла под освещенными лунной деревьями и, когда Шарль взглянул на нее, вздрогнула и протянула к нему руки.

— О Шарль! — горячо воскликнула она. — Прости меня! У меня не было выбора...

— Я доверял тебе, как никому другому, — грустно сказал он, отвернувшись в сторону.

— Мой господин герцог Бурбонский, — почтиительно произнес Этьен, коснувшись его плеча. — Я имею право рассказать вам, что если против вас и было совершено зло, то этой ночью оно было исправлено. Если Франсуаза де Фуа предала вас, то она же и рисковала жизнью ради вашего спасения. Теперь я прошу вас, возьмите этих коней и скачите как можно быстрее, потому что никто не знает, что может случиться в следующий момент. Тех людей привел кардинал Уолси, а его не так-то просто одолеть.

Словно во сне, герцог Бурбонский нетвердыми шагами подошел к коню и с трудом взобрался на него, а Этьен заботливо подсадил в седло другого коня Франсуазу де Фуа. Кивнув нам на прощание, они тронули поводья и поскакали сквозь причудливые тени деревьев, перемежающиеся с серебристым лунным светом, и вскоре исчезли из виду. Я повернулась к Этьену.

— Что ж, — улыбнулась я, — несмотря на все наше рыцарство, мы вновь возвращаемся к тому, с чего начинали. Мы без денег, у нас нет никакой возможности добраться до Италии, да ты еще и отдал им наших коней! Интересно, каким будет наше следующее приключение?

— Я держал Франсуазу де Фуа в своих объятиях, — мечтательно произнес он. — И в конце концов, любое приключение — это не что иное, как разрядка для Этьена Вильера.

ПОДРУГА СМЕРТИ

В глубине темной аллеи впереди меня раздались звуки лязгающей стали и дикий крик человека — так кричат только в предсмертном ужасе. Из темноты метнулись три закутанные в плащи тени и в панике бросились бежать, словно за ними по пятам гналась сама смерть. Я прижалась к стене, чтобы дать им дорогу, и двое, не замечая меня, промчались мимо, судорожно хватая ртом воздух, а третий, бежавший чуть позади, наткнулся на меня.

Он завопил, как безумный, очевидно, полагая, что на него напали и сейчас будут бить; он схватил меня за руку, в отчаянии вцепившись в нее зубами будто бешеная собака. С проклятиями я вырвала свою руку и оттолкнула незнакомца в сторону с такой силой, что сама не удержалась на ногах и рухнула на колени.

Продолжая вопить, он помчался по аллее, а я быстро вскочила на ноги и тотчас увидела перед собой уже другую темную фигуру, призраком возникшую из мрака ночи. Свет мерцающего вдали факела тускло блеснул на шлеме незнакомца, и как раз в этот момент он занес над моей головой огромный меч. Я едва успела отразить его; раздался оглушительный звон стали;

брызнул сноп искр, когда наши мечи встретились. В ярости я нанесла нападавшему такой сокрушительный удар, что острое, пройдя сквозь горло, вышло наружу с затылка, сбросив шлем с его головы.

Кто были эти люди — я не знала, да и не было времени на какие-то переговоры или объяснения. Темные неясные фигуры лезли теперь на меня со всех сторон, их длинные мечи со свистом кружили надо мной. Я почувствовала сильный удар по шлему, и перед глазами у меня сверкнули искры, на миг ослепившие меня, но я, не останавливаясь, продолжала отчаянно рубить направо и налево, слыша разъяренные крики и проклятия тех, до кого добирался мой клинок. И тут случилось непредвиденное — отступив на шаг, чтобы увернуться от удара, я запуталась ногой в плаще одного из убитых мной и, потеряв равновесие, рухнула прямо на распростертое тело.

Тотчас раздался радостный победный клич, и один из разбойников с поднятым мечом бросился на меня. Но прежде, чем он смог нанести мне смертельный удар и прежде, чем я смогла поднять над головой меч, чтобы отразить его, раздался торопливый звук шагов позади меня и в слабом свете возникла неясная фигура. В то же мгновение занесенный надо мной меч отлетел в сторону, выбитый из рук разбойника чьим-то сильным и точным ударом.

— Собаки! — произнес загадочный незнакомец с каким-то странным акцентом. — Неужели вы способны бить лежащего?

Тот, кто хотел убить меня, свирепо зарычал и, подхватив свой клинок, бросился на моего спасителя. Но к тому моменту я уже вскочила на ноги и принялась неистово, как демон, рубить нападавших со всех сторон врагов. Краем глаза я заметила, что мой спаситель пронзил насквозь своего противника; еще один упал, сраженный моим мечом, и наконец разбойники дрогнули, в панике бросились бежать и исчезли вскоре в глубине темной аллеи.

Я повернулась к моему незнакомому другу и увидела стройного худощавого человека, ростом ненамного выше меня. Тусклый свет факела упал на его высокие сапоги и бархатный камзол, под которым сверкнула тонкая серебристая кольчуга. На плечах его был красивый малиновый плащ, а на голове — украшенная пером шляпа. На его чисто выбритом загорелом лице холодно поблескивали спокойные светлые глаза, а на щеках и лбу белели шрамы, свидетельствующие о бурной, полной приключений жизни. Он держался слегка высокомерно; каждое его движение выдавало стальную силу его мускулов и точность отличного фехтовальщика.

— Благодарю тебя, мой друг, — сказала я. — Мне повезло, что ты оказался радом в самый нужный момент.

— Дьявол! — воскликнул он. — Это все ерунда! Я сделал не больше, чем делал для любого мужчины, но — святой Андрей! — ты женщина!

Ничего не ответив, я молча почистила свой меч и вложила его в ножны, в то время как он смотрел на меня во все глаза.

— Агнес де ля Фер! — медленно произнес он наконец. — Да, а как же иначе? Я слышал о тебе, еще в Шотландии. Дай мне свою руку, девочка! Я мечтал о встрече с тобой. И знаешь, не такой уж пустяк для Темной Агнес пожать руку Джону Стюарту!

Я пожала ему руку, хотя, по правде говоря, мне никогда не приходилось слышать о Джоне Стюарте. Я ощутила стальную силу его пальцев и в то же время их гибкость и подвижность, что означало страстность натуры.

— А кто были те негодяи, что покушались на твою жизнь? — спросил он.

— У меня много врагов, — небрежно ответила я. — Но я думаю, что это были обычные головорезы, грабители и убийцы. Они гнались за какими-то тремя, а я просто попалась им на дороге, вот они и решили заодно перерезать горло мне.

— Понятно, — кивнул он. — Я видел троих в черных мантиях. Они бежали к выходу из аллеи с таким видом, будто за ними гнался сам Сатана. Это возбудило мое любопытство, и я пошел посмотреть, что творится там, впереди. Потом я услышал звон стали... Святой Андрей! Люди говорили, что твой меч подобен молнии, и теперь я сам в этом убедился! Но давай сейчас посмотрим, убежали негодяи или затаились где-нибудь в тени, чтобы затем напасть на нас сзади.

Он прошел до большой ниши в стене и, заглянув туда, повернулся ко мне.

— Похоже, они убежали, но тут рядом что-то лежит. Кажется, мертвец.

Тут я вспомнила, что слышала в самом начале всей этой стычки дикий крик, и подошла к Джону Стюарту. Мы склонились над двумя недвижимыми телами, лежавшими в слякоти в глубине аллеи. Один из мертвецов — человек небольшого роста, был одет в такую же мантию, как и те трое беглецов. В груди его зияла глубокая, явно смертельная рана.

Стюарт перевернул на спину другого убитого и в изумлении застыл.

— Этот человек мертв уже давно! — воскликнул он. — Более того, он умер не от меча или пистолета. Смотри! Видишь, как распухло и побагровело его лицо? Он был повешен! И одет он в наряд висельника... Агнес, ты знаешь, кто это?

Я отрицательно покачала головой, и Джон сказал:

— Это Костранно, итальянский маг и чародей, которого сегодня на рассвете вздернули на виселице за городской стеной! Его осудили за занятия черной магией и обвинили в том, что он отравил сына герцога Тура, а потом свалил вину на другого. Но Франсуаза де Бретань, догадываясь об истине, хитростью выманила у него признание и сообщила об этом властям.

— Я что-то слышала об этом деле, — сказала я. — Но в Шартре я всего лишь неделю.

— Это точно Костранно, — выпрямившись, произнес Стюарт. — Хотя черты его лица так искажены, что я сразу и не узнал бы его, если бы не отсутствие среднего пальца на левой руке. А вот тот, второй, — Жак Пелиньи, его ученик. Ему тоже вынесли смертный приговор, но он сбежал, и его никто не мог найти. Что ж, магия все равно не спасла беднягу от меча разбойника! Значит, последователи Костранно вытащили своего учителя из петли. Но зачем они принесли тело обратно в город?

— У Пелиньи что-то есть в руке, — сказала я, разжимая пальцы мертвеца, крепко державшие какой-то предмет. Им оказался обрывок золотой цепочки с необычным красным драгоценным камнем, сверкнувшим в темноте, как глаз хищника.

— Святой Андрей! — пробормотал Стюарт. — Это очень редкий камень!

Он внезапно схватил меня за руку.

— Стража! Нас не должны увидеть рядом с этими покойниками!

Я заметила в конце аллеи свет факела и услышала стук кованых сапог. Я резко выпрямилась, и — цепь с камнем выскользнула у меня из рук, как будто ее кто-то вырвал, и упала на грудь мертвого чародея. Не желая терять времени, чтобы поднять драгоценность, я помчалась по аллее вслед за Стюартом. Оглянувшись на бегу, я увидела неистово горевший на груди мертвеца камень, похожий на багровую звезду.

Выбежав из аллеи в узкую улочку, чуть лучше освещенную, мы торопливо двинулись по ней, пока не увидели таверну. Зайдя внутрь и усевшись чуть в стороне от остальных посетителей, что праздно болтали за уставленными кувшинами и бутылками столами, мы потребовали себе вина, и хозяин тотчас принес нам две большие кружки.

— За наше знакомство, — улыбнулся Джон Стюарт, поднимая свою кружку. — Клянусь святым Андреем, теперь я вижу тебя при свете и все больше и боль-

ше восхищаюсь тобой. Ты красивая женщина, и даже в шлеме, камзоле и сапогах тебя не перепутаешь с мужчиной. Так вот кого называют Темной Агнес! Действительно, несмотря на твои рыжие волосы и нежную кожу, в тебе есть что-то необычное, темное. Люди говорят, что ты идешь по жизни, как сама судьба — неумолимая и неизбежная, и те, кто идет рядом с тобой, долго не живут. Скажи мне, девочка, почему ты носишь мужскую одежду и следуешь дорогой мужчины?

Я покачала головой, раздумывая, стоит ли мне рассказывать о себе, но Стюарт еще раз настойчиво повторил свой вопрос, и я решила кое-что ему все-таки поведать.

— Меня зовут Агнес де Шатильон, а родилась я в деревне Ля Фер, что в Нормандии. Мой отец — незаконный сын герцога де Шатильона и простой крестьянки. Он служил наемником в заграничных походах, пока не стал слишком старым, чтобы маршировать и сражаться. Если бы я не была такая сильная и выносливая, то умерла бы еще в детстве от его побоев. Когда он решил выдать меня замуж за человека, которого я ненавидела, я убила своего жениха и убежала из деревни. Моим другом стал Этьен Вильер. Он объяснил мне, что беспомощная женщина — легкая добыча для любого мужчины. Позже я поняла, что я такая же сильная, как большинство мужчин, но гораздо более гибкая и подвижная.

Потом я познакомилась с Жискарром де Клиссоном — генералом наемников в заграничных походах, — который научил меня искусству владеть мечом. Его потом подло убили выстрелом в спину из кустов. Я действительно веду образ жизни мужчины — пью, ругаюсь, хожу в походы и сражаюсь так, что не каждый мужчина может со мной сравниться. Более того — я еще не встречала равного себе в сражении на мечах.

Стюарт еле заметно усмехнулся, услышав эти слова, а затем поднял свою кружку и, сделав большой глоток, сказал:

— Еще ни один человек ни во Франции, ни в Шотландии не сказал, что меч Джона Стюарта сделан из соломы. Если хочешь, можешь сама в этом удостовериться. Э, кто это?

Дверь таверны открылась, и порыв холодного ветра едва не задул свечу, заставив ее неистово задрожать, а людей, сидевших за столами, судорожно поежиться. В таверну вошел высокий человек. Он был закутан в широкую черную мантию, а когда поднял голову, чтобы обвести пристальным взглядом присутствующих, в таверне воцарилось глубокое молчание.

Лицо вошедшего было каким-то странным, неестественным — цветом очень темное, почти черное. Его глаза, горевшие мрачным неземным светом, казались неподвижными и застывшими. Я заметила, как несколько подвыпивших посетителей таверны быстро перекрестились, встретившись с ним взглядом, и как будто бы миг протрезвели, — а он между тем закрыл за собой дверь, прошел через зал, спокойно уселся в дальнем углу, где едва светило тусклое пламя свечи, и еще плотнее завернулся в свой плащ, хотя ночь была довольно душная. Потом незнакомец взял в руки кружку, которую принес ему трясущийся от страха слуга, и низко склонился над ней, так что его лица больше не было видно — его закрывали широкие поля шляпы.

Гул в таверне постепенно возобновился, но был уже не такой оживленный, как раньше.

— Кровь на той мантии, — тихо произнес Джон Стюарт. — Если этот человек не убийца, то, значит, я полный дурак! Хозяин, еще бутылку!

— Ты первый шотландец, которого я встретила, — сказала я. — Хотя раньше мне приходилось иметь дело с англичанами.

— Дьявол бы их всех побрал! — вскричал Стюарт. — Всю их подлую породу! А также тех, кто изгнал меня из Шотландии!

— Так ты изгнанник? — спросила я.

— Да! С жалкой горсткой золота в сумке. Но удача всегда благоволит к отважным. — И он выразительно положил руку на рукоять меча.

Я скосила глаза, чтобы еще раз посмотреть на загадочного незнакомца, сидевшего в дальнем углу таверны. Стюарт, заметив мой взгляд, тоже повернулся к нему. Человек, напугавший пьяных завсегдатаев, поднял руку и поманил пальцем толстого хозяина, который тотчас подошел, почтительно кланяясь и нервно теребя край кожаного фартука. Когда незнакомец заговорил, на лице хозяина таверны появились признаки крайнего замешательства.

— Он итальянец, — прошептал Стюарт. — Я всегда узнаю их тарабарщину.

Но загадочный посетитель вдруг перевел на французский, и мы отчетливо услышали его слова:

— Франсуаза де Бретань. — Он произнес это имя несколько раз. — Где находится дом Франсузы де Бретань?

Хозяин харчевни принялся жестикулировать, указывая направление, в котором следовало искать дом Франсуазы де Бретань, а Стюарт пробормотал:

— Какого дьявола этому итальянскому придурку понадобилась Франсуаза де Бретань?

— Тебя это так волнует? — усмехнулась я. — Что же удивительного в том, что мужчины хотят с ней встретиться?

— Вокруг красивых женщин всегда много сплетен, — сказал Стюарт, взяв в руки кружку. — Если о ней и говорят, что она любовница герцога Орлеанского, то это не значит, что...

Внезапно он замер с поднесенной к губам кружкой; на его лице появилось выражение крайнего изумления. Обернувшись, я увидела, что итальянец поднялся и направился к двери.

— Остановите его! — крикнул Стюарт, вскочив на ноги и вытащив меч. — Держите этого проходимца!

В это мгновение в таверну ввалилась толпа солдат в доспехах и шлемах, и итальянец проскользнул мимо них, закрыв за собой дверь. Крепко выругавшись, Стюарт рванулся вперед, но солдаты загородили ему дорогу. Вперед вышел высокий человек в сверкающих доспехах. Он встал на середине комнаты, окинул всех суровым взглядом и громко сказал:

— Агнес де ля Фер, вы арестованы за убийство Жака Пелиньи!

— Что это значит, Тристан? — в ярости крикнула я, вскочив на ноги. — Я не убивала Жака Пелиньи!

— Эта женщина видела, как вы убегали из аллеи, где был убит Жак Пелиньи, — сказал он, указав на высокую стройную девушку в бусах и перьях. Она съежилась от страха в руках свирепого вида солдата и старалась не встречаться со мной взглядом. Я прекрасно ее знала — это была одна куртизанка, с которой я недавно познакомилась, но я никак не ожидала, что она даст против меня ложные показания.

— Тогда она должна была видеть и меня тоже, — вмешался Джон Стюарт, — потому что я был вместе с Агнес. Если вы арестуете ее, то должны арестовать и меня, но, клянусь святым Андреем, мой меч скажет в этом деле свое слово!

— Мне об этом ничего не известно, — ответил Тристан. — Я получил распоряжение арестовать лишь эту женщину.

— Потому что ты осел! — воскликнул Стюарт. — Она не убивала Пелиньи. Но даже если бы убила — разве этого негодяя не приговорили к смертной казни?

— Это должен был сделать палач, а не кто попал, — возразил Тристан.

— Слушай, — продолжал горячиться Стюарт, — его убили разбойники, которые потом напали и на Агнес. Она случайно проходила в это время по аллее. Я пришел к ней на помощь, и мы убили двоих из нападавших. Неужели вы не нашли их тел? На их лицах — маски, что свидетельствует об их кровавом ремесле!

— Ничего подобного мы не находили, — ответил Тристан. — Вот эта женщина видела, как Агнес деля Фергналась по аллее за Пелиньи, а затем убила его. Поэтому я обязан отвести ее в тюрьму. А вас, сударь, там никто не видел, так что ваши слова можно считать ложью.

— Я прекрасно знаю, почему ты хочешь меня арестовать, Тристан, — холодно сказала я, легкой походкой приблизившись к нему. — Я отказалась стать твоей любовницей, и теперь ты мне мстишь. Глупец! Я стану любовницей только самой смерти!

— Хватит болтать! — рявкнул Тристан. — Хватите ее!

Это были его последние слова на земле, потому что мой меч пронзил его прежде, чем он поднял руку. Солдаты тут же бросились ко мне, и я начала рубить их мечом направо и налево. Я заметила, что Джон Стюарт тоже сражается рядом со мной. В одно мгновение таверна превратилась в дом для умалишенных — топот ног, падающие столы, крики, проклятия и звон стали. Затем нам удалось прорваться к дверям. Оставив после себя груды трупов, мы выбежали на улицу. В последний момент я успела увидеть, что девушка, которую привели свидетельствовать против меня, спряталась за перевернутой скамьей. Я схватила ее за русые волосы и выволокла на улицу за собой.

— Бегом по аллее! — крикнул Джон Стюарт. — Сейчас сюда подоспеют другие стражники! Клянусь святым Андреем, Агнес, неужели ты потащишь с собой эту девку? Из-за нее мы можем застрять!

— У меня с ней личные счеты, — зловеще сказала я и резко дернула девицу за волосы, заставляя поторопиться. Мы пробежали по аллее и остановились, чтобы перевести дух.

— Посмотри, что там на улице, — велела я Стюарту, повернувшись к пленнице и свирепо взглянула на нее. — Марго, — тихо сказала я, — если явный враг заслуживает удара мечом, то какой участи заслуживает тайный предатель? Четыре дня назад я вырвала тебя

из лап пьяных солдат и дала тебе денег, потому что твои слезы тронули мое глупое сердце. Клянусь святым Триньяном, за это я сейчас оторву тебе голову!

— О, Агнес, — всхлипнула она, упав передо мной на колени и обнимая мои ноги. — Прости меня, будь великодушна...

— Я пощажу твою ничемную жизнь, — с презрением сказала я, начиная расстегивать свой широкий ремень. — Но сейчас я задержу твои шуршащие юбки и отхлестаю тебя ремнем так, как это не делал ни один школьный надзиратель!

— Нет, Агнес! — взмолилась она. — Сначала выслушай меня! Я не лгала! Я действительно видела тебя и шотландца! Видела, как вы выбежали из аллеи с обнаженными мечами в руках. Стражники нашли три мертвых тела; двое из них были в масках, какие бывают у грабителей. Тристан сказал, что, кто бы их ни убил, он сделал хорошую ночную работу, и спросил меня, видела ли я кого-нибудь. Я подумала, что не будет ничего страшного, если я скажу, что видела тебя и шотландца Джона Стюарта. Но когда я назвала твоё имя, он улыбнулся и сказал своим людям, что давно мечтает посадить Агнес де ля Фер в тюрьму и увидеть её беспомощной и безоружной. Затем он сказал мне, что мое свидетельство против тебя он принимает, что же касается Джона Стюарта и двух грабителей — я должна молчать о них. Он пригрозил мне смертью, если я проболтаюсь, и я не осмелилась сказать правду.

— Пес поганый, — сквозь зубы пробормотала я. — Ну что ж, теперь им придется назначить нового командира стражи.

— Но ты говорила о трех телах, — вмешался Джон Стюарт. — А их было четыре. Пелиньи, Костранно и два грабителя.

Она покачала головой:

— Я видела троих. Пелиньи лежал в глубине аллеи, полностью одетый, а другие два — возле ниши, и тот, что повыше, был обнажен.

— Как?! — вскричал Стюарт. — Клянусь небом, это итальянец! Только теперь я понял! Скорей, к дому Франсуазы де Бретань!

— Это еще зачем? — нахмурилась я.

— Когда итальянец в таверне встал, чтобы уйти, я заметил, как под его плащом мелькнул обрывок золотой цепочки с большим красным камнем — помнишь, Пелиньи сжимал его в руке? Я думаю, тот человек — друг Костранно, такой же черный маг, который теперь хочет отомстить Франсуазе де Бретань. Пошли!

Он стремительно помчался вперед, и мне ничего не оставалось делать, как броситься за ним, оставив Марго. Она тут же побежала в другую сторону, радуясь, что осталась цела.

Стюарт молча летел впереди; я следовала за ним, несколько сбита с толку его мрачным молчанием. Улицы тоже были почему-то странно безмолвными — ничто не нарушало тишины, повисшей над городом. Я не видела ни подвыпивших гуляк, ни потасовок и ссор. Невольно я даже начала немного дрожать, хотя ночь все-таки была теплой. По дороге мы не встретили ни одной живой души, даже солдат, которые обычно все время попадаются на пути.

Ее дом, как ни странно, оказался совсем недалеко от таверны, притулившейся в самых грязных трущобах города, — дом одной из богатейших женщин Франции! Когда мы приблизились к нему, то не увидели ни единого огонька в окнах; точно так же были погружены во мрак и соседние дома. Мы остановились, прислушиваясь к ночной тишине, но так ничего и не услышали.

Наконец Джон Стюарт подошел к воротам, которые бесшумно открылись, едва он дотронулся до них.

— Вот как! — сказал он, обернувшись ко мне. — Замок сломан, и, держу пари, не больше чем полчаса назад.

— Пошли быстрее, — нетерпеливо прошептала я, — иначе может быть слишком поздно!

— Да, — пробормотал Стюарт и вошел внутрь, оставив ворота открытыми. — Идем!

В темноте я увидела, как он вытащил меч из ножен. Внутренний двор был таким же пустынным и безмолвным, что и улицы, откуда мы только что пришли, и лишь колыхавшиеся от ночного ветерка ветви деревьев отбрасывали на землю смутные тревожные тени.

— Святой Андрей! — услышала я рядом с собой приглушенный возглас Стюарта и увидела, как он склонился над чем-то или кем-то, лежащим на земле. Я подошла к нему, вглядываясь в темноту.

В это самое мгновение луна вышла из-за облаков и отчетливо осветила тело человека, который, судя по его одежде, несомненно был слугой Франсуазы де Бретань.

— Он жив? — спросила я.

— Нет, — ответил Джон Стюарт. — Его задушили — судя по вздувшемуся лицу и отметинам на шее... Правда, эти следы какие-то странные. Здесь произошло что-то необычное. У тебя есть кремень и огниво, Агнес?

Ни слова не говоря, я извлекла из-за пояса кремень и огниво и резко ударила ими друг о друга.

Мгновенная вспышка пламени выхватила из темноты перекошенное, страшное лицо. Это длилось всего лишь мгновение, но нам его было достаточно, чтобы все понять.

— Клянусь всеми святыми, — прошептал Джон. — Кажется, мы столкнулись с непостижимым и ужасным врагом. Может быть, лучше бросить все и убежать из этого города?..

— О чем ты говоришь, Джон Стюарт?

— А разве ты сама не видишь, малышка?

— Вижу, но я хочу услышать, что ты скажешь.

— Тогда слушай. Я вижу следы рук на горле этого человека, и на одной руке не хватает среднего пальца.

— Ты хочешь сказать, что это рука Костранно? — мрачно спросила я. — Но как это возможно? Мы же

видели его мертвым — разве ты не помнишь следы веревки на его шее, которые были такими же отчетливыми, как следы рук на горле этого бедняги?

— А камень... — покачав головой, пробормотал Стюарт. — Святой Андрей! Все, что здесь происходит, — это черная магия! Вспомни аллею, где на тебя напали! Я слышал, что булыжники, которыми ее мостили, были взяты из древнего языческого храма, что стоял за городскими стенами. Меня мороз продирает по коже, едва я подумаю о том, что все, связанное с Костранно, — правда, но никуда от этого не деться. Может быть, такие же черные маги, как и он, нарочно притащили его тело туда, где безмолвно лежат языческие камни, — видимо, для них это очень важно. Наверное, Пелиньи произносил какие-то магические заклинания, чтобы вернуть мертвого к жизни, и вдруг в ход дела вмешались грабители. Он даже не успел спрятать камень, который для этого ритуала был явно необходим. Все кончилось, когда этот талисман выпал из твоих рук и оказался на груди мертвого Костранно.

— Святые угодники! — в ужасе произнесла я. — Значит, я сыграла свою роль в дьявольской игре! Но, если хочешь знать, камень не выпал из моих рук — его кто-то выхватил! Или что-то! Какая-то неведомая сила!

— Еще скажи, что она вышла из-под земли, — хмуро отозвался Стюарт. — Ну вот что, девочка: тебе лучше всего сейчас сесть на коня и умчаться из этого города куда подальше. Да ты и сама знаешь, что сейчас вся стража города поднята на ноги с приказом найти тебя. Нет, Агнес, тебе нельзя оставаться в Шартре.

— Я не могу скрыться бегством, иначе получится, что я признаю свою вину, — решительно сказала я. — И вообще, ты что, боишься мертвеца? Пусть даже он встал из могилы — нас же двое против его одного!

Джон Стюарт ответил не сразу, и я уже ожидала длительного спора, но вместо этого он сказал:

— Тогда у нас мало времени. Если Костранно восстал из мертвых, то он нацепил на себя одежды гра-

бителей и помчался в дом Франсуазы де Бретань. Нам повезло, что по пути он забрел в ту самую таверну, где мы сидели, хотя вообще-то он и так должен был знать, где искать тот дом.

— Но ведь дом был совсем рядом, — прошептала я. — Меня удивило, что он находится в квартале, кишмя кишасщем грабителями и убийцами, — правда, они не имеют никакого отношения к Костранно, так же как и он к ним. Но в любом случае нам надо спешить!

Мы добрались до двери, которая открылась так же легко, как и ворота. Я увидела горящую свечу и взяла ее, чтобы освещать нам дорогу. Оказалось, что мы находились в большой гостиной, обставленной так, как это принято в высших кругах. Но времени оценить все это великолепие у нас не было.

— Сюда, — махнул рукой Стюарт, и я немедленно последовала за ним.

Мы добрались до вершины лестницы и там увидели узкий коридор, тускло освещаемый мерцающим пламенем факела. Мы молча двинулись по нему, пока наконец Джон не сказал:

— Вот эта дверь!

Мы стремительно взбежали вверх по ступенькам и замерли на пороге роскошной спальни. Кровать была пуста, и покрывала валялись среди опрокинутой мебели. Я увидела разбитое зеркало — как будто неведомый убийца, не найдя своей цели, выместил на нем свою злобу, ударив с силой, яростно. И при всем при том не было никаких признаков ни Франсуазы де Бретань, ни Костранно.

— Он что, применил свою черную магию? — спросила я. — А потом растворился в воздухе и унес ее с собою? Но почему тогда мы их не заметили?

И тут вдруг из темноты рядом со мной раздался какой-то звук, настолько внезапный и громкий, что рука моя задрожала и я чуть не выронила свечу. Тем не менее я нашла в себе силы и посветила в дальний угол, где, скрючившись, лежал дрожащий от страха человек.

Джон Стюарт шагнул к нему, и бедняга тотчас отпрянул к стене, издавая какие-то странные звуки, непохожие на голос и слова нормального человека. Легкая дрожь пробежала у меня по спине. Я взглянула на Джона и увидела, что он тоже содрогнулся.

— Он уже ничего не соображает, — глухо произнес Стюарт. — Вот что — теперь я все понял! Франсуаза де Бретань поняла, что ей нужна защита, и преданные ей слуги бросились на врага, будто верные псы. Но никто не ожидал, что там будет нечто сверхъестественное. Франсуаза, скорее всего, убежала, не в силах разобраться, что за черные силы витают над ее головой. А слуги... Как мы видим, один из них лежит задушенный, а другой мало чем похож на человека. Теперь самое главное, что мы должны знать: где она?

— Джон Стюарт, — решительно произнесла я. — Я готова отомстить за Франсуазу де Бретань, и хотя, наверное, я не смогу спасти ее, по крайней мере, я отомщу ее убийцам.

— Тогда вперед! — коротко отозвался Стюарт. Он еще раз окинул взглядом комнату, затем стал выворачивать ящики комода и рыться в них.

— Думаю, что у Костранно более зловещие планы, чем просто убить ее, иначе сейчас мы бы имели дело с ее трупом, — сказал он, бросив комод и задумчиво оглядывая комнату. — Для его дьявольских ритуалов... О, что это?

Он откинул рваную занавеску и что-то отодвинул... Я увидела, как часть стены плавно отъехала и за ней появился небольшой коридорчик, который заканчивался лестницей, ведущей вниз.

— Вот как убежал наш некромант, — сказал Джон Стюарт, мрачно глядя вверх. — Похоже, что Франсуаза де Бретань не знала об этом тайном ходе. А вот Костранно очень хорошо знал все ходы-выходы этого города.

— Может быть, — рассеянно отозвалась я, оглядываясь кругом. — А может быть, ты преувеличиваешь.

Ступеньки были каменными, и, казалось, вырезанными из огромной скалы. Они вели вниз гораздо глубже, чем обычно в городских домах располагались винные погреба или казематы. На какое-то мгновение мне почудилось, что я спускаюсь в ад, но затем я вздохнула с облегчением, увидев свет у самого основания лестницы.

Мы замерли на ступеньках, напряженно вслушиваясь в звенящую тишину; потом увидели слабый свет, выбивавшийся из-под дверей.

Мы вглядывались в темноту, освещаемую лишь этой узкой полоской света, и меня не оставляло ощущение, что мы находимся в загробном царстве, как вдруг я поняла, что слышу звук голоса, очень тихого и приглушенного, но все же определенно человеческого.

Я поставила свечу на ступеньку, чтобы освободить руки, и, замерев, стала вслушиваться в этот голос. Я была уверена, что толща стен скрывает любые звуки, но теперь я поняла, что враги — кто бы они ни были — прекрасно слышат нас и готовятся отразить нашу атаку. Я вытащила из ножен меч и увидела, что Джон Стюарт сделал то же самое.

Я задула свечу и в полной темноте сделала еще несколько шагов вниз по ступенькам, вслед за Стюартом. Молча мы достигли основания лестницы, а затем за полуоткрытой дверью увидели усыпальницу, ярко освещенную факелами. Может быть, это была и не усыпальница, но мне так показалось, потому что вдоль стен в нишах стояли ящики, похожие на гробы. Присмотревшись, я разглядела, что надписи, вырезанные на гробах, были не христианскими, — они вообще не принадлежали к какой-либо известной мне религии. В центре склепа возвышался помост из черного мрамора, на котором, обнаженная и неподвижная, лежала Франсуаза де Бретань. А в нескольких шагах от нее на коленях стоял Костранно, пытаясь поднять с полу какой-то огромный камень. Когда мы вошли внутрь, он заметил нас и еще яростнее принялся отрывать от

пола камень — наконец ему удалось сдвинуть его с места, и мы увидели под ним большую черную дыру.

Плащ Костранно валялся рядом, и теперь мы смогли рассмотреть черты его лица. Надо сказать, виселица хорошо сделала свою работу: лицо мага было распухшим, губы почернели, след от веревки глубоко врезался в шею. Он издал громкий нечленораздельный крик, увидев Джона Стюарта, который приближался к нему, а затем отпрянул к стене, выхватив из держателя факел. Продолжая верещать безумным голосом, висельник метнул факел в моего спутника.

Факел упал на каменный пол у ног Стюарта, извергнув сноп искр и клубы черного дыма. В то же мгновение Джон исчез из виду, но я услышала его яростные ругательства. Дым рассеялся так же внезапно, как и появился; я увидела Стюарта живым и невредимым. Но когда он бросился на Костранно, какая-то сила толкнула его обратно, будто он налетел на невидимую стену.

Я не стала терять времени, чтоб попытаться разгадать магию Костранно. Чародей мог схватить другой факел, и я бросилась ему наперерез. Пока Стюарт продолжал ругаться, не в силах сдвинуться с места, я дважды пронзила насквозь тело колдуна, не причинив ему, впрочем, никакого вреда.

Из горла Костранно вырвался дикий разъяренный вопль; он молниеносно выхватил меч, и только кольчуга, которую я носила под камзолом, спасла меня от его страшных ударов. Я вынуждена была отступить, а Костранно продолжал наседавать на меня, нанося удар за ударом такой силы, что я едва могла их отражать.

Впервые за свою жизнь я испытала чувство страха, охватившего мою душу и почти лишившего меня возможности думать — я сражалась, применяя только силу, и даже не пыталась одолеть врага какой-нибудь хитростью. Итальянцу была нужна моя жизнь и жизнь Стюарта, а также жизнь несчастной Франсуазы де Бретань, которая явно предназначалась для жертвоприношения.

Я продолжала отчаянно биться, все еще не понимая его замысла, пока мои ноги не коснулись края дыры в полу. Чародей загонял меня именно туда, желая, чтобы меня поглотила черная бездонная пропасть. Может быть, дно у нее и было, но меня это мало утешало — не очень-то приятно найти свою смерть на дне глубокой ямы, разбившись вдребезги. Я почувствовала, что там, в жутком мраке, есть нечто ужасное, с чем мне совершенно не нужно встречаться, и тогда мой страх превратился в дикую безотчетную панику. Наверное, это и спасло меня.

В слепой ярости я обрушилась на Костранно, вложив в удары всю свою силу, и в какой-то момент мне удалось отбросить его назад. Я увернулась в сторону от дыры, а затем одним прыжком оказалась позади чародея, в то же мгновение вонзив меч глубоко в его шею — удар был таким мощным, что голова Костранно полетела с плеч на пол, и не куда-нибудь, а в ту самую черную дыру, в которую он намеревался спихнуть меня.

Оттуда раздался леденящий душу вопль, между тем как обезглавленное тело продолжало стоять на ногах, покачиваясь, у края пропасти.

Я почти лишилась рассудка от ужаса, но все же сообразила, что надо сделать — несмотря на отвращение от самой мысли, что придется дотронуться до тела Костранно. Я много раз сражалась и видела, как умирают люди; много раз мне приходилось уносить на себе с поля боя мертвых товарищей, и я никогда не испытывала страха прикосновения к окоченевшему телу. Но мысль о том, чтобы дотронуться рукой до ходячего мертвеца, была просто невыносима.

Я должна была сделать так, чтобы он не смог коснуться меня. Собрав все силы, я подбежала к нему сзади и ударила по плечам. В то же мгновение нечто подобное вспышке молнии пронзило меня и отбросило назад, но, падая, я успела заметить, как обезглавленное тело полетело в черную дыру.

В комнате воцарилась звенящая тишина; ни я, ни Стюарт не двигались. Затем вдруг лежавшая на жертвенном алтаре Франсуаза де Бретань пошевелилась и тихо застонала — сознание возвращалось к ней. Джон, свободный теперь от заклятия, бросился ко мне, чтобы помочь встать на ноги. Я вдруг испытала ужасное чувство стыда за свой женский страх перед Костранно и, оттолкнув руку Стюарта, поднялась с пола самостоятельно, хотя и пошатываясь от слабости.

— Я в полном порядке, — нетвердо произнесла я. — Не беспокойся.

Джон Стюарт улыбнулся, нежно глядя на меня.

— Все же ты в большей степени женщина, чем сама это признаешь, Агнес де ля Фер, — сказал он. — Поверь мне.

— Если ты так хочешь помочь беспомощной женщине, — раздраженно ответила я, — то позаботься о Франсуазе де Бретань. Я думаю, нам понадобится ее покровительство, чтобы беспрепятственно покинуть город, не напоровшись на стражу.

— Это точно, — согласился Джон.

Он подошел к Франсуазе.

Я все еще стояла, пытаясь успокоить нервы, и со страхом смотрела на черную дыру. Наконец я сдвинулась с места и, подойдя к стене, вынула из держателя факел; затем я опустилась возле дыры на колени, пристально вглядываясь во тьму.

Все произошло так быстро, что я даже не успела что-либо сообразить. Откуда-то из глубины появилась гибкая как змея, покрытая черной шерстью рука и вцепилась в мой камзол. Она потянула меня в бездну. Вскрикнув, я изо всех сил ударила по ней факелом.

Раздался животный вопль; мерзкая рука исчезла, а факел полетел в пропасть вслед за ней, словно падающая звезда. Неожиданно я заплакала, как ребенок, и попятилась от дыры, тут же попав в мягкие дружеские объятия Джона Стюарта. Уже не испытывая никакого стыда, я прижалась к нему, дрожа всем телом.

— Все уже позади, Темная Агнес, — тихо сказал Джон. — Теперь уже нечего бояться — и нечего стыдиться. Ты прекрасно справилась с этим чудовищем, и я горжусь тобой. А если под конец ты испытала чувства, которые испытала бы всякая женщина, то ничего плохого в этом нет, — ведь ты и есть женщина. Прекрасная женщина!

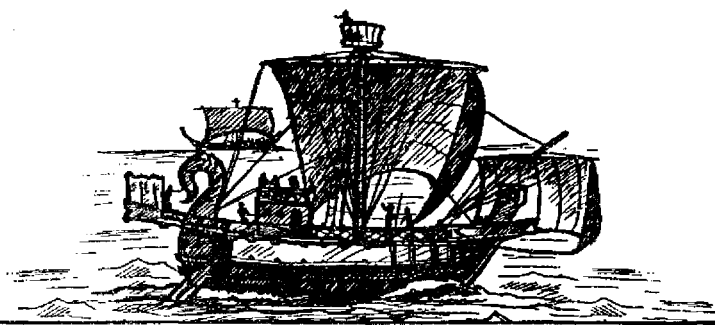
Я уже не сопротивлялась, когда он помог мне встать на ноги.

— Ты не будешь возражать, — с улыбкой спросил он, — если я покину город вместе с тобой?

— Не забудь о проклятии, которое висит над мной, Джон Стюарт. Тебя не пугает, что мужчины, идущие вместе с Темной Агнес, очень быстро находят свою могилу?

— Не пугает, — рассмеялся Джон Стюарт, — потому что есть еще одно проклятие, и оно висит над головой самого Стюарта!

Мы вместе задвинули камень, закрыв ужасную черную дыру, а затем помогли Франсуазе де Брстань подняться с жертвенного алтаря и повели ее наверх, уже не вспоминая о том ужасе, который только что пережили.

КОРОЛЕВСКАЯ СЛУЖБА

ПРОЛОГ

Стремительное падение Рима потрясло западный мир. Только в странах Востока гибель имперских городов вызывала всего лишь незначительное кратковременное смутение, подобное легкой ряби, что появляется вдруг на поверхности стремительно несущихся вод. Даже сами воспоминания о некогда могущественных и богатых городах стирались в сознании людей — так пески пустыни, надвигаясь, размывают человеческие следы, а заросли джунглей покрывают ветхие заброшенные башни и обвалы некогда крепких каменных стен.

То же и княжество Нагдрагор: его надменные правители собирали дань с дехкан в то время, когда светловолосые варвары с обагренными кровью руками проходили через ворота Рима. И вот прежняя слава Нагдрагора была забыта на тысячи лет. Даже в пес-тротм венке индийских легенд, воспевающих исчезнувшие династии, не было ни малейшего намека на это великое и могущественное царство. От Нагдрагора остались лишь безымянные руины, затерянные в зеленых волнах буйных джунглей.

Эта история повествует о временах былого величия Нагдрагора — до того как он пришел в упадок и рухнул, не устояв перед натиском гуннов, татар и монголов; о людях, которые видели его блеск, подобный сверканию драгоценного камня на темной груди Индии — когда золотые, белые и пурпурные башни величественно вздымались в голубое небо, с гордостью глядя на мир через белоснежную пену простора Камбайского залива.

* * *

— Туман рассеивается!

Сильные мозолистые руки еще крепче взялись за длинные ясеневые весла; острые, привыкшие к соленым ветрам глаза зорко вглядывались сквозь дымку проясняющегося тумана. Корабль был необычным для восточных вод — длинный и узкий, низкий в середине и высокий в корме и носу, который переходил в вырезанную из дерева голову дракона. Матросы тоже отличались от здешних мореплавателей — это были высокие желтобородые воины с холодными светлыми глазами.

На корме стояла небольшая группа людей. Один из них, мрачный гигант с тяжело нависшими бровями, тихо ругался в бороду:

— Орды Галгейма знают, где мы находимся и в каком направлении идем. Вода и пища у нас кончаются — Гротгар, ты говоришь, что чувствуешь где-то рядом землю, но, клянусь Тором...

Его слова прервал внезапный шум, поднявшийся в команде. Гребцы бросили свои весла и замерли с открытыми ртами — туман уже почти рассеялся, и перед их глазами вспыхнуло изумительное сияние драгоценных камней и полированного мрамора. Внушая страх непрошеным гостям, на них смотрели грозные бастионы и башни портовой крепости.

— Клянусь кровью Локи! — воскликнул предводитель викингов. — Это же Мдигаард!

Позади него на корме раздался негромкий смех. Викинг в гневе повернулся и грозно уставился на смеющегося. Этот человек не был похож на своих товарищей — он не носил оружия и доспехов, но остальные тем не менее смотрели на него с угрюмым уважением. Во всем его облике было естественное достоинство, благородство манер и осознание своей власти. При этом он был совершенно лишен высокомерия. Высокий, такой же широкоплечий и мускулистый, как и все прочие на корабле, он отличался еще какой-то кошачьей гибкостью, которой не имелось у большинства его сильных, но неуклюжих товарищей. Как и у них, его волосы отливали золотистым цветом, а глаза сверкали холодно, словно два голубых осколка льда. И все же он казался совсем другим — как будто природа создавала его отдельно и с особой любовью. Его лицо с резкими чертами было подвижным, взгляд быстрым и пронизательным, рот слегка кривился в извечной насмешке, присущей кельтам.

— Донн Отна, — сердито пробурчал атаман пиратов, — ну, а теперь над чем ты смеешься?

Тот, кого звали Донн Отна, махнул рукой и покачал головой:

— Меня немного развеселила мысль, что в этом блеске великолепия, который мы сейчас увидели, саксонцы узрели город своих холодных диких богов, построенный скорее из крови и костей, чем из золота и мрамора.

Легкий бриз разогнал остатки тумана, и город засиял еще ярче. Порт, гавань и стены вырастали из исчезающей дымки с поразительной быстротой.

— Город-мечта, — пробормотал Гротгар, и его холодные глаза зажглись от восхищения. — Значит, туман был более густым, чем мы думали, раз мы так близко подошли к неизвестному порту и едва не проскочили мимо него. Смотрите, сколько кораблей стоит у его причалов! Что будем делать, Ателред?

Гигант с тяжелыми бровями усмехнулся:

— Теперь они нас уже увидели. Я думаю, что если мы сейчас рванем назад, они тотчас отправят за нами дюжину галер. К тому же у нас кончается пресная вода — необходимо пополнить ее запасы. Что ты думаешь, Донн Отна?

Кельт пожал могучими плечами:

— Кто я такой, чтобы что-нибудь думать? Я ведь вам не главарь и не вождь. Но сдается мне, что попытаться уйти сейчас обратно — значит, вызвать у них подозрения, поэтому мы должны смело идти вперед. Я вижу в гавани много кораблей. Похоже, они пришли издалека — очевидно, жители города торгуют со многими странами, а потому не осмелятся напасть на нас на виду у всех. Не все же саксонцы!

Ателред проглотил насмешку над саксонцами и дал команду рулевому, отдыхавшему на носу. Длинные весла снова вспенили воду, и галера смело устремилась вперед, к сказочному городу. Навстречу викингам из порта уже вышло несколько кораблей. Первыми стремительно шли причудливо украшенные резьбой галеры с темнокожими гребцами на бортах, и саксонцы невольно пригнулись, ожидая града стрел. Ателред, подняв руку, пытался вступить в переговоры с командирами.

Викинги удивленно и настороженно смотрели на невиданные корабли, богато украшенные орнаментами, на их тяжелые стальные носы, увенчанные шипами с серебряными шариками на концах; на ястребиные лица воинов в тюрбанах, чья одежда сверкала серебром и шелком, а оружие — золотой чеканкой и горящими на солнце драгоценными камнями; на длинные тонкие копья и кривые сабли.

С не меньшим изумлением и азиаты рассматривали бледнокожих воинов с льяными волосами, их рогатые шлемы, чешуйчатые кольчуги и изогнутые топоры с выпуклыми лезвиями.

Высокий чернобородый человек встал на носу ближайшего из кораблей и крикнул что-то Ателреду, который ответил ему на своем языке. Ни один из них

не мог понять другого, и предводитель саксонцев уже начал закипать яростным нетерпением варвара. В воздухе повисла опасная напряженность. Викинги опустили весла и украдкой потянулись к топорам; на кораблях азиатов лучники начали вынимать стрелы из колчанов. И тогда Донн Отна наудачу выкрикнул приветствие по-латыни. В то же мгновение лицо командира противников прояснилось.

Он поднял руку и произнес одно слово на том же языке, что означало вполне дружеский ответ. Кельт заговорил дальше, но командир азиатов вновь повторил то же латинское слово и взмахом руки показал, что чужеземцы могут пройти в порт.

Викинги по команде своего капитана вновь взялись за весла. Корабль с головой дракона поплыл к порту в сопровождении азиатских галер с каждой стороны.

Чернобородый азиат жестом указал, где они должны остановиться, а также велел им оставаться на борту корабля. Ателред нахмурился, однако решил промолчать и пока не вмешиваться в ход событий. Он напряженно вглядывался в высоких бородатых воинов, которые заняли боевые позиции вдоль причала. Казалось, их совершенно не интересовали чужеземцы, тем не менее викинг заметил, что они значительно превосходят численностью его команду и держат наготове огромные луки.

Люди, бывшие в тот час на пристани, оживленно жестикуют и издавали возгласы изумления при виде мрачных белокожих гигантов. Не церемонясь, лучники грубо отогнали толпу подальше от причала.

Донн Отна улыбался. В отличие от своих флегматичных спутников, он искренне восхищался яркой панорамой красок открывшегося перед ним города.

— Донн Отна, — настороженно обратился к нему Ателред. — На чьей стороне ты будешь?

— Что ты имеешь в виду?

Гигант махнул огромной рукой в сторону лучников на причале.

— Если дело дойдет до сражения, ты будешь воевать за нас или ударишь меня в спину?

Насмешливо взглянув на Ателреда, кельт равнодушно пожал плечами.

— Странные слова ты говоришь пленнику! Что значит один мой меч против всей твоей команды? К тому же у меня его отобрали.

Затем выражение его лица изменилось.

— Вот что, прикажи-ка вернуть мой меч. Если ты хочешь, чтобы я помог вам, то эти люди не должны видеть, что я ваш узник.

Его повелительный тон не на шутку раздражил Ателреда. Он промычал в бороду какие-то проклятия, но, посмотрев в холодные спокойные глаза кельта, тотчас отвел взгляд в сторону и приказал принести оружие. Через несколько мгновений на корму поднялся один из воинов, неся с собой длинный тяжелый меч в кожаных ножнах, прикрепленный к широкому, с серебряными пряжками ремню. Глаза Донна Отны сверкнули, когда он взял оружие, надел на себя и застегнул ремень. Положив ладонь на рукоять из слоновой кости, украшенную драгоценными камнями, он наполовину вытащил меч из ножен, и голубое обоюдоострое лезвие издало легкое мелодичное гудение.

— Клянусь Тором! — пробормотал Гротгар. — Твой меч поет, Донн Отна!

— Он поет, потому что почувствовал воздух родины, Гротгар, — отозвался Донн Отна. — Теперь я понял, что мы прибыли в землю индусов, потому что именно здесь много лет назад и родился мой меч, в горнице кузницы, под молотом неизвестного мне мастера. Сначала это была огромная сабля, принадлежавшая одному могущественному восточному правителю, которого впоследствии победил Александр Македонский. Затем Александр взял ее с собой в Египет, и она оставалась там, пока туда не пришли римляне. Саблю взял себе римский консул, но ему не понравилась ее изогнутая форма, и он велел оружейнику из Дамаска

переделать оружие — ведь римляне пользовались только прямыми лезвиями. Затем меч вместе с Цезарем прибыл в Британию, где в большом сражении был захвачен как трофей и достался кельтам. И вот наконец я взял его у Эохайда Мак Элба, короля Эрина, которого я убил в сражении у западного побережья.

— Да, действительно королевский меч! — с неподдельным восхищением произнес Гротгар. — О, смотрите — к нам идут!

Бряцая оружием и громко восклицая, к причалу двигалось целое войско. Не меньше тысячи воинов в сверкающих доспехах, на арабских скакунах, гордых верблюдах и ревущих слонах сопровождали того, кто был, по всей видимости, верховным правителем этого города, — он величественно восседал на золотом троне на спине огромного слона. Донн Отна увидел тонкое надменное лицо, черную бороду и ястребиный нос, острые темные глаза, что сейчас пристально разглядывали чужеземцев. Внезапно кельт догадался: этот человек, даже если он действительно владыка, по крови принадлежит к совсем другой нации, чем его подданные.

Кавалькада остановилась напротив корабля с головой дракона; оглушительно зазвенели цимбалы и запели рожки, а затем пестро одетый командир индийских воинов отвесил глубокий поклон со своего седла и разразился приветственной речью, слова которой ровным счетом ничего не значили для застывших с раскрытыми ртами викингов. Человек на троне махнул ему рукой и заговорил на чистой латыни:

— Он говорит, дорогие гости, что избранный сын богов, великий раджа Констанций оказывает вам огромную честь, прибыв сюда, чтобы лично вас приветствовать.

Глаза викингов немедленно повернулись к Донну Отне, единственному человеку на борту, который мог понять этот язык. Огромные саксонцы смотрели на него с нетерпением, как большие бестолковые дети; на него же устремились и глаза азиатов. Кельт стоял

со сложенными на груди руками и высоко поднятой головой, прямо глядя в глаза раджи. Хотя его одежда не сверкала роскошью и великолепием, как наряд восточного правителя, королевское достоинство в нем было не менее очевидно. Два прирожденных владыки смотрели друг на друга, безошибочно чувствуя один в другом монаршую кровь.

— Я Донн Отна, принц Британии, — произнес кельт. — А это Ателред, командир саксонцев. Мы плавали много лун и теперь желаем только одного — отдохнуть и достать еды и воды. Что это за город?

— Это Нагдрагор, один из главных городов Индии, — отвечал раджа. — Приглашаю вас сойти на берег, теперь вы мои гости. Прошло много дней с тех пор, как я впервые обратил свой взор на Восток, и теперь испытываю жажду поговорить на одном из древних языков Рима и услышать новости с Запада.

— Что он говорит? Война или мир? Где мы находимся? — градом посыпались на кельта вопросы.

— Мы действительно находимся в земле индусов, — ответил Донн Отна. — Но их владыка иной крови. Если он не грек, тогда я саксонец! Он просит нас быть его гостями на берегу; это может также означать, что мы будем его пленниками, но у нас нет выбора. Надеюсь, однако, что раджа поступит с нами справедливо...

1

Донн Отна поднял резной кубок с огромным драгоценным камнем и сделал большой глоток. Снова поставив его, он скользнул взглядом по богато инкрустированному столу тикового дерева и посмотрел на раджу, который томно откинулся на мягкие подушки обитого шелком дивана. Они были в комнате одни, если не считать огромного чернокожего раба, молча стоявшего позади раджи. В руках он держал кривую саблю с широким лезвием, почти такую же длинную, как и он сам.

— Ну так что, принц, — произнес раджа, лениво поигрывая огромным сапфиром на пальце, — разве я не честно обошелся с тобой и с твоими людьми? Ведь теперь они сыты и пьяны такой едой и таким вином, кои могли им лишь присниться. Они отдыхают на мягких подушках, в то время как музыканты ублажают их слух игрой на струнных инструментах, а гибкие, как пантеры, девушки танцуют для них, как для самых дорогих гостей. Я даже не отобрал у них топоры! Но что касается тебя — ты сидишь здесь, со мной, и я до сих пор вижу недоверие в твоих глазах.

Дони Отна указал на свой меч, лежавший поодаль на полированной скамье.

— Я не выпускал бы меч Александра из рук, если бы не доверял тебе, — усмехнулся он. — А саксонцы — они как медведи во дворце. Если бы ты попытался разоружить их, то они пришли бы в дикую ярость и тут же пустили бы в ход свои кривые топоры. В моих же глазах ты видишь одно лишь удивление, клянусь богами! Когда я был несмышленным мальчишкой и ходил в походы на Эрин, я удивлялся городам Тара и Одун. Когда я повзрослел и начал совершать набеги на Римскую территорию, я думал, что Кориниум, Акве Сулис, Эббракум и Лундиниум — величайшие города на земле. Но когда я стал зрелым мужчиной, память о них мгновенно потускнела, как только я увидел сам Рим, хотя он уже и находился под оскверняющей пятой готов и вандалов. Но теперь, когда я смотрю на увенчанные коронами шпиль и золотые башни Нагдрагора, даже Рим кажется мне обычным городом.

Констанций кивнул, но глаза его погрузнели.

— Эта империя достойна того, чтобы за нее бороться, и однажды я возмечтал захватить индийскую землю от моря до моря — вспомни Рим и Византию! Да, прошло много дней с тех пор, как я впервые обратил свой взор на Восток. Тогда германские варвары уже прорывались через римские границы, и Генсерик грабил саму столицу. Слухи о странном и ужасном

народе докатились до Византии, которая в то время корчилась под пятой Острогота...

— Гунны! — рыкнул Донн Отна, и в его глазах сверкнула ярость. — Они ворвались с Востока, как ветер смерти или как стая саранчи! Они гнали готтов, франков и вандалов впереди себя, и в своем жутком стремительном полете тевтонцы растоптали Рим! Затем они увидели перед собой море, и им больше некуда было лететь. Они повернули к бухте, и там у Шалона встретились два войска — клянусь богами, это была грандиозная битва! Они накатили на нас, как черная волна, и так же, как волна разбивается о камень, они разбились о стоявших стеной германцев и ряды легионов Эция. Там вороны кружили тучами, а топоры, казалось, насквозь пропитались кровью!

— Так ты был там? — воскликнул Констанций.

— Конечно! С пятью сотнями моих соотечественников! — Донн Отна скрипнул зубами и с размаху ударил кулаком по столу. — Мы попали с британскими легионами — они отправились на помощь Риму и никогда больше не вернулись на родную землю. На галльских и итальянских равнинах покоятся их кости — кости тех людей, которые никогда не кланялись Риму, но пали за него в борьбе с диким восточным врагом. Мы бились день и ночь, и наконец гунны отступили. Клянусь богом, мой меч был красным, и кровь запеклась на нем от самого острия до рукояти, и я уже едва мог шевельнуть рукой. А из моих пяти сотен воинов в живых осталось только пятьдесят! Тогда Фотигерн призвал ютов помочь ему в борьбе против пиктов и англов, и саксонцы побежали за ним, как голодные волки. Я вернулся в Британию, и в водовороте войны, охватившей южные берега, попал в плен вот к этому самому Ателреду. Узнав мое имя и титул, он решил потребовать за меня выкуп, но тут начали происходить странные вещи...

Донн Отна замолчал и коротко рассмеялся. Раджа Констанций слушал его, не прерывая; в его задумчивых глазах светились интерес и уважение к собеседнику.

— Наш народ умеет долго и сильно ненавидеть, — продолжил рассказ кельт. — Но наши галльские соседи сотворили из мести культ, и, клянусь богом, я никогда не знал, как сильна могла быть страсть к отмщению, пока мы не увидели корабли Асgrimма. У этого короля моря была старинная вражда с Ателредом и он устроил на наш корабль настоящую охоту. Кром! Он гонял нас едва ли не по всему миру! Он прилип к нашей корме подобно клещу, вцепившемуся в собачью шкуру, и нам никак не удавалось избавиться от него. Мы протаскивали его за собой вдоль всего галльского побережья, затем миновали Испанию, а когда повернули в Средиземноморье, он вынудил нас проскочить через Геркулесовы Столбы и нестись все дальше и дальше на юг. Мы плыли мимо мрачных берегов, полных влажных испарений, сырых от трясин и болот и темных от густых джунглей; там чернокожие дикари грозно кричали нам вслед и стреляли в нас из луков. Но наконец мы обогнули мыс и направились на восток и где-то там все-таки избавились от своих преследователей. С тех пор мы так и плывем неизвестно куда, полагаясь на судьбу. Поэtsму, царь Констанций, мои новости о Западе устарели по крайней мере на год.

Раджа некоторое время молчал, продолжая задумчиво смотреть на Донна Отну. Молчаливый черный раб вновь наполнил его кубок. Констанций сделал большой глоток, вздохнул глубоко и, отведя взгляд в сторону, заговорил:

— Почти двадцать лет назад я отплыл из Византии с кипрскими торговцами, которые направлялись в Александрию. Тогда я был всего лишь неопытным юнцом, не устававшим удивляться миру, но при этом с королевской кровью в жилах. Из Александрии я окольными путями добрался до Дамаска и там присоединился к каравану, что возвращался из Персии в Шираз. Потом я искал жемчуг в Оманском заливе, где меня захватили в плен мальдивские пираты. Они продали меня на невольничьем рынке в Нагдрагоре... По-

том... Впрочем, нет нужды повторять тебе, какими сложными путями я добрался до трона, на котором теперь сижу. Прежняя династия вырождалась и вот-вот должна была исчезнуть.

Нагдрагор раздирали беспрестанные войны с соседними царствами... Мой путь — это кровавый след, черный от вероломства и предательств, которые совершались по отношению ко мне и которые я совершал по отношению к другим, но, как бы то ни было, теперь я раджа Нагдрагора — хотя этот трон и шатается подо мной.

Констанций поставил локти на стол и уперся подбородком в ладони, продолжая неотрывно смотреть на белокурого гиганта, сидевшего напротив него. Донн Отна тоже не отводил взгляд.

— В тебе сразу виден принц, — сказал раджа, — хотя твоим дворцом может быть всего лишь плетенная из соломы хижина. Мы с тобой из одного и того же мира, хотя я родился на одном его конце, а ты на другом. Мне нужен человек, которому я могу доверять. Мое царство расколото внутренней враждой; я стравливаю своих врагов — это приносит вред Нагдрагору, но пользу мне. Мои главные враги — Ананд Мулхар и Нимбайдур Сингх. Первый богат, труслив и жаден; он слишком осторожен, чтобы выступить против меня открыто. Второй — молод, горяч, романтичен и храбр; но его крепко держат в лапах ростовщики, выжидая, какая рыба всплывет на поверхность. Простые люди ненавидят меня, потому что они любят Нимбайдура Сингха, в жилах которого есть примесь царской крови. Высшие слои — раджпуты — не любят меня, потому что я чужеземец. Но я управляю ростовщиками и через них — всем Нагдрагором.

Констанций вновь отпил из кубка и немного помолчал. Теперь Донн Отна слушал его, не прерывая.

— Я постоянно пытаюсь столкнуть между собой Ананда Мулхара и Нимбайдура Сингха, продолжая крепко сжимать бразды своего правления. Они слиш-

ком ненавидят друг друга, чтобы объединиться в совместной борьбе против меня. — Раджа невесело усмехнулся. — Но я боюсь кинжала убийцы, который метит мне в спину. Своей охране я доверяю лишь наполовину; это вряд ли лучше, чем полная подозрительность, и гораздо более опасней. Вот почему я приехал на причал, чтобы лично приветствовать вас. Ты мог бы со своими саксонцами остаться здесь, во дворце, и сражаться за меня, если возникнет такая необходимость? Официально я не буду называть вас своей охраной. Это оскорбит моих офицеров, и против меня может мгновенно вспыхнуть заговор. Для виду я просто включу вас в состав армии, но вы останетесь во дворце, и ты, принц, по-прежнему будешь моим собеседником за кубком вина.

Донн Отна задумчиво усмехнулся и протянул руку к своему кубку.

— Я поговорю с Ателредом, — медленно произнес он. — Думаю, он согласится.

2

Когда кельт нашел Ателреда, тот сидел, развалившись на шелковых подушках, со скрещенными по-восточному ногами, и с аппетитом обгладывал жареного барашка, время от времени запивая ароматным индийским вином. Саксонец промышал невнятное приветствие, продолжая непрерывно работать челюстями, в то время как Донн Отна уселся напротив него, с усмешкой оглядывая комнату. Пиратская команда во всю наслаждалась долгожданным отдыхом — одни лениво валялись на шелковых подушках, другие бродили взад-вперед, восхищенно разглядывая сверкающий драгоценными камнями купол над их головами, третьи выглядывали из отделанных золотом окон на внутренние сады — там цветущие деревья источали пряные экзотические ароматы, а из круглых, выложенных

мрамором фонтанов били в небо сверкающие серебряные струи. Суровые викинги удивлялись и восхищались всему как дети, при этом оставаясь подозрительными как волки — они ни на миг не расставались со своими изогнутыми, с выпуклыми лезвиями топорами.

— Ну, что еще, Донн Отна? — пробормотал Ателред, не переставая жевать и чавкать.

— А что у тебя? — вместо ответа спросил кельт.

— А вот что! — Саксонец взмахнул полуобглоданной костью. — Здесь такая добыча, что от зависти лопнул бы сам Генгист, да и Сердик с ним в придачу! Давай сделаем так: ночью мы тихонько встанем и устроим во дворце пожар; затем, когда начнется суматоха, похватаем все добро, какое только сможем унести, и прорвемся к нашему кораблю — его никто не охраняет в порту. И все — хо! — плывем к западным морям! Когда наши увидят, что мы везем, нас будет сопровождать целая сотня кораблей с головами дракона. Мы разграбим Нагдрагор, как Генсерик разграбил Рим, и проложим себе путь домой нашими топорами!

— Если бы при этом твоих морских волков выгнали из Британии, я бы согласился, — мрачно усмехнулся Донн Отна. — Но твой план безумен даже для тупоголового саксонца. Если тебе и удастся поджечь дворец и унести все золото, которое в нем находится, ты не сможешь пройти и половины пути до своего корабля. Полторы сотни пиратов с топорами не пробьются через пять тысяч воинов с луками и копьями? Выкинь все это из головы.

— Ах вот как! — разъярился Ателред. — Клянусь Тором, кажется, мы с тобой поменялись местами — на корабле ты был нашим пленником, а теперь, похоже, мы стали твоими! Ты — мой враг, и я не могу быть уверен, что ты ведешь себя честно по отношению к нам. Откуда я знаю, о чем вы там болтаете с раджой наедине? Может быть, вы собираетесь перерезать нам глотки!

— Ты не знаешь, о чем мы говорим, и тебе остается только поверить мне на слово, — спокойно ото-

звался принц. — Я не испытываю никакого расположения ни к тебе, ни к твоему народу, хотя и считаю вас храбрыми воинами. Но сейчас мы должны действовать сообща, для нашего же блага. Без меня у вас не будет переводчика, без вас у меня не будет вооруженной поддержки. Констанций предложил нам службу в его дворцовой охране. Я доверяю ему не больше, чем ты доверяешь мне; он обманет нас в любой момент, когда ему это будет выгодно. Но до этого момента нам выгодно согласиться с его предложением. Если я разбираюсь в людях, то скупость не является одним из его пороков. Мы здесь неплохо проживем, пользуясь его щедротами. Сейчас он нуждается в наших мечах, потому эта необходимость может отпасть, и мы вернемся на наш корабль — но знай, Ателред, что с этого дня я свободен. Только свободным человеком я снова взойду на борт твоего корабля, и ты довезешь меня до британских берегов, не требуя выкупа.

— Ладно, клянусь своим мечом, — неохотно пробурчал Ателред.

Донн Отна кивнул, вполне удовлетворенный таким ответом, так как твердо знал, что этот грубый саксонец — человек слова.

— Восток полон неисчерпаемых возможностей, — сказал кельт. — Здесь храброе сердце и острый меч нужны так же, как и на Западе, но награда неизмеримо больше и приходит быстрее. И все же я сомневаюсь, что Констанций полностью мне доверяет. Теперь я должен убедить его в том, что мы действительно ему нужны.

3

Такая возможность представилась быстрее, чем ожидал Донн Отна.

В последующие дни викинги бродили по городу, плутая в лабиринтах его улиц и удивляясь контрастам,

с которыми сталкивались на каждом шагу: здешняя знать купалась в богатстве и роскоши, а низы пребывали в беспросветной нищете и жалком убожестве. Столь же противоречив был и тот, кто правил Нагдрагором.

Вновь Донн Отна сидел в украшенной золотом комнате и пил вино с раджей Констанцием; вновь им прислуживал молчаливый чернокожий раб. Но в этот раз британский принц с удивлением смотрел на раджу. Тот пил необычно много и сейчас был уже изрядно пьян; глаза его казались пустыми и бессмысленными.

— Ты и помощь мне, и защита, Донн Отна, — с умилением произнес раджа, слегка икая. — Я одному тебе могу по-настоящему доверять, потому что чувствую в тебе силу и прямоту северных народов. Ты принес с собой мощь северных ветров, чистый соленый привкус северных морей. Я не прошу тебя навсегда оставаться в моей охране. Знаешь, Донн Отна, править государством — тяжелое и неблагодарное занятие. Если бы мне пришлось жить сначала, я выбрал бы ту жизнь, которой жил когда-то, — жизнь длинноногого загорелого юноши, что нырял в Оманский залив в поисках жемчуга и потом швырял его горстями черноглазым арабским девушкам. Но трон — это мое проклятие и моя судьба. Я раджа не потому, что мудр или глуп, а потому, что в моих жилах течет монаршая кровь. Я подчиняюсь судьбе; я просто не могу ее избежать. Тебе тоже предстоит сидеть на троне и проклинать корону, которая сдавливает твою голову... Давай еще выпьем!

Но Донн Отна отодвинул предложенный ему кубок.

— Я уже достаточно выпил, а ты даже чересчур много, — с грубоватой прямоотой сказал он. — Клянусь богом, я чувствую себя так, как будто накурился гашиша. И хочу тебе сказать вот что — ты несомненно и мудр, и глуп одновременно. Как такой человек может быть владыкой? — Констанций рассмеялся:

— Такой вопрос другому стоил бы головы! Я могу сказать тебе, почему я раджа: потому что я умею льстить людям и видеть правду сквозь их лесть; потому что я знаю слабости сильных людей; потому что я знаю, как использовать деньги; потому что я не испытываю ни сомнений, ни колебаний и использую любые способы, честные и бесчестные, чтобы достичь своей цели; потому что я родился на Западе, но поднялся к вершинам власти на Востоке, и хитрость обоих миров присутствует во мне; потому что, хотя ум мой несовершенен, порою он достигает высот истинной гениальности, недоступной просто мудрому человеку. И потому что — а без этого все мои таланты были бы бесполезны — я имею безграничную власть над женщинами. Они словно мягкий воск в моих руках. Стоит мне только взглянуть какой-нибудь из них в глаза да покрепче прижать ее к себе, как она становится моей рабыней на всю жизнь.

Донн Отна недоверчиво пожал плечами и немного отхлебнул из кубка.

— Восток притягивает меня своим странным очарованием, — сказал он, — Хотя я все же предпочел бы править племенами каких-нибудь простодушных кимров. Клянусь богом, жить в таком хитросплетении интриг, как ты, — это не по мне!

Констанций засмеялся и, слегка пошатываясь, поднялся на ноги. Слегка кивнув кельту, он отправился спать, сопровождаемый немой чернокожим рабом. Донн Отна тоже поднялся и ушел в соседнюю комнату.

Отпустив своего раба, кельт подошел к плотно закрытому окну, выходившему на внутренний двор, и глубоко вдохнул пьянящие восточные ароматы, что проникали в комнату сквозь щели ставен. Древнее очарование Индии коснулось его век своими навевающими сон перстами, и в тайных глубинах души Донна Отны шевельнулись смутные отголоски памяти веков. Несмотря на все различия, кельт чувствовал отдаленную родственную связь с этими смуглыми рад-

жпутами. Они были той же крови, что и он, если верить древним легендам, повествующим о тех далеких днях, когда арийцы были одним великим племенем. Затем предки Нимбайдура Сингха, отделившись от этого племени, начали свой великий поход на Восток, а предки Донна Отны — на Запад...

Легкий, едва различимый шорох оторвал его от этих раздумий и вернул в настоящее. Донн Отна быстро пересек комнату и через щель в шелковой занавеске заглянул в соседние покои, отделанные золотом. Крадучись, туда вошла девушка-танцовщица — совсем юное создание, тонкое и гибкое; легкое шелковое платье подчеркивало ее волнующую прелесть и красоту. Кельт удивился, как ей удалось пройти мимо недремлющих стражей с саблями, которые стояли снаружи у дверей.

Не оглядываясь, девушка быстрыми бесшумными шагами приблизилась к немому чернокожему рабу. Тот замер, угрожающе уставившись на нее. Она протянула к нему руки в умоляющем жесте и что-то торопливо произнесла шепотом. Донн Отна не смог разобрать ее слов — хотя уже достаточно хорошо освоил язык этой страны, — но он увидел, как чернокожий раб решительно затряс бритой головой и поднял свою огромную кривую саблю.

И вдруг девушка бросилась на него, как кобра. Откуда-то из складок платья она выхватила кинжал и стремительным движением вонзила его прямо в сердце раба. Он закачался, словно огромный черный идол; сабля выпала из рук, и он рухнул на пол, корчась в судорогах и пытаясь издать хоть какой-нибудь звук, чтобы предупредить хозяина. Затем кровь хлынула из его открытого рта, и огромный раб, в последний раз дернувшись, затих навсегда.

Бесшумно и молниеносно девушка метнулась к двери, но Донн Отна одним прыжком оказался рядом с ней. На мгновение она замерла, а затем бросилась на кельта, подобно разъяренной фурии. Восточные танцы развивают силу и гибкость, и, когда годы спус-

тя западные завоеватели вновь побывали на Востоке, они узнали, что юные танцовщицы порой не уступают в схватке опытному воину. Эта девушка так отчаянно покупалась на жизнь Донна Отны, что ему пришлось немного побороться, прежде чем схватить ее и разоружить.

Он огляделся по сторонам, решая, что делать дальше, но в это мгновение дверь королевской спальни открылась, и оттуда вышел Констанций, удивленно глядя на кельта и его пленницу сонными и все еще затуманенными вином глазами. Затем он вздохнул, сообразив наконец, что произошло.

— Еще одна женщина-убийца? — спокойно спросил он, как будто речь шла о чем-то совершенно обыденном. — Ставлю свой трон против твоего меча, Донн Отна, что ее подослал Ананд Мулхар. Нимбайдур Сингх слишком прямолинеен для таких уловок... О, бедняга! — пробормотал он, тронул носком туфли тело своего верного раба и равнодушно отвернулся.

— Что делать с этой ведьмой? — спросил Донн Отна. — Она слишком молода для виселицы, но если ты отпустишь ее...

Констанций покачал головой:

— Ни то и ни другое. Дай-ка мне ее! — С облегчением Донн Отна передал радже девушку. Наконец он освободился от этого маленького дьявола, что извивался в его руках и очень больно царапался. При первом же прикосновении рук Констанция пленница внезапно затихла — лишь легкая дрожь пробежала по ее телу. Раджа сел на диван, поставив девушку на колени перед собой. Она вдруг вскрикнула и тихонько захныкала. Раджа положил руку ей на голову, заставляя смотреть ему прямо в глаза.

— Ты очень молода и очень глуха, — мягко сказал он. — Ты пришла сюда убить меня, потому что тебя послал злодей, которому ты служишь. Посмотри мне в глаза — я твой настоящий хозяин. Я не причиню тебе зла; ты останешься со мной и будешь любить меня.

Пока он говорил, его рука гладила девушку по голове.

— Да, хозяин, — еле слышно прошептала она, как замороженная; ее глаза больше не пытались избежать взгляда Констанция. Теперь они были широко раскрыты и наполнены каким-то странным новым светом — девушка откликнулась на ласку раджи. Констанций улыбнулся, и эта улыбка вдруг сделала его лицо необыкновенно привлекательным. Сейчас Донн Отна мог бы поклясться, что прежде не видел человека, столь же красивого.

— Скажи мне, кто ты, и кто тебя послал, — мягко произнес раджа.

К великому удивлению Донна Отны, она покорно склонила голову.

— Меня зовут Ятала. Ананд Мулхар послал меня сюда. Он устроил все так, чтобы я танцевала во дворце. Прошла уже целая луна, как я здесь. Сегодня ночью я должна была убить тебя. Я подошла к стражникам — они позволили мне приблизиться, увидев, что я маленькая и без оружия, — и бросила им в глаза порошок, который вызывает глубокий сон. Затем я взяла у одного из них кинжал и вошла сюда — а остальное ты знаешь, хозяин.

Она уткнулась лицом ему в колени, и раджа взглянул на Донна Отну с небрежной улыбкой.

— Ну, что ты теперь думаешь о моей власти над женщинами, Донн Отна? — спросил он.

— Да ты просто дьявол, — пробормотал кельт, изумленно глядя на раджу. — Я, наверное, не смог бы и под пыткой вырвать у этой девицы признание — а тебе она сделала его добровольно!

В коридоре вдруг послышался звук осторожных шагов. Глаза девушки мгновенно наполнились внезапным ужасом.

— Берегись, хозяин! — воскликнула она. — Это Тамур-душитель, слуга Ананда Мулхара! Он пришел проверить, как я исполнила...

Донн Отна рванулся к двери. В то же мгновение она открылась, и на пороге возникла ужасная, поражающая своими размерами фигура. Тамур был выше и шире, чем кельт; его почти обнаженное тело прикрывала лишь набедренная повязка, под смуглой кожей вздымались и перекатывались могучие мускулы. Его ноги, подобные дубовым стволам, были гибкими и упругими, как у тигра. Его невероятно широкие плечи и толстую короткую шею украшала крутая, будто шар, голова с обезьяньими чертами лица — низким скошенным лбом, хищно раздутыми ноздрями и злобно искривленным ртом. Все говорило о том, что Тамур был прирожденным убийцей. На поясе у него висело оружие его ремесла — тонкий, но прочный шелковый шнур, а в правой руке он держал длинную кривую саблю.

Окинув быстрым взглядом это чудовище, Донн Отна выхватил меч, бросившись в атаку со всей яростью кельта. Но и Тамур не медлил. Оба клинка столкнулись одновременно, издав ужасающий скрежет стали. Кривая сабля, не выдержав силы удара, раскололась, но, прежде чем Донн Отна успел поднять меч еще раз, Тамур-душитель отбросил в сторону обломок оружия и, словно змея, стремительно бросился на своего белокожего врага, мертвой хваткой вцепившись ему в горло.

Британский принц тоже отбросил меч, бесполезный в таком тесном пространстве, и попытался разжать хватку Тамура. Через мгновение он уже понял, что имеет дело с искусным, опытным и жестоким противником. Гладкое обнаженное тело индийца, подобное огромной скользкой змее, трудно было обхватить и сжать, но Донну Отне приходилось бороться с римскими атлетами, и он многому научился у них. Он отразил сильный удар коленом и ответил резким выпадом локтем, затем ему удалось разжать хватку стальных пальцев Тамура и броситься в атаку самому. Тонкий налет цивилизованности, появившийся у кельта после долгого общения с римлянами, теперь исчез без следа. Он вновь стал варваром, таким же диким, как гот-

ты и саксонцы. Рыча, словно зверь, он дрался со своим врагом в золотой комнате раджи Нагдрагора.

Через плечо Тамура Донн Отна увидел, как Констанции поднял меч и начал приближаться к ним. Синие глаза кельта грозно блеснули. В ярости он крикнул радже, чтобы тот убирался прочь. Он должен был сам одолеть врага.

Тесно сцепившись, гиганты боролись, кружа по комнате и наклоняясь то в одну, то в другую сторону. Изловчившись, Тамур выдернул руку из тисков кельта и схватил его за лицо, пытаясь большим пальцем выдавить ему глаз. Донн Отна, резко отклонившись, внезапно ударил головой в мощную грудь великана и тут же вцепился ему в горло. Тамур на миг отшатнулся, затем схватил руку Донна Отны и, наверное, переломил бы ее, как тонкую ветвь, если бы кельт вновь не ударил его головой — на сей раз в лицо. Кровь брызнула из носа душителя, и Донн Отна, воспользовавшись мгновением, нанес ему еще один сокрушительный удар. Индеец рухнул на пол, увлекая противника за собой. Кельт навалился на Тамура, пытаясь прижать его к полу, но тому удалось высвободиться и снова железной хваткой вцепиться в шею британца.

Огромными усилиями Донн Отна разжал хватку врага, но тут Тамур со всей своей звериной мощью принялся давить ему коленом на живот. От боли кельт невольно ослабил усилия, и индеец молниеносным движением вытащил свою шелковую веревку. Донн Отна попытался подняться, но от ужасной боли у него закружилась голова. Тут же Тамур-душителю набросил ему на шею удавку.

Донн Отна слышал пронзительный крик девушки и почувствовал, как скользкий прохладный шнурок змейкой обвил его шею. Задышав, он в дикой ярости нанес врагу страшный удар кулаком, попав ему прямо в лицо. Удар оказался подобен удару молота по наковальне, и Тамур рухнул на пол как подкошенный. Мощным усилием Донн Отна разорвал веревку и снова

бросился на душителя, который с трудом поднимался на ноги.

Британец начал изо всех сил молотить его своими огромными тяжелыми кулаками, тренированными за годы борьбы с римскими бойцами. К такой атаке Тамур был не готов. Прикрывая разбитое лицо левой рукой, правой он размахнулся и ударил Донна Отну по голове, но не кулаком, а открытой ладонью. Кельт пошатнулся; искры посыпались у него из глаз; на мгновение он ослеп, однако тут же нанес душителю резкий яростный удар в живот. Великан рухнул на колени, корчась и задыхаясь. Из последних сил он схватил противника за ноги и дернул, отчего Донн Отна упал навзничь, и вновь враги сцепились и покатались по полу. Но кельт уже чувствовал, что Тамур слабеет, и, удвоив ярость атаки, как тигр, обезумевший от запаха крови, он придавил его к полу и сжал его горло мертвой хваткой. Железные пальцы британца погружались все глубже и глубже в шею врага, пока он не почувствовал, что жизнь покинула огромное тело душителя.

Тогда Донн Отна поднялся и, вытерев пот и кровь с лица, мрачно улыбнулся ошеломленному радже, который стоял недвижимо, все еще продолжая сжимать в руках меч Александра.

— Ну что ж, Констанций, — сказал Донн Отна, — как видишь, я достоин твоего доверия.

СЛЕД ГУННА

ПРОЛОГ

Тишина и покой царили на огромном военном корабле, что лениво покачивался на неторопливо бегущих водах бесконечного моря. Ярко блестела на солнце латунная и золоченая отделка палубы и бортов, бесполезные паруса слегка шелестели, обвиснув на мачтах. На высокой корме сидели трое; они потягивали доброе старое вино и вели неспешную беседу.

Саксонец Ателстейн был настоящим гигантом — его рост от сандалий из бычьей кожи до макушки с копной всклокоченных льняных волос составлял шесть с половиной футов. Выющаяся борода отливала золотом, как и браслеты, которые он носил на запястьях. Могучий торс обтягивала чешуйчатая кольчуга, на поясе висел широкий двуручный меч в потертых ножнах — Ателстейн не расставался с ним ни днем, ни ночью.

Высокого худощавого воина звали дон Родриго дель Кортес. Глубокие темные глаза его почти всегда были мрачны; смуглое лицо украшали небольшие тонкие усики. Мanners дона Родриго отличались изяще-

ством и холодным достоинством. Он носил простые доспехи, а единственным его оружием был длинный узкий меч — предшественник шпаги.

Терлог Даб О'Брайен — крепкий черноволосый воин — не был так высок, как его спутники, хотя и его рост достигал шести футов. На смуглом, гладко выбритом лице кельта светились неистовым блеском яркие синие глаза, подобные быстрым огонькам на темной глади озерных вод. В каждом его движении ясно ощущались железная мощь и кошачья гибкость. Видимо, он обладал гораздо лучшими, чем его товарищи, боевыми качествами, ибо ему была присуща необыкновенная стремительность, которой не доставало саксонцу, и огромная сила, которой не было у испанца.

Одеяние Терлога состояло из черной кольчуги, перехваченной зеленым поясом — на нем висел длинный кинжал. Неподалеку в оружейном отсеке хранилось остальное его снаряжение — простой шлем без забрала, круглый щит с острым шипом посередине и боевой топор с рукояткой на длинном древке. Топор составлял предмет особой гордости хозяина — тонкое острое лезвие и удобная дубовая рукоятка свидетельствовали о том, что это оружие мастера. Он был легче, чем большинство топоров той эпохи, а короткие острые шипы вверху и внизу лезвия добавляли ему поистине смертоносную силу.

— Дон Родриго, — обратился к испанцу Ателстейн, сделав большой глоток вина, — что вы можете сказать о тех азиатах, к которым мы плывем? Клянусь Тором, мне приходилось биться со всеми воинами западного мира, но этих я никогда не видел. Многие мои товарищи бывали в Милигаарде, а вот мне не довелось.

— Сарацины — храбрые и жестокие воины, добрый сэр, — отвечал дон Родриго. — Они дерутся копьями и кривыми саблями. И они ненавидят нашего господина Иисуса Христа, потому что верят в своего Магомета.

— Как я себе представляю, — продолжал Ателстейн, — те земли, куда мы направляемся, лежат вдоль

пролива, отделяющего Европу от Африки. Нечестивые сарадины владеют и африканской землей, и значительной частью Испании. А дальше по одну сторону Средиземного моря лежат Италия и Греция, а по другую — восточная часть Африки и Святая земля, которую оскверняют арабские шакалы. Дальше находится Константинополь, или Миллигаард, как называют его викинги. А еще дальше что?

Дон Родриго повертел в руках свой кубок.

— Иран, или Персия, и дикая земля, где рыскают полчища тюрков и татар. За ними — Индия и Китай. Там обитают злые духи, драконы и...

Терлог внезапно прервал его коротким смешком.

— Там нет драконов, дон Родриго, хотя разных других опасностей для путешественника предостаточно — как от хищных зверей, так и от людей.

Спутники с любопытством взглянули на него — не так уж часто кельтский изгнанник открывал рот, чтобы рассказать о своих долгих странствиях иключениях. Но теперь, по-видимому, у него появилось для этого настроение.

— Я был лет на семь моложе, — начал он свой рассказ, — когда однажды поплыл из Эрина в поход. Клянусь своим топором, это был очень долгий поход, потому что прошло больше трех лет, прежде чем я снова ступил на ирландскую землю. Можете себе представить, тогда у меня был свой собственный корабль и своя команда.

— Я помню, — отозвался Ателстейн, — мои викинги совершали набеги на западное побережье Англии. Немало они там кораблей захватили! Но все же, как насчет тех восточных земель, куда мы плывем?

— Если сойти на берег на самом юго-восточном берегу Балтийского моря, — ответил Терлог О'Брайен, — и двинуться дальше на юг и восток, то придешь к большому внутреннему морю, которое называется Каспийским. Между обоими морями лежит необжитая земля со множеством лесов, рек и диких холмис-

тых равнин, поросших густой высокой травой, — пустынная, серая земля...

1

Над унылой однообразной степью в сером свинцовом небе летели болотные цапли. Повсюду, насколько можно было охватить взглядом, простиралось море чахлой, тускло-коричневой травы, по которой гнал волны резкий порывистый ветер. Однообразие пейзажа нарушали редкие деревья, низкорослые и высохшие, да сверкавшая вдали река, подобно змее извивавшаяся в траве. Над ее берегами, что поросли густым камышом, с печальными унылыми криками кружили болотные птицы.

Терлог О'Брайен окинул взглядом эту пустынную землю, и его душу наполнила какая-то непонятная тоска. Он уже собирался повернуть коня и поскакать куда глаза глядят, как вдруг заметил возле реки четыре возникшие из камышовых зарослей фигуры всадников, помчавшихся по направлению к нему. Один из всадников ехал впереди, на некотором расстоянии от остальных.

Терлог натянул поводья своего чалого жеребца и быстро поскакал к перелеску. Приглядевшись повнимательнее, он понял, что всадники не собирались нападать на него, — трое увлеченно преследовали четвертого, который скакал впереди. Затаившись, кельт стал наблюдать за дальнейшим развитием событий.

Они быстро приближались, и вскоре Терлог увидел, что его предположения оказались правильными. Тот, что ехал впереди, опустив голову, раскачивался в седле; одна рука свисала вдоль туловища; сломанный меч он зажал в зубах. Он был молод и высок, светлые волосы развевались на ветру. Он мчался быстро, но преследователи скакали еще быстрее, и расстояние между ними неумолимо сокращалось. Они были ниже

ростом, чем тот за кем они охотились, и ехали на небольших, но очень проворных лошадях. Когда преследователи приблизились к убежищу Терлога, он увидел их смуглые лица, сверкающие серебряные кольчуги и украшенные перьями тюрбаны, легкие круглые щиты и кривые восточные сабли.

Кельт размышлял совсем недолго. Азиаты не видели его, поэтому ему самому ничего не угрожало; но на его глазах трое вооруженных людей гнали за раненым воином, который по происхождению был явно ближе к Терлогу, чем трое преследователей. Скорее всего, это были турки. Так решил кельт, хотя, по его представлению, их земли должны лежать далеко к югу отсюда. Непроизвольная ярость заклокотала в его душе — слишком сильной была извечная смертельная вражда между арийцами и тюрками, настолько сильной, что заставляла отдаленных потомков диких древних воинов и сейчас вцепляться в горло друг другу.

Светловолосый юноша теперь поравнялся со скудными зарослями деревьев, где укрывался кельт. Один из его преследователей был уже совсем близко от него. Кривая сабля сверкнула в смуглой руке, и к небесам вознесся гортанный победный клич, — но через мгновение он сменился возгласом изумления, когда неожиданная тень метнулась из-за деревьев наперерез турку.

Словно пушечное ядро, огромный чалый жеребец налетел на низкорослого коня азиата, не успевшего отскочить в сторону. Ударив сбоку, он повалил его на землю и обрушил тяжелые копыта на голову выпавшего из седла седока.

Терлог натянул поводья, поворачивая жеребца в сторону остальных турок, завывших, как волки, от изумления и ярости, но тут же бросившихся на него в атаку с обеих сторон. Тот, который был ближе, уже занес свою кривую саблю над головой Терлога, но кельт выставил вперед щит и ударил почти одновременно. Острое лезвие топора прошло сквозь тюрбан азиата, раскроив ему череп. Не успел он вывалиться

из седла, как Терлог уже отразил щитом удар другой занесенной над ним сабли. Светловолосый юноша, обернувшись, увидел схватку и немедленно повернул коня, чтобы прийти на помощь своему спасителю, но сражение закончилось еще до того, как он приблизился.

Последний оставшийся в живых турок попытался атаковать Терлога слева, рыча и воя, как безумный, и надеясь, что враг не сможет достать его своим окровавленным топором прежде, чем развернет коня или переложит оружие в левую руку. Он замахнулся кривой саблей, и — в этот момент светловолосый юноша увидел такой трюк, о каком прежде никогда даже не слышал. Терлог привстал на стремянах, наклонился влево и отразил удар сабли топором, а затем резко выбросил вперед руку со щитом, подобно тому как кулачные бойцы разят противника прямым ударом кулака. Злорадно ухмылявшийся азиат взвыл от ужаса и смертельной боли, когда острый шип, что находился в самой середине щита, пронзил насквозь его яремную вену. Кровь потоком хлынула из шеи, и турок с диким ревом повалился на землю. Вырвав в агонии клочок своей окровавленной бороды, через мгновение он скорчился и затих.

Терлог повернулся, взглянул на юношу, остановившего своего коня рядом с его чалым жеребцом. Раненый воин заговорил с кельтом на языке, который тот мог понять:

— Благодарю тебя, брат, кто бы ты ни был. Эти псы собирались доставить мою голову Хогар-хану, и, если бы не ты, скорее всего, им бы это удалось. Их было четверо, когда они набросились на меня в камышак, но одного мне удалось убить. Оставшиеся трое озверели и хотели разорвать меня на куски, но всего лишь перебили мне руку и сломали меч, так что я вынужден был спастись бегством. Скажи мне свое имя — ведь мы действительно можем оказаться братьями.

— Меня зовут Терлог Даб, что означает Черный Терлог, — ответил кельт. — Я из рода О'Брайенов, из

земли Эрин. Но сейчас я изгнанник. Я покинул родину и странствую по свету уже много лун.

— А меня зовут Сомакельд, — сказал юноша. — Мой народ — тургославы, что обитают в степях. Вон на той линии горизонта стоят сейчас временные жилища моих сородичей. Поедем со мной, тебя там радушно примут.

— Дай я сначала посмотрю твою руку, — сказал Терлог, а юный славянин засмеялся, уверяя, что это всего лишь царапина.

Кельт, опытный и искусный в деле врачевания ран, вправил сломанную кость и крепко перевязал глубокую рану от сабельного удара корой и паутиной. Сомакельд не издал ни единого звука и даже не поморщился от боли, а когда Терлог закончил, спокойно поблагодарил его. Затем они вместе поскакали в славянский лагерь.

— Где ты научился понимать мой язык? — спросил Сомакельд.

— Я повидал много разных племен, живущих в лесах, — ответил Терлог. — Они родственны степным народам, и язык почти такой же. Но скажи мне, Сомакельд, откуда здесь взялись эти турки, которых мы убили? Я видел татар — временами они совершали набеги на лесные племена, — но империя турок, как я думал, лежит далеко к югу.

— Да, это так, — кивнул Сомакельд. — Но этих псов изгнали их же сородичи.

И Сомакельд стал рассказывать их историю. Слушая его, Терлог понял, что этот юноша куда более умен и проницателен, чем молчаливые мрачные жители лесов, с которыми кельту приходилось встречаться в своих последних путешествиях. Несмотря на молодость, юный славянин уже успел побывать во многих далеких землях — он рассказывал и о южных песках, где ходил с караванами в Бухару, и о далеком Аральском море, и о великих реках Волге и Днепре. Его народ не оставался подолгу на одном месте, но и он сам, благо-

даря своей любви к путешествиям, объездил немало стран.

Те турки были более дикими и более кровожадными родичами сельджуков, набеги которых один за другим разрушали арабские халифаты. Их племя находилось в состоянии бесконечных пограничных войн, как с персами, так и с другими турецкими кланами. Они бросили свои пастбища, издавна принадлежавшие их предкам, и двинулись кочевать далеко вперед, вторгаясь в чужие земли.

Они пришли в степи, где столкнулись с враждебным им народом, — с теми арийскими племенами, которые продвинулись дальше остальных на восток. И вот теперь турки, которые продвинулись дальше всех на запад, постоянно воевали со своими соседями.

С той и другой стороны попеременно совершались обычные военные действия — стычки, грабежи и набеги за женщинами и конями. Кочевники-татары, тоже появлявшиеся в степях, принимали то одну, то другую сторону, в зависимости от того, какие у них в данный момент были настроения и прихоти. Но впоследствии вражда между турками и арийцами перешла в новое русло. Новый хан появился среди турок, что владели пастбищами за рекой. Это был жестокий и коварный Хогар-хан, пришедший к власти посредством убийства предыдущего повелителя. Его честолюбие не знало границ, и одних пастбищ ему уже было мало, — он грезил о великой империи, которая простиралась бы до самого Каспийского моря. Он не был безумным, заметил Сомакельд, ибо старики рассказывали немало историй о подобных — возникавших едва ли не за одну ночь — империях. Великое множество их было известно темному, загадочному Востоку.

Но у Хогар-хана было одно препятствие на пути к цели, и именно его надо было устранить в первую очередь, — тургославы, издавна населяющие степи. Его первым и главным шагом должно было стать их уничтожение.

Турки, вдохновленные своим воинственным правителем, уже разбили наголову татарские племена, кочевавшие неподалеку, убив многих, а прочих взяв в плен и заставив подчиняться воле Хогар-хана. Теперь мусульмане собирали силы, готовясь к большому походу против своих арийских врагов, и тургославы тоже начали объединяться — день и ночь славянские всадники ездили по стенам, созывая своих сородичей на борьбу со страшным врагом. «Мы разбросаны друг от друга порой довольно далеко, — пояснил Сомакельд, — и не строим городов, поэтому отражать нападения большой армии врагов мы можем, лишь объединившись».

Разведчики докладывали о том, что турки уже посылают за реку свои передовые отряды, и вот сегодня, возвращаясь домой из одного отдаленного славянского лагеря, Сомакельд столкнулся с четырьмя турками, подстерегавшими его в камышовых зарослях. «Мое племя не слишком большое, — продолжал рассказ юный тургослав, — но оно всегда побеждало своих врагов. Когда-то оно насчитывало много тысяч человек, но постоянные войны обескровили его, а отдельные ветви племени ушли дальше на запад, чтобы забыть о своей жизни на пастбищах и стать обычными земледельцами». Последние слова Сомакельд произнес с нескрываемым презрением.

— А теперь ты, брат мой, — воскликнул он вдруг, — расскажи мне, как получилось, что ты отправился странствовать в одиночку? Уверен, что ты был правителем на своей родине.

Терлог мрачно усмехнулся:

— Да, когда-то я был правителем острова, который находится далеко к западу отсюда и называется Эрин. Мой король был старым и мудрым, его звали Брайан Бору. Но он пал в сражении с рыжебородыми морскими разбойниками, называемыми ютами, хотя его народ и выиграл эту битву. Затем последовало время интриг и распрей. Месть одной женщины и рев-

ность ее родственника стали причиной того, что меня изгнали из моего клана и я был обречен на голодную смерть в безлюдной пустоши. Но, хотя я больше и не принадлежал к своему клану, мое сердце все еще было полно гнева и ненависти к ютам, которые разоряли мою землю веками, и тогда я привлек к себе таких же изгнанников, как и я сам, и нам удалось отбить у ютов галеру.

И Терлог живописал юному славянину свои странствия, приключения и опасности, с которыми он столкнулся за это время.

Корабль, ранее носящий название «Ворон», он переименовал в «Ненависть Крома», в честь древнего языческого бога. Кельты захватили этот корабль сложным путем обмана и ожесточенной борьбы, и командой его стала грязная пена морей — отбросы общества, не ценившие ни свои, ни чужие жизни. К Терлогу со всех сторон стекались разного рода бродяги, воры и убийцы, единственной добродетелью которых была беспыльная удаля отчаявшихся людей.

Ирландские изгнанники, шотландские преступники, беглые саксонские рабы, валлийские пираты, британские висельники — именно они сидели на веслах и руле «Ненависти Крома», сражались и грабили, повинаясь приказам своего командира. Среди них попадались люди с отрезанными ушами и рваными ноздрями, с клеймом на лице или плече, с рубцами от оков на руках и ногах. Они жили без любви и надежды и сражались, как изголодавшиеся по крови дьяволы.

Единственным законом для них стало слово Терлога О'Брайена, и закон этот был железным и непреложным. Между командиром и его подчиненными не было никаких теплых чувств; они рычали на него, как волки, а он проклинал их за дикость. Но они боялись и уважали его за жестокость и храбрость, а он признавал их неукротимую ярость. Он не делал никаких попыток навязать им свою волю теми способами, какими это делают командиры и правители, действующие

в согласии с остальным миром. Он лишь требовал от своих людей, чтобы они шли за ним и сражались, как демоны, если он приказывал. Он также никогда не повторял приказ дважды. В тех поистине адских условиях в кельте проснулась необузданная свирепость тигра, и из всей его кровавой команды он был самым ужасным и жестоким.

Когда он отдавал приказ, ему немедленно подчинялись, или столь же немедленно он пускал в ход оружие. Поэтому наказание за неповиновение или медлительность было всегда одинаковым — топор командира молниеносно обрушивался на голову смутьяна, и мозги его разлетались во все стороны. Люди, которые следовали за Терлогом О'Брайеном в прежние дни, немало изумились бы, увидев его сейчас стоящим на залитой кровью палубе «Ненависти Крома», с дико горящими глазами и окровавленным топором, рычащим приказы своей разношерстной команде голосом, что звучал, как дикий вопль разъяренной пантеры.

Он был пиратом, который охотился на пиратов, и только когда команде требовалось пополнить запасы еды и денег, командир приказывал сойти на берег, дабы грабить цветущие берега Англии, Уэльса или Франции. Доходящая до безумия ненависть к викингам, сжигавшая его душу, заставляла О'Брайена вновь и вновь совершать жестокие набеги на их крепости, при этом часто проникая в глубь материка. Когда зимние штормы господствовали в западных морях, Терлог и его головорезы налетали на врагов на суше яростнее самого свирепого урагана, оставляя за собой кровавый и выжженный след.

Тяжелую службу предложил кельт людям, которые пришли к нему, сбежав от своих оков и цепей. Он обещал им только полную опасностей и лишений жизнь, бесконечную войну и кровавую смерть, но все же он дал им возможность отомстить миру за свою исковерканную жизнь и насладиться свободой вершить над этим миром собственный суд — и люди пошли за ним.

Пока суровые норвежцы, затащив свои корабли на берег, пережидали зиму, потягивая эль и слушая песни скальдов, Терлог и его разбойники рыскали повсюду, нападали на охрану кораблей, безжалостно уничтожая ее, а от кораблей оставляя тлеющие угольки. Затем та же участь постигала и самих викингов, спящих безмятежным сном после обильной выпивки — в живых не оставляли никого.

Это был один из дней суровой зимы. В Балтийском море бушевал яростный шторм, с неба валил мокрый снег, засыпавший уже всю палубу и гребцов. Корабль нещадно заливали волны, врывавшиеся на палубу через низкие борта. Пираты были мокрыми с головы до ног, их бороды стали белыми от снега и льда. Даже они, равнодушные к любым трудностям и лишениям, жившие как волки, были на грани полного отчаяния. Терлог О'Брайен, стоя на носу корабля, одной рукой опирался о выступ с головой дракона, а другой вытирал лицо, которое залеплял мокрый снег. Кольчуга Терлога обледенела, в лед превратилась и кровь, запекшаяся на его башмаках, льдом зловеще поблескивал его топор. Но он не обращал на все это никакого внимания — когда-то его, новорожденного, бросили в сугроб, чтобы удостовериться в его праве на жизнь. Он был крепче и неприхотливее, чем волк. А теперь его сердце жгла такая испепеляющая ненависть, что никакой внешний холод не мог остудить ее.

В этом набеге они продвинулись достаточно далеко, оставив после себя на побережье Ютландии и берегах, окружающих пролив Скагеррак, тлеющие руины, обгаренные кровью. И все же Терлог не был вполне доволен. Он велел отправиться в Балтийское море и теперь считал, что находится в заливе, который называется Финским.

Внезапно он увидел возникшую из пелены снега и тумана тень и яростно вскрикнул. Корабль викингов! Несомненно, они отправились за Терлогом и его разбойниками, узнав о резне, учиненной над их сосе-

дями. Они не хотели, чтобы их так же застигли врасплох ночью, во сне, как тех, чьи головы теперь украшали изгороди.

Терлог, пристально вглядываясь в колеблющуюся тень, выкрикнул приказ рулевому: повернуть в сторону вражеского корабля. Но тут его помощник, утрюмый одноглазый шотландец, внезапно осмелился возразить своему командиру.

— Нас гонит ветер; если мы попробуем развернуться хотя бы наполовину, волны переломят корабль надвое. Это же настоящее безумие — мчаться по такому бушующему морю на корабле, который...

— Дьявол позаботится, чтобы корабль не переломился! — резко оборвал его Терлог. — Делай, как я сказал, исчадие ада! Викинги сейчас пропадут в тумане — я уже почти их не вижу...

В это мгновение огромная ледяная волна швырнула длинный приземистый корабль, как щепку. Шотландец был прав — только безумец мог отправиться в плавание по бушующему зимнему морю. Но в недрах души кельта и в самом деле таилось безумие, порой прорывавшееся наружу.

Внезапно прямо перед ними из тумана вынырнул нос корабля викингов, похожий на клюв хищной птицы. Пираты с «Ненависти Крома» увидели рогатые шлемы и свирепые бледные лица норвежцев, которые дико орали и бряцали оружием.

— Идти прямо на них и взять их на abordаж! — крикнул Терлог, и в это мгновение град стрел, вылетевших из тумана, обрушился на его разбойников. «Ненависть Крома» рванула вперед, как пришпоренная лошадь, но тут же самый сильный человек в команде — гигант-саксонец с клеймом беглого раба на лице — рухнул на палубу со стрелой в сердце, и корабль остался без управления — никто не сумел подхватить руль. Терлог в ярости завопил, и тогда к рулю снова бросились несколько человек, но мощный натиск разбушевавшихся волн уже начал разворачивать судно,

а затем и неистово швырять во все стороны. Половину команды смыло с борта в воду, и наконец корабль викингов протаранил галеру.

Железный птичий нос врезался в середину корабля Терлога под углом, прорубив огромную дыру до самого носа и переломав с одной стороны все весла; затем судно викингов встало боком вплотную к «Ненависти Крома», палубу которого через несколько мгновений заполнила дикая разъяренная толпа рычащих людей, что с неистовой жестокостью принялись рубить направо и налево оставшихся в живых разбойников Терлога.

Люди погибали один за другим; топоры раскалывали их черепа, а мечи, прорубая кольчуги, вонзались в тело. Помощник-шотландец увидел командира, который размахивал топором и рубился, словно алчущий крови демон, и закричал ему:

— Воды уже по колено! «Ненависть Крома» может затонуть в любой момент!

— Если мы и утонем, то только с ними вместе! — крикнул в ответ Терлог, дико сверкая глазами. Теперь он и в самом деле обезумел, и на губах его закипела пена. — Цепляйся за их борт крюками! Мы потащим этих поганных псов за собой в ад! Мы будем их убивать, пока погружаемся на дно!

Он первым бросил крюк, зацепившись им за борт корабля с птичьим носом. Викинги поняли его намерения и попытались отцепиться, но было уже слишком поздно. В их борт одновременно полетело еще несколько крюков, и оба корабля оказались сцепленными вместе — ни тот, ни другой не могли уже самостоятельно отойти. Теперь они целиком были во власти ветра и волн, которые яростно швыряли их из стороны в сторону, в то время как люди на палубе тесно сцепились друг с другом в последней отчаянной схватке. Безостановочно рубя топором, уже почти вслепую в этом кромешном кровавом аду, Терлог едва смог различить, как сквозь дикий шум и грохот прорвался страшный треск — оба корабля налетели на подвод-

ные рифы. Но безумный кельт и его оставшиеся в живых разбойники, в которых вселилось такое же безумие, ни на миг не прекращали рубиться своими кровавыми топорами, а искореженные корабли тем временем уже стремительно погружались в темную бушующую пучину.

2

— И из всех только ты один остался в живых? — затаив дыхание, спросил Сомакельд.

— Да, — мрачно подтвердил Терлог. — И даже сам не знаю почему. В какое-то мгновение битвы меня вдруг окутала крошечная тьма, а потом я очнулся уже в хижине, окруженный какими-то людьми. Очевидно, волны выбросили меня на берег, когда все погибли. Но я не один оказался на берегу — море выбросило и многих других, и наших, и норвежцев, но жизнь теплилась лишь во мне. Остальные умерли от ран, утонули или замерзли. Люди, которые нашли меня, сказали, что я тоже почти замерз, — но мой топор и щит были крепко зажаты в моих руках! Так крепко, что они не смогли отнять их, и я продолжал сжимать их железной хваткой, пока не пришел в сознание.

Я узнал, что эти люди — финны, очень дружелюбный народ; они хорошо заботились обо мне и довольно быстро меня вылечили. Благодаря им я встал на ноги и, может быть, остался бы с ними на некоторое время, но их земля была слишком холодной, покрытой толстым слоем снега и льда, и, когда я узнал, что в южных странах уже начинается ранняя весна, я ушел от них. Они дали мне коня, и я отправился на юг через дремучие леса, полные волков, медведей и еще каких-то ужасных зверей, с которыми мне, к счастью, не пришлось столкнуться, — я видел лишь их следы.

В этих лесах я столкнулся с какими-то дикими племенами; от одних я убегал, а у других ненадолго

останавливался. Некоторые из этих народов являлись потомками Рюрика, и тогда я не упускал возможности еще раз отомстить норвежцам. Так я путешествовал много лун, сначала на коне финнов, затем на скакунах, которых я украл или купил, и под конец вот на этом сером жеребце — мне дал его один вождь иноверцев. Когда я покинул хижины финнов, там была поздняя зима. Теперь снова приближается зима, а я все еще далеко от южных земель, куда влечет меня мое сердце.

— Поедем со мной! Ты поживешь у нас, о, мой брат! — с искренним дружелюбием воскликнул Сомакельд. — Мы храбрый народ и любим отважных воинов. Ты можешь быть нашим вождем! А знаешь, какие девушки у тургославов? Останься с нами!

Терлог задумчиво пожал плечами:

— Хорошо, я поеду с тобой, Сомакельд, потому что мой конь устал, а я голоден. Я останусь с вами на какое-то время, потому что чувствую в воздухе запах войны, — видишь, вороны уже слетаются сюда со всех сторон! Я не уйду от вас, когда в этом поле скрестятся клинки, я буду сражаться за вас.

Когда Терлог и Сомакельд подъехали к лагерю тургославов, ночь уже опустилась на землю. Кельту приходилось видеть лагерь татар, и славянский мало чем отличался от них. Такие же высокие неуклюжие повозки — рядом с ними, сложенные в аккуратные кучки, лежали конские седла; те же кольца вокруг костров, где женщины готовили пищу и наполняли роги молоком и медом. И арийцы, и тюрки развивались во многом одинаково. Терлог понял, что сейчас он видит уже уходящую стадию жизни арийцев — они постепенно расставались с кочевой жизнью и переходили к оседлой, начиная заниматься земледелием; или сливались и поглощались татарскими кочевниками.

Кельт увидел все признаки этого смешения среди арийских и монгольских степных народов. У многих тургославов были широкие скулы и черные воло-

сы, свидетельствующие о наличии в них тюркской крови; попадались и чистокровные татары, хотя все же основная масса соплеменников Сомакельда имела арийскую внешность — высокий рост, крепкое сложение, светлые глаза и льняные волосы. Следы смешения с гайдарами, пожалуй, заметнее всего были среди казаков.

Лошади арийских кочевников отличались ростом и мощностью, а их мечи были длинными, прямыми и обоюдоострыми. Кроме того, их вооружение состояло из тяжелых топоров, пик и кинжалов, а также луков, более легких и менее действенных, чем луки их турецких противников.

Доспехи они носили довольно примитивные — железные пластины, прикрепленные к рубашам из грубой кожи, железные шлемы, круглые деревянные, обтянутые кожей и обитые железом щиты. Поверх одежды они надевали плащи из овечьих шкур. Мужчины были выносливыми, храбрыми в бою и добродушными в дружеском застолье, а женщин отличали приветливость, мягкость и красота.

К ним навстречу помчались часовые, что разъезжали по степи, но Сомакельд крикнул им несколько слов, и они тотчас повернули обратно. На небе уже появилась луна, когда Терлог и его новый товарищ рысью поднялись на склон, с которого открывался вид на славянский лагерь. Окинув острым взглядом равнины, кельт увидел темные, похожие на тени фигуры, приближавшиеся со всех сторон к лагерю.

— Мой народ собирается вместе, чтобы дать бой туркам, — пояснил Сомакельд, и Терлог кивнул, вглядываясь в темную колышущуюся массу. Его глаза вспыхнули в темноте, когда смутная память предков шевельнулась где-то в глубинах его души. Да, славянские кланы собирались, как когда-то арийские — в далекие смутные времена, — и среди них предки самого Терлога приезжали в эти же степи, трясаясь в неуклюжих громыхающих повозках или крепко держась за гривы полудиких коней.

Терлог и Сомакельд спустились со склона и приблизились к кострам, откуда тотчас раздались возгласы приветствия. Терлог сразу определил вождя племени — его звали, как сказал Сомакельд, Грогар Скед. Он был уже стар, но в его льняного цвета бороде все еще не было седых волос, и, когда он поднялся, чтобы приветствовать вновь прибывших, кельт увидел, что вождь обладал могучим телосложением и годы не затуманили орлиного взора его острых глаз, не ослабили его железных мускулов.

— Твое лицо незнакомо мне, — произнес Грогар Скед глубоким спокойным голосом. — Ты не славянин, не турок и не татарин. Но, кто бы ты ни был, слезай с коня и дай ему отдохнуть. Поешь и выпей с нами сегодня ночью.

— Это очень храбрый и опытный воин, атаман, — поспешно заговорил Сомакельд. — Богатырь, герой! Он пришел помочь нам в борьбе против турок! Клянусь честью моего племени, нынче он отправил троих турецких псов выть у ворот ада!

Старейшина наклонил голову с густой, как у льва, гривой волос.

— Наши жизни принадлежат тебе, богатырь! — Соскочив с коня, Терлог заметил у костра воина средних лет, по-татарски приземистого и плечистого. У него был вид полководца, а под накидкой из овечьей шкуры поблескивала серебряная кольчуга. Его темное широкоскулое лицо было неподвижным, но маленькие, похожие на бусинки глаза загорелись, когда он взглянул на великолепного чалого жеребца кельта. Рядом с ним сидел стройный красивый юноша, по-видимому, его сын.

Терлог убедился, что о коне его хорошо заботятся, и присел возле костра. Сомакельд, гордый своим новым знакомством и тем, что ему разрешено сидеть вместе с бывальыми воинами, поведал о своей встрече с кельтом, а затем пересказал историю о его странствиях и приключениях. Все слушали его с нескрываемым

интересом, а к костру между тем все продолжали подходить люди, которые смотрели на кельта с любопытством и удивлением, выслушивая пересказанные шепотом рассказы о его подвигах.

— Ты выглядишь орлом, и взгляд твой орлиный, богатырь, — сказал Грогар Скл. — Для меня немного значит, что ты был когда-то правителем в своей земле, но я хорошо знаю, что ты прирожденный правитель людей. Да, тургославам нужны люди с острыми мечами и сильной волей. Хогар-хан надвигается на нас, и кто знает, как могут повернуться события? Турки — опытные воины, но они разлетелись, как птицы, гонимые ветром, от крыльев воинов Чага хана. — И он кивнул в сторону татарина, который не спеша потягивал сброженное кобылье молоко — кумыс.

— Да, — отозвался татарин. Его голос был подобен лязгу меча, вынимаемого из ножен. — Они были как волки среди овец — клянусь Эрликом, они все безумны!

— Они действительно безумны — в бою они быстрые и беспощадные, подобно огню, пожирающему степную траву, — кивнул Грогар Скл. — Иногда мне кажется, что они исполнены каких-то злых чар. Хогар-хан заявляет, что ему свыше передана власть, которой некогда, в далекие времена, обладал царь с обагренными кровью руками — Аттила, правитель гуннов. Более того — Хогар-хан носит на поясе его меч, налитанный кровью убитых царей.

Терлог удивленно покачал головой. Глаза-бусинки Чага-хана обратились к нему.

— Я видел этот меч, — сказал он, вновь подняв свою кружку с кумысом. — В его руке горело пламя, которым он кормил змей. Клянусь Эрликом, старуха смерть несетя впереди его коня, и черный ветер, исходящий из нее, сжигает все вокруг. Когда он скачет, то кажется, что скачет целая орда, и никто не может встать у него на пути. Он выстелил за собой кровавый след из искромсанных тел моих воинов.

В воздухе повисло молчание. Ночной ветер окшелестел высокой травой, вдали слышались громохание повозок и переключка часовых. Грогар Скек задумчиво теребил густую косматую бороду.

— Они быстро собираются — к рассвету все кланы тургославов уже придут сюда, — наконец произнес вождь. — Надо будет определить, кто поведет за собой остальных. Но на душе моей камнем лежат сомнения. Те, с кем мы будем сражаться, — больше чем обычные смертные люди.

Все глаза невольно обратились в сторону Терлога. Неразвитые примитивные народы часто охотно верят самым нелепым рассказам, не сомневаясь, что все вокруг просто пропитано сверхъестественными силами. Теперь они думали, что Терлог не случайно оказался здесь — его принесли в славянский лагерь таинственные силы, невидимые глазу, чтобы он помог тургославам одолеть врага. Но кельт, неожиданно зевнув, заявил:

— Я буду спать.

Шагнув под полог сделанного из овечьих шкур шатра Грогара, кельт вновь ощутил в себе отголоски неясной памяти предков. Он вслушивался в почные звуки лагеря кочевников, и все казалось ему удивительно знакомым — и потрескивание поленьев в костре, и запахи еды из котлов, и запахи потной кожи и конских тел, и пение кочевников и их раскатистый смех. Эти славяне словно пришли из глубокой древности, из самых истоков арийской расы — они были ее корнем и основанием. Они крепко цеплялись за ту первоначальную основу, которую предки Терлога оставили уже много веков назад. Народ Сомакельда был чист и силен своей примитивной жизнью и принципами.

Терлог уже начал погружаться в сон, и последние его мысли были о том, что хотя между ним и его народом пролегло полмира, кровь этих кочевников была его кровью и после веков странствования в различных землях он наконец вернулся домой. Затем он погру-

зился в глубокий сон с видениями, в которых он узрел себя диким, светлоглазым, закутанным в звериные шкуры, едущим через бесконечные леса и равнины в грубой шаткой повозке. Еще он видел себя на спине полуобъезженного коня, в окружении таких же, как он сам, светлоглазых, закутанных в звериные шкуры сородичей. Они с грозным рычанием размахивали мечами, разя врагов на безымянных полях сражений в далеких забытых странах. Терлог боролся и с человеком, и с диким зверем, и с разбушевавшимся штормом; он попираал ногами древние, изжившие себя цивилизации, выражая волю юного, поднимающегося мира, и олицетворяя собой обновляющую силу варварства.

3

Грогар окинул взглядом лагерь, где шла подготовка к предстоящему сражению, — женщины чинили упряжь и одежду, мужчины точили мечи.

— Вот весь мой народ, — медленно произнес он, повернувшись к Терлогу. — Я могу выставить на войну только семьсот воинов, сильных и храбрых, не слишком юных и не слишком старых, чтобы сражаться. С нами поедут еще три сотни татар — они будут биться на нашей стороне, пока летят стрелы, но мы не можем заставить их остаться, когда в ход пойдут мечи. А у Хогар-хана добрая тысяча воинов и пятьсот татарских союзников.

— А что говорит Чага-хан? — спросил Терлог. Грогар покачал головой:

— Татары подобны волкам, окружающим кольцом двух дерущихся быков, чтобы с жадностью наброситься и сожрать упавшего. Чага-хан однажды посылал к нам людей — просить о помощи, но вступил в сражение раньше, чем мы подоспели. В той битве он был разбит, и ему пришлось отступить на восток. Мы ничем не смогли ему помочь, и он не считает себя чем-

то нам обязанным. Он просто хочет посмотреть, чем все кончится. Те татары, которые сейчас за нас, и те, которых Хогар-хан подавил, заставив служить себе, принадлежат к маленьким кочевым племенам. Племя Чага-хана — самое могущественное из них в этой части степей. Несмотря на то что он потерпел поражение в битве с турками, Чага-хан и сейчас может выставить не меньше тысячи всадников.

— Но, дьявол его побери! — взревел Терлог. — Неужели ты не можешь объяснить ему, что, если он сейчас объединит свои силы с твоими, вы наголову разобьете этих турецких псов?

Старый славянский вождь пожал плечами:

— Мало толку спорить с татарами. Хогар-хан вселил в него страх, и он боится идти против него. В любом случае, я не уверен, что он искренне хочет помочь нам. Сейчас он просто выжидает. Если мы победим, Чага-хан вернет себе свои старые пастбища. Если победят турки, он может отступить дальше на восток, где в пустынях живет его народ, а может и соединиться с Хогар-ханом. Он считает, что турку суждено стать великим завоевателем, как его предшественник Аттила, и для него будет честью вступить под знамена завоевателя.

— Тогда почему ты сам не присоединишься к Хогар-хану? — спросил Терлог, пристально глядя в лицо старому вождю. Могучая рука, державшая древко копья, судорожно сжалась и побелела, глаза Грогара сверкнули гневом.

— Мы, люди с белой кожей, были хозяевами степей с незапамятных времен. Потом сюда начали вторгаться дикие орды завоевателей, но, когда нас было много, мы прогоняли темнокожих дикарей обратно в их восточные пустыни. Теперь мы слабый и малочисленный народ, но все же ответим им так же, как отвечали наши предки: собачья смерть вам, поганые псы! — Глаза Грогара горели неукротимой яростью; гордо вскинув голову, он посмотрел в сторону реки, за кото-

рой его враги тоже сейчас готовились к битве. — Господь наш Иисус Христос поставил нас выше всех остальных рас, и если я буду пресмыкаться перед этими мусульманскими шакалами, прося их о мире, то пусть лучше дьявол вырвет сердце у меня из груди!

Терлог мрачно усмехнулся:

— Ты сделан из железа, старик! Но ты не принимаешь во внимание одну вещь: даже если мы победим, твое племя все равно понесет потери и ослабнет и Чага-хан не замедлит воспользоваться этим. Он нанесет тебе удар в спину и уничтожит всех тех, кто остался в живых после битвы с турками.

Грогар нахмурился и задумчиво погладил бороду.

— Ты прав... Но что же нам делать? Кельт пожал плечами:

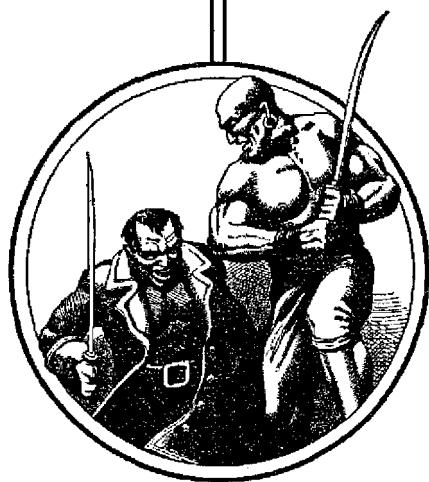
— Как ты собираешься сражаться с турками?

— Как обычно, — вздохнул старый атаман. — Как мы сражались всегда. Мы сядем на коней и галопом помчимся по степям, пока не встретим их орду. Там мы прокричим наш боевой клич, бросимся на них и будем рубить, колоть и резать, пока они не побегут.

— И они, конечно, не вытащат свои луки и не будут выбивать вас стрелами из седел? — насмешливо спросил Терлог. — Они спокойно будут дожидаться, когда вы перерубите их всех до последнего?

— Конечно, будет целый шквал стрел, — согласился Грогар. — Но эти турки не такие, как татары, — они любят биться мечами. Сначала они выпустят тучи стрел, а затем вытащат свои кривые сабли. Воины Чага-хана успешно наступали, пока продолжался обмен стрелами с обеих сторон, но, когда турки бросились на них с саблями, они не смогли отразить их атаку. Мусульмане покрепче их и лучше вооружены.

— Хорошо, — задумчиво произнес Терлог. — Вы тоже покрепче, чем турки, и у вас будет то же преимущество, что у них было над татарами. Но тургославы должны как можно быстрее перейти к сражению на мечах — тогда вы можете надеяться на победу.

ОСТРОВ
СМЕРТИ

МЕЧИ КРАСНОГО БРАТСТВА

1

Из густых кустов на пустую поляну осторожно выскользнул человек. Ни один звук при его появлении не потревожил рыжих белок, однако стайка чутких птиц, которых вспугнуло едва уловимое движение, вспорхнула над кустами в лучах солнца. Человек нахмурился и быстро оглянулся, опасаясь, что птичий щебет может выдать его. Затем, точно приняв нелегкое решение, он бесшумно двинулся через поляну. Высокий и мускулистый, он шел по траве с легкостью и грацией пантеры.

Кроме набедренной повязки, на нем не было никакой одежды, его руки и ноги покрывали бесчисленные ссадины и царапины, кое-где на них запеклась грязь. Левая рука была перевязана побуревшей от крови тряпкой. Лицо, на которое падали черные спутанные волосы, искажала гримаса, в глазах горел мрачный огонь, как у раненого зверя. Слегка прихрамывая, он быстро и осторожно шел по чуть заметной тропе через поляну.

Из чащи леса, оставшейся за его спиной, донесся протяжный крик, похожий на волчий вой. Человек на мгновение остановился и оглянулся. Он знал, что это не волки.

В его глазах, налитых кровью, мелькнула ярость. Он прибавил шагу, быстро перешел поляну и оказался в сплошной зелени деревьев и кустов. Его внимание привлекло большое бревно у края зарослей, всей своей тяжестью вдавившееся в покрытую густой травой землю.

Он опять обернулся и взглянул на поляну. Неопытный глаз, конечно, не смог бы различить, что здесь только что прошел человек. Однако глазу наметанному не надо даже всматриваться в траву, чтобы сразу заметить его следы. Он прекрасно знал, что для его преследователей это не составит никакого труда. Ярость в его взгляде удвоилась, еще мгновение — и он зарычал бы, как загнанный в ловушку зверь, готовый перегрызть горло охотнику. Выватив из-за пояса топор и охотничий нож, он решительно шагнул вперед.

Теперь он двигался быстро, с нарочитой небрежностью, умышленно приминая ногами траву. Дойдя до конца бревна, он легко вскочил на него и быстро пробежал по нему назад. На бревне почти не было коры, и на сей раз он не оставлял никаких следов. Достигнув чащи, он бесшумно скользнул в нее, не задев ни одного листика, и замер под деревьями.

Шли мгновения. Несколько белок взметнулись вверх по стволам. На восточном краю поляны показались трое смуглокожих, в набедренных повязках и мокалинах. Их тела и лица были разрисованы отвратительными узорами.

Прежде чем двинуться через поляну, они внимательно посмотрели вперед, затем вышли из кустов и направились по тропе. Несмотря на то что все они были опытными охотниками, преследовать белого человека оказалось нелегко. Первый из них остановился и показал на примятую траву перед собой. Все трое на мгновение замерли, вглядываясь в дремучий лес за

поляной, однако их жертва ничем не выдала своего присутствия. Преследователи не заподозрили, что белый беглец находится в двух шагах от них. Они быстро двинулись вперед по его отчетливым следам, решив, что он утратил осторожность либо совсем обессилел.

Как только охотники прошли мимо, белый человек выскользнул на тропу позади них и метнул нож в спину последнему. Это произошло так неожиданно и стремительно, что у индейца не было никаких шансов спастись. Нож вонзился в самое сердце, прежде чем тот успел что-либо понять. Остальные двое молниеносно повернулись, однако, несмотря на свойственную дикарям быстроту, белый человек опередил их. В его правой руке взметнулся топор, и последовал сокрушительный удар. Второй индеец упал на траву с разрубленной головой.

Оставшийся в живых набросился на белого, не медля ни мгновения. Белый человек выдернул топор из убитого им индейца и, пинком швырнув тело под ноги нападавшему, набросился на него с яростью раненого тигра. Индеец споткнулся о труп и не успел отразить удар. Инстинктивным движением он поднял над головой копье, нацелив его в живот врага. Однако белый оказался проворнее, да и оружие было у него в двух руках. Ударом топора он отбросил в сторону копье, и в следующий миг нож торчал из разрисованной груди индейца.

С губ смертельно раненного дикаря сорвался ужасающий предсмертный крик. Это не был крик боли или страха, это был яростный крик гибнущего дикого зверя. Издалека с востока ему отозвался целый хор голосов. Белый человек вздрогнул всем телом и яростно скрипнул зубами. Из-под повязки на руке текла тоненькая струйка крови.

Прорывав пересохшими губами какое-то проклятие, он повернулся и побежал на запад. Теперь он бежал, не разбирая дороги, со всей скоростью, на которую были способны его длинные ноги. Еще какое-то время лес за его спиной молчал, потом тишину нарушил рев голосов оттуда, где произошла короткая схватка.

Его преследователи обнаружили тела своих товарищей. Беглецу становилось тяжело дышать, а кровавый след, который он теперь оставлял за собой, смог бы отчетливо увидеть даже малый ребенок.

Конечно, было непростительной глубиной считать, что за ним гнались только те трое. Теперь он знал, что по пятам за ним мчится стая волков в человеческом обличье и что они ни за что не оставят кровавого следа.

В лесу опять наступила тишина, и это означало, что погоня близка.

Он почувствовал на лице дуновение западного ветра, влажного и солоноватого, — и едва удержался от удивленного возгласа. Если он сейчас рядом с морем, значит, охота за ним продолжалась намного дольше, чем ему представлялось. И значит, близок ее конец. Даже его поистине волчья жизнеспособность, казалось, была на исходе после этой изнурительной погоня. Ноги дрожали от слабости, а ту ногу, на которую он хромал, при каждом шаге будто прокалывали ножом. Он отчаянно пытался следовать инстинкту самосохранения, который жил в нем с детских лет, а сейчас держал в напряжении каждый его нерв, каждый мускул, заставлял находить всевозможные уловки и хитрости, чтобы уцелеть. Теперь он думал, что ему удастся добежать до залива и, возможно, дорого отдать свою жизнь.

Он уже не запутывал следов, зная, что всякие надежды обмануть преследователей тщетны. Он лишь бежал изо всех оставшихся сил, и кровь все громче стучала в ушах, и каждый вдох давался все труднее. Крики, которые он слышал позади, могли свести с ума. Он понимал, что погоня близка. Совсем скоро они доберутся до него. Они, должно быть, похожи на стаю разъяренных голодных волков.

Внезапно он выбежал из густых зарослей и оказался у подножия холма. Заросшая тропа извивалась по скалистым уступам между острыми валунами. Перед его глазами клубился красноватый туман, однако с отчаянной решимостью он начал карабкаться вверх по круто-

му склону, начинавшемуся возле самой кромки леса. Тропа вела на широкую площадку почти у вершины холма. Этот уступ подошел бы как нельзя лучше для смертной схватки. Зажав нож в зубах, он карабкался вверх по тропе, время от времени становясь на четвереньки. Однако добраться до уступа он не успел — из леса показались дикари. Их было не меньше четырех десятков.

Когда они достигли подножия холма, их воинственные крики слились в подобие какого-то дьявольского крещендо. В беглеца тучей полетели стрелы и копья. Он упорно продолжал карабкаться наверх; копье вонзилось в его икру. Не останавливаясь, он выдернул копье и отбросил его, однако на голой скале он оставался прекрасной мишенью для преследователей. Но вот, наконец, беглец добрался до верхней площадки, подтянулся и в следующий миг уже лежал на ней, зажав в одной руке топор, а в другой — нож.

Он прижался к камням и смотрел вниз на дикарей, на ветру развевались его темные волосы, взгляд был полон ярости и жгучей ненависти. Его могучая грудь тяжело поднималась и опускалась, его подташнивало, и он стиснул зубы.

Дикари приближались, перепрыгивая с камня на камень у подножия холма; некоторые сменили луки на боевые топоры. Смуглокожий вождь, опередив своих воинов, ближе всех подобрался к беглецу. На его голове красовался убор из орлиных перьев. Он на мгновение замер на тропе, доставая стрелу из колчана, голова его как-то неестественно запрокинулась.

Однако стрела так и осталась в колчане. Индеец застыл, подобно каменному истукану, жажда крови в его глазах сменилась внезапным изумлением. Он с криком отшатнулся, широко раскинув руки, как бы останавливая этим жестом натиск своих воинов. Белый человек, прижавшийся к камням на уступе, понимал язык индейцев, однако сейчас он находился слишком высоко и не расслышал как следует, что же прокричал вождь в уборе из орлиных перьев.

Индейцы все разом замолчали и уставились вверх, но не на площадку, где лежал белый, а на сам холм. Потом все они, как один, закинули луки за спины, развернулись к лесу и через несколько мгновений исчезли в густых зарослях.

Белый человек удивленно смотрел с вершины холма на их внезапное отступление. Он твердо знал, что они не вернутся и что не хитрость заставила их уйти. Теперь они направляются в свой поселок, за сотню миль отсюда к востоку.

Но что заставило отряд краснокожих воинов отступить от жертвы, которую они преследовали так долго с упрямой яростью голодных волков? Между ними кровавый счет: он находился в плену у индейцев, а сегодня ему удалось бежать, и в результате этого побега погиб великий вождь племени. Поэтому они и преследовали его так неустанно, поэтому и гнались за ним через широкие реки и неприступные горы, через непроходимые леса по владениям враждебных племен. И вдруг теперь, когда его положение показалось безвыходным даже ему самому, они отступились. Он потряс головой, как бы отгоняя наваждение, чтобы убедиться, что это не сон.

Он осторожно поднялся; после изнурительного бега по густому лесу еще кружилась голова. Не верилось, что погони больше не будет. Руки и ноги словно одеревенели, сильно ныли раны. Он провел широкой ладонью по усталым глазам, сплюнул и выругался и, наконец, осмотрелся по сторонам. Внизу, прямо перед ним, до самого горизонта простирался дикий лес, а на западе поднималась голубоватая дымка, и он понял, что там океан. Ветер взметнул спутанные волосы, и движение солоноватого воздуха как будто вернуло его к жизни. Расправив широкие плечи, он глубоко вдохнул, но, неуклюже повернувшись, застонал от боли в раненой ноге и внимательно осмотрел уступ, на котором оказался. Над уступом скала поднималась вверх еще футов на тридцать. Вбитые в скалу узкие скобы образовывали подобие лестницы, а в нескольких шагах от

него была расселина, достаточно широкая, чтобы в ней мог поместиться человек.

Он дохромал до расселины, заглянул в нее и неопределенно хмыкнул. Солнце над западной кромкой леса стояло еще довольно высоко; оно осветило расселину, и там оказалось что-то вроде прохода в скале. В глубине этого прохода виднелась арка, а под этой аркой можно было разглядеть тяжелую, окованную железом дверь!

Он прищурился, не доверяя собственным глазам. Земли эти абсолютно дикие. На тысячи миль вокруг нет ничего, кроме нескольких поселений рыбаков, уровень жизни которых еще более жалок, чем у их собратьев, обитающих в лесах. Он готов был поклясться, что является первым и единственным белым человеком на этой земле. Однако сейчас перед ним оказалась таинственная дверь — бесспорное немое свидетельство того, что и сюда добралась когда-то европейская цивилизация.

Это было необъяснимо и немедленно разожгло его любопытство. Забыв обо всем только что пережитом, он зажал топор в одной руке, нож в другой и осторожно вошел в расселину. Каково же было его изумление, когда слабый луч заходящего солнца, попавший сюда, осветил тяжелые кованые сундуки вдоль стен! Он склонился над одним из них, однако открыть крышку оказалось не таким уж легким делом. Он поднял было топор, чтобы сшибить древний замок, но внезапно словно что-то остановило его. Опустив топор, он, хромая, направился к арке с железной дверью. Против всех ожиданий, дверь легко открылась.

Он молниеносно выставил вперед топор и нож, готовый защищаться, и замер. Перед ним открылось довольно большое помещение, куда уже не проникал солнечный свет. В середине огромного эбонитового стола что-то поблескивало, а вокруг, будто безмолвные тени, сидели люди, сильно напугавшие его в первый момент.

Никто из них не сдвинулся с места; никто не повернул головы в его сторону.

— Вы что тут, все перепились? — грубо спросил он.

Ответа не последовало. Но он был не из тех, кого легко сбить с толку, хотя ему и стало не по себе.

— Однако вы могли бы и мне плеснуть стаканчик вашего вина, — ухмыльнулся он. — Клянусь дьяволом, не очень-то приветливо вы встречаете земляков. Уж не собираетесь ли вы... — Он оборвал себя на полуслове. Ответом ему была тишина, он стоял в тишине и вглядывался в эти фантастические фигуры, сидевшие вокруг большого эбонитового стола.

— Они вовсе не пьяны, — пробормотал он. — И вообще они ничего не пьют. Что за дьявольщина?

Он шагнул через порог, и внезапно невидимые пальцы мертвой хваткой вцепились в его горло.

2

А на побережье, в нескольких милях от таинственной пещеры, где сидели за эбонитовым столом неподвижные фигуры, тени сгущались над запутанными и переплетенными людскими жизнями...

Франсуаза д'Частильон лениво пошевелила носком изящной туфельки морскую раковину, невольно сравнив ее нежно-розовый край с первыми лучами утренней зари, которая встает над туманными берегами. Хотя рассвет уже наступил, солнце еще не успело подняться высоко и окончательно разогнать серебристо-серый туман над водой.

Франсуаза вскинула свою тщательно причесанную головку и взглянула на привычный, неизменно наводящий тоску, чуждый до отвращения пейзаж. Под ее ногами был темно-желтый песок, на него мягко набегали волны, чтобы отхлынуть и затеряться в бесконечном морском просторе, простиравшемся на запад до самого горизонта. Она стояла на южном берегу залива, к югу поднималась невысокая горная гряда. Она знала, что с этих гор не увидать ничего, кроме бесконечной водной глади на западе и на севере.

Повернувшись, девушка отсутствующим взглядом окинула крепость, в которой прожила последний год. На фоне ярко-голубого неба гордо развевался алый с золотом флаг — флаг ее дома. Она разглядела людей, что работали в садах и полях, теснившихся возле форта, который, казалось, пытался отшатнуться от мрачной стены леса, поднимавшегося защитным валом на востоке и покрывавшего необозримые пространства на севере и юге. Дальше, на востоке, за лесом высился горный хребет, отделявший побережье от остального континента.

Франсуазу пугал этот угрюмый дикий лес, и ее страх подогревали все жители крохотного поселения. В непроходимой чаще пряталась смерть, ужасная и неотвратимая, медленная и мучительная, неумолимая, таившаяся до поры до времени.

Она вздохнула и с полным безразличием подошла ближе к воде. Один за другим тянулись бесцветные, похожие друг на друга дни. Огромный мир с его большими городами, королевскими дворами, вечными развлечением был так далеко, что казался ей уже никогда не существовавшим сном. Опять и опять она тщетно пыталась понять причины, побудившие французского графа бежать со своими вассалами на этот дикий берег и сменить замок своих предков на жалкое бревенчатое жилище.

Ее взгляд смягчился, когда она услышала шлепанье босых ножек по влажному песку. К ней бежала голышом маленькая девчушка, вся забрызганная крупными каплями воды; мокрые волосы соломенного цвета облепили ее головку. Глаза девочки были широко раскрыты от волнения.

— О, моя госпожа! — кричала девочка. — Моя госпожа!

Она так запыхалась, что больше не могла вымолвить ни слова, только отчаянно жестикулировала. Франсуаза, улыбнувшись, обняла ее. Одинокая Франсуаза всю теплоту своего нежного сердца вложила в несчастную маленькую беспризорницу, которую подобра-

ла во французском порту, откуда началось это бесконечное путешествие.

— Что ты хочешь сказать, Тина? Отдышись, дитя.

— Там корабль! — воскликнула девочка, указывая на юг. — Я купалась по ту сторону гор, в заводи, и видела корабль! Корабль там, на юге!

Она тянула Франсуазу за руку; на ее худеньком тельце еще блестели капли воды. Сердце Франсуазы забилося быстрее при мысли о незнакомых гостях. До сих пор сюда не заходили корабли.

Тина побежала вперед по желтому песку. Они быстро взобрались на невысокий холм, и Тина на мгновение замерла — белая фигурка на фоне голубого неба. Мокрые волосы трогательно обрамляли ее личико. Она вытянула руку:

— Смотрите, госпожа!

Но Франсуаза уже и сама увидела белый парус, наполненный ветром, в нескольких милях от форта. Корабль направлялся к берегу. И сердце трепетало. Даже маленькое событие в ее нынешней тусклой жизни казалось значительным.

Однако теперь ее охватило недоброе предчувствие. Она смутно почувствовала, что этот корабль появился здесь неспроста. Ближайший порт — Панама — за тысячи миль к югу отсюда. Что же могло привести корабль к пустынному заливу д'Частильона?

Тина прижалась к своей госпоже — ей, казалось, передалось смятение, охватившее Франсуазу, и девочка нахмурилась.

— Кто это может быть, госпожа? — запинаясь, спросила она. На щеки Тины возвращался румянец. — Может быть, это человек, которого боится граф?

Теперь нахмурилась Франсуаза.

— Как ты можешь говорить такое, малышка? С чего ты взяла, что мой дядя кого-то боится?

— А как же может быть иначе? — наивно ответила Тина. — Разве он стал бы укрываться здесь, в такой глуши? Посмотрите только, госпожа, как быстро он идет!

— Надо пойти предупредить дядю, — пробормотала Франсуаза. — Одевайся, Тина. Быстрее!

Девочка вприпрыжку спустилась вниз, к заводу, в которой купалась, когда заметила судно, и натянула чулки, туфельки и платье, оставленные ею на песке.

Она ловко вскарабкалась наверх, время от времени потешно взмахивая руками. Франсуаза, с замиранием сердца следившая за парусом, взяла ее за руку, и они быстро направились к крепости.

Спустя несколько мгновений после того, как они вошли в ворота бревенчатой крепостной стены, резкие звуки рога всполошили людей, работавших в садах, и рыбаков, которые еще только отпирали свои сараи, чтобы стащить лодки в воду.

Все, кто только оказался в этот миг за пределами форта, оставили свои дела и бросились в крепость, на ходу испуганно оглядываясь в сторону темневшего на востоке дикого леса. Никто не взглянул на море.

Люди вбегали в ворота и тут же забрасывали вопросами часовых на сторожевой вышке:

— Что случилось? Зачем нас звали? Нам угрожают индейцы?

Вместо ответа молчаливый солдат указал рукой на юг. Он уже отчетливо видел парус. Люди карабкались к нему на вышку и вглядывались в море.

Из маленькой смотровой башенки на крыше крепости наблюдал за огибающим южный мыс кораблем граф Генри д'Частильон. Это был худощавый смуглолицый человек средних лет с угрюмым выражением на лице, одетый в короткие штаны и камзол из черного шелка; единственным украшением служили драгоценные камни на рукоятке его меча, на плечи был наброшен плащ винного цвета. Граф нервно подкрутил тонкие черные усы и мрачно взглянул на своего управляющего — человека с лицом, изборожденным морщинами, одетого в атлас и стальные доспехи.

— Что вы об этом думаете, Гайо?

— Мне приходилось прежде видеть этот корабль, — ответил управляющий. — Но я думаю... смотрите!

Нестройный многоголосый хор повторил его возглас; корабль обогнул мыс и теперь скользил уже по заливу. И всем стал ясно виден флаг, взвившийся на мачте, — черный флаг с белым черепом и скрещенными костями.

— Проклятый пират! — вокликнул Гайо. — Да, я знаю, чье это судно! Это «Боевой Ястреб» Гарстона. Что ему понадобилось на этом берегу?

— Во всяком случае, нам это не сулит ничего хорошего, — отозвался граф.

Тяжелые ворота закрыли, и капитан гарнизона быстро отдавал распоряжения, отправляя солдат на боевые посты к бойницам. Он старался сосредоточить основные силы возле западной стены, той, где были ворота.

Около ста человек разделяли с графом Генри изгнание. Среди них были солдаты и вассалы. Гарнизон крепости составляли четыре десятка опытных наемников, одетых в форму и великолепно владеющих мечом и аркебузой. Остальные жители форта — крестьяне и ремесленники — носили жесткие кожаные рубахи, а все их оружие составляли охотничьи луки и копья да топоры дровосеков. Загорелые, рослые и плечистые, они занимали указанные позиции, хмуро глядя на приближавшееся к берегу судно. Медные части такелажа блестели в солнечных лучах, и уже были слышны выкрики матросов.

Граф, покинув смотровую башню, надел шлем и кирасу и вышел к стене. В дверях простых хижин, построенных вокруг крепости, стояли женщины, пытаясь унять детей. Франсуаза и Тина нетерпеливо смотрели в одно из верхних окон крепости, и Франсуаза чувствовала, как вздрагивают плечики девочки под ее рукой.

— Они собираются бросить якорь напротив лодочного сарая, — пробормотала Франсуаза. — Да-да! Вот они бросили якорь в сотне ярдов от берега. Не дро-

жи так, малышка! Они не смогут войти в форт. А может быть, им нужны только пресная вода и мясо.

— Они плывут к берегу в длинных лодках! — воскликнула девочка. — О, госпожа, мне страшно! Как сверкают на солнце их пики и сабли! Они съедят нас?

Несмотря на всю свою тревогу, Франсуаза расхохоталась.

— Конечно же, нет! Кто мог сказать тебе такое?

— Жак Пирьо рассказывал мне, что англичане едят женщин.

— Он дразнил тебя, крошка. Англичане жестоки, но они ничем не хуже тех французов, которые называют себя буканьерами. Пирьо был одним из них.

— Он был злой, — почти прошептала девочка. — Хорошо, что индейцы отрубили ему голову.

— Тихо, дитя. Смотри, они высадились на берег, и один из них идет к форту. Это, должно быть, Гарстон.

— Эй, в форте! — раздался зычный возглас. — Я пришел с миром!

Над крепостной стеной появилась голова графа. Он оглядел пирата. Гарстон стоял на таком расстоянии, чтобы его было хорошо слышно. Он был высок и крепко сложен, его светлые волосы развевались на ветру.

— Говори! — ответил граф Генри. — Хотя мне не о чем разговаривать с людьми твоей породы!

Гарстон усмехнулся одними губами.

— Вот уж никогда бы не подумал, что встречу тебя на этом пустынном берегу, д'Частильон, — проговорил он. — Клянусь дьяволом, я немало повидал на этом свете до тех пор, пока не увидел, как твой алый флаг развевается там, где я ожидал найти пустое место. Ты, конечно, нашел его?

— Что нашел? — переспросил граф.

— Не пытайся притворяться со мной! — Буйный нрав пирата немедленно дал знать о себе. — Я знаю, почему ты оказался здесь; меня привели сюда те же самые причины. Где твой корабль?

— Это не твое дело!

— У тебя не осталось корабля, — заключил пират. — Я видел в этой стене обломки мачт твоего галеона. Твой корабль потерпел крушение! Иначе ты давно ушел бы отсюда со своей добычей.

— Будь ты проклят, но я не понимаю, о чем ты толкуешь! — отозвался граф. — Разве я пират или грабитель, чтобы говорить о какой-то добыче? А если бы и так, что за добыча могла оказаться на этом пустом берегу?

— Та, которую ты искал, — невозмутимо ответил пират. — И та самая, за которой пришел я. Отдай награбленное, и я отправлюсь дальше своим путем и оставлю тебя в покое.

— Ты, должно быть, сошел с ума, — проворчал Генри. — Я нашел здесь прекрасное уединение и наслаждался им, пока дьявол не вынес из моря тебя, желтоволосая собака. Убирайся! Мне не о чем разговаривать с тобой, а пустая болтовня мне изрядно надоела.

— Я не уйду, пока не разнесу твою лачугу дотла! — прорычал разъяренный пират. — В последний раз предлагаю — отдай добычу в обмен на ваши паршивые жизни! Я заручлю тебя, а сотня моих молодцов запросто перережет глотки твоим людям.

Вместо ответа граф быстро дал знак взмахом руки, и немедленно раздался пушечный выстрел. С головы Гарстона слетел клоч светлых волос. Пират издал мстительный возглас и помчался на берег, туда, где ждали его остальные. Ядра падали в песок за его спиной. Головорезы дружным ревом встретили своего предводителя и бросились к крепости.

— Будь проклят, собака! — воскликнул граф, наградив тумаком ближнего стрелка. — Что ты мешкаешь? Всем приготовиться! Они подходят!

Гарстон командовал нападением. Пираты рассыпались вдоль западной стены форта и начали стрелять. Тяжелые пули застревали в дереве, а защитники форта вели методичную ответную стрельбу. Женщины разогнали детей по домам и теперь с трепетом ожидали, как боги распорядятся исходом этой схватки.

Пираты рассыпались по берегу и подходили к форту, используя для укрытия уцелевшие жалкие кусты, — растительность вокруг форта давно была вырублена, чтобы избежать внезапного нападения индейцев.

На песке уже остались лежать несколько тел. Однако пираты двигались быстро, стремительно перебегали с места на место, и было трудно поразить их из неуклюжих орудий тяжелыми ядрами. Сами они вели почти непрерывный огонь по защитникам форта. И все же стало ясно, что преимущество на стороне французов, и врагам не удастся захватить форт.

Но возле лодочного сарая пираты отчаянно работали топорами. Увидев, какая участь постигла его лодки, построенные с огромным трудом из отличного дерева, граф грубо выругался.

— Проклятие, они сколачивают щит! — прорычал он. — Вперед, пока они его не закончили, мы справимся с ними!

— Нам не победить их в рукопашном бою, — отозвался Гайо. — Мы должны оставаться в форте.

— Замечательно ты рассуждаешь! — взревел Генри. — Если только нам удастся удержать их снаружи, то все будет в порядке!

Тем временем десятка три пиратов подбежали к осаждающим. Они принесли огромный щит, сколоченный из разбитых лодок и из разобранного лодочного сарая. Они ухитрились установить этот щит на неуклюжие колеса от бычьей повозки, и теперь катили его перед собой, так что из-под него виднелись только их ноги.

— Стреляйте же, черт вас возьми! — закричал Генри. — Их надо остановить, пока они не подобрались к воротам!

Но пули увязали в плотном дереве, стрелы лишь выбивали легкие фонтанчики щепок. Яростный дружный крик огласил берег. Пираты были уже близко, их

пули представляли серьезную угрозу для защитников форта. Вот уже один из солдат упал с простреленной головой.

— Стреляйте по ногам! — отчаянно выкрикнул Генри. — Сорок человек с пиками и топорами со мной! Остальные останутся защищать стены!

Несколько пуль попали в цель, остальные только взметнули песок перед щитом. Пираты были уже под самыми стенами, и раздались первые удары в ворота. Тяжелые окованные железом ворота задрожали. Сверху на пиратов сыпался настоящий град пуль и стрел, но морские дикари, казалось, ничего не замечали, ослепленные возможностью скорой победы. Под прикрытием огромного неуклюжего щита они продолжали штурм.

Граф выхватил меч и, призывно взмахнув им, бросился к воротам. За ним сгрудились его верные вассалы с пиками наперевес. Оставалось только отпереть ворота и преградить пиратам путь своими телами.

Однако в этот миг с корабля донесся звук рога. На носу появился отчаянно жестикулировавший матрос.

Гарстон, услышав звук рога, бросил таран и обернулся. По его лицу катился пот.

— Погодите! — прокричал он своим товарищам. — Остановитесь! *Слушайте!*

В наступившей внезапно тишине опять прозвучал рог, и стал слышен голос, кричавший что-то неясное.

Однако Гарстон все прекрасно понял и твердым голосом отдал команду. Пираты бросили таран, и огромный щит отвалился от ворот.

— Посмотрите! — закричала Тина, глядя в окно. — Они бегут на берег! Они бросили щит! Смотрите, они садятся в лодки и плывут к кораблю! Моя госпожа, мы победили?

— Боюсь, что нет, — растерянно пробормотала Франсуаза. — Посмотри-ка. Смотрите! — крикнула она, раздвинув шторы и показывая рукой на море.

Защитники форта слышали ее возглас, и все как один повернули головы туда, куда показывала девушка.

Визумлении все увидели второй корабль. Он огибал южный мыс, и на его мачте развевался французский флаг.

Пираты добрались до своего судна и быстро подняли якорь. Прежде чем новый корабль дошел до середины залива, «Боевой Ястреб» уже скрылся за северным мысом.

3

— Все за мной, быстро! — приказал граф, отпирая ворота. — Этот щит надо разобрать, прежде чем они подойдут!

— Но это же французский корабль! — возразил Гайо.

— Делайте, что я приказываю! — зарычал Генри. — Кто вам сказал, что все мои недруги иностранцы? Вперед, собаки, и быстро разберите щит!

За ворота выбежали десятка три людей. Они уже чувствовали некую опасность, исходящую от незнакомого корабля, и в их действиях были паника и спешка. Те, кто оставался в крепости, слышали, как трещит дерево под их топорами. Вскоре все вернулись в форт. Как раз в это время французское судно бросило якорь именно там, где только что стоял «Боевой Ястреб».

— Зачем граф запирает ворота? — спросила Тина. — Или он думает, что на этом корабле может оказаться человек, которого он боится?

— Что ты такое говоришь, Тина? — Франсуаза попыталась придать своему голосу достаточно строгости. Граф никогда не рассказывал ей ничего о своем добровольном изгнании. Не могла она и сказать, что он склонен бежать от своих врагов, хотя их было множество. Однако странная уверенность Тины тревожила Франсуазу.

А девочка, казалось, и не слышала ее замечания.

— Люди вернулись в форт, — сказала она. — Ворота опять заперли, и они снова занимают свои места

на стене. Если этот корабль охотится за Гарстоном, почему они не стали его преследовать? Смотрите, они плывут сюда. Я вижу в лодке человека в темном плаще.

Лодка ткнулась носом в песок, и этот человек выскочил на берег. За ним — еще трое. Он был высок и строен, в черной шелковой одежде и блестящих доспехах.

— Остановитесь! — закричал граф. — Я буду разговаривать только с вашим предводителем, пусть он подойдет один!

Высокий повернулся к своим спутникам и что-то сказал. Они остановились и закутались в широкие плащи. Матросы в лодке бросили весла и внимательно смотрели на крепостную стену.

Вожак подошел ближе к воротам и примирительным тоном произнес:

— Ну что вы, между двумя порядочными людьми не место подозрениям. — Он говорил на чистом французском языке.

Граф, однако, с недоверием всматривался в незнакомца. Тот был смутным, с тонкими хищными чертами лица и черными тонкими усиками. Вокруг шеи и на манжетах его одежду украшали кружева.

— Я знаю вас, — медленно произнес Генри. — Вы Гийом Вильер.

Незнакомец поклонился.

— Ну и для меня не составило труда узнать алый флаг д'Частильонов.

— Похоже, что на этом берегу решили встретиться все негодяи испанских морей, — проворчал Генри. — Что вам угодно?

— Однако, сударь, — усмехнулся Вильер, — вы не очень-то учтивы со своими гостями, оказавшими вам услугу. Разве эта английская собака, Гарстон, не пытался только что в щепки разнести ваши ворота? И разве он не сбежал, едва завидев в заливе мой корабль?

— Да, так и есть, — брюзгливо отозвался Генри. — Но я не вижу особенной разницы между пиратами.

Вильер весело рассмеялся и самодовольно подкрутил усы.

— Вы ошибаетесь, сударь. Я вовсе не пират. Губернатор Тортуги наделил меня полномочиями в борьбе против испанцев. Гарстон же — обыкновенный морской разбойник, он не служит ни одному из королей. Я всего-навсего прошу вашего позволения оставить свой корабль на якоре в вашем заливе, чтобы мои люди могли добыть мяса и пресной воды в ваших лесах. Сам я тем временем с удовольствием выпью с вами стакан-другой доброго вина.

— Ладно, — недовольно буркнул Генри. — Но запомните, Вильер: ни один человек из вашей команды не должен входить в ворота. Если только кто-то подойдет к стенам ближе, чем на сотню шагов, он тут же получит пулю в лоб. Кроме того, не позволяйте своим людям разорять мои сады или как-то причинять ущерб моему скоту в загонах. Вы можете заколоть на мясе трех бычков, но не более того.

— Я обещаю, что мои люди не позволят себе ничего лишнего, — заверил его Вильер. — Значит, вы позволите им сойти на берег?

Генри кивнул. Вильер отвесил учтивейший поклон, может быть, слишком учтивый на этом диком берегу, и, повернувшись, направился к поджидавшим его товарищам такой изящной походкой, будто шел не по песку, а скользил по паркету в Версале, где, по слухам, он провел немало времени.

— Не впускайте никого за ограду, — приказал Генри Гайо. — То, что он своим появлением напугал Гарстона и прогнал его от наших ворот, еще ничего не значит. Его люди запросто перережут всем нам глотки. Мало ли проходимцев прикрываются королевской службой!

Гайо кивнул. Считалось, что буканьеры охотятся только за испанцами, однако у Вильера была скандальная репутация.

Никому и без того не пришло бы в голову выходить из форта, пока буканьеры высаживались на бе-

рег. Их было около сотни — загорелых, плечистых, с шарфами, обвязанными вокруг головы, и золотыми серьгами в ушах. Они быстро разбили на берегу лагерь, и Вильер выставил сторожевые посты; торжественно привели и закололи бычков, великодушно пожалованных графом, развели костры. С корабля доставили бочонок вина, который тут же и распечатали.

Остальные бочонки, а их было немало, наполнили свежей водой из ключа, что был неподалеку от форта, и буканьеры один за другим потянулись к лесу. Увидев это, Генри прокричал Вильеру:

— Не позволяйте своим людям углубляться в лес! Если вам мало мяса, возьмите из загонов еще одного бычка. В лесу ваши люди могут погибнуть от рук индейцев. Нам пришлось выдержать их нападение вскоре после того, как мы здесь высадились, и с тех пор шестеро отличных парней погибли в лесу. Сейчас, правда, мы живем с ними в мире, но этот мир держится на волоске.

Вильер бросил быстрый взгляд в сторону леса, поклонился графу со словами: «Благодарю вас за предупреждение, сударь!» Затем совсем другим голосом, громко и властно прокричал вдогонку ушедшим к лесу матросам приказ вернуться. Этот приказ прозвучал совсем иначе, чем церемонная благодарность, адресованная графу.

Если бы Вильер мог увидеть хоть что-нибудь в густой чаще леса, его изумила бы наружность человека, скрывавшегося за деревьями и внимательно наблюдавшего за тем, что происходило на берегу. Это был полуобнаженный индейский воин, с пером ястреба над левым ухом, однако его тело не было разрисовано.

На залив опускался вечер, с моря поднялась серая дымка, окутавшая небо. Солнце плавно уходило за горизонт, окрашивая гребни темных волн своими последними лучами в красный цвет. Над заливом появился туман, наполз на берег, скрыл темную стену леса, окутал форт. В тумане костры на берегу казались пятнами загадочного света, звуки тоже почти пропали,

поэтому нестройное пение буканьеров теперь слышалось словно бы издалека. Они доставили с корабля старую парусину и устроили навесы возле костров, где жарилось мясо и рекой лилось вино.

Тяжелые ворота крепко заперли на засов, солдаты по-прежнему топтались вдоль крепостной стены с пиками наперевес, на их стальных шлемах осели капли вечерней росы. Все они сумрачно поглядывали на костры буканьеров, а еще чаще в сторону леса.

Жизнь в форте, казалось, замерла. Кое-где в маленьких окошках хижин виднелся слабый свет, окна крепости были хорошо освещены. Тишину нарушали только размеренные шаги солдат да отдаленное пение буканьеров.

Это пение доносилось и в большой зал, где Генри за бокалом вина принимал непрощенного гостя.

— Ваши люди, я смотрю, веселятся, — проворчал граф.

— Они просто рады снова почувствовать под ногами твердую землю, — ответил Вильер. — Наш нынешний долгий поход был весьма изнурителен. — Галантным жестом он поднял бокал, глядя при этом на молчаливую девушку, сидевшую справа от хозяина, слегка поклонился и церемонно выпил.

Вдоль стен стояли почти незаметные наблюдатели — солдаты с пиками и в шлемах, слуги в сильно изношенной атласной одежде. Дом графа на диком берегу являл собою слабое отражение того двора, который был у него во Франции.

Впрочем, само поместье (граф настаивал, чтобы все называли его именно так) действительно казалось чудом для этого дикого берега. Несколько месяцев сто человек днем и ночью работали на постройке графского дома. На его бревенчатых стенах висели тяжелые шелковые гобелены, богато расшитые золотом.

Отполированные и покрашенные корабельные балки поддерживали высокий потолок, пол был устлан дорогими коврами. Широкая лестница, ведущая из зала

в верхние покои, также была устлана ковром, а ее перилами служили тяжелые корабельные ограждения.

Огонь в большом камине рассеивал ночную сырость. На огромном столе красного дерева стоял большой серебряный канделябр, и в колеблющемся свете нескольких свечей на лестнице плясали причудливые тени. Граф Генри сидел во главе стола, рядом с ним сидели его племянница, гость, Гайо и капитан стражников.

— Так вы преследуете Гарстона? — спросил Генри. — Это вы загнали его сюда?

— Да, я преследовал Гарстона от самого мыса Горн, — усмехнулся Вильер. — Однако он не бежал от меня сюда. Здесь он искал что-то, кое-что такое, что и мне хотелось бы отыскать.

— Что может заинтересовать пирата на этой пустынной земле? — пробормотал Генри.

— То же самое, что может заинтересовать французского графа, — парировал Вильер.

— Испорченность нравов при дворе может надоесть и стать невыносимой для порядочного человека.

— Однако несколько поколений порядочных д'Частильонов переносили ее вполне благополучно, — неожиданно резко произнес Вильер. — Сударь, удовлетворите мое любопытство. Мне не понять, почему вы продали свои земли, погрузили на корабль всю обстановку вашего замка и скрылись за горизонтом, так что никто ничего не знал о вас? Почему вы поселились именно здесь, когда ваш меч и ваше славное имя могли предоставить вам возможность жить в любой цивилизованной стране?

Генри поиграл золотой цепочкой на шее.

— Что касается причин, побудивших меня покинуть Францию, то это касается только меня, — сказал он. — Осесть здесь меня заставила воля слепого случая. Все мои люди высадились на берег и выгрузили большую часть обстановки, о которой вы говорили. Мы собирались построить здесь временное пристанище. Однако внезапно надвинувшийся с запада шторм со-

рвал мой корабль с якоря и разбил его о скалы северного мыса, так что мы оказались лишены возможности выбраться отсюда.

— Вы хотите сказать, что если бы такая возможность у вас была, вы вернулись бы во Францию?

— Не во Францию. Может быть, в Китай или в Индию...

— Вам, должно быть, скучновато здесь, сударыня, — неожиданно обратился Вильер к Франсуазе.

Девушке было очень любопытно взглянуть на новое лицо и, может быть, услышать что-нибудь интересное, потому она и спустилась в этот вечер в зал. Однако теперь ей очень хотелось оказаться в своей спальне вместе с Тиной. Взгляды, которые время от времени бросал на нее Вильер, были весьма красноречивы. Он искусно поддерживал беседу, его манеры были безупречны, однако Франсуаза понимала, что это лишь маска, скрывающая грубый и жестокий нрав.

— Здесь не слишком много развлечений, — тихо ответила она.

— Если бы у вас был корабль, — повернулся Вильер к хозяину, — вы покинули бы это свое поселение?

— Возможно, — отозвался граф.

— Корабль у меня есть. Если мы договоримся...

— Договоримся? — Генри с изумлением взглянул на гостя.

— Поделим все поровну, — решительно сказал Вильер, положив на стол руку с растопыренными пальцами. В этом жесте было что-то, напоминающее движение большого паука. Пальцы напряженно замерли, а в глазах буканьера зажегся какой-то новый огонь.

— Что поделим? — изумленно переспросил Генри. — Мое золото затонуло вместе с кораблем, и его не вынесло на берег в отличие от деревянных обломков.

— Я не говорю о вашем золоте! — Вильер нетерпеливо взмахнул рукой. — Давайте постараемся быть честными друг с другом, сударь. Зачем вы лжете, ссылаясь на случай, который будто бы заставил вас выса-

даться именно в этом месте, за тысячи миль от цивилизованных берегов?

— Мне нет нужды лгать и притворяться перед вами, — сухо ответил граф. — Мой корабль вел человек по имени Жак Пирьо, в прошлом буканьер. Он выбрал этот дикий берег и горячо убеждал меня высадиться здесь, уверяя, что у него есть для этого причины, которые он откроет мне позже. Однако он уже никогда не откроет мне этих причин: в первый же день он исчез в лесах, и некоторое время спустя мои охотники нашли его обезглавленное тело. Было ясно, что его убили индейцы.

Несколько мгновений Вильер недоверчиво смотрел на графа.

— Простите меня, — сказал он наконец. — Я верю вам, сударь. Я должен кое в чем вам признаться. Когда я бросил якорь в вашем заливе, у меня были вполне определенные планы. Я предполагал, что вы уже овладели сокровищами, и собирался приступом взять ваш форт и перерезать всем глотки. Однако некоторые обстоятельства заставили меня изменить мои первоначальные намерения... — Тут он так взглянул на Франсуазу, что краска бросилась ей в лицо, и девушка гневно вскинула голову.

— У меня есть корабль, на котором я могу увезти вас отсюда, — продолжал буканьер. — Но сперва вы должны помочь мне найти сокровища.

— Ради святой Денизы, какие сокровища?! — сердито воскликнул граф. — Вы сейчас несете вздор ничуть не хуже этой собаки Гарстона!

— Вы когда-нибудь слышали о Джовани да Верразано?

— О том итальянце, что занимался каперством на благо Франции и вел каравеллу с сокровищами Монтесумы, которые Кортес отправил в Испанию?

— Да, верно. Это было в 1523 году. Испанцы объявили, что в 1527 году он был повешен, но это ложь. Именно в том году он уплыл за горизонт, и никто не знал, что с ним стало потом. Однако он бежал не от испанцев.

Так вот, послушайте! На той каравелле, которую он вел в 1523 году, находилось величайшее из сокровищ, когда-либо найденных на земле, — бриллианты Монтесумы! В мире ходили легенды о золоте ацтеков, но Кортес хранил их в строжайшей тайне, потому что боялся, как бы его люди, ослепленные видом сокровищ, не взбунтовались. Их погрузили на корабль под видом золотого песка, и когда Верразано захватил каравеллу, они оказались у него в руках.

Как и Кортес, Верразано держал все в тайне даже от тех своих командиров, которым доверял. Он не хотел делить сокровища ни с кем. Он спрятал их в своей каюте, их блеск ослепил его, он почти помешался, как и всякий, кому приходилось видеть эти сокровища. Тайна, однако, вскоре стала известна — возможно, что его помощники что-то пронюхали. Но Верразано был уже одержим страхом, что остальные разбойники нападут на него и завладеют его достоянием. Сокровища стали для него дороже собственной жизни. В поисках надежного укрытия он отправился на запад, обогнул мыс Горн и навсегда сгинул почти сто лет назад.

Однако ходят упорные слухи о том, что один человек из его команды вернулся и был захвачен испанцами. Но прежде, чем его повесили, он успел кое-что рассказать и собственной кровью на обрывке пергамента, который ему как-то удалось раздобыть, нарисовал карту. А рассказал он вот что: да Верразано плыл все дальше на север и наконец, оставив позади Мексику, добрался до берега, куда до той поры не ступала нога христианина.

Он бросил якорь в неизвестном заливе и высадился на берег, забрав с собой сокровища. С ним были одиннадцать человек, которым он доверял больше, чем остальным. Согласно его приказанию, корабль направился дальше на север, чтобы через неделю вернуться за своим капитаном и его товарищами.

Такой приказ он отдал, потому что боялся, как бы кто-то из оставшихся на корабле не стал шпионить за

ним и не обнаружил тайник, который он надеялся найти для своих сокровищ на этом диком берегу. Корабль вернулся, как и было условлено, однако ни да Верразано, ни остальных на берегу не оказалось. Только грубо сколоченное жилье говорило об их присутствии на этом берегу.

Эта убогая хижина была почти совсем разрушена, и вокруг виднелись следы босых ног, однако ничто не указывало на какую бы то ни было борьбу. Никаких знаков, никаких следов сокровищ не удалось отыскать.

В поисках капитана буканьеры вошли в лес, но там на них напали дикари, и им пришлось бежать на корабль. Отчаявшись, они подняли якорь, и корабль направился прочь от незнакомого берега, однако потерпел крушение у берегов Дариены, и спастись удалось только одному человеку.

Я рассказал вам историю сокровищ да Верразано, которые почти целый век считались бесследно пропавшими. Я своими глазами видел карту, которую нарисовал тот матрос перед казнью. Со мной были Гарстон и Пирьо. Это случилось в Гаване, в одной убогой лачуге, где мы тогда скрывались. Кто-то вдруг потушил свечу, и в темноте раздался чей-то стон, а когда мы вновь зажгли свет, то увидели несчастного старика, владельца этой карты, мертвым. В горле у него был кинжал. На крик вдоль улицы уже спешили стражники с пиками. Нам пришлось бежать, и бежали мы порознь.

Многие годы мы с Гарстоном не упускали друг друга из виду. Каждый из нас думал, что другой завладел картой. Мы оба ошибались. Но вот недавно до меня дошел слух, что Гарстон направляется в Тихий океан, и я отправился вслед за ним. Вы видели, чем это закончилось.

Я не успел внимательно рассмотреть карту, когда она лежала на столе того несчастного старика. Однако, судя по тому, как ведет себя Гарстон, он уверен, что это тот самый залив, в котором вставал на якорь корабль да Верразано. Я думаю, что да Верразано с товарищами надежно спрятал сокровища где-то в лесу, а на обратном

пути на них напали дикари и всех перебили. Но индейцы не овладели сокровищами. Ни Кабрильо, ни Дрейк, ни кто-либо другой, кто оказывался на этом берегу, не видел золота и драгоценностей в руках индейцев.

Я предлагаю вам с этих пор действовать сообща. Гарстон бежал — испугался, что вместе с вами мы легко перебьем всю его команду, но он непременно вернется. Если мы с вами объединимся, то нам останется только посмеяться над ним. Мы спокойно можем уйти из форта, оставив здесь достаточно людей, чтобы они смогли отразить любое нападение.

Я уверен, что сокровища где-то рядом. Мы найдем их и отправимся куда-нибудь в Германию или в Италию, где я смогу надежно укрыть свою долю драгоценностей. Мне до смерти надоела моя бродячая жизнь. Я хочу вернуться в Европу и жить как истинный дворянин — в довольстве, иметь слуг, замок и жену из дворянского рода.

— Ну и что? — настороженно отозвался граф.

— Выдайте за меня замуж свою племянницу, — неожиданно потребовал буканьер.

Франсуаза вскрикнула от возмущения и вскочила со стула. Поднялся и Генри. Он был вне себя от ярости. Вильер не шелохнулся. Его пальцы на столе были похожи на когти хищника, а взгляд стал угрожающим.

— Как вы смеете?! — воскликнул Генри.

— Вы забываете, что вы давно потеряли свое положение, граф Генри, — ответил Вильер. — Мы не в Версале, сударь. На этом диком берегу знатность измеряется количеством людей и оружия. И в этом я превосхожу вас. Замок д'Частильонов давно в чужих руках, а состояние на дне океана. Вам останется умирать здесь, если я не возьму вас на свой корабль.

Но если наши дома породнятся, вам не придется пожалеть об этом. Вы увидите, что с новым именем и новым состоянием Гийом Вильер будет достоин найти свое место среди самых знатных аристократов и не посрамит чести самого д'Частильона.

— Вы с ума сошли! — гневно выкрикнул граф. — Вы... что случилось?

Послышались чьи-то быстрые шаги, и в зал вбежала Тина. Она робко сделала что-то вроде реверанса и бросилась к Франсуазе. Девочка запыхалась, ее туфельки были мокрыми, а растрепанные мокрые волосы прилипали к щекам.

— Тина! Где ты была, детка? Я думала, что ты в своей спальне!

— Я и была там, — еле переводя дыхание, ответила Тина. — Но я потеряла коралловое ожерелье, которое вы мне подарили... — Она показала его, это была обычная безделушка, однако девочка дорожила ею больше, чем всем остальным своим имуществом, — ведь это был первый подарок Франсуазы. — Я боялась, что, если скажу вам, вы меня не отпустите. Жена одного солдата помогла мне выйти и впустила обратно. Я нашла его там, где купалась сегодня утром. Если я виновата, то, пожалуйста, накажите меня.

— Тина! — с упреком сказала Франсуаза, прижимая к себе девочку. — Я вовсе не собираюсь тебя наказывать. Но, конечно, ты не должна была выходить за ворота. Пойдем скорее, тебе нужно немедленно переодеться...

— Да, госпожа, — пробормотала Тина, — но разрешите мне сперва рассказать вам про черного человека...

— *Что?* — вырвался крик у графа Генри. Он схватился обеими руками за стол с такой силой, что уронил на пол свой кубок. Если бы его поразило громом, он, наверное, все же не изменился в лице до такой степени. Лицо графа побагровело, и глаза вылезли на лоб.

— Что ты сказала? — выдохнул он. — Что ты сказала, девчонка?

— Про черного человека, мой господин, — запинаясь от испуга, ответила девочка. Все остальные с изумлением смотрели на графа. — Когда я спугнулась к той заводи, чтобы достать мое ожерелье, я увидела его. Я испугалась и спряталась за песчаным холмом. Он был

в лодке, а потом втащил лодку на песок там, за южным мысом, и пошел к лесу. Он настоящий великан, он огромный, очень высокий, этот черный человек...

* * *

Граф Генри покачнулся, будто ему нанесли смертельный удар. Он схватился за горло, в ярости порвал золотую цепочку, и в этот момент у него было лицо безумца. Одним прыжком он оказался рядом с Франсуазой и вырвал закричавшую от ужаса девочку из рук племянницы.

— Ты лжешь! — выдохнул он. — Ты лжешь, ты хочешь, чтобы я мучился! Скажи сейчас же, что ты лжешь, пока я не спустил шкуру с твоей спины!

— Дядя! — воскликнула Франсуаза, пытаясь освободить Тину. — Вы сошли с ума?! Что с вами?!

С диким рычанием граф отшвырнул от себя Франсуазу прямо в руки Гайо. Тот схватил девушку с таким злобным выражением лица, какого трудно было ожидать даже от него.

— Я не лгу, мой господин, — вскрикнула Тина.

— А я говорю, что ты лжешь! — прорычал Генри. — Жак!

Флегматичный слуга грубо схватил дрожащую девочку и одним движением сорвал с нее одежду, потом перебросил ее худенькие ручки через свое могучее плечо и поднял ее над полом.

— Дядя! — в отчаянии закричала Франсуаза, забившись в руках Гайо. — Вы с ума сошли! Вы не смеете!.. Вы не смеете!..

Ее крик бессильно оборвался, когда Генри выхватил кнут с украшенной драгоценными камнями ручкой и яростно ударил хрупкое незащитное тельце. На плечах Тины заалел рубец.

Девочка пронзительно закричала, и от ее крика Франсуаза едва не потеряла сознание. Весь мир, как ей показалось, сошел с ума. Сплошным кошмаром выгля-

дели бесстрастные лица слуг, на которых не отражалось ни жалости, ни сочувствия. Частью этого кошмара было ухмыляющееся лицо Вильера. Не осталось ничего реального, кроме белых плечиков Тины, покрытых ярко-алыми рубцами, и отчаянных криков девочки.

Граф с безумными глазами продолжал избивать ее, рыча:

— Ты лжешь! Признайся, что ты лжешь, не то я спущу с тебя шкуру! Он не может преследовать меня здесь...

— Господин! — сквозь слезы кричала девочка, висевшая на спине слуги. — Я видела его! Я не лгу! Пожалуйста! Пожалуйста!

— Дядя, вы дурак! *Вы дурак!* — вне себя от отчаяния воскликнула Франсуаза. — Неужели вы не видите, что она говорит правду? Вы животное! Животное! Животное!

Внезапно к графу как будто вернулся здравый смысл. Опустив кнут, он шагнул назад и всей своей тяжестью навалился на край стола. Его трясло как в лихорадке. По его лицу, казавшемуся сейчас маской Страха, стекали струйки пота, волосы прилипли ко лбу. Жак отпустил Тину, и она безвольно осела на пол, продолжая всхлипывать. Франсуаза вырвалась из рук Гайо, не замечая, что по лицу текут слезы. Подбежав к девочке, она опустилась на колени и нежно ее обняла. Потом повернулась к дяде, хотела излить на него весь свой гнев, однако тот даже не взглянул в ее сторону. Франсуаза не поверила своим ушам, когда услышала его слова:

— Я принимаю ваше предложение, Вильер. Ради Бога, давайте найдем ваши сокровища и уберемся подальше от этого проклятого берега.

После этих слов гнев Франсуазы будто притупился. Воцарилось молчание. Она взяла плачущую девочку на руки и осторожно понесла ее наверх. Оглянувшись на лестнице, она увидела, графа, который, сгорбившись, сидел за столом и жадно глотал вино из кубка, держа его обеими руками. Его руки дрожали. Вильер

возвышался над ним, как мрачная хищная птица. Он хотя и был несколько озадачен новым поворотом событий, мгновенно оценил свое преимущество перед графом. Он что-то решительно говорил низким голосом, а Генри молча кивал, со всем соглашаясь, и казалось, он даже не вслушивается в то, что ему говорят. Гайо стоял в стороне, почти скрытый тенью, и двумя пальцами тербил подбородок, а слуги, стоявшие вдоль стен, молча переглядывались, недоумевая, что же случилось с их господином.

В своей спальне Франсуаза положила на кровать девочку, которая была в полубессознательном состоянии, и стала промывать и смазывать обезболивающей мазью страшные рубцы на ее спинке. Тина только слегка постанывала, но не сопротивлялась заботливым движениям рук своей госпожи. Франсуазе казалось, что мир обрушился. Она была подавлена и совершенно сбита с толку, ее била нервная дрожь от ужасной сцены, которую она только что наблюдала внизу. В ее душе царили страх и мгновенно возникшая ненависть к яде. Она никогда не любила его; он был слишком груб и чересчур жаден.

Однако до сих пор она считала его справедливым и смелым, а сейчас содрогнулась от отвращения, вспомнив выражение его лица. В глазах графа она увидела невероятный страх, вызвавший приступ бешенства, и этот страх заставил его жестоко обойтись с единственным существом, которое было дорого девушке; тот же страх заставил его продать свою племянницу безродному бродяге. Что же за всем этим скрывается?

Девочка забормотала, как в бреду:

— Я в самом деле не лгала, госпожа! Я видела его — черного человека, закутанного в черный плащ. У меня кровь застыла в жилах, когда я его увидела. Почему граф вынорол меня за это?

— Тихе, тихе, Тина, — успокоила ее Франсуаза. — Лежи спокойно, малышка.

За ее спиной открылась дверь, и девушка стремительно обернулась, выхватив кинжал с богато отделан-

ной рукояткой. В дверях стоял граф Генри, и у нее по спине пробежали мурашки. Он выглядел внезапно постаревшим; лицо было серым, черты искажены, а его взгляд заставил Франсуазу вздрогнуть. Она никогда не испытывала к нему теплых родственных чувств, а теперь ей казалось, что их разделяет пропасть. Ей казалось, что на пороге ее комнаты стоит не родной дядя, а совсем чужой человек, и от него исходит опасность.

Она подняла кинжал.

— Если только вы еще дотронетесь до нее, — почти прошептала девушка пересохшими губами, — я всажу этот клинок вам в грудь.

Он будто бы и не слышал этой угрозы.

— Я выставил усиленную охрану вокруг поместья, — произнес он. — Завтра Вильер приведет в форт своих людей. Он не отчалит, пока не найдет сокровищ. А как только он их найдет, мы уедем отсюда.

— И вы продадите меня ему? — вырвалось у Франсуазы. — Ради Бога...

Она осеклась. Взгляд графа, устремленный на нее, ясно говорил, что он думает только о себе. Девушка сжалась, увидев, что страх может довести его до любой жестокости.

— Ты поступишь так, как я тебе прикажу, — сказал он наконец, и человеческих чувств в его голосе было не больше, чем в звоне стальных клинков. Он повернулся и вышел. От ужаса Франсуазу охватила слабость, и она в изнеможении упала на постель рядом с Тиной.

4

Франсуаза не знала, сколько времени пролежала в беспамятстве. Очнувшись она от того, что Тина обняла ее и всхлипывала над самым ее ухом. Она тоже обняла девочку и села на постели, глядя невидящими глазами на горевшую свечу. В крепости было тихо. Умол-

кли и песни буканьеров на берегу. Девушка задумалась о том, что случилось.

Было ясно, что рассказ о таинственном черном человеке довел графа Генри до бешенства и что он надеялся избежать встречи с этим человеком, покинув свое поселение вместе с Вильером. Было ясно и то, что он готов принести ее в жертву за возможность такого избавления.

Франсуазе казалось, что ее окутала тьма, и она не видела в этой тьме ни малейшего просвета. Все слуги были тупыми или бессердечными грубиянами, их жены тоже грубы и апатичны. Никто из них и не подумает ей помочь, она абсолютно беспомощна.

Тина подняла свое залитое слезами личико, будто бы прислушиваясь к какому-то внутреннему голосу. Девочка словно читала сокровенные мысли Франсуазы, и это было так же сверхъестественно, как и то, что она сознавала всю неумолимость Судьбы, и то, что у них нет никакой надежды.

— Моя госпожа, мы должны бежать! — горячо зашептала она. — Вы не достанетесь Вильеру. Давайте убежим далеко в лес. Мы будем идти до тех пор, пока силы не покинут нас, а тогда мы ляжем и умрем вместе.

В душе Франсуазы словно родилась некая сила, которую отчаяние придает слабым. Да, только так можно избавиться от зловещего мрака, который сгустился над ней с того самого дня, когда они покинули Францию.

— Да, малышка, мы убежим.

Она поднялась и стала искать плащ, но ее отвлек от этого занятия возглас Тины. Девочка стояла, прижав палец к губам, и ее широко раскрытые глаза были наполнены ужасом.

— Что случилось, Тина? — прошептала Франсуаза, внезапно охваченная испугом.

— Там кто-то есть, в зале, — шепотом ответила Тина, судорожно протянув руку к двери. — Он стоял у нашей двери, а потом спустился в зал.

— Твой слух острее моего,— пробормотала Франсуаза.— Но тут нет ничего удивительного. Наверное, это граф или Гайо.

Она направилась было к двери, но Тина обхватила ее руками за шю, и она услышала, как бьется сердце девочки.

— Не открывайте дверь, госпожа! Я боюсь! Рядом с нами какое-то зло!

Потрясенная Франсуаза потянулась к металлическому кружку на двери, прикрывавшему дверной глазок.

— Он возвращается! — девочка задрожала.— Я слышу его шаги.

Франсуаза тоже услышала крадущиеся шаги и с ужасом поняла, что эти шаги не принадлежат никому из тех людей, которых она знала. Это не мог быть Вильер, на этом человеке не было башмаков. Но кто же тогда? Наверху нет никого, кроме них с Тиной, графа и Гайо.

Быстрым движением она потушила свечу, чтобы свет не пробивался в дверной глазок, и сдвинула металлический кружок на двери. Приикнув к глазку, она скорее почувствовала, чем увидела темную тень, скользнувшую мимо ее двери, но ничего не смогла определить, кроме того, что тень принадлежала человеку. Ее охватил необъяснимый ужас.

Человек дошел до лестничной площадки и на мгновение стал виден в зыбком красноватом свете, который шел снизу,— кто-то чудовищный, черный стал спускаться по лестнице. Она прижалась к двери и долго вслушивалась в надежде услышать окрик стражи, которая схватит незнакомца. Однако форт молчал; не было слышно ничего, кроме порывов ветра.

Влажными от пережитого волнения руками Франсуаза снова зажгла свечу. Она не могла понять, что привело ее в такой ужас от этой черной фигуры в красном свете камина. Но девушка твердо знала, что видела нечто зловещее, лежащее за пределами ее понима-

ния, до того ужасное, что оно отвлекло ее от собственных переживаний. Она была подавлена.

Свеча зажглась и осветила бледное личико Тины.

— Это был черный человек! — прошептала Тина. — Я знаю! У меня кровь застыла в жилах точно так же, как тогда, когда я увидела его на берегу! Мы пойдем и скажем графу?

Франсуаза покачала головой. Она вовсе не хотела, чтобы повторилась отвратительная сцена, которая последовала за тем, как девочка в первый раз сказала о черном незнакомце. Во всяком случае она не пойдет в темный зал. Она знала, что территория форта охраняется, что стражники стоят вокруг поместья. Ей было непонятно, как этот человек мог попасть в форт. Это казалось ей сверхъестественным. Кроме того, сейчас у нее появилась непонятная уверенность, что этого человека, кто бы он ни был, уже нет в форте, что он исчез так же таинственно, как и появился.

— Нам нельзя идти в лес, — дрожащим голосом сказала Тина. — Где-то там прячется он...

Франсуаза не стала переспрашивать девочку, почему она так уверена, что черный человек должен быть в лесу; этот лес мог служить естественным убежищем для любого зла в образе человека или дьявола. Она знала, что Тина права. Теперь им нельзя покидать форт. Решимость, с которой она была готова идти на верную смерть, теперь поколебалась от мысли об этих лесах, под сенью которых скрывается кошмарное черное создание. Она беспомощно села на кровать и закрыла лицо руками.

Тина в конце концов заснула беспокойным сном. Девочка время от времени всхлипывала и поминутно вертелась, пытаясь устроиться так, чтобы не чувствовать жгучей боли во всем теле. Под утро стало душно. Где-то вдалеке над морем прогремел гром. Франсуаза погасила сгоревшую почти до основания свечу и подошла к окну, из которого были видны и океан, и лес.

Туман рассеялся, но от горизонта на море надвигались темные тучи. Там сверкали молнии, и отгу-

да доносились раскаты грома. Неожиданно из мрачных лесов, будто в ответ этим раскатам, донесся какой-то грохот. Девушка вздрогнула и прислушалась, глядя на темневший лес. Теперь она отчетливо слышала ритмичные удары барабана, но они не были похожи на барабанный бой индейцев.

— Барабан! — воскликнула Тина, во сне судорожно сжимая и разжимая пальцы. Она заметалась на кровати. — Это черный человек бьет в черный барабан в черных лесах! Спасите нас!

Франсуаза поехала. Далеко на востоке над горизонтом появилась белая полоска — предвестница рассвета. Однако с запада быстро надвигалась огромная грозовая туча. Девушка удивленно смотрела на нее — в это время года здесь почти никогда не бывало штормов, и ей раньше не приходилось видеть такие тучи.

Эта туча будто заливала весь мир своей чернотой, в глубине которой сверкали молнии. Она клубилась над морем, и где-то в ее глубине рождался ветер. От раскатов грома, казалось, дрожал воздух. С громом переключалось завывание ветра. Чернильно-черное небо тут и там разрезали вспышки молний; далеко в море ветер гнал перед собой белые пенистые гребни волн. Франсуаза уже слышала отдаленный рев ветра, но ветер еще не достигал берега. Жаркий воздух над берегом будто сгустился, было очень душно. Где-то внизу хлопнули ставни, женский голос что-то тревожно крикнул. Однако в поместье все было по-прежнему спокойно.

Барабанный бой не прекращался, и по ее спине пробежали мурашки. Ничего не разглядев в чернеющей стене леса, она отчетливо представила черного человека, сидящего под черными ветвями и ритмично бьющего в барабан, зажатый между коленями. Но зачем?

Она тряхнула головой, отгоняя наваждение, и взглянула на море как раз в тот момент, когда сверкнула молния. В ее ярком свете девушка увидела мачты корабля Вильера, навесы на берегу, песчаные холмы южного мыса и скалы северного. Рев ветра становил-

ся все громче, и теперь поместье проснулось. На лестнице слышались шаги, и раздался голос Вильера, в котором слышалась тревога.

Хлопнула дверь, и ему что-то ответил граф Генри, перекрикивая рев ветра.

— Почему вы не предупредили меня, что с запада может прийти шторм? — прокричал буканьер. — Если якоря не выдержат, судно отнесет прямо на скалы!

— В это время года еще не бывало, чтобы шторм пришел с запада! — ответил граф, выбежав из спальни в ночной рубашке; он был очень бледен, волосы стояли дыбом. — Это работа...

Раскат грома заглушил его слова, он метнулся к лестнице, ведущей в смотровую башню. Буканьер, извергая проклятия, последовал за ним.

Напуганная и оглушенная Франсуаза приникла к окну. Ветер заглушил почти все остальные звуки, но по-прежнему из леса доносился безумный барабанный бой, как знак некоего триумфа. Ветер теперь ревел над берегом, по морю неслись огромные валы с пенистыми гребнями, и вот уже будто сам дьявол вырвался на свободу на этом берегу. На землю обрушились потоки дождя.

От порывов ветра содрогались бревенчатые стены. Волны, накатываясь на песок, смыли остатки потухших костров. В свете молнии сквозь пелену дождя Франсуаза увидела, как порванные в клочья навесы буканьеров унесло в море, увидела самих буканьеров, пытавшихся добраться до форта, — ветер и ливень заставляли их двигаться едва ли не ползком.

Следующая вспышка осветила корабль Вильера, сорвавшийся с якорей. Его несло на острые скалы, которые, казалось, хищно ждали жертву.

5

Шторм, обрушивший на землю всю свою ярость и бушевавший в течение многих часов, наконец-то

стал затихать, и вот уже в ясном голубом небе, будто вымытом прошедшим ливнем, засияло солнце. Англичанин наклонился над ручейком, который бежал к морю, извиваясь между деревьями и кустами.

В отличие от большинства своих соотечественников этот человек умывался шумно, плескаясь и ворча, словно бизон. Внезапно он поднял голову. С мокрых волос вода ручейками стекала по загорелым плечам. Одним быстрым движением он вскочил на ноги, глядя вперед, и обнажил меч.

По песку к нему приближался человек примерно одного с ним роста с обнаженной саблей в руке. По выражению лица было нетрудно угадать его намерения.

Узнав его, пират побледнел.

— Дьявол! — изумленно воскликнул он. — Это ты!

С проклятиями на устах он поднял меч над головой. С деревьев вспорхнули птицы, испуганные звоном стали. Лезвия скрестились, посыпались искры, взметнулся песок под тяжелыми башмаками. Но вот лязг металла оборвался, послышался скрежет — один из клинков оказался перерублен, и один из соперников, глотая воздух, упал на колени и повалился на песок, выронив оружие. Последним усилием он достал что-то из своего пояса и попытался поднести руку к губам, но она уже не послушалась и бессильно упала вдоль тела.

Победивший наклонился над врагом и, разжав костенеющие пальцы, взял то, что они пытались удержать.

Вильер и д'Частильон стояли на берегу, глядя на перекладыны рангоутов, обломки мачт и других деревянных частей корабля, которые людям удалось собрать. Шторм жестоко разбил о низкие скалы корабль Вильера: то, что удалось выловить, годилось разве что на спички. Неподалеку от них стояла Франсуаза, обнимая Тину за плечи одной рукой. Девушка была бледна и казалась безразличной ко всем неожиданностям, которые еще уготованы ей неумолимой Судьбой. Без всякого интереса слушала она разговор графа и Вильера. Ей было все равно, ее подавляло сознание того,

что она оказалась простой пешкой в игре и от нее решительно ничего не зависело.

Вильер злобно ругался, а Генри выглядел ошеломленным.

— В это время года не бывает штормов, — бормотал он. — Это не случайно. Этот шторм пришел из непостижимой бездны, чтобы разбить корабль, на котором я собирался спастись. Спасть? Нет, теперь мы все как крысы в ловушке.

— Не возьму в толк, о чем вы говорите, — проворчал Вильер. — От вас не добиться ничего с того момента, как эта растрепанная девчонка вывела вас из себя своим дурацким рассказом о черном человеке, который появился из моря. Но что касается меня, то я вовсе не намерен провести всю жизнь на этом проклятом берегу. Десять моих людей погибли вместе с кораблем, но со мной еще сотня. У вас почти столько же. В вашем форте найдутся инструменты, а в лесу полно деревьев. Уж что-нибудь вроде судна мы построим, а потом отобьем какой-нибудь испанский корабль.

— Это займет не один месяц, — нерешительно ответил Генри.

— А вы можете предложить другой выход? Мы с вами здесь, и кроме нас самих, не от кого ждать спасения. Я очень надеюсь, что этот шторм разбил вдребезги и судно Гарстона! А пока мы строим корабль, мы будем искать сокровища да Верразано.

— Нам едва ли удастся построить корабль, — с сомнением отозвался Генри.

— Вы боитесь индейцев? У нас достаточно людей, чтобы драться с ними.

— Нет, я говорю не о краснокожих. Я говорю о черном человеке.

Вильер сердито взглянул на него.

— Вы перестанете говорить загадками? Кто такой этот ваш трижды проклятый черный человек?

— И в самом деле трижды проклятый, — задумчиво ответил Генри, глядя вдаль. — Я боялся его и по-

тому бежал из Франции, надеясь, что мои следы потеряются в западном океане. Но он и здесь нашел меня, несмотря ни на что.

— Ну что ж, если он действительно здесь, он наверняка прячется в лесу, — уверенно сказал Вильер. — Мы прочедем лес и найдем его.

Генри горько рассмеялся.

— С таким же успехом можно голыми руками в сплошной темноте задушить кобру.

Вильер недоверчиво взглянул на него, явно сомневаясь в нормальности графа.

— Кто он? Объясните же наконец!

— Сам дьявол, рожденный на дьявольском берегу, на Берегу Рабов...

— Вижу парус! — раздался крик с северного мыса.

Вильер повернулся туда и прокричал:

— Ты знаешь, чей это парус?

— Да! — раздалось в ответ. — Это «Боевой Ястреб»!

— Гарстон! — прорычал Вильер. — Его, должно быть, сам черт охраняет! Как ему только удалось уцелеть в этом шторме? — Его голос загредел над берегом. — Немедленно в форт, собаки!

Прежде чем изрядно покореженный «Боевой Ястреб» обогнул мыс, берег опустел. Из-за крепостной стены торчали головы в шлемах и другие, повязанные цветными шарфами. Когда к берегу подошла лодка и Гарстон в одиночку направился к форту, Вильер оскалил зубы в довольной ухмылке.

— Эй, в форте! — В утренней тишине голос англичанина был слышен очень отчетливо. — Я прошу о переговорах! Когда я в последний раз поднял флаг перемирия, меня обстреляли! Я хотел бы, чтобы вы мне пообещали, что этого больше не произойдет!

— Ладно, я обещаю тебе это! — с сардонической усмешкой отозвался Вильер.

— Плевал я на твои обещания, французская собака! Мне нужно слово д'Частильона.

К графу, казалось, вернулось достоинство. С некоторой важностью в голосе он ответил:

— Добро пожаловать, но своих людей держите подальше. Мы не будем стрелять.

— Этого мне довольно. — отозвался Гарстон. — В чем бы другом ни был грешен д'Частильон, его слову можно доверять.

Он подошел к самым воротам и остановился, засмеявшись над выражением лица Вильера. Тот бросил на англичанина полный ненависти взгляд.

— Ну что, Гийом, — насмешливо сказал Гарстон, — у тебя стало кораблем меньше, с тех пор как я видел тебя в последний раз! Впрочем, вы, французы, никогда не были моряками.

— Как тебе удалось спасти корабль, бристольский поддон? — прорычал буханьер.

— В нескольких милях к северу отсюда есть бухточка, защищенная от штормов высокими горами, — ответил Гарстон. — В ней-то мы и отсиделись, правда, якоря протащили нас немного, но все же удержали.

Вильер хмуро взглянул на графа Генри, тот промолчал. Он ничего не знал об этой бухте. Он предпочитал не исследовать окрестности форта из-за страха перед индейцами.

— Я хотел бы поторговаться с вами, — просто сказал Гарстон.

— Мы с тобой уже достаточно торговались, побереги лучше свои мечи, — проворчал Вильер.

— Я так не думаю, — тонко улыбнулся Гарстон. — Ты приложил руку к убийству моего первого помощника Ричардсона и ограбил его. Вплоть до сегодняшнего утра я был уверен, что д'Частильон завладел сокровищами да Верразано. Но сейчас я понимаю, что если бы они были у кого-то из вас, тебе не понадобилось бы преследовать меня и убивать моего помощника, чтобы добыть карту.

— Карту! — воскликнул Вильер, вытягиваясь в струнку.

— Не притворяйся! — Гарстон засмеялся, но в его глазах полыхнула ярость. — Я знаю, что она у тебя. Индейцы не носят башмаков.

— Но... — нерешительно начал Генри и осекся под взглядом Вильера.

— Что ты хочешь предложить? — спросил Вильер.

— Позвольте мне войти в форт, — отозвался пират. — Мы можем поговорить там.

— Но твои люди останутся на своих местах, — предупредил его Вильер.

— Да, разумеется. Однако не думай, что вывозьмете меня в плен, — мрачно улыбнулся Гарстон. — Пусть д'Частильон даст слово, что я выйду из форта живым и невредимым ровно через час, независимо от того, договоримся мы или нет.

— Я обещаю это, — ответил граф.

— Вот и отлично. Откройте ворота.

Ворота открылись и закрылись за Гарстоном, и все трое вошли в поместье. С той и с другой стороны крепостной стены люди настороженно смотрели друг на друга. Франсуаза и Тина стояли на лестничной площадке, однако их никто не заметил. Граф Генри, Гайо, Вильер и Гарстон расселись вокруг широкого стола. Кроме них, в зале никого не было.

Гарстон осушил кубок и поставил его на стол. Доверительное выражение его лица не вязалось с колющим взглядом больших глаз. Он заговорил сразу о деле.

— Мы все хотим заполучить сокровища да Верразано, спрятанные где-то поблизости, — сказал он. — И у каждого из нас есть что-то, в чем нуждаются остальные. У д'Частильона есть люди, есть припасы и крепость, в которой мы можем укрываться от дикарей. У тебя, Вильер, моя карта. У меня корабль.

— Если у тебя все эти годы была карта, — перебил его Вильер, — почему ты не воспользовался ею раньше?

— У меня ее не было. Того несчастного старика в темноте убил Пирьо, он и завладел картой. Но у него не было ни корабля, ни команды, и прошло больше

года, прежде чем он нашел их. Однако когда он отправился на поиски, на его пути встали индейцы. Люди взбунтовались и заставили его плыть обратно. Один из них выкрал карту и позже продал ее мне.

— Так вот почему Пирьо знал этот залив,— пробормотал граф.

— Эта собака привела вас сюда? Как же я раньше не догадался?! Где он?

— Его убили индейцы как раз тогда, когда он отправился на поиски сокровищ.

* * *

— Вот это здорово! — вырвалось у Гарстона. — Ну что ж, я не знаю, каким образом тебе удалось пронюхать, что карта у моего помощника, — обратился он к Вильеру. — Я доверял ему, и мои люди доверяли ему даже больше, чем мне самому, вот я и отдал ему карту. Однако этим утром он оторвался от всех и заблудился, а потом мы нашли его мертвым неподалеку от берега. Карта пропала. Сперва в убийстве обвинили меня, но рядом обнаружили следы, и остолопы увидели, что следы моих башмаков с ними не совпадают. Ни у одного человека из моей команды не оказалось башмаков, которые могли оставить такие отпечатки. Индейцы не носят башмаков. Значит, это был француз.

Теперь у вас есть карта, но вы еще не нашли сокровища. Если бы они были у вас, вы не позволили бы мне войти в форт. Вы здесь заперты. Вам не выйти на поиски сокровищ, а кроме того, у вас не осталось корабля, чтобы вывезти их отсюда.

Вот что я предлагаю, Вильер. Отдай мне карту, а граф пусть даст мне мяса и прочих припасов, а то у моей команды скоро начнется цинга после долгих скитаний. Когда я вернусь, я возьму с собой вас троих и мадемуазель Франсуазу с ее девочкой и доставлю вас в какой-нибудь порт в Атлантике, где вы сможете нанять корабль и добраться до Франции. Чтобы закре-

нить сделку, я обещаю поделиться сокровищами с каждым из вас.

Буканьер задумчиво подкручивал усы. Он знал, что Гарстон не из тех, кто выполняет какие-либо обещания. Соглашаться на предложение Гарстона он не собирался, но это означало войну, а Вильер не был готов к вооруженным действиям. Но завладеть «Боевым Ястребом» ему хотелось, пожалуй, не меньше, чем найти сокровища Монтесумы.

— А что мешает нам оставить тебя заложником и потребовать у твоих людей корабль в обмен на тебя? — спросил он.

Гарстон презрительно усмехнулся.

— Ты считаешь меня круглым дураком? Моим людям отдан приказ поднять якорь и отплыть при первом же намеке на какие бы то ни было угрозы, если я останусь на берегу. Кроме того, граф Генри дал слово...

— Мое слово — не пустой звук, — нахмурившись, сказал граф. — Не спешите с угрозами, Вильер.

Буканьер не ответил, он был целиком поглощен мыслью о захвате корабля Гарстона и лихорадочно соображал, как бы продолжить переговоры, не давая Гарстону понять, что карты у него нет. Он строил догадки относительно того, кто завладел этой проклятой картой.

— Позволь моим людям отплыть вместе со мной на твоем корабле, — произнес он. — Я не могу бросить на произвол судьбы моих верных...

Гарстон фыркнул.

— Ты бы уж лучше попросил мою саблю, чтобы перерезать мне глотку! Не можешь бросить на произвол судьбы — ба! Да ты продашь дьяволу душу родного брата, если только это будет пахнуть деньгами. Нет уж, твоим людям не удастся захватить мой корабль.

— Дай нам хотя бы сутки на размышление, — попытался Вильер выиграть время.

Гарстон ударил по столу своим тяжелым кулаком, так что вино в бокалах заплескалось.

— Нет, клянусь дьяволом! Отвечайте сейчас!

Вильера захлестнула волна черной ярости, он вскочил.

— Английская собака! Я отвечу тебе — я выпущу из тебя кишки!

Он сбросил плащ и схватился за рукоять меча. Гарстон с ревом оттолкнул свой стул, с грохотом упавший на пол. Граф Генри метнулся ему наперерез и встал между противниками, раскинув руки в стороны.

— Господа, прекратите! Вильер, я дал ему слово...

— К дьяволу ваше слово! — прорычал Вильер.

— Посторонитесь, сударь, не мешайте! — воскликнул пират. — Я освобождаю вас от вашего слова до тех пор, пока не разделаюсь с этой собакой!

— Неплохо сказано, Гарстон! — раздался низкий, властный, несколько удивленный голос. Все как по команде повернулись и замерли. На площадке лестницы тихо ахнула Франсуаза.

Из-за портьер, закрывавших дверь в спальню, появился человек и без тени сомнения решительно шагнул к столу. В мгновение ока он оказался здесь главным, и все внимание было теперь направлено на него.

Незнакомец оказался выше всех присутствующих и чрезвычайно мощного телосложения, однако, несмотря на это, он двигался мягко, как пантера, в своих высоких сапогах с раструбами.

На нем были облегающие белые шелковые штаны, под распахнутым широкополым голубым кафтаном виднелись белая шелковая рубашка и алый пояс. Кафтан украшали серебряные продолговатые пуговицы и золотая отделка на манжетах и карманах, завершал картину атласный воротник. На голове у незнакомца была темно-фиолетовая шляпа с широкими полями, на поясе висела тяжелая сабля.

— Вулми! — воскликнул Гарстон, в то время как остальные перевели дыхание.

— А кто же еще? — Великана явно забавляло всеобщее изумление.

— Как вы сюда попали? — наконец выдавил из себя Гайо.

— Я перебрался через стену с восточной стороны, пока вы, как остопопы спорили возле ворот, — ответил Вулми. Он говорил с заметным ирландским акцентом, однако без ошибок. — Все, кто был в форте, вытягивая шеи, смотрели на запад, так что я без помех вошел в дом, когда Гарстона впустили в ворота. С тех пор я находился в этой спальне и слышал все, о чем вы говорили.

— Я считал, что ты утонул, — медленно проговорил Вильер. — Три года назад твой разбитый корабль видели у берегов Амичели, и ты больше не появлялся на Большой земле.

— Однако, как видишь, я жив, — ответил Вулми.

Слестничной площадки на него во все глаза смотрела Тина, от волнения дергая за руку Франсуазу.

— Вулми! Это Черный Вулми, госпожа! Смотрите! Смотрите! — шептала она.

Франсуаза смотрела. Перед ней была живая легенда. Кто из моряков не слышал песен и баллад, увлекочивших дикие деяния Черного Вулми, грозы испанцев? Его нельзя было не принимать в расчет. С того момента, как он появился из-за портьеры, стало ясно, что главное действующее лицо здесь теперь он.

Граф оправился от неожиданности и обратился к Вулми:

— Что вам угодно? Вы прибыли морем?

— Я пришел из лесов, — ответил ему ирландец. — Я слышал, вы тут спорили о какой-то карте...

— Это тебя не касается! — перебил его Гарстон.

— Не об этой ли? — с плутовской ухмылкой Вулми достал из кармана клочок пергамента, испещренный неясными линиями.

Гарстон, побледнев, рванулся к нему.

— Моя карта! — воскликнул он. — Откуда она у тебя?

— Я забрал ее у Ричардсона, когда разделался с ним, — весело отозвался Вулми.

— Собака! — Гарстон повернулся к Вильеру. — У тебя никогда не было карты! Ты лгал...

— Я никогда и не говорил, что она у меня, — спокойно ответил Вильер. — Ты сам это решил. Не валяй дурака. Вулми здесь один. Если бы он был с людьми, они давно бы перерезали наши глотки. Мы возьмем у него карту...

— Вам не удастся даже прикоснуться к ней, — рассмеялся Вулми.

Гарстон и Вильер, одновременно выругавшись, двинулись к нему. Шагнув назад, он смял пергамент и бросил его в камин. Гарстон кинулся на него, но тут же был сбит с ног ударом огромного кулака. Вильер выхватил меч, но не успел поднять его, как тяжелая сабля Вулми выбила оружие из руки.

Вильер отлетел к столу. Тем временем Гарстон поднялся на ноги, из его рассеченного уха текла кровь. Облокотившись на стол, Вулми приставил саблю к груди графа Генри.

— Не надо звать солдат, дорогой граф, — мягко сказал ирландец. — И ты, собака, тоже ни звука! — Это относилось к Гайо, который и не думал пошевелиться или что-то крикнуть. — Карта превратилась в золу, и нечего проливать из-за нее кровь. Садитесь-ка все.

Гарстон, поколебавшись, пожал плечами и нехотя уселся на стул. Остальные последовали его примеру. Вулми остался стоять, возвышаясь над столом. Глаза обоих его врагов горели бешенством.

— Вы здесь пытались торговаться, — сказал Вулми. — Я тоже хочу поторговаться с вами.

— И что же ты хочешь продать? — с издевкой спросил Вильер.

— Сокровища Монтесумы!

— Что?! — Все четверо вскочили, подавшись к нему.

— Сидеть! — рявкнул Вулми, положив на стол саблю. Им пришлось подчиниться. Все лица были белыми, как полотно. Вулми усмехнулся, глядя на них.

— Да, вы не ослышались. Я нашел их до того, как у меня оказалась эта карта. Потому я ее и сжег — мне она ни к чему. И теперь никто не сможет найти их, куда я не покажу дорогу к ним.

Все смотрели на него с немой ненавистью. Вильер первым нарушил молчание:

— Ты лжешь. Одну ложь мы от тебя уже выслушали. Ты сказал, что пришел из лесов, хотя всем известно, что в этих диких местах обитают одни дикари.

— Я провел три года среди этих самых дикарей, — последовал ответ. — Когда буря разбила мой корабль неподалеку от Рио Гранде, мне удалось добраться до берега, и я направился вглубь, к лесу, опасаясь встречи с испанцами. Так я попал в кочующее племя индейцев. Они двигались на восток, спасаясь от более могущественного племени, и я не нашел для себя ничего лучше, как отправиться с ними. Так я и сделал и разделял их странствия в течение долгого времени, а покинул их всего месяц назад.

К этому времени мы зашли далеко на запад, я решил, что смогу добраться до берега Тихого океана, и пошел один. Однако милях в ста к востоку меня взяли в плен дикие краснокожие и сожгли бы живьем, если бы мне не удалось бежать, убив их вождя и еще троих или четверых дикарей в одну прекрасную ночь.

Они гнались за мной почти до этого берега, но в конце концов мне удалось уйти. И клянусь дьяволом, то место, где они отказались от преследования, оказалось хранилищем сокровищ да Верразано! Я нашел все: сундуки с одеждой и оружием — там-то я и подобрал себе саблю и одежду, — груды золота и серебра, и, наконец, сокровища Монтесумы! Они сверкают, как застывшие звезды, эти камни! А да Верразано и его одиннадцать буканьеров сидят за эбонитовым столом так же, как сидели сотню лет назад!

— Что?!

— Да! Все они умерли посреди своих сокровищ! Их тела высохли, как мумии, но разложение их не кос-

нулось. Они так и сидят со стаканами в руках, и надо думать, просидели так почти целый век!

— Невероятно! — пробормотал Гарстон, однако Вильер перебил его:

— Это ничего не значит. Речь идет о том самом сокровище, которое мы хотим найти. Продолжай, Вулми.

Прежде чем говорить дальше, Вулми сел за стол и наполнил кубок.

— Несколько дней я отлеживался и отдыхал, делал силки для диких кроликов, заживлял раны. Однажды я увидел дымок на западе, но подумал, что на берегу есть индейское поселение. Однако когда мои преследователи отказались от погони, я понял, что индейцы избегают места, где спрятаны сокровища. Если они и наблюдали за мной, то делали это абсолютно незаметно.

Нынче ночью я отправился на берег, рассчитывая выйти в нескольких милях севернее от того места, над которым поднимался дым. Когда разразился шторм, я был недалеко от берега. Я укрылся от непогоды под большой скалой, а когда шторм утих, забрался на дерево, чтобы выяснить, далеко ли индейцы. Тут-то я и увидел твой корабль на якоре, Гарстон, и твоих людей на берегу. Я направлялся к вашему лагерю, когда встретил Ричардсона. Между нами была старая вражда, и я убил его. Никогда я не узнал бы, что у него есть карта, но он пытался съесть ее, прежде чем умер.

Конечно, я узнал эту карту и уже прикидывал, какую пользу она может мне принести, но подошел ты со своими собаками, и вы обнаружили тело. Пока вы спорили о том, кто убийца, я лежал совсем рядом в чаще леса. Тогда я и понял, что еще не время обнаружить себя.

Он рассмеялся, а лицо Гарстона перекошилось от ярости.

— Ну вот, пока я так лежал и слушал, я понял из ваших слов, что в нескольких милях к югу на берегу находятся д'Частильон с Вильером. Я услышал, как ты сказал, что убийца, должно быть, Вильер, что он забрал

карту и что ты собираешься поговорить с ним и найти возможность убить его и вернуть эту карту...

— Скотина! — выкрикнул Вильер.

Гарстон недобро усмехнулся:

— А ты думал, что я детей крестить собираюсь с такой собакой, как ты? Продолжай, Вулми.

Ирландец кивнул. Было ясно, что он старается поддуть масла в огонь вражды между этими двумя.

— Да это, пожалуй, и все. Я пошел прямо через лес и добрался до форта быстрее, чем вы на своем корабле. У меня сокровища, у Гарстона корабль, у графа Генри припасы. Клянусь дьяволом, Вильер, я не знаю, на что ты нам, но учтем и тебя, чтобы не было никаких раздоров. То, что я хочу предложить, весьма просто.

Сокровища мы поделим на четверых. Мы с Гарстоном заберем каждый свою долю и уйдем отсюда на «Боевом Ястребе». Вы с д'Частильоном возьмете себе то, что вам причитается, и останетесь полноправными владельцами этих диких мест либо постройте свой корабль — как вам будет угодно.

Граф Генри при этих словах побледнел, Вильер чертыхнулся, а Гарстон довольно ухмыльнулся.

— Неужели ты настолько глуп, что выйдешь в море с Гарстоном на «Боевом Ястребе»? — спросил Вильер. — Он же наверняка перережет тебе глотку, едва успеет берег исчезнуть из виду.

— Ну да, это как в загадке про овцу, волка и капусту, — засмеялся Вулми. — Как перевезти их через реку в целости и сохранности?

— Уж это твое кельтское чувство юмора! — проворчал Вильер.

— Я не останусь здесь! — крикнул граф Генри. — С сокровищами или без них, мне надо убраться отсюда!

Вулми взглянул на него и на миг задумался.

— Ну что ж, — произнес он. — Тогда пусть Гарстон плавает с Вильером и забирает вас с домочадцами, позволив вам взять с собой необходимую прислугу. Я останусь здесь, в форте, у меня будут ваши люди

и люди Вильера, с их помощью я смогу построить небольшой корабль и добраться до испанских вод.

Теперь побледнел Вильер.

— Значит, я должен выбрать между возможностью остаться здесь либо оставить здесь свою команду и в одиночку подняться на борт «Боевого Ястреба», чтобы этот дьявол перерезал не твою, а мою глотку?

Вулми от души рассмеялся, и его смех отозвался эхом под сводами большого зала.

— Да и я о том же, Гийом! — воскликнул он, нимало не смущенный тем, что Вильер весь сжался в кресле под его взглядом, и только глаза поблескивали из-под густых бровей.

— И я о том же! Решай, остаешься ли ты здесь, а мы с Диком отплывем, или отправляйся с Диком сам, а со мной оставь своих людей.

— Я уж лучше возьму с собой Вильера, — рассудительно отозвался Гарстон. — Ты поднимешь против меня моих людей, и мои дни будут сочтены, я не успею даже обогнуть Горн.

Вильер вытер рукавом вспотевший лоб.

— Ни я, ни граф, ни его племянница не доберутся до берегов Франции, если мы отправимся с этим чудовищем, — сказал он. — Сейчас все зависит от меня. Этот зал окружен моими людьми. Мне ничто не мешает разом покончить с вами обоими.

— Верно, тебе ничто не мешает, — спокойно отозвался Вулми. — Только ты забыл о том, что люди Гарстона могут захватить твой корабль. Ты забыл и о том, что без меня ты никогда не доберешься до сокровищ, и о том, что ты не жилец на этом свете, стоит мне только добраться до твоей команды.

Все это Вулми произнес с усмешкой, но даже Франсуаза поняла, что он отвечает за свои слова. На коленях у него лежала обнаженная сабля, и Вильер в случае необходимости не успел бы выхватить свой меч из-под стола.

— Ты задал по крайней мере двоим из нас нелегкую задачу, Вулми, — ругнувшись, произнес наконец

Гарстон. — Меня устраивает то, что предлагает Вулми. Что вы скажете на это, сударь?

— Я должен покинуть этот берег! — почти в беспомоществе прошептал Генри. — Я должен исчезнуть отсюда. И как можно быстрее, и как можно дальше!

Гарстон удивленно передернул плечами и повернулся к Вильеру с любезнейшей из улыбок:

— А что скажешь ты, Гийом?

— Разве у меня есть выбор? — хмуро отозвался Вильер. — Если ты позволишь мне взять с собой троих офицеров и четыре десятка солдат, то считай, что мы договорились.

— Троих офицеров и еще полсотни человек!

— Отлично!

— Тогда по рукам!

Однако они не пожали руки в знак согласия. Оба капитана глядели друг на друга через стол как голодные волки. Граф дрожащей рукой теребил усы, погруженный в собственные невеселые мысли. Вулми, отхлебывая вино, обводил присутствующих смеющимся взглядом, на его губах блуждала ухмылка, напоминавшая оскал сытого тигра. Франсуаза, казалось, кожей почувствовала, какая жажда наживы владела каждым из этих людей, исключая, разве что, графа Генри. Она поняла, что никто из капитанов, этих морских волков, не собирается сдерживать своих обещаний. Генри, опять же, не шел в счет. Всем остальным было важно лишь завладеть кораблем и сокровищами. Что последует дальше? Гнетущая атмосфера взаимной ненависти, повисшая в зале, совершенно подавляла Франсуазу. Было ясно, что каждый из этих вольных волков собирается завладеть и сокровищами, и кораблем, по меньшей мере — трое из собравшихся, не считая графа. Но что же дальше? Ирландец внушал Франсуазе не больше доверия, чем Вильер и Гарстон, если не меньше. Его могучим плечам и всему его крепкому телу было, казалось, тесно даже в этом огромном зале. В нем чувствовалась какая-то первобытная сила, которой не обладал ни в один из его собеседников.

— Укажи нам путь к сокровищам! — потребовал Вильер.

— Не все сразу, — отозвался Вулми. — Надо сперва закрепить наши обязательства, чтобы ни у кого из нас не было перед другими преимуществ. Давайте сделаем так: люди Гарстона сойдут на берег, на корабле останется не больше дюжины народу. Они смогут расположиться на берегу. Люди Вильера покинут форт и тоже встанут лагерем на берегу. Обе команды прекрасно смогут следить друг за другом, и уж во всяком случае никто не помешает нам доставить на берег сокровища. Те, кто останется на борту «Боевого Ястреба», смогут быстро вывести корабль из залива. Люди останутся в форте, однако ворота форта не будут заперты, да, граф?

Граф Генри передернул плечами:

— В этот лес я не войду за все золото Мексики!

— Никто вас и не заставляет, граф. Мы заберем по пятьдесят человек из каждой команды и отплывем!

Франсуаза видела, как обменялись ненавидящими взглядами Вильер и Гарстон, но оба эти взгляда беспомощно погасли. Ей был отчетливо ясен пробел в рассуждениях Вулми, и она только удивлялась тому, что никто не возражает этому дикарю. Как только ему удалось пробраться через лес? Умами этих людей владели сокровища, и они заранее ненавидели друг друга и были готовы расправиться друг с другом, не моргнув глазом. Франсуаза поежилась, взглянув на дядю, — этот могучий, широкоплечий воин сидел за столом, пригубливая вино, в полном согласии с той судьбой, которую ему назначили.

Ей было ясно, что близка кровавая развязка. Вильер с радостью покончил бы с Гарстоном, а англичанин, в свою очередь, давно уже мысленно приговорил к смерти Вильера и, наверное, не прочь был бы избавиться от графа, да и от нее тоже. Если только победа останется за Вильером, тогда и они с дядей уцелеют. Но, глядя на нервно теребившего усы буканьера, Франсуаза не могла решить, что лучше — умереть или стать его женой.

— Как далеко отсюда находятся сокровища? — спросил Гарстон.

— Если мы выйдем не позже чем через час, то вернемся до полуночи, — ответил Вулми.

Он залпом осушил свой кубок, поднялся, поправил пояс и взглянул на графа Генри.

— Д'Частильон, вы, должно быть, сошли с ума. Зачем вам понадобилось убивать индейского охотника?

— Что вы имеете в виду? — недоумевая, переспросил граф.

— Вы хотите сказать — вы не знаете о том, что прошлой ночью вашими людьми в лесу убит индеец?

— Никто из моих людей не мог оказаться в лесу прошлой ночью, — заявил граф.

— Но кто-то все-таки оказался, — хмуро произнес Вулми, шаря в кармане. — Я своими глазами видел его голову, прибитую к дереву на краю леса. На нем не было боевой раскраски. Никаких следов я вокруг не обнаружил, значит, его убили до того, как началась буря. На сырой земле ясно отпечатались лишь следы мокасин. Значит, индейцы тоже видели его голову. Если они живут в мире с племенем, к которому принадлежал убитый, они отправятся к нему в деревню и расскажут о его смерти.

— Может быть, они и убили его? — неуверенно проговорил граф.

— Нет, не они. Но они знают, кто это сделал, так же, как знаю я. Вот цепочка, которая была завязана узлом на его обрубленной шее. Вы, должно быть, в самом деле безумны, если так явно выдаете себя.

Он достал что-то из кармана и бросил на стол перед остолбеневшим графом. Граф Генри отшатнулся, и его рука невольно поднялась к горлу. Перед ним лежала цепочка, которую он обычно носил на шее.

Вулми обвел присутствующих вопросительным взглядом, а Вильер покрутил пальцем у виска в знак того, что у графа не все в порядке с головой. Вулми убрал саблю в ножны и надел свою шляпу с пером.

— Ладно, пошли, — буркнул он.

Капитаны допили вино и поднялись, поправляя пояса, на которых висело оружие. Вильер взял графа за руку и легонько встряхнул ее. Граф вышел вслед за остальными. Было видно, что он еще не оправился от изумления — цепочку он теребил в пальцах.

Из зала вышли не все. Франсуаза и Тина, о которых забыли, во все глаза смотрели вниз с лестничной площадки. Они увидели, как Гайо замешкался возле тяжелой двери, а когда она закрылась за остальными, поспешно подошел к камину и осторожно поворошил ко- чергой дымившиеся угли. Затем он опустился перед камином на колени и довольно долго что-то рассматривал, после чего поднялся и вышел из зала через другую дверь.

— Что он там нашел? — прошептала Тина.

Франсуаза молча покачала головой, потом, повинув- ясь охватившему ее любопытству, спустилась в пустой зал. Через мгновение она уже стояла на коленях перед камином на том самом месте, где только что стоял управ- ляющий. И девушка увидела то, что рассматривал Гайо.

Это был обуглившийся остаток карты, которую Вулми бросил в огонь. От неосторожного прикосно- вения он бы неминуемо рассыпался, но пока на нем еще оставались неясные следы линий и какие-то над- писи. Надписи Франсуаза не смогла прочитать, но ли- нии складывались в смутное изображение какого-то холма или скалы, точками вокруг обозначались дере- вья. Вспомнив, как вел себя Гайо, девушка догадалась: ему было знакомо то, что изображено на карте. Она знала, что управляющий временами уходил в лес даль- ше, чем любой из жителей форта.

6

Франсуаза спустилась вниз и остановилась в не- решительности, увидев графа, сидевшего за столом. Он все еще держал в руках разорванную цепочку. В форте было до странности тихо, полуденная жара, казалось,

приглушила все звуки. Так же тихо было и на берегу. Команды Вильера и Гарстона расположились лагерями в нескольких сотнях ярдов друг от друга. В заливе стоял «Боевой Ястреб». На борту осталась горстка надежных людей Гарстона, готовых при малейшем намеке на опасность сняться с якоря и отвести корабль на безопасное расстояние. Корабль был его козырной картой, лучшей гарантией, надежно защищавшей от возможного вероломства со стороны компаньонов.

Вулми предусмотрел все, чтобы не позволить ни одной из враждующих партий устроить в лесу засаду. Но Франсуазе казалось, что он никак не позаботился о том, чтобы защитить себя от возможного нападения своих спутников. И наконец, он вошел в лес во главе отряда из трех десятков людей Гарстона и Вильера. Франсуаза была уверена, что больше не увидит его живым.

Она обратилась к дяде хриплым от волнения голосом:

— Как только они доберутся до сокровищ, они убьют Вулми. Что тогда будет с нами? Попадем ли мы на корабль? Можно ли доверять Гарстону?

Граф Генри с отсутствующим видом покачал головой.

— Вильер успел раскрыть мне свои намерения. Он устроит так, чтобы всем, кто отправился за сокровищами, пришлось бы заночевать в лесу. Он со своими людьми перебьет спящих англичан и вернется на берег. Перед рассветом я отправлю своих рыбаков на лодках к «Боевому Ястребу», и они захватят корабль. Ни Гарстону, ни Вильеру это и в голову не придет. Когда Вильер вернется из леса, мы объединим своих людей и перебьем лагерь пиратов на берегу, а после этого заберем все сокровища и выйдем в море на «Боевом Ястребе».

— А что будет со мной? — спросила девушка пересохшими губами.

— Я обещал отдать тебя Вильеру, — глухо произнес граф без тени сочувствия. — За это он возьмет нас с собой.

Он поднес цепочку к глазам, и на ней заиграл солнечный луч, заглянувший в окно.

— Я, должно быть, обронил ее на берегу, — пробормотал граф. — А он нашел...

— Вы вовсе не обронили ее на берегу, — жестко произнесла Франсуаза, сама удивляясь своему злорадству. Ее душа словно окаменела. — Вы сорвали ее с шеи прошлой ночью, когда набросились на Тину. Я своими глазами видела эту цепочку на полу, когда уходила из зала.

Граф взглянул на нее, и его лицо сделалось серым от страха.

Франсуаза зло рассмеялась, утадав в его взгляде вопрос.

— Да! Тот самый черный человек был здесь! Он, должно быть, и подобрал с полу вашу цепочку. Я видела, как он пробирался через верхний коридор.

Граф откинулся на спинку кресла, и цепочка выскользнула из его пальцев.

— В поместье! — прошептал он. — Несмотря на охрану и крепкие засовы на дверях! Мне не убежать от него, и никто не сможет меня защитить! Значит, мне не померещилась та возня возле моей двери прошлой ночью! Возле моей двери! — выкрикнул он сдавленным голосом, схватившись за воротник, будто ему внезапно стало душно. — Будь он проклят!

Судорога прошла. Граф обмяк, его била дрожь.

— Я все понял, — выдохнул он. — Запоры на дверях моей спальни оказались чересчур крепкими даже для этого человека. Тогда он разбил корабль, на котором я собирался уйти отсюда, и убил того несчастного индейца, оставив на нем мою цепочку, чтобы навлечь на меня месть его сородичей. Индейцы не раз видели эту цепочку у меня на шее.

— Кто этот черный человек? — спросила Франсуаза, чувствуя, как по спине у нее бегут мурашки.

— Он из племени джу-джу на Берегу Рабов, — прошептал граф, глядя куда-то в пространство невидящими глазами.

— Я разбогател благодаря торговле живым товаром. Когда я был молод, то водил свои корабли от Берега Рабов в Вест-Индию, поставляя чернокожих на испанские плантации. Моим компаньоном стал чернокожий шаман, принадлежавший к одному из племен того далекого побережья. Он со своими воинами захватывал рабов, а я переправлял их в Индию. Я в те дни был просто чудовищем, однако он в десятки раз чудовищнее меня. Если только человек способен продать душу дьяволу — этот чернокожий именно таков. Даже сейчас я просыпаюсь в холодном поту, когда мне снятся кошмарные сны о том, что мне довелось видеть в его деревне, когда над джунглями висела красная луна, громко бил барабан, а на алтарях корчились и страшно кричали люди, которых он приносил в жертву своим страшным богам.

В конце концов я обманом продал его самого испанцам. Его заковали в цепи и отправили на галеры. Он поклялся тогда страшно отомстить мне, однако я только посмеялся над его угрозами. Тогда я не верил, что ему удастся освободиться.

Шли годы, но забыть о нем я не мог. Я стал в страхе просыпаться по ночам, все чаще вспоминая его угрозу. Я пытался убедить себя, что он давно уже мертв, что испанцы наверняка убили строптивого раба. Но вот в один ужасный день до меня дошли слухи о том, что какой-то странный чернокожий, со следами цепей на запястьях, разыскивает меня по всей Франции.

В те дни он знал меня под другим именем, однако я понимал, что рано или поздно мы встретимся. Тогда я продал все свои владения и бежал из Франции. Так мы попали сюда. Долгое время я был спокоен, считая, что избежал опасности. Но он напал на мои следы и добрался до меня даже на этом заброшенном берегу, и теперь он рыщет здесь, как ядовитая кобра.

— Что вы имели в виду, когда сказали, что он разбил корабль? — сделав над собой усилие, спросила Франсуаза.

— Колдуны с Берега Рабов умеют вызывать бури! — прошептал граф. — Это было его колдовство!

Франсуаза поежилась. Она-то была уверена, что прошедшая буря — лишь причуда случая. Разве может кто бы то ни было командовать штормами? Тайнственный черный человек — всего-навсего человек из плоти и крови. Однако тут она вспомнила, как бил в лесу барабан во время шторма, и ей опять стало не по себе.

Широко раскрытыми от ужаса глазами Генри смотрел куда-то вдаль сквозь стены, украшенные го-беленами.

— Я перехитрю его, — прошептал он. — Только бы дожить до рассвета, а там я доберусь до корабля, и нас с ним опять разделит океан.

* * *

— Дьявольщина!

Вулами резко остановился, и тут же замерли матросы, шедшие за ним двумя отдельными кучками. Вулами вел их по старой индейской тропе на восток, и берега уже не было видно.

— Почему ты остановился? — с подозрением спросил Гарстон.

— Впереди кто-то идет, — негромко ответил Вулами. — Он обут в сапоги. Этим следам не более часа. Никто из вас не посылал человека вперед?

Оба капитана, чертыхаясь, с возмущением отвергли это предположение, одинаково подозрительно оглядывая друг друга. Вулами покачал головой и пошел вперед, остальные за ним. Морские волки, сроднившиеся с бесконечными морскими просторами, они растерялись в таинственной зелени леса. Тропа, по которой они шли, так извивалась, что матросы уже совершенно не представляли, где они находятся.

— Странные вещи здесь происходят, — проворчал Вулами. — Если граф Генри не убивал того индейца, то кто же это сделал? И все равно индейцы будут считать,

что убил он. Когда в племени этого охотника станет известно, что с ним случилось, они не успокоятся, пока не отомстят. Я только надеюсь, что мы выберемся из леса прежде, чем они встанут на тропу войны.

Тропа поворачивала на север. Вулми сошел с нее и пошел дальше между деревьями, выдерживая направление на юго-восток. Гарстон и Вильер переглянулись. Это могло нарушить их планы. Не пройдя и ста шагов после того, как свернули с тропы, они поняли, что безнадежно заблудятся здесь без проводника. Их обоих одолевали самые немыслимые подозрения, но неожиданно лес оборвался, и они увидели перед собой вытянутую мрачную скалу. Среди нагромождения валунов вилась едва заметная тропа. Она поднималась на скалу и обрывалась на ровной площадке недалеко от вершины.

— По этой тропе я бежал от индейцев, — сказал, остановившись, Вулми. — Она ведет в пещеру вон за тем уступом, а в этой пещере я и нашел тела да Верразано и его людей. Сокровища тоже здесь. Но прежде чем мы поднимемся туда, вот что я вам скажу: если вздумаете меня убить, вы никогда не выберетесь на тропу. Я прекрасно знаю, что вы беспомощны в этих лесах, как младенцы. Конечно, вы знаете, что берег расположен к западу отсюда, однако к нему придется идти с грузом добычи по густому лесу, и вы доберетесь до него не за несколько часов, а за несколько суток. Не думаю, чтобы блуждать по этим лесам для белых людей было совсем безопасно, особенно теперь, когда индейцы обнаружили на том дереве голову своего соплеменника.

Лица Вильера и Гарстона вытянулись, и губы дернулись в кривых усмешках, когда Вулми так легко разбил в пух и прах их планы. Вулми невольно рассмеялся. Однако стало ясно, что теперь их головы посетила одна и та же мысль: пусть ирландец поможет им добыть сокровища и выведет их на тропу, а потом они успеют с ним расправиться.

— Нас троих будет вполне достаточно, чтобы вынести сокровища из пещеры, — сказал Вулми.

Гарстон сардонически усмехнулся.

— Ты считаешь меня идиотом? Да я нипочем не соглашусь войти в пещеру в одиночку с тобой и Вильером! Со мной отправится мой боцман. — Он кивнул загорелому хмурому великану, обнаженному до пояса, с золотыми серьгами в ушах и малиновым шарфом, повязанным вокруг головы.

— А со мной пойдет мой палач! — сварливо произнес Вильер. Он подозвал высокого морского разбойника, лицо которого было похоже на пересохший пергамент. На плече тот держал обнаженную саблю.

Вулми пожал плечами:

— Вот и хорошо. Идите за мной.

Он стал подниматься по извилистой тропе, остальные шли за ним по пятам. Но вот Вулми протиснулся в трещину за крутым уступом, и у них перехватило дыхание, когда он показал им кованые супідуки, стоявшие вдоль короткого коридора.

— Здесь баснословные богатства, — негромко сказал он. — Здесь одежда, оружие, дорогие кружева. Но настоящие сокровища хранятся за этой дверью.

Он приоткрыл дверь так, чтобы его спутники могли заглянуть внутрь.

Их взглядам открылась широкая пещера, слабо освещенная странным голубоватым светом, пробивавшимся откуда-то сквозь туманную дымку, висевшую в воздухе. Посреди пещеры стоял большой эбонитовый стол, а в резном кресле с высокой спинкой и широкими подлокотниками сидел великан, почти сказочный герой — Джиованни да Верразано. Его голова свесилась на грудь, а в руке он все еще сжимал кубок, украшенный драгоценными камнями. На нем была шляпа с пером, дорогие пуговицы расшитого золотом плаща поблескивали в призрачном голубоватом свете. На роскошном поясе висел меч с причудливо украшенной рукояткой в позолоченных ножнах.

Почти так же, склонив головы к груди, за столом сидели одиннадцать буканьеров. Таинственный голу-

боватый свет, как нимб, переливался над грудой драгоценностей, лежавших посреди стола. Это были сокровища Монтесумы! Эти камни стоили дороже всех драгоценных камней в мире, вместе взятых!

В призрачном свете лица пиратов казались мертвенно бледными.

— Входите и возьмите их, — предложил спутникам Вулми.

Гарстон и Вильер протиснулись за ним в пещеру, толкая друг друга от нетерпения. Те, кто сопровождал их, вошли следом. Вильер толкнул дверь, открывая ее шире, и замер при виде распростертого на полу тела, которое они сначала не заметили из-за прикрытой двери. Человек лежал, неестественно изогнувшись и запрокинув голову, на побелевшем лице застыла гримаса смертельной агонии, скрюченные пальцы тянулись к горлу.

— Гайо! — воскликнул Вильер. — Какого... — Неожиданно его голову окутал голубоватый туман, наполнявший пещеру. Вильер вздрогнул и крикнул: — Этот дым несет смерть!

В тот самый миг, когда раздался крик Вильера, Вулми всем телом навалился на своих четырех спутников, столпившихся в дверях, так что все они едва удержались на ногах. Однако ему не удалось втолкнуть их в пещеру.

При виде мертвеца они успели отшатнуться, и Вулми не добился того, чего хотел. Гарстон и Вильер наполовину перевалились через порог, упав на колени, боцман Гарстона споткнулся об их ноги, а палач прижался к стене. Вулми не смог затолкать тех, кто упал, в пещеру и запереть за ними дверь, чтобы смертоносный туман сделал свое дело. Ему пришлось молниеносно повернуться и отразить нападение палача.

Француз изо всей силы ударил перед собой огромным мечом, но Вулми успел увернуться, и тяжелое лезвие прозвенело о каменную стену, выбив сноп голубых искр. В следующее мгновение лысая голова па-

лача покати́лась по каменному полу, снесенная с плеч ударом сабли ирландца.

Это произошло в считанные секунды, но боцман Гарстона успел подняться и набросился на Вулми с обнаженной саблей. Сталь зазвенела о сталь, звон отдавался эхом в узком каменном коридоре. Обоим капитанам удалось наконец перевалиться через порог, они задыхались, и лица их были багровыми от удушья.

Кричать они не могли. Увидев это, Вулми с удвоенной яростью стал наносить удар за ударом своему противнику в надежде расправиться с ним прежде, чем они придут в себя. Боцман шаг за шагом отступал назад, истекая кровью. Однако решающего удара Вулми нанести не смог — капитаны опомнились, выхватили мечи из ножен и стали звать на помощь оставшихся внизу людей.

Опасаясь оказаться в ловушке с двух сторон, Вулми выскользнул на уступ скалы.

Люди внизу не спешили броситься на помощь своим капитанам. Они, конечно, слышали крики, но каждый боялся получить удар меча в спину. Они в нерешительности переглядывались, продолжая топтаться возле скалы. Когда Вулми выбрался на уступ, все они, как по команде, изумленно уставились на него. Не дожидаясь, пока они опомнятся, Вулми вскарабкался по неровным ступеням, выбитым в скале, к вершине и, перевалившись через нее, стал для них недосягаемым.

Капитаны вслед за Вулми вышли на уступ, за которым скрывался вход в пещеру. Люди, увидев своих предводителей целыми и невредимыми, громкими криками выразили свою радость.

— Собака! — прокричал Вильер туда, где скрылся Вулми. — Ты хотел отравить нас! Предатель!

Сверху раздался смех Вулми.

— А чего вы еще ожидали? Вы же собирались перерезать мне глотку, как только я добуду для вас сокровища. Если бы не этот болван Гайо, вы попались бы в ловушку, а вашим людям я бы сумел объяснить,

как вы погибли из-за собственной неосмотрительности.

— А ты завладел бы моим кораблем и всеми сокровищами! — вскричал Гарстон.

— Конечно! Да еще и получил бы обе ваши команды! Там, на тропе, я видел следы Гайо. Не могу только понять, как болван пронюхал об этой пещере.

— Если бы мы не наткнулись на его тело, мы вошли бы в этот смертоносный туман, — нахмуясь, пробормотал Вильер. — Мне казалось, что мое горло сжало чьи-то пальцы.

— Ну и что вы теперь собираетесь делать? — осведомился их мучитель.

— Что мы собираемся делать? — спросил Вильер, обращаясь к Гарстону.

— Вам не достать сокровищ, — заверил их Вулми из своего укрытия. — Этот туман немедленно убьет вас. Он едва не задушил и меня, когда я туда вошел. Послушайте-ка, я расскажу вам одну из историй, которые рассказывают индейцы возле своих костров!

Однажды, давным-давно, с моря пришли двенадцать человек и заполнили пещеру золотом и драгоценными камнями. Однако, пока они сидели, пили и распевали песни, земля задрожала, из ее недр поднялся голубой дым и убил их. С тех пор все индейские племена обходят это место, считая, что оно находится во власти злых духов.

Когда я, спасаясь от индейцев, попал сюда, я увидел, что старые индейские сказки не лгут, и говорится в них о да Верразано. Должно быть, землетрясение раскололо каменный пол пещеры, и буканьеры задохнулись в ядовитом дыму, не успев даже понять, что произошло, в тех же самых позах, в которых сидели и пили вино. Теперь сама смерть охраняет их добычу!

Гарстон заглянул в коридор.

— Дым расползается по коридору, но на открытом воздухе он рассеивается. Будь проклят этот Вулми! Давай-ка попробуем добраться до него.

— Неужели ты думаешь, что кто-то, кроме него, способен вскарабкаться по этим ступеням? — отозвался Вильер. — С нами наши люди, пусть они обойдут скалу и, как только он покажется, стреляют. Он намеревался каким-то образом завладеть сокровищами, а раз он считает это возможным, значит, и мы сможем их заполучить. Можно попробовать привязать к веревке крюк и зацепить его за ножку стола. Тогда мы подтащим стол к выходу и сможем забрать все, что на нем лежит.

— Неплохо придумано, Гийом! — услышали они насмешливый голос Вулми. — Именно об этом я и сам подумывал. Однако как вы выберетесь отсюда обратно на тропу? Вам не дойти до берега засветло, а в ночном лесу я смогу догнать вас и перебить по одному.

— Это ведь не пустое бахвальство, — пробормотал Гарстон. — Он подкрадется неслышно, как настоящий индеец, и тогда немногим из нас удастся добраться до берега.

— Значит, мы расправимся с ним здесь. Кто-то будет стрелять снизу, а остальные вскарабкаются на скалу. Над чем это он так смеется?

— Смешно слушать, как мертвец строит планы, — прозвучал издевательский голос сверху.

— Не надо обращать на него внимания, — негромко заметил Вильер и приказал своим людям подниматься на уступ к нему и Гарстону.

Но не успели матросы ступить на тропу, как послышался звук, напоминавший жужжание целого роя злых пчел, а потом глухой стук, как будто от падения чего-то тяжелого. Один из буканьеров упал на колени, хватая ртом воздух и пытаясь выдернуть стрелу, торчавшую у него в груди. Остальные дружно закричали.

— Что случилось? — крикнул Гарстон.

— Индейцы! — прохрипел пират и рухнул вниз. Стрела пробила его шею.

— Прячьтесь, болваны! — выкрикнул Вильер.

С той высоты, где находились они с Гарстоном, были хорошо видны раскрашенные тела воинов, при-

таившихся в кустах. Еще один из пиратов замертво упал на тропу. Остальные лихорадочно пытались спастись за валунами у подножия скалы. Из кустов летели стрелы и ударялись о камни. Гарстон и Вильер замерли на своем уступе.

— Мы в ловушке! — Гарстон был бледен, как полотно. Он не на шутку перетрусил: он мог отчаянно драться, чувствуя под ногами доски палубы, но здесь пират растерялся.

— Вулми говорил, что они боятся этой скалы, — вспомнил Вильер. — Когда стемнеет, наши люди должны подняться сюда. Индейцы не сунутся на этот уступ.

— Все верно! — засмеялся откуда-то сверху Вулми. — Они не полезут на скалу. Они попросту окружают ее и будут ждать, пока вы не подохнете от голода.

— Надо бы помириться с ним, — пробормотал Гарстон. — Если кто-то и может помочь нам выбраться из этой переделки, так только он. Еще успеем перерезать ему глотку. — И он позвал: — Вулми! Вулми, давай забудем о вражде. Ты ведь точно так же попал в ловушку, как и мы.

— Ну и что из этого? — презрительно отозвался ирландец. — Когда стемнеет, я смогу спуститься с этой стороны скалы и проберусь мимо индейцев так, что они ничего не услышат и уж тем более не увидят. Я вернусь в форт и расскажу, что вас взяли в плен дикари, — к тому времени это будет чистая правда!

Гарстон с Вильером молча переглянулись.

— Однако я не сделаю этого! — продолжал Вулми. — Вовсе не потому, что вы, собаки, так уж мне дороги. Просто не годится белому человеку бросать своих соплеменников на растерзание краснокожим дикарям, даже если речь идет о его врагах.

Ирландец высунулся из-за гребня скалы.

— Послушайте меня! Здесь их немного. Я видел их только что, когда смеялся над вами. Но я уверен, что сюда движется большой отряд, а этих отправили вперед, чтобы отрезать нам путь к берегу. Сейчас они все на западной стороне скалы. Я спущусь вниз по восточ-

ному склону и зайду к ним в тыл. Тем временем вы осторожно, ползком доберетесь по тропе до своих людей и укроетесь за камнями. Когда услышите мой свист, бегите к деревьям.

— А как быть с сокровищами?

— К дьяволу сокровища! Дай нам Бог унести отсюда ноги!

Его темноволосая голова исчезла. Вильер и Гарстон стали напряженно прислушиваться в надежде услышать что-нибудь, указывающее на то, что Вулми удалось подползти к почти отвесной восточной стороне скалы и начать спуск. Однако все было тихо. Из леса тоже не доносилось никаких звуков. Стрелы больше не ломались о камни, но все понимали, что за ними наблюдают хищные черные глаза. Гарстон, Вильер и боцман попытались осторожно спуститься вниз.

Не прошли они и половины спуска, как опять засвистели стрелы. Боцман вскрикнул и упал вниз, раскинув руки. Стрела попала ему прямо в сердце. Стрелы ударились о камни совсем рядом с капитанами, но им удалось невредимыми добраться до подножия скалы и укрыться за валунами.

— Может быть, это шуточки Вулми? — отдышавшись, спросил Вильер.

— Ну нет, сейчас мы вполне можем ему доверять, — возразил Гарстон. — Тут дело касается его принципов. В этот раз он поможет нам и выступит на нашей стороне, а не с индейцами, несмотря на то, что сам хотел нас утробить. Слушай!

Тишину нарушил леденящий душу свист. Он доносился с западной стороны; одновременно с ним из-за деревьев что-то вылетело и, стукнувшись о землю, покатилося к подножию скалы. Это была человеческая голова с раскрашенным по-боевому лицом, на котором застыла гримаса смерти.

— Это сигнал Вулми! — крикнул Гарстон, и в то же мгновение пираты выскочили из-за валунов, устремившись к лесу.

Из кустов беспорядочно полетели стрелы — индейцы не ожидали такого поворота событий. Трое матросов упали замертво, но остальным удалось добежать до деревьев, и закаленные в морских схватках матросы набросились на обнаженных раскрашенных дикарей.

Схватка была жестокой, но короткой. Дрались без всяких правил, как придется — матросы саблями отражали удары боевых топоров, били сапогами по обнаженным телам противника. Вскоре в траве остались лежать семеро индейцев. Из чащи еще слышался шум драки, но вот все стихло, и под деревьями показался Вулми в разорванном плаще, с обнаженной саблей в руке.

Вильер бросился к нему:

— Что дальше?

Он прекрасно понимал, что сейчас они победили только благодаря Вулми, нападения которого индейцы никак не ждали. Под его натиском дикари растерялись.

— Вперед!

Вильер, Гарстон и оставшиеся в живых матросы бросились за ним по пятам, чертыхаясь и прокладывая себе дорогу среди зарослей. Конечно, без Вулми они бы не один час блуждали в этом диком лесу и неизвестно, сумели бы вообще когда-нибудь добраться до берега. Вулми вел их так уверенно, будто не пробираясь через густые заросли, а шел по ровной дороге, и вдруг все они оказались на тропе, бежавшей на запад.

— Дурень! — рявкнул Вулми на одного из пиратов, который порывался бежать по этой тропе. Он схватил матроса за плечо и подтолкнул обратно к товарищам. — Побереги дыхание, а то сердце выскочит из твоей груди через какую-нибудь тысьонку ярдов. До берега отсюда не одна миля, так что остынь. Бежать еще может быть, и придется, но позже. А теперь пошли!

Он зашагал по тропе, и матросы последовали за ним, пытаясь приноровиться к его шагам.

На западе закатное солнце коснулось своими лучами гребней волн. Тина стояла возле того самого окна, из которого Франсуаза смотрела на шторм.

— Закат будто кровью окрашивает воду, — сказала девочка. — Парус как белое пятно на малиновой воде, а в лесу уже совсем темно.

— Что там делается на берегу? — сонно спросила Франсуаза. Она полулежала на кушетке с закрытыми глазами, закинув руки за голову.

— И те, и другие заняты ужином, — ответила Тина. — Они собирают деревянные обломки и разводят костры. Мне слышно, как они что-то кричат... Что это?

Волнение, прозвучавшее в голосе девочки, заставило Франсуазу сесть на кушетке. Тина вцепилась в оконную раму и побледнела.

— Послушайте! Там, далеко, будто стая волков вост!

— Волки? — Франсуаза вскочила. — Волки не охотятся стаями в это время года!

— Смотрите! — воскликнула девочка. — Из леса бегут люди!

В следующее мгновение Франсуаза была уже рядом с ней, широко раскрытыми глазами всматриваясь вдаль. Она увидела маленькие фигурки бегущих людей.

— Матросы! — потрясенно прошептала она. — Они с пустыми руками! Я вижу Вильера... Гарстона...

— Где Вулми? — спросила Тина.

Франсуаза покачала головой.

— Послушайте! Слышите? — прошептала девочка, прикинув к ней.

Теперь уже все в форте слышали душераздирающий вой, поднимавшийся над окраиной леса. Этот вой будто прищпорил людей, изо всех сил бежавших к форту.

— Они нас догоняют! — прохрипел Гарстон. — Мой корабль...

— Твой корабль далеко, нам до него не добраться! — на бегу, задыхаясь, ответил Вильер. — Беги в форт! Гляди, наши люди на берегу заметили нас!

Он замахал руками, приветствуя матросов. Но никто ему не ответил: люди в обоих лагерях уже поняли, какая страшная опасность движется из леса, и, побросав все, чем были заняты, устремились к воротам форта. Гарстон, Вильер и бежавшие с ними матросы обогнули южный угол стены и вбежали в ворота, едва живые от перенесенного напряжения. Ворота со скрежетом закрылись.

Франсуаза разыскала Вильера.

— Где Черный Вулми? — спросила она.

Буканьер кивнул в сторону темневшего леса. Его лицо заливал пот, грудь тяжело поднималась и опускалась.

— Они наступали нам на пятки. Вулми задержал их, чтобы мы успели спастись.

Он отошел от девушки и занял свое место на стене. Гарстон уже был там, как и закутанный до бровей в темный плащ граф Генри.

— Глядите! — воскликнул пират, указывая куда-то в темноту.

От кромки леса к форту бежал человек.

— Вулми!

Вильер хищно оскалился:

— Мы здесь в безопасности. Мы знаем, где находятся сокровища. Почему бы нам теперь не пристрелить его?

— Подожди! — Гарстон схватил его за руку. — Нам пригодится его меч. Ты только взгляни туда!

За бегущим ирландцем из леса выкатилась лавина обнаженных жутко завывающих дикарей — не одна сотня. Вслед беглецу летели их стрелы. В несколько мгновений Вулми добежал до восточной части стены, высоко подпрыгнув, ухватился за верхние бревна и перемахнул через изгородь, зажав в зубах саблю. В стену вонзились несколько десятков стрел. На Вулми

не было его великолепного плаща, на разорванной белой шелковой рубашке запеклась кровь.

— Их нужно остановить! — закричал он, оказавшись на территории форта. — Если только им удастся взобраться на стену, мы пропали!

Матросы, солдаты и пираты дружно открыли огонь по дикарям.

Вулми заметил Франсуазу, к которой испуганно прижималась Тина, и обратился к ней более спокойно.

— Укройтесь в поместье, — повелительно произнес он. — Не хватало еще, чтобы вас задела шальная стрела! — Тут же, словно в подтверждение его слов, стрела упала прямо возле ног Франсуазы. Вулми выхватил мушкет и скомандовал: — Кто-то должен зажечь факелы! В темноте мы не сможем драться!

На корабле тем временем быстро подняли якорь, и вскоре «Боевой Ястреб» исчез за малиновым горизонтом.

7

На берег опустилась ночь, лишь злобный свет факелов заливал безумное побоище. Берег заполнили обнаженные раскрашенные дикари, они откатывались от стены форта и снова шли на приступ; казалось, им нет числа. В темноте блестели их оскаленные зубы и горящие ненавистью глаза.

Здесь собралось множество индейских племен, твердо решивших освободить свои земли от белых пришельцев. Снова и снова индейцы лавиной наступали на стену форта, рассыпая впереди себя тучи стрел, погибая под пулями и тяжелыми пушечными ядрами.

Время от времени им удавалось подойти к самым воротам, и тогда слышались удары их боевых топоров по бревенчатой стене, а сквозь бойницы дикари просовывали копья. Но всякий раз атаку удавалось отбить, и индейцы отступали из-под стены, оставляя на земле

убитых и умирающих. Защитники форта — пираты, матросы и люди графа Генри — сопротивлялись с бешеным упорством и со всей отвагой, на какую только были способны. Ядра наносили серьезный урон индейцам, со стены дикарей отгоняли смертоносные удары сабель и мечей.

Но индейцы вот уже в который раз шли на приступ с яростными боевыми криками и не собирались отступать.

— Это же стая бешеных собак! — прокричал Вильер, чья сабля мелькала над стеной, перерубая руки дикарей, вцеплявшиеся в ее край.

— Если только мы сможем продержаться до рассвета, они уйдут, — ответил Вулми, раскrojив череп дикаря, которому удалось подняться на стену. — Не в их привычках долго держать осаду. Погляди, они опять отступают!

Волна нападавших снова схлынула, и осажденные смогли стереть пот с усталых лиц и пересчитать потери. Индейцы отступили, как стая голодных волков, которых отогнали от добычи. В свете факелов под стеной остались только тела убитых.

— Они что, ушли? — Гарстон откинул со лба мешавшую ему прядь волос. Сабля, которую он сжимал в руке, была вся в зазубринах, по руке текла кровь.

— Да нет, они еще здесь, — кивнул Вулми в темноту, где угадывалось какое-то движение. — Они решили устроить небольшую передышку. Что ж, и нам надо этим воспользоваться. Оставьте на стене часовых и дайте людям выпить и перекусить. Уже далеко за полночь, мы дрались несколько часов кряду.

Оба капитана спустились вниз со стены и начали собирать людей. Было решено оставить часовых в середине каждой из четырех стен и небольшой отряд солдат возле ворот. Индейцам нужно было пройти по освещенному пространству, чтобы добраться до стены, и все защитники успели бы занять свои места наверху.

— А где д'Частильон? — спросил Вулми, откусив большой кусок жареного мяса.

Он стоял возле костра, разложенного посреди большого двора. Англичане и французы перемешались здесь, позабыв о давней вражде перед лицом общей опасности. Они жадно поглощали вино и еду, принесенные женщинами, а раненые охотно позволили позаботиться о себе.

— Еще час назад он дрался на стене рядом со мной, — ответил Гарстон, — и внезапно застыл на месте, уставившись в темноту, будто увидал привидение. Потом он закричал мне: «Посмотрите туда! Там этот черный дьявол! Я его вижу!» Я успел взглянуть туда, куда он показывал, и на миг мне показалось, что я увидел какую-то темную фигуру, но в следующий миг она исчезла. Граф спрыгнул со стены и скрылся в поместье; он шел, как смертельно раненный. Больше я его не видел.

— Может быть, он увидел лесного духа? — задумчиво произнес Вулми. — Индейцы говорят, что здесь обитает множество лесных духов. Однако сейчас меня больше пугают стрелы с огнем. Они смогут использовать эти стрелы в любой момент. Но что это? Будто кто-то зовет на помощь!

Едва в сражении наступило затишье, Франсуаза и Тина подошли к окну, от которого вынуждены были отойти, когда стрелы летели во все стороны. Девочка и ее госпожа смотрели на столпившихся у огня людей.

— На стене мало часовых, — сказала вдруг Тина. Франсуазу пугали тела убитых за оградой, однако она нашла в себе силы улыбнуться.

— Ты думаешь, что разбираешься в таких делах лучше мужчин? — ласково спросила она у девочки.

— На стенах надо было оставить больше народа, — настаивала Тина. — А если опять появится тот черный человек? По одному на каждой стене — это слишком мало. Черный человек может подобраться незаметно и убить часового отравленной стрелой, тот

даже и крикнуть не успеет. Он движется, как тень, и его не увидеть в свете факелов.

Франсуаза поежилась.

— Я боюсь, — пробормотала Тина. — Хорошо бы, если бы Вильера и Гарстона убили.

— А Вулми? — с любопытством спросила Франсуаза.

— Черный Вулми никогда не причинит вреда женщине, — серьезно ответила девочка.

— Тина, ты слишком мудра для своего возраста.

— Смотрите, госпожа! С южной стены исчез часовой! Еще миг назад я видела его, а теперь он пропал.

Из окна, возле которого они обе стояли, был хорошо виден верхний край южной стены форта, поднимавшийся над хижинами, которые выстроились почти параллельно стене. Между стеной и постройками оставалось что-то вроде коридора трех или четырех ярдов шириной. В этих хижинах жили люди графа.

— Куда мог деться часовой? — прошептала Тина.

Франсуаза взглянула на крайнюю хижину, стоявшую неподалеку от входа в само поместье. Ей показалось, что какая-то тень скользнула между хижинами и исчезла возле дверей. Кто это мог быть? Исчезнувший часовой?

Но почему он оставил свой пост и тайком проскользнул в поместье? Девушка пыталась взять себя в руки, но что-то подсказывало ей, что она увидела вовсе не часового, и ее охватил безотчетный страх.

— Тина, а где граф? — спросила она.

— Он в большом зале, госпожа. Он один сидит за столом, завернувшись в плащ, и пьет вино, а лицо у него совсем серое.

— Иди и расскажи ему о том, что мы с тобой видели. Я останусь здесь и буду смотреть в окно — а вдруг индейцы переберутся через эту стену? Ведь на ней нет часового.

Тина вышла. Франсуаза слышала легкие шаги девочки в коридоре, потом на площадке лестницы.

Внезапно в тишине раздался крик Тины. В этом крике прозвучал такой ужас, что Франсуаза на миг застыла. Она бросилась из спальни, вниз по лестнице, не успев даже осознать, что делает. Опрометью сбежав по ступеням, она остановилась как вкопанная. У нее не хватило сил, чтобы закричать. Она не почувствовала, как Тина вцепилась в нее дрожащими руками. Только замершая на месте Франсуаза и перепуганная маленькая девочка, казалось, и были реальными в том кошмаре, посреди которого они оказались.

Во дворе Гарстон покачал головой в ответ на вопрос Вильера.

— Я ничего не слышал.

— Зато я слышал, — вмешался Вулми. — Кричали где-то возле южной стены, за теми хижинами!

Обнажив саблю, он метнулся к южной стене. В свете костра ее не было видно за стенами построек. Гарстон побежал следом.

Возле входа в коридор между хижинами и стеной Вулми остановился. Узкое пространство тускло освещал факел, укрепленный в дальнем углу стены. Посреди коридора на земле лежало тело.

— Часовой!

Гарстон бросился к нему и опустился рядом на одно колено:

— Дьявольщина! Его горло перерезали от уха до уха!

Вулми окинул коридор быстрым взглядом, но близости не было никого. Он выглянул в бойницу, но в освещенном факелами пространстве вокруг крепостной стены тоже никого не увидел.

— Кто мог это сделать?

— Вильер! — Гарстон вскочил на ноги, сверкнув глазами. — Он подослал своих собак, чтобы они по одному перебили моих людей подлыми ударами из-за спины! Он хочет моей гибели!

— погоди, Дик! — Вулми схватил его за руку, глядя на стрелу, торчавшую из шеи мертвеца. — Не может быть, чтобы Вильер...

Но Гарстон уже не слышал его. Он вырвался и побежал обратно к костру. Вулми бросился вдогонку. Вильер стоял у огня с кувшином эля в руках. Его изумлению не было предела, когда кувшин вылетел у него из рук, и эль залил его нагрудник, а перед ним оказалось перекошенное от ярости лицо англичанина.

— Собака! — прорычал Гарстон. — Ты начал у меня за спиной подло убивать моих людей, когда они сражаются за твою никчемную жизнь так же, как и за мою?!

Возле костра все замерли в удивлении.

— Что ты несешь?! — рявкнул Вильер.

— Ты подсылаешь своих людей, чтобы они перебили моих на постах!

— Ты лжешь! — Однако этим Вильер только подлил масла в огонь.

Гарстон с яростным криком взмахнул саблей и опустил ее на голову француза. Вильер успел подставить под удар левую руку, защищенную доспехами, и выхватил меч из ножен. От удара стали о сталь посыпались искры.

Капитаны дрались так, будто оба сошли с ума, в свете костра сверкало их оружие. Все остальные, оцепенев, молча наблюдали за поединком, но когда англичанин и француз, отбросив клинки, обхватили друг друга и покатились по земле, раздался дружный рев множества глоток, и через несколько мгновений во дворе форта закипела схватка пиратов с буканьерами. Пираты, оставшиеся на стенах наблюдать за индейцами, присоединились к дерущимся. Солдаты возле ворот забыли о неприятеле и уставились на происходящее в форте.

Все произошло так быстро, что Вулми не успел добежать до обезумевших капитанов, — вокруг закипела драка. Но, пренебрегая опасностью, он добрался до зачинщиков и оттащил Вильера от Гарстона с такой силой, что последний едва не упал.

— Проклятые безумцы, вы хотите нас всех погубить?

Гарстон так и кипел от ярости, на лице Вильера было явное замешательство. Один из буканьеров побежал к Вулми сзади и занес над ним меч. Ирландец быстро повернулся и перехватил его руку.

— Поглядите, чего вы добились! — прокричал он, указывая мечом на одну из стен.

Что-то в его голосе заставило дерущихся остановиться. Люди застыли там, где стояли, с поднятыми мечами, и все повернулись туда, куда показывал Вулми. Пираты и буканьеры увидели, как один из солдат на стене зашатался, широко раскрыв рот и, не в силах кричать, упал со стены вниз со стрелой между лопатками.

Раздался леденящий душу многоголосый боевой клич индейцев, и тут же послышались удары топоров в ворота. Стрелы с огнем перелетали через стену или вонзались в нее, над фортом поплыли струйки дыма. Внезапно из-за хижин возле южной стены стали появляться темные силуэты людей.

— Индейцы в форте! — закричал Вулми.

Тут многих охватила паника, кое-кто метнулся к стене, но в следующее мгновение большинство защитников форта уже встречали индейцев с оружием в руках. Разрисованные дикари продолжали появляться из-за построек, стоящих вдоль южной стены, их боевые топоры скрестились с саблями матросов и пиратов. Позади Вильера как будто из-под земли выскочил индеец и раскроил ему голову ударом топора. Вулми командовал французами, защищавшими от индейцев двор, а Гарстон и большинство его людей поднимались на стену и сбрасывали с нее дикарей. Индейцы, напавшие на форт в то время, когда его защитники были увлечены дракой, теперь появлялись со всех сторон. Солдаты графа Генри сгрудились возле ворот, пытаясь сдержать бешеный напор дикарей.

Индейцев во дворе становилось все больше, и они продолжали перебираться через незащищенную южную стену и заполнять двор. Им удалось сбросить с северной и западной стен Гарстона и его людей, и те-

перь разрисованные дикари обрушились на защитников форта со всех сторон. В несколько мгновений двор превратился в кровавую бойню: отчаянно защищавшиеся небольшие группы бледнолицых продолжали яростно отбиваться от бесчисленных врагов.

Дикари врываются в хижины, под их топорами погибали женщины и дети, и над фортом стоял сплошной крик. Солдаты графа, слышав крики своих жен и детей, оставили ворота, и через несколько секунд ворота упали под напором индейцев. Многие хижины горели.

— Прорывайтесь в поместье! — воскликнул Вулми, и десяток людей, слышавших его крик, вслед за ним попытались проложить себе дорогу к поместью. Среди них был и Гарстон, он не устал работать саблей.

— Нам не удержать поместье, — крикнул он.

— Почему? — У Вулми не нашлось даже одного мгновения, чтобы взглянуть вперед, он отчаянно отбивался от окружавших его индейцев.

— Потому что... а-а-а! — С ножом в спине Гарстон смог все же повернуться и снес с плеч голову дикаря, потом закачался и упал на колени, изо рта у него пошла кровь.

— Поместье горит! — прохрипел он, прежде чем упасть в пыль.

Теперь Вулми оглянулся. Те, кто пробивался следом за ним, были мертвы. Возле его ног один из индейцев испустил последний вздох. Во дворе кипело сражение, но Вулми непостижимым образом на несколько мгновений остался один посреди этой кровавой битвы. Ему достаточно было сделать несколько шагов к стене, и никто не стал бы преследовать его, он мог бы исчезнуть в ночи. Но внезапно Вулми вспомнил о Франсуазе и ее маленькой подружке. Они где-то там, в поместье, из окон которого клубами валит дым. Не раздумывая больше, он бросился в дом.

Навстречу ему из двери выскочил один из индейских вождей в головном уборе из перьев, взмахнув боевым топором. Однако мощным ударом сабли Вул-

ми отразил удар топора, а в следующее мгновение раскроил индейцу голову. Спустя миг он был уже внутри дома. Дверь он запер на засов, и теперь индейцы пытались взломать ее топорами.

По большому залу плыли струйки дыма, и поначалу Вулми ничего не мог разглядеть. Где-то судорожно всхлипывала женщина. Он прошел несколько шагов и замер. В зале было почти темно. Сквозь дым он разглядел перевернутый серебряный канделябр. Огонь в камине слабо освещал помещение, пол в некоторых местах лизали языки пламени, дымились балки потолка. В неясном свете Вулми увидел человеческое тело, висевшее на одной из перекладин. Черты лица были искажены жуткой гримасой, однако Вулми узнал графа Генри д'Частильона.

Тут же он увидел у подножия лестницы Франсуазу и Тину, судорожно обхвативших друг друга. И еще сквозь дым в жутковатом красном свете стала видна огромная фигура чернокожего человека. Казалось, сам дьявол оказался здесь. В его глазах на перекошенном ненавистью лице отражалось пламя. Он был так ужасен, что даже у видавшего виды Вулми по спине пробежали мурашки, а заметив в руке черного человека бамбуковую трубку, он словно почувствовал дуновение смерти.

Чернокожий медленно поднес трубку к губам, и Вулми осознал, что не успеет поразить убийцу саблей. Его взгляд упал на тяжелую серебряную скамью, украшенную затейливым узором, одну из тех, что составляли когда-то великолепную пышную обстановку замка д'Частильонов. Она стояла рядом с ирландцем. Вулми молниеносно подхватил ее и поднял над головой.

— Проваливайся в преисподнюю! — проревел он и изо всей силы швырнул тяжелую скамью туда, где стоял чернокожий.

Скамья перевернулась в воздухе, и сотня фунтов серебра обрушилась на широкую грудь черного человека; ломая ребра, скамья сбила его с ног, и он упал

спиной прямо в огромный камин. Раздался его жуткий, нечеловеческий крик. Облицовка камина треснула, из широкой трубы вниз на чернокожего посыпались камни, погребая его под собой. С потолка упала одна из горевших балок, огонь охватил почти весь зал.

Вулми метнулся к лестнице, которую уже лизали языки пламени, одной рукой подхватил Тину, другой встряхнул оцепеневшую от ужаса Франсуазу. Сквозь треск и завывание огня были слышны удары индейских топоров в дверь.

Ирландец огляделся и, увидев в другом конце зала дверь, потащил к ней Франсуазу и Тину. Едва они оказались в соседней комнате, как позади раздался страшный грохот — в зале рухнул потолок. Сквозь клубы дыма Вулми разглядел открытую дверь на улицу.

— Черный человек через эту дверь проник в дом, — всхлипнула Франсуаза. — Я видела его... но я не знала...

Вулми выглянул наружу. Этот выход из поместья находился совсем рядом с хижинами возле южной стены форта. Перед ирландцем оказался дикарь с поднятым топором, его глаза казались красными от того, что в них отражался огонь. Вулми увернулся от удара, заслонив своим телом Тину, и молниеносным движением распорол саблей живот индейца.

Не выпуская девочку, он схватил за руку Франсуазу и бросился к южной стене.

Проход между стеной и хижинами был полон дыма, но беглецов заметили. Сквозь дым к ним метнулись несколько дикарей, размахивая топорами. Вулми нырнул в дым, одним прыжком оказался возле стены, подхватил Франсуазу и легко перекинул ее через верх. Затем он посадил на стену Тину, девочка спрыгнула и исчезла за стеной. Рядом с его плечом в бревно вонзился брошенный топор. Вулми не стал медлить, подтянулся на руках и ловко перескочил через стену вслед за Тиной и Франсуазой.

Рассвет окрасил море в бледно-розовый цвет. Вдали у самого горизонта белело пятнышко паруса.

Казалось, что он висит в туманном небе. На заросшем кустарником мысу Черный Вулми хлопотал над костром, сложенным из свежих веток, укрывая его от ветра старым разорванным плащом. Когда костер удалось разжечь, дым от него стал подниматься прямо вверх. Рядом сидела Франсуаза, обняв Тину за плечи.

— Выдумаете, что они заметят дым и поймут, что мы здесь? — спросила она.

— Конечно, они увидят дым, — заверил девушку Вулми. — Они всю ночь околачивались возле этого берега, высматривая уцелевших. Они здорово перепугались. Там их едва ли больше десятка, и ни один не способен вести корабль, они не смогут даже добраться до Горна, не говоря уж о том, чтобы обогнуть его. Они отлично поймут мой сигнал; этому парни из Братства выучились у индейцев. Они знают, что я могу управлять кораблем, и будут только рады взять нас на борт. Им ничего не останется, как предоставить мне командовать, — я ведь единственный из капитанов остался в живых.

— А если дым заметят индейцы? — Она поежилась, взглянув туда, где в нескольких милях к северу поднимались в небо клубы черного дыма.

— Вряд ли. Когда я спрятал вас в лесу, я вернулся к форту и видел, как они выкатывали из погребов бочки с вином. Многие были уже пьяны. Сейчас они наверняка отсыплются вповалку. Будь у меня хотя бы сотня людей, нам ничего не стоило бы их сейчас перебить. Однако смотрите! «Боевой Ястреб» идет к берегу. Они увидели наш знак.

Он отошел от костра и накинул плащ на плечи Франсуазы. Девушка взглянула на него с восхищением. Он был спокоен и весел, и по нему никак нельзя было сказать, что совсем недавно он участвовал в смертельной схватке, едва не погиб в огне, а после этого еще бежал с ними по ночному дикому лесу.

Франсуаза ни капельки не боялась его; рядом с ним она чувствовала себя так спокойно и уверенно, как

никогда еще не бывало с ней на этом берегу. Она понимала, что у этого человека есть свой собственный кодекс чести, который он никогда не нарушит.

— А что это был за чернокожий? — вдруг спросил Вуами.

Она вздрогнула:

— Этого человека граф когда-то давно продал в рабство на галеры. Ему каким-то образом удалось бежать и найти нас. Дядя считал его колдуном.

— Очень может быть, — пробормотал Вуами. — На Берегу Рабов мне доводилось видеть удивительные вещи. Ну да черт с ним. Нам, кроме него, есть о чем подумать. Что вы станете делать, когда вернетесь во Францию?

Девушка беспомощно покачала головой:

— Не знаю. У меня нет ни денег, ни друзей. Наверное, было бы лучше, если бы мое сердце пронзила одна из тех ужасных стрел.

— Не говорите так, госпожа! — горячо воскликнула Тина. — Я буду работать за нас обеих!

Вуами достал откуда-то из-за пояса небольшой кожаный мешочек.

— Мне не достались сокровища Монтесумы, — сказал он, — но в сундуке, где я взял одежду, мне попались вот эти побрякушки. — Он высыпал на ладонь пригоршню переливавшихся рубинов. — Здесь целое состояние.

Он ссыпал камни обратно в мешочек и протянул его Франсуазе.

— Я не могу принять это... — начала она.

— Вы обязательно их возьмете! Не для того я спас вас от индейцев, чтобы вы померли с голоду во Франции.

— А как же вы?

Вуами улыбнулся и кивнул на приближавшийся «Боевой Ястреб».

— Все, что мне нужно, — это корабль и команда. Корабль у меня появится с той минуты, когда я ступ-

лю на его палубу, а команду я наберу, когда мы окажемся в Дариене. Может быть, я захвачу какую-нибудь галеру и освобожу рабов, они будут мне верно служить. А может, нападду на какую-нибудь испанскую плантацию на берегу. Вы не представляете, сколько честных французов и британцев томятся в рабстве у проклятых донов и мечтают о чудесном спасении, которое могло бы привести их на службу к кому-то из капитанов Братства. Как только мы выберемся отсюда, и вы с девочкой окажетесь на честном французском корабле, я покажу испанцам, что Черный Вулми еще жив! И никаких благодарностей не надо. Что для меня горстка камней, когда меня ждет весь мир!

МЕСТЬ ЧЕРНОГО ВУЛМИ

1

Черный Вулми, пошатываясь, вышел из каюты на палубу «Какаду» с трубкой в одной руке и большой флягой — в другой. Шляпы на нем не было, распахнутая рубашка открывала широкую волосатую грудь. Запрокинув голову, он осушил флягу и со вздохом сожаления отбросил ее в сторону, затем внимательно оглядел палубу. На ней от носа до кормы вповалку лежали матросы. Над кораблем стоял запах не хуже, чем в пивоварне. Повсюду между телами спящих перекатывались пустые пивные бочонки. Вулми был единственным, кто еще держался на ногах. Вся команда от юнги до боцмана отсыпалась после ночной попойки, включая и рулевого.

Впрочем, штурвал надежно закрепили, а море казалось на редкость спокойным, ветер не менялся, и особой нужды в рулевом не было. Далеко на востоке виднелась тонкая голубоватая полоска земли. До полудня было далеко, и солнце в ясном небе еще не пекло, а только ласково пригревало.

Вулми еще раз сочувственно оглядел свою команду и лениво повернулся в сторону горизонта. То, что

он увидел, заставило его протереть глаза. Вопреки ожиданиям, океан не был пустынным. Всего в какой-нибудь сотне ярдов от «Какаду», держа курс прямо на него, шел корабль — высокий, с квадратными парусами.

Его белый корпус ослепительно блестел на солнце, на мачте развевался английский флаг. Вдоль борта стояли готовые к бою матросы с абордажными крючьями в руках, а возле корабельных пушек канониры держали зажженные фитили.

— Все к бою! — в замешательстве выкрикнул Вулми. Ответом ему был дружный храп. Никто из спавших не шелохнулся.

— Очнитесь, паршивые псы! — прорычал капитан пьяной команде. — Просыпайтесь, черт вас возьми! На нас идет королевский корабль!

До него донеслись отрывистые команды с борта стремительно приближавшегося фрегата.

— Тысяча чертей!

Отчаянно ругаясь на ходу, он бросился к пушке и развернул ее дулом к фрегату. Все плыло у него перед глазами, но прицелиться все же удалось.

— Сдавайся, проклятый пират! — На носу английского корабля стоял капитан с обнаженным мечом в руке.

— Убирайся к дьяволу! — рявкнул Вулми, выпав дымившиеся угольки из свей трубки в запальный канал пушки.

Прогремел выстрел, из дула поднялось белое облачко, и двойной заряд мушкетных пуль как косой выкосил нескольких матросов на палубе фрегата.

Ответный выстрел прогрехотал, как гром, и на палубу «Какаду» обрушился настоящий железный дождь, сразу окрасив ее в красный цвет. Затрещали наруса, лопнули канаты, полетели в разные стороны деревянные обломки, палубу залила кровь.

Огромное железное ядро размером с человеческую голову расплющило пушку. Вулми отбросило к борту, и он упал, с треском ударившись головой о доски палубы.

Этот удар оказался слишком сильным даже для крепкой головы ирландца, он потерял сознание и уже не слышал победных возгласов и топота победителей по окровавленной палубе, как, впрочем, и вся его команда, пьяный сон которой сменился черным сном смерти.

Капитан фрегата «Доблестный» Его Королевского Величества Джон Уэнтард не спеша потягивал вино. Он был высок, строен, с узким бледным лицом, бесцветными глазами и выдающихся размеров носом. Одет он был весьма скромно по сравнению со своими офицерами, которые в почтительном молчании сидели за столом из красного дерева в капитанской каюте.

— Приведите пленника, — приказал он коротко, и в его холодных глазах блеснуло нечто вроде самодовольства.

Четверо загорелых матросов ввели Черного Вулми со связанными руками. Его ноги были скованы цепью, достаточно длинной, для того чтобы он мог идти сам. На густых черных волосах заpekлась кровь, изодранная в клочья рубашка едва прикрывала загорелое мускулистое тело. Сквозь низкое окно он увидел в последний раз мачты тонущего «Какаду». Команде фрегата на этот раз не досталось богатой добычи. Во взглядах победителей, перед которыми стоял теперь Вулми, не было и тени сострадания, однако его это обстоятельство нимало не смущало. Он спокойно и прямо смотрел на офицеров, и на его лице отражалось лишь язвительное недоумение. Уэнтарду это не понравилось. Он предпочитал, чтобы пленники корчились перед ним от страха, тогда он чувствовал себя олицетворением Правосудия и карал виновных со всей беспощадностью, на какую был способен.

— Так ты и есть тот самый знаменитый среди пиратов Черный Вулми?

— Я Вулми, — коротко ответил пленник.

— А я-то думал, что ты, как и все подобные недоя, будешь врать про то, что состоишь на службе у губернатора Тортуги. Так вот, эта служба у французов ничего не значит для Его Величества. Ты...

— Заткнись, пучеглазый! — презрительно перебил Вулми. — Я ни у кого не состою на службе. Я не то, что твои проклятые головорезы, которые именуют себя буканьерами. Я пират, и английские суда я грабил точно так же, как испанские, и проклиная тебя, носатая цапля!

Офицеры остолбенели от такой наглости, а лицо Уэнтарда перекосила гримаса ярости.

— А ты знаешь, что я могу повесить тебя без долгих разговоров? — спросил он.

— Знаю, — спокойно отозвался пират. — Это будет уже не первый раз, когда ты попытаешься меня повесить, Джон Уэнтард.

— Что? — Англичанин изумленно уставился на Вулми.

В голубых глазах Вулми вспыхнули искорки смеха, а когда он заговорил, то в его речи ясно слышался ирландский акцент.

— Капитан, это было давно на берегу Галуэя. Ты был тогда совсем молодым офицером, можно сказать, мальчишкой, но уже и тогда жалость и сострадание были тебе неведомы. В ту пору занимались изгнанием людей из родных мест с участием солдат, а ирландцы были настолько безумны, что посмели сопротивляться, — несчастные, оборванные, полутолстые крестьяне с палками и камнями отбивались от вооруженных до зубов английских солдат и моряков. Когда резня закончилась и совершились положенные казни, ты поймал в лесу перепуганного десятилетнего мальчишку, который даже не понимал, что происходит вокруг. И ты велел своим собакам повесить того мальчишку рядом с остальными. Ты сказал тогда: «Он ирландец, а маленькие змееныши вырастают и становятся большими змеями». Тем мальчишкой был я. Я искал этой встречи, английская собака!

Вулми по-прежнему улыбался, однако на его скулах заиграли желваки, а мышцы скованных рук угрожающе напряглись. Уэнтард невольно отступил на шаг назад — такой дикой ненавистью горел взгляд пирата.

— Как же тебе удалось спастись? — спросил Уэнтард ледяным голосом.

Вулми усмехнулся.

— Крестьяне, уцелевшие в той резне, прятались в лесу. Это были не цивилизованные и культурные англичане, а всего лишь бедные дикие ирландцы. Как только вы убрались, они обрезали все веревки, и оказалось, что во мне теплится жизнь. Мы, кельты, чрезвычайно живучи, и вы уже давно успели в этом убедиться.

— Ну, на этот раз ты очень легко попал к нам в руки, — заметил Уэнтард.

Вулми по-волчьи оскалился, глядя на капитана ненавидящими глазами.

— Разве кому-нибудь могло прийти в голову, что в этих западных морях нам встретится королевский корабль? Мы уже много недель не видали ни одного паруса, если не считать суденышка, которое повстречалось нам вчера. Оно шло с грузом вина из Панамы в Вальпараисо. В это время года не бывает богатой добычи. Моим парням захотелось промочить горло, а кто я такой, чтобы чинить им в этом препятствия? Испанцы далеко, и мы считали, что мы чуть ли не одни на весь океан. Я хорошо вздремнул у себя в каюте, а когда вышел на палубу, чтобы выкурить трубочку, увидел ваш корабль у самого носа.

— Ты убил семерых моих людей, — глухо произнес Уэнтард.

— А ты перебил всех моих, — отозвался Вулми. — Бедняги, они очнутся в преисподней и никогда не узнают, как они туда попали.

Он опять усмехнулся, на этот раз с горечью, и сжал кулаки. Кровь стучала у него в висках, и сердце его переполняла ярость. Он отчетливо сознавал, что ему ничего не стоит одним внезапным движением вырваться из рук тех, кто его держал, и, несмотря на оковы, разбить голову Уэнтарда ударом двух мощных кулаков. То, что он сам неминуемо погиб бы в следующий миг, ровным счетом ничего не значило. Он не

испытывал ни страха, ни сожалений — только дикую ненависть и невыразимое презрение к этим скотам англичанам, столпившимся вокруг. Он рассмеялся им в лицо, наслаждаясь сознанием того, что им не понять этого смеха. Они думают, будто сковали тигра цепями? Плохо же они знают, с кем имеют дело.

Вулми глубоко вдохнул полной грудью и опять напряг мышцы. Уэнтард снова заговорил:

— В моей власти повесить тебя сейчас же. Да тебя в любом случае ждет виселица, неважно, повешу ли я тебя на рее, или это сделают королевские власти в первом же порту. Однако я знаю, что даже мерзавцы вроде тебя дорожат жизнью. Я подарю тебе еще несколько месяцев жизни, доставлю тебя в конце концов на Ямайку и отдам на суд губернатора. Я могу это сделать при одном условии.

— Что за условие? — Вулми не расслаблял напряженных мышц.

— Ты расскажешь мне, где можно найти Ван Равена.

Вулми, который уже совсем было решил осуществить задуманное, мгновенно изменил свой план. Он выпрямился и ухмыльнулся.

— Почему именно его, Уэнтард? — спокойно спросил он. — Почему не Траникоса, или Вильера, или Мак-Вэя, почему не других, которые гораздо больше досаждают английским торговцам, чем Ван Равен? Уж не из-за тех ли сокровищ, которые он отобрал у испанцев? Конечно, король не прочь прибрать к рукам такую добычу, а капитана, который найдет Ван Равена и захватит сокровища, ждет хорошая награда. Так вот почему ты решился обогнуть Горн, Джон Уэнтард?

— У нас сейчас мир с Испанией, — язвительно отозвался Уэнтард. — А что касается целей, которые преследует морской офицер Его Величества, то это не твое дело.

Вулми рассмеялся, в его глазах плясали искорки.

— Однажды я потопил королевский крейсер из Эспаньолы. К дьяволу тебя с твоей болтовней о «Его

Величестве»! Ваш английский король значит для меня не больше, чем гнилое бревно. Ван Равен? Он вольная птица. Кто его знает, где он теперь? Но если тебя интересуют сокровища, я могу показать тебе кое-что, по сравнению с чем добыча голландца все равно что торфяная лужа перед Карибским морем!

С бесцветных глаз Уэнтарда, казалось, упала пелена, они заблестели, офицеры жадно подались вперед. Вулми усмехнулся. Ему было отлично известно, сколь лежковерны моряки в отличие от пиратов и грабителей. Любой моряк, если только он не был разбойником, свято верил в то, что буканьерам известны тайны сказочных кладов. Та добыча, которую захватили у испанцев люди Красного Братства, была, конечно, сама по себе немалой, но легенды о ней в тысячи раз преувеличивали размеры сокровищ, а кроме того, байки делали из любой хвастливой морской крысы обладателя несметных богатств.

Напустив на себя вполне безразличный вид, Вулми спокойно заговорил:

— В десяти днях пути отсюда у берегов Эквадора есть безымянный заливчик. Четыре года назад я и английский пират Дик Гарстон бросили там якоря и отправились на поиски клада древних драгоценностей, которые называют Клыками Дьявола. Один индеец клялся, что нашел их в разрушенном замке в диких необитаемых джунглях и что до этого замка можно добраться за день. Сам он не смог ими завладеть, потому что боялся навлечь на себя гнев древних богов. Однако он был готов показать нам дорогу.

Обе наши команды высадились на берег, потому что ни один из нас не доверял другому. Короче говоря, мы нашли развалины древнего города и там за старым разрушенным алтарем обнаружили эти камни: рубины, бриллианты, изумруды, сапфиры — огромные, с куриное яйцо, и все переливаются, прямо разноцветными огнями горят на древней разрушенной каменной плите.

От взгляда Вулми не ускользнули алчные огоньки, мелькнувшие в глазах Уэнтарда. Капитан побелевшими от напряжения пальцами вцепился в стакан с вином.

— Одного вида этих камней было достаточно, чтобы кого угодно свести с ума, — продолжал ирландец. — Мы расположились там на ночлег и, слово за слово, затеяли дележ найденных сокровищ, хотя их было достаточно, чтобы всем обеспечить безбедную жизнь. Дело дошло до потасовки, и когда мы вовсю тузили друг друга, прибежал один из матросов со страшным известием — в заливе появились испанцы, захватили наши корабли и выслали по нашим следам пять сотен человек. Клянусь дьяволом, не успел он все сказать, как появились эти самые пятьсот человек. Один из моих людей успел надежно укрыть сокровища в древнем замке, и наши с Гарстоном команды разошлись в разные стороны. Мы не смогли забрать драгоценности, надо было спасать свои шкуры. Мне повезло — я сохранил почти всю свою команду, и тем, кто оставался на корабле, удалось отбиться от испанцев, так что мы убрались восвояси.

Гарстону повезло меньше моего: у него осталась лишь горстка людей, и хотя он тоже вернул свой корабль, испанцы еще долго преследовали их, а в конце концов он погиб где-то среди дикарей в Калифорнии.

Испанцы и за мной гнались до самого Горна, и с тех пор у меня не было возможности вернуться за добычей до последнего времени. Сейчас я направлялся как раз туда, но вы захватили меня. Сокровища все еще там. Если ты пообещаешь мне жизнь, я покажу тебе дорогу.

— Это невозможно, — нервно ответил Уэнтард. — Все, что я могу обещать, — выдать тебя губернатору Ямайки.

— Ну что ж, — вздохнул Вулми. — Может быть, губернатор окажется сговорчивее тебя. Да и далеко вато еще до Ямайки.

Вместо ответа Уэнтард разложил на широком столе карту.

— Где этот залив?

Вулми показал место на карте, и все пристально смотрели на его руки. До головы Уэнтарда ему было теперь не добраться, однако у ирландца созрел уже совсем другой план, и в этот план входило остаться в живых.

— Отлично. Уведите его.

Вулми вышел из каюты в сопровождении своих стражей, а Уэнтард обратился к офицерам:

— Офицер флота Его Королевского Величества не может связать себя обещанием, данным разбойнику. Как только сокровища окажутся на борту «Доблестного», джентльмены, обещаю вам сбросить его за борт.

Спустя десять дней судно бросило якорь в том безымянном заливе, который показал Вулми.

2

Пустынный берег выглядел именно так, как и должен был выглядеть берег необитаемого острова. Залив действительно оказался небольшим углублением в береговой линии. За узкой полоской белого песка начинались густые джунгли. С ветки на ветку беззаботно перелетали яркие птицы, над джунглями царила первобытная тишина. В глубь джунглей уходила заросшая буйной зеленью широкая тропа.

Над водой еще не рассеялся предрассветный туман, когда на эту тропу вышел отряд из семнадцати человек под предводительством Джона Уэнтарда. Он никому бы не доверил командовать поиском сокровищ. За ним шли пятнадцать солдат, вооруженных кортиками и мушкетами. Семнадцатым человеком был Черный Вулми. Ноги ирландца волей-неволей пришлось освободить от цепей, наручников тоже не было, но его запястья накрепко связали спереди веревкой. Конец этой веревки держал в одной руке загорелый матрос, в другой он сжимал обнаженную саблю, готовый броситься на пирата при любой его попытке к бегству.

— Пятнадцать человек слишком много, — пытался Вулми убедить Уэнтарда, прежде чем они отправились в путь. — В тропиках люди легко помрачаются в рассудке, а при виде Клык Дьявола любой человек может сойти с ума, даже если это королевский солдат. Чем больше людей увидит сокровища, тем больше вероятность мятежа, и тогда ты не сможешь даже добраться до Горна. Тебе нужно взять с собой трех-четыре человека. Кого ты боишься? Ты же говорил, что у Англии с Испанией мир, и уж во всяком случае испанцев поблизости никак не может быть.

— Я и не думал об испанцах, — сухо ответил Уэнтард. — Просто я должен предупредить любую твою попытку сбежать.

— И что же, для того чтобы меня охранять, тебе нужно пятнадцать человек? — расхохотался Вулми.

— У меня нет другого выхода, — мрачно ответил Уэнтард. — Ты один стоишь двоих или даже троих нормальных людей, Вулми, и мечтаешь о свободе. Мои люди будут держать наготове оружие и пристрелят тебя как бешеную собаку, если ты только вздумаешь освободиться. Кроме того, наверняка есть опасность встретиться с дикарями.

Пират презрительно усмехнулся.

— Если ты хочешь встретиться с настоящими дикарями, тебе нужно перейти через Кордильеры. По ту сторону гор обитают индейцы, которые запросто могут снять твою голову с плеч и высушить ее до размеров твоего кулака. Но на эту сторону гор они никогда не переходят. Что касается того народа, который выстроил древний замок, то все они давно вымерли. Конечно, если тебе так хочется, бери с собой хоть целую свиту, однако нужды в этом нет. Один сильный человек вполне сможет унести все сокровища.

— Один сильный человек! — пробормотал Уэнтард и жадно облизал губы, переваривая мысль о том сказочном богатстве, которое вскоре окажется в его руках. Перед его глазами уже вставали картины посвя-

щения в рыцарство, смутно подумалось ему и об адмиральском чине... — А что это за тропа? — подозрительно спросил он. — Откуда она здесь, если этот берег необитаем?

— Эту старую дорогу, должно быть, строил тот же народ, которому принадлежал древний город. В некоторых местах еще видны камни, которыми она была вымощена. Мы с Гарстоном прошли по ней первыми за много веков. Ты сейчас сам увидишь ее и поймешь, что с тех пор здесь никого не было. Ты своими глазами увидишь молодую поросль там, где мы расчищали себе путь топорами.

Уэнтард был вынужден согласиться. И вот, не дожидаясь рассвета, небольшой отряд отправился в глубь джунглей. Шли быстро, легко преодолевая милю за милей. Корабль, оставленный в заливе, почти сразу скрылся из виду. Утренняя прохлада сменилась зноем, вокруг в джунглях молча перелетали с места на место птицы с ярким оперением да без умолку трещали обезьяны. Около полудня сделали короткую остановку, чтобы подкрепиться и напиться воды. Все солдаты были выносливыми и закаленными, привычными к долгим переходам, и Уэнтард торопил их. Перед его мысленным взором блестели драгоценности, о которых рассказал Вулми.

Тропа оказалась не слишком извилистой. Несмотря на то что вся она заросла буйной зеленью, было ясно, что когда-то здесь проходила широкая дорога. Кое-где действительно виднелись камни. К середине дня дорога стала нырять между пологими, заросшими лесом холмами.

Ни Уэнтард, ни кто бы то ни было из его людей не заметили крадущихся в стороне теней. Об их присутствии знал один Вулми, но он лишь молча улыбался. Пират очень осторожно шевелил руками, пытаясь ослабить веревки на запястьях, однако делал это так, что его страж ничего не подозревал. Вулми занимался своими веревками всю дорогу, и теперь чувствовал, что они изрядно ослабли.

Солнце уже клонилось к западу, когда пират остановился. Дорога в этом месте сворачивала почти под прямым углом и исчезала в ущелье.

— В этом ущелье и стоит тот старый замок, где спрятаны драгоценности.

— Наконец-то! — скрипучим от волнения голосом сказал Уэнтард, обмахиваясь шляпой, как веером.

По его лицу стекали капли пота, воротник его малиновой, расшитой золотом рубашки потемнел. Его воображение живо рисовало груду драгоценных камней, так ярко описанных Вулми. Жадность лишает осторожности, и Уэнтарду не приходило в голову усомниться в том, что рассказал ему Вулми. Он видел в ирландце только неотесанного мужлана, который хочет выторговать для себя несколько лишних месяцев жизни. Джентльмен, состоявший на службе у Его Величества, не привык раздумывать о характерах пиратов. Мораль Уэнтарда была достаточно проста: твердая рука и неукоснительное выполнение приказов. Он никогда не пытался понять человека, стоявшего вне закона.

Отряд вошел в ущелье, и дорога повела людей между заросшими лесом скалами. Уэнтард продолжал обмахиваться шляпой и нетерпеливо кусал губы, всматриваясь вперед в надежде увидеть развалины, о которых рассказывал пленник. Его лицо стало бледнее обычного, хотя лица солдат покраснелись от нестерпимого зноя. Вулми, казалось, вовсе не чувствовал ни жары, ни усталости: он уверенно шел вперед мягкой походкой пантеры. Он внимательно смотрел по сторонам, и от его взгляда не укрылась ветка, качнувшаяся наверху, хотя не было никакого ветра.

По обе стороны от ущелья футов пятидесяти в ширину высились скалы около сорока футов высотой, покрытые густым лесом. Большей частью эти скалы поднимались вверх почти отвесно, но местами попадались достаточно пологие спуски. И вот в сотне ярдов перед собой люди увидели две скалы, стоявшие по

бокам ущелья так симметрично, что вряд ли можно было назвать это исключительно делом природы.

Возле одной из пологих скал Вулми остановился. Остановились и все остальные, вопросительно глядя на него.

— Почему ты остановился? — нетерпеливо спросил Уэнтард. Его нога наткнулась в густой траве на какой-то предмет, который он поддал носком сапога. Предмет, откатившись недалеко, остановился и оказался оскаленным человеческим черепом. Уэнтард огляделся и увидел, что повсюду в траве белеют черепа и кости.

— Это здесь передрались ваши пиратские собаки? — резко спросил он. — Чего ты ждешь? К чему ты прислушиваешься?

Вулми ничем не выдал своего напряжения и улыбнулся как можно беззаботнее.

— Впереди ворота, — сказал он. — Эти скалы по обеим сторонам обозначают вход в город. Дорога в город шла по этому ущелью в те времена, когда здесь жили люди. Вход в город — единственный, вокруг него со всех сторон неприступные отвесные скалы. — Он недобро усмехнулся. — Похоже на дорогу к дьяволу, Джон Уэнтард: вниз попасть легко, а вот обратно наверх выбраться потруднее.

— О чем ты бормочешь? — рявкнул Уэнтард, свирепо нахлобучив на голсу шляпу. — Вы, ирландцы, болтуны и остолопы! Веди нас...

В этот миг из джунглей со стороны входа в ущелье послышался резкий звук, похожий на звон натянутой струны. Вниз по ущелью что-то пролетело, один из солдат вскрикнул и уронил на землю мушкет, схватившись за горло, — в его шее торчала длинная стрела, покачиваясь, словно голова змеи. Солдат упал и замер в густой траве.

— Индейцы! — воскликнул Уэнтард и в гневе повернулся к пленнику. — Собака! Ты говорил, что здесь нет дикарей!

Вулми желячно рассмеялся.

— Это, по-твоему, дикари? Эти трусливые шакалы прячутся в джунглях и боятся высунуть носы. Неужели ты не видишь, как они движутся там между деревьями? Лучше дай-ка им отпор, а то они еще осмелеют!

Уэнтард огрызнулся, однако он знал, что огнестрельным оружием можно здорово напугать аборигенов. Теперь и он заметил коричневые тела, движущиеся в зарослях наверху. Он отдал приказ, и загрохотали выстрелы из четырнадцати мушкетов, засвистели пули. С деревьев упало несколько веток. Не успел рассеяться дым от выстрелов, как Вулми сбросил веревку с рук, нанес своему стражу сокрушительный удар в челюсть и, выхватив у него саблю, как кошка вскарабкался по пологому склону. Солдаты с разряженными мушкетами в руках беспомощно смотрели ему вслэд. Раздался одинокий выстрел — это опомнился Уэнтард, но было уже поздно. Сверху раздался издевательский смех Вулми.

— Болваны! Вы стоите на пороге у дьявола!

— Собака! — вне себя от ярости выкрикнул Уэнтард, но его алчность все еще оставалась сильнее здравого смысла. — Мы найдем сокровища и без твоей помощи!

— Ты не можешь найти то, чего не существует, — ответил пират, невидимый из своего укрытия. — Там никогда не было никаких драгоценностей. Этой ложью я заманил тебя в ловушку. Нога Дика Гарстона никогда не ступала сюда. Я, правда, побывал здесь, и индейцы перебили всю мою команду, а свидетельство этому — черепа у тебя под ногами.

— Подлый лжец! — больше Уэнтард ничего не мог придумать. — Собака! Ты уверял меня, что здесь нет индейцев!

— Я сказал тебе, что охотники за скальпами не переходят через горы, — рассудительно ответил Вулми. — Так оно и есть. Я сказал тебе, что народ, построивший этот город, вымер. И это тоже правда. Я только не сказал тебе, что здесь неподалеку обитает племя

краснокожих чертей. Они никогда не выходят на берег, но очень не любят, когда белые люди входят в джунгли. Я так думаю, что именно они истребили обитателей этого города. Так или иначе, дикари перебили всех моих людей, а мне удалось спастись только благодаря тому, что я жил когда-то с краснокожими в Северной Америке и немного выучился их языку. Ты попал в ловушку, из которой тебе не выбраться, Уэнтард!

— Поднимитесь по этой скале и схватите его! — отдал приказ Уэнтард, и шестеро солдат, закинув мушкетеры за спины, начали с трудом карабкаться по склону, куда только что у них на глазах с необычайной легкостью забрался пират.

— Лучше поубавь спеси да подумай, как вам спасти свои шкуры, — посоветовал откуда-то сверху Вулми. — Здесь поблизости не одна сотня этих краснокожих дьяволов, а у тебя нет дрессированных собак, чтобы драться с ними.

— И ты выдашь дикарям белых людей? — воскликнул Уэнтард.

* * *

— Вообще-то это против моих правил, — отозвался ирландец, — но ты не оставил мне другого выхода. Мне жаль твоих людей. Потому я и уговаривал тебя не брать в поход много народу. В этих джунглях достаточно индейцев, чтобы сожрать с потрохами всю твою команду. А что до тебя, грязная собака, так знай, что настал час расплаты за все, что ты творил в Ирландии, и тебя я не считаю белым человеком. Я рисковал вместе с тобой. Та стрела могла впиться и в мою шею.

Голос Вулми внезапно оборвался. Едва успел Уэнтард удивиться тому, что на скале над ними нет индейцев, как там зашумела листва, затрещали ветви, потом раздался дикий предсмертный вопль, и вниз, в ущелье свалилось обнаженное смуглое тело. Тело индейца в одной набедренной повязке распростерлось на

траве. Воин был широкоплечий и мускулистый, его лицо показалось Уэнтарду совсем диким. На шее индейца зияла широкая рана.

Наверху опять зашуршало. Уэнтард решил, что это убегает по стене ущелья ирландец, преследуемый соплеменниками убитого индейца, которые, должно быть, подкрались к нему, пока он выкрикивал свои издевательства.

Но вот наверху все снова затихло, зато из джунглей со стороны входа в ущелье раздались леденящие душу крики, и в ущелье посыпались стрелы, — это индейцы издали увидели окровавленное тело. Упал за смертью еще один из солдат, трое были ранены, и Уэнтард окликнул людей, которые продолжали карабкаться вверх по склону. Отдав людям приказ следовать за ним, он побежал к развалинам ворот древнего города. Идти дальше он побоялся, хотя и понимал, что в ущелье уже полно дикарей. Там, откуда он с людьми только что выбрался, спасения быть не могло.

Он остановился возле груды разрушенных камней. Было похоже, что когда-то эти камни являли собой стены здания. Уэнтард укрылся за руинами, приказав людям залечь за камнями и держать наготове мушкеты. Одному из солдат он велел наблюдать за ущельем, остальным — внимательно следить за скалами, поднимавшимися по обеим сторонам дороги. Его сердце сжалось от страха. Солнце уже заходило, и тени от деревьев становились с каждой минутой длиннее. Разве смогут белые люди в темноте ночных джунглей разглядеть смутлокожих дикарей среди деревьев? Разве сможет пуля в темноте найти свою цель? Несмотря на жару, Уэнтард поежился.

Стрелы по-прежнему пели в воздухе, однако до них не долетали или ударялись рядом о камни. Но вскоре стрелять стали со стен, и теперь уже бесполезно было укрываться за камнями. Все чаще вскрикивали солдаты. Небольшой отряд Уэнтарда таял у него на глазах. Оставшиеся в живых продолжали стрелять из

мушкетов по невидимым индейцам, и огонь мушкетов сдерживал дикарей. Чья-то пуля даже вслепую нашла свою жертву, Уэнтард понял это по предсмертному крику, раздавшемуся наверху.

Может быть, гибель еще одного соплеменника заставила разъяренных индейцев выйти из джунглей. Может быть, они, как и белые, не могли драться вслепую и хотели покончить с пришельцами до наступления ночи. А может, дикари устыдились того, что прячутся в джунглях от горстки солдат.

Так или иначе, индейцы вышли из джунглей. Это не были жалкие дикари, нет, — на англичан наступали смуглые мускулистые воины, сознававшие свою силу, каждый из которых мог быть достойным противником любому тренированному англичанину. Ущелье заполнилось индейцами, со скал тоже спускались индейцы. Их были сотни против маленькой горстки оставшихся в живых английских солдат. Англичане, не дожидаясь приказа, поднялись из-за камней, встречая смерть лицом к лицу. Уже не оставалось времени перезаряжать мушкеты — волна индейцев захлестнула маленький отряд.

Бесполезные мушкеты отбросили в стороны, в ход пошли кортики, но что можно было сделать против лавины разъяренных индейских воинов с боевыми топорами в руках? Очень скоро все было закончено.

Уэнтард не видел, как погиб последний из его людей. Его самого окружили дикари, но у него еще оставался один заряженный пистолет, и он разрядил его прямо в разрисованное лицо индейца, на голове которого колыхались перья. Лицо это превратилось в сплошное кровавое месиво. Второго индейца он ударил по голове рукояткой пистолета и метнулся прочь от смуглокожих воинов. Перед ним вырос индеец с топором в руке, однако меч Уэнтарда оказался проворнее. Наступившая почти внезапно темнота спасла англичанина. Он отошел дальше за разрушенные стены, и индейцы уже не могли его разглядеть.

Он шел как слепой. За остатками ворот ущелье будто бы стало шире, Уэнтарда теперь окружали стены, в которых с трудом можно было различить окна и двери. Он шел, ежесекундно ожидая удара в спину. Его сердце билось так громко, в висках так стучала кровь, что ему казалось, будто он слышит за спиной топот босых ног.

На нем не было ни шляпы, ни плаща, окровавленная рубанка висела клочьями, однако каким-то чудом он умудрился выбраться из этого побоища без единой царапины. Внезапно перед ним выросла оббитая лианами стена, в которой виднелся дверной проем. Он вбежал туда и, оглянувшись, упал на колени в полном изнеможении. Немного успокоившись, вытер пот, стекавший со лба на глаза, и первым делом перезарядил пистолеты, потом вгляделся в темноту. Вокруг стояла тишина, ущелье внезапно опустело, и оттуда больше не слышалось победных криков дикарей. Почему-то они не стали преследовать его, когда он оказался за воротами.

Внезапно Уэнтард испугался, что на него могут напасть сзади. Он вскочил на ноги, держа в руках заряженные пистолеты и лихорадочно озираясь по сторонам.

Он оказался в помещении, стены которого, казалось, готовы рухнуть в любой миг. Крыши не было, а между каменными плитами пола пробивалась трава. Над головой Уэнтард увидел звездное небо, а чуть в стороне — край высокой скалы. Сквозь вторую дверь в противоположной стене виднелась такая же полуразрушенная комната.

Над развалинами было тихо, и так же тихо было в ущелье. Из всех сил напрягая глаза, он вглядывался в ущелье за воротами — никого. Почему дикари не стали преследовать его? Побоялись пистолетов? Однако мушкеты солдат их не испугали. Или они ушли по каким-то неведомым ему причинам? А может быть, в этих развалинах прячутся беспощадные индейские воины? Если так, то чего же они ждут?

Он решительно подошел к противоположной стене и заглянул в соседнюю комнату. Из нее не было

выхода наружу, все двери вели в такие же разрушенные помещения без крыши, с потрескавшимися каменными полами и осыпающимися стенами. Он прошел через три или четыре комнаты, его шаги глухо отдавались эхом в тишине. Решив дальше не ходить — лабиринт показался ему бесконечным, — он вернулся в первую комнату, из которой обозревалось ущелье. По-прежнему до него не доносилось ни единого звука, но в ущелье было так темно, что даже если бы теперь его окружила толпа дикарей, он никого бы не увидел.

Наконец Уэнтард не выдержал. Ступая со всей осторожностью, на какую только был способен, он подошел к воротам, за которыми стояла тьма, как в бездонном колодце. Он выглянул из-за скалы, служившей когда-то левой опорой для ворот, и попытался различить хоть что-нибудь перед собой, но не мог увидеть ничего, кроме звезд высоко в небе. Тогда он сделал еще один осторожный шаг и скорее почувствовал, чем разглядел чью-то внезапно выросшую в темноте тень. Он вскинул руку и выстрелил наугад. Вспышка на мгновение осветила раскрашенное лицо индейца, а за ним англичанин заметил плотную стену индейских воинов, надвигавшихся на него.

С криком затравленного зверя он метнулся обратно за скалу-колонну, упал и замер, ожидая удара копьем. Но никто не бросился за ним. Еще не веря этому, он поднялся на ноги, сжимая пистолы в дрожащих руках. Его ждали там, за воротами, но теперь он твердо знал, что они не войдут в эти ворота даже для того, чтобы убить смертельного врага. Это было невероятно, но это было именно так.

Спотыкаясь, он снова дошел до каменных развалин и снова вошел в дверь, за которой начиналась анфилада разрушенных комнат. Слабый свет звезд едва рассеивал черноту ночи, и на стенах появились неясные тени. Как большинство англичан его поколения, Джон Уэнтард был склонен верить в привидения, и сейчас он чувствовал, что если где-то на свете обита-

ют духи, призраки давно потерянного и забытого народа, то именно в этих мрачных развалинах.

Он взглянул вверх, туда, где над развалинами виднелся край высокой скалы, с которого причудливо свисали ветви деревьев, и подумал, что, когда взойдет луна, с этой скалы сюда полетят стрелы. Где-то далеко раздался птичий крик, и опять наступила тишина.

До его слуха доносился слабый шелест листьев. Если наверху, на скалах, и были люди, то они ничем не выдавали своего присутствия. Уэнтарда начали мучить голод и жажда; его захлестывала ярость, и в то же время страх грозил перейти в настоящую панику.

Он сел возле двери, прислонившись к стене, не выпуская из рук пистолей, и положил на колени обнаженный меч. Сейчас же поднялась луна — посеребрив ветви деревьев, выкатилась из-за них и осветила скалы. Лунный свет залил и развалины, однако никакие стрелы со скалы не посыпались, а за воротами по-прежнему не было слышно ни звука. Уэнтард осторожно выглянул наружу и осмотрелся.

Скалы в ущелье за воротами образовали подобие каменной чаши. Уэнтарду показалось, что они стоят абсолютно ровным крутом. Почти всю эту каменную чашу заполняли развалины, в которых он сейчас прятался. С одной стороны они примыкали к скалам. Время и растительность почти уничтожили это весьма оригинальное архитектурное сооружение, напоминавшее лабиринт из множества комнат без крыши, двери которого выходили на широкую площадь между постройкой и противоположной скалистой стеной «чаши». Площадь заросла такой же точно растительностью, какая пробивалась между каменными плитами пола в некоторых комнатах.

Уэнтард понял, что надежды на спасение у него нет никакой. Скалы вокруг «чаши» были совсем не такими, как по краям ущелья. Эти скалы поднимались над стенами лабиринта отвесными громадами, казалось даже, что они склоняются внутрь «чаши». По ним

не стелились лианы. Может быть, эти скалы и не были очень высокими, но они оставались так же недостижимы, как если бы их высота составляла тысячу футов. Он оказался здесь, как крыса в ловушке.

Единственная дорога отсюда назад шла через ущелье, где его в мрачном молчании ждали непреклонные краснокожие воины. Он вспомнил издевательский смех Вуэми и его слова: «...как дорога к дьяволу: легко по ней спуститься, но подняться будет потруднее!» Ему доставила болезненное удовольствие мысль о том, что, должно быть, индейцы схватили проклятого ирландца и предали его медленной мучительной смерти.

Все же, несмотря на жажду и страх, он заснул. Ему снились какие-то древние замки, звуки барабанного боя; странные фигуры в мантиях из перьев полугаев медленно проходили сквозь дым жертвенных костров. В конце концов ему приснилось, что из внутренней двери той комнаты, где он укрывался, появилась неясная тень и что кто-то молча смотрит на него холодными нечеловеческими глазами.

От этого сновидения он проснулся со сдавленным криком, обливаясь холодным потом, судорожно схватив пистолы. Стряхнув остатки сна, он встал посреди комнаты и попытался собраться с мыслями. Он не мог решить, в самом ли деле видел в дверном проеме таинственную жуткую тень, или это видение — только часть его кошмарного сна. Кривобокая красноватая луна висела над скалами с западной стороны, а в этой части «чаши» теперь было темно, хотя какой-то призрачный свет слабо освещал развалины. Уэнтард решительно шагнул в тот проем, возле которого ему померещилась тень, держа перед собой пистолы. Зыбкий свет все же откуда-то просачивался в пустую комнату. Растительность в щелях между каменными плитами была кое-где примята, но он вспомнил, что сам проходил через эту комнату.

Проклиная свое разыгравшееся воображение, он вернулся к выходу. Уэнтард убеждал себя, что выбрал

именно это место, чтобы его не застало врасплох нападение из ущелья. Но заставить себя забраться в глубь этих древних развалин он не мог.

Скрестив ноги, он уселся возле двери и прислонился к стене, положив пистолы рядом с собой на пол, а обнаженный меч на колени. Его глаза горели, губы пересохли от мучительной жажды. Вид тяжелых капель росы на пробившейся сквозь щели траве едва не свел его с ума, однако он побоялся утолить жажду этой росой, решив, что она может оказаться ядовитой. Потуже затянув пояс, он сказал себе, что не заснет больше. Но усталость взяла свое, и он заснул, несмотря ни на что.

3

Разбудил его чей-то ужасный крик совсем рядом. Не успев проснуться, Уэнтард вскочил на ноги, дико озираясь. Луна уже зашла, в комнате теперь было темно, как в Египте, и он едва разглядел выход. Снаружи слышались звуки борьбы, потом словно упало тяжелое тело, и наступила тишина.

Крик был определенно человеческий. Уэнтард попытался ошупью найти пистолы, но нашел только меч и поспешил к выходу. Его нервы натянулись до предела. Абсолютная темнота, окутавшая развалины, навредила на мысли о мрачных водах Стикса. В слабом свете звезд он не заметил тела, распростертого на траве, пока не споткнулся о него. Но и тогда он не смог разглядеть его как следует, только смутно увидел очертания человека, лежавшего на земле перед входом в лабиринт.

Наверху на скалах слабый ветерок пошевелил листья на деревьях, и Уэнтард услышал их тихий шелест. Где-то рядом, невидимые, его подстерегают индейцы. Но все вокруг опять погрузилось в невероятную тишину.

Уэнтард опустился на колени возле тела, распростертого перед ним, и изо всех сил напряг глаза, затем негромко хмыкнул. Убитый не был индейцем, он был

чернокожим — шоколадного цвета великан, в одной набедренной повязке и головном уборе из перьев попугая. Рядом с ним валялся смертоносный боевой топор, на груди Уэнтард разглядел глубокую страшную рану и вторую, поменьше, — чуть ниже плеча, в которой торчал клинок. Удар был, видимо, очень сильным, лезвие пробило тело насквозь и вышло из спины.

Уэнтард невольно выругался сквозь зубы. Появление чернокожего было вполне объяснимо. Негритянские рабы, бежавшие от испанцев, часто скрывались в джунглях и жили с их обитателями. Этот чернокожий, очевидно, не разделял суеверий индейцев, из-за которых те не могли войти в каменную «чашу»; он в одиночку отправился в лабиринт, чтобы найти и убить белого врага. Но вместо этого негр сам нашел здесь свою смерть. Было ясно, что смертельный удар нанесен необыкновенно сильным человеком. Страшное подозрение закралось в душу Уэнтарда, хотя неведомый убийца чернокожего спас его от верной смерти во сне. Все это выглядело так, словно в судьбу англичанина вмешалось какое-то загадочное существо, тем самым как бы заявив, что судьба Уэнтарда в его руках. При этой мысли Уэнтард поежился.

Тут он осознал, что при себе у него только меч, и вспомнил, как выбежал из комнаты полусонный, оставив пистолеты на полу, потому что не смог сразу нащарить их в крошечной тьме. Он поспешил обратно в каменную комнату и принялся ощупывать пол, сперва спокойно, а потом с внезапным ужасом: *оружия на полу не было.*

Когда Уэнтард понял это, его охватила паника. Не помня себя, он снова выскочил наружу. Его прошиб холодный пот, он весь дрожал, как в лихорадке, и лишь огромным усилием воли удержался от истерического крика.

Наконец ему удалось взять себя в руки. Значит, дело не только в его больном воображении, и кто-то действительно видел его спящим в мрачной каменной

комнате. Кто-то или *что-то*, кроме него, побывало в этой комнате, что-то, завладевшее его пистолями, пока он рассматривал убитого негра, или даже — страшно подумать! — пока он спал. Все же ему хотелось надеяться, что последнее исключено. Но почему тогда ему оставили меч? Или это индейцы затеяли с ним какую-то непонятную ему чудовищную игру? Может быть, именно их взгляды, полные ненависти, он чувствовал на себе в ночной темноте? Нет, едва ли. У индейцев, пожалуй, не было причин убивать своего чернокожего собрата.

Силы Уэнтарда были на исходе. Он почти обезумел от голода и жажды и содрогался при мысли о том, что ему предстоит провести знойный день в огромном каменном колодце без капли воды. Когда думать об этом стало совсем нестерпимо, он сжал рукоятку меча и направился к выходу, решив, что лучше скорая смерть от рук разъяренных индейцев, чем долгое и мучительное умирание от жажды среди этих развалин. Пусть уж лучше живые дикари из плоти и крови зарубят его своими томагавками, чем сведут с ума и погубят бесплотные призраки в каменном лабиринте! Но слепая инстинктивная жажда жизни отбросила его от ворот, и он вернулся к входу в каменную комнату, где провел ночь. Он не нашел-таки в себе сил, чтобы выйти навстречу верной смерти.

Как во сне, он подтащил тело чернокожего к воротам и выбросил в ущелье. В конце концов, ему придется провести здесь еще какое-то время, а труп начнет разлагаться на жаре и станет смердеть.

Справившись с этим делом, он опустился на траву, не дойдя до развалин, и опять почувствовал всем своим существом, что из каменных руин на него устремлен чей-то нечеловеческий взгляд, что там, в лабиринте, его ждут...

Так он встретил рассвет. Когда рассвело, в воротах появился краснокожий воин и выпустил стрелу в неподвижно сидевшего на траве англичанина. Стрела упала в траву возле ног Уэнтарда. Он очнулся, вско-

чил и добежал до входа в лабиринт. Индеец исчез, будто устыдившись, что промахнулся.

Утренний свет разогнал ночные тени, и мысли о призраках отступили. Усилившаяся жажда заглушила все страхи: Уэнтард уже не мог думать ни о чем, кроме глотка воды. Он решился тщательно осмотреть развалины и выяснить, кто или что скрывается в дальних уголках каменного лабиринта. При свете дня это казалось ему вполне осуществимым.

Он подошел к внутренней двери и замер на пороге. За дверью стоял свежесделанный сосуд из тыквы, наполненный водой; рядом горкой лежали фрукты, а во второй тыкве дымилось жареное мясо. Англичанин шагнул в комнату и огляделся. Комната была пуста.

При виде воды и пищи он забыл обо всем, кроме того, что зверски голоден и измучен жаждой. Схватив бутылку с водой, он припал к ней губами и начал жадно пить, захлебываясь и проливая воду себе на грудь. Вода оказалась холодной, и он пил с наслаждением, какого раньше не испытывал даже от самых изысканных вин. Мясо было еще горячим, и он, обжигаясь, впился в него зубами. Зажаренное на костре без соли и приправ, оно показалось изголодавшемуся Уэнтарду пищей богов. Он не успел задуматься об этом чудесном происшествии, и ему даже в голову не пришло, что пища может быть отравленной. Таинственный обитатель этих развалин, спасший ему жизнь этой ночью, опять позаботился о нем. Значит, кто-то хотел, чтобы Уэнтард жил.

Насытившись, он улегся на полу и заснул. Теперь он был уверен в том, что индейцы не войдут в лабиринт, и его охватило безразличие к смерти. Тот или то неизвестное, что находилось где-то рядом, уже давно могло отнять у него жизнь, но пока оно не причинило ему вреда, если не считать исчезновения пистолетов. Уэнтард передумал отправляться на поиски хозяина развалин, решив, что это может рассердить его.

Ему стало почти все равно, какая судьба его ждет здесь. Он завел своих людей в ловушку, и все они по-

гибли у него на глазах; сам он оказался в положении крысы, загнанной в мышеловку; фантастические сокровища, о которых он мечтал, никогда не существовали. Он заснул, смирившись со всем заранее.

Когда Уэнтард проснулся, солнце уже стояло высоко. Он сел, будто его подбросила невидимая пружина. Прямо перед ним стоял Черный Вулми.

— Проклятие! — Уэнтард вскочил, хватаясь за меч. — Собака! Значит, индейцы не поймали тебя на скалах!

— Краснокожие? — усмехнулся Вулми. — Они не стали преследовать меня за воротами. Они не поднимаются на скалы вокруг этих развалин. Они караулят снаружи, в джунглях, однако я могу выйти отсюда в любой момент. Твой завтрак — да и свой тоже — я приготовил у них под носом, а они ничего не заметили.

— Мой завтрак! — воскликнул Уэнтард. — Ты хочешь сказать, что это ты принес сюда еду и воду?

— А кто же еще?

— Но почему ты это сделал?! — Уэнтарда изумило то, что сказал Вулми.

Вулми беззвучно рассмеялся. Его глаза вспыхнули.

— Сначала я думал, что мне доставит огромное удовольствие увидеть, как ты сдохнешь со стрелой в груди. Когда ты улизнул от них и оказался здесь, я подумал, что это еще лучше. Они не уйдут отсюда, и ты не сможешь выбраться и умрешь на моих глазах медленной голодной смертью. Когда они перебили всех моих людей в этом ущелье, я, как и ты, укрылся здесь среди развалин, и индейцы перестали преследовать меня. Но мне удалось выбраться в первую же ночь, а ты не найдешь выхода, и я увижу твою смерть. Я могу выйти отсюда и войти, когда захочу, и ты никогда не увидишь и не услышишь, как я это делаю.

— Но я не понимаю...

— Конечно, ты не понимаешь, — отозвался Вулми с презрительной усмешкой. — Я решил, что мне мало будет видеть, как ты мучаешься от голода. Я дол-

жен убить тебя своими руками и увидеть, как закатятся твои глаза! — Голос ирландца зазвенел от ненависти, кулаки сжались так, что костяшки пальцев побелели. — Но я не хочу убивать врага, ослабевшего от голода до полусмерти. Поэтому я вернулся по скалам в джунгли, раздобыл фруктов и воды, камнем сшиб с дерева обезьяну и зажарил ее. Все это я принес сюда и положил возле двери, пока ты сидел снаружи. Ты, конечно, ничего не заметил и не услышал ни звука. Все англичане тугоухи.

— Значит, это ты взял мои пистолы! — растерянно пробормотал Уэнтард; уставившись на рукоятки, торчавшие из-за испанского пояса Вулми.

— Ну конечно! Я взял их, когда ты спал. У индейцев в Северной Америке я научился ходить неслышно. Мне совсем не хотелось, чтобы ты пристрелил меня, когда я вернусь, чтобы заплатить тебе свой долг. Когда я поднял их с пола, я услышал шаги снаружи и увидел, что к двери направляется чернокожий. Я не мог позволить ему лишить меня удовольствия расправиться с тобой, пришлось проткнуть его саблей. Его крик разбудил тебя, и ты выскочил наружу, но я проскользнул мимо тебя в темноте и вышел в другую дверь. Я не хотел встречаться с тобой иначе, чем при свете дня, и при условии, что ты будешь в силах драться.

— Значит, это ты смотрел на меня из той двери, и твою тень я видел перед заходом луны, — потрясенно выговорил Уэнтард.

— Нет, не я! — искренне воскликнул Вулми. — Я пришел сюда, чтобы забрать твои пистолы, когда луны уже не было. После этого я вернулся на скалы, а сюда пришел во второй раз перед рассветом, когда принес тебе еду. Однако довольно болтовни! — Вулми взмахнул саблей. — Мне не дает покоя память о берегу Галуэя, о тех несчастных повешенных и о веревке, сдавившей мою шею! Я заманил тебя в ловушку, и теперь я убью тебя!

Лицо Уэнтарда перекосила гримаса ненависти и ярости, он скрипнул зубами.

— Собака! — выкрикнул он и бросился на ирландца. Зазвенела сталь, и Вулми отбросил противника к стене.

Как большинство офицеров британского флота, Уэнтард искусно владел своим длинным прямым мечом. Он был почти так же высок ростом, как пират, хотя и не отличался таким же могучим сложением. Однако он надеялся, что опыт поможет ему одолеть ирландца. Его надежды оказались напрасными, это стало ясно с первых же мгновений. Вулми двигался стремительно, как раненая пантера, его движения были точны и легки, и с оружием он обращался ничуть не хуже Уэнтарда. Он действовал саблей так яростно, что не давал противнику опомниться и перейти от защиты к нападению.

Уэнтард едва успевал отражать удары пирата и вскоре, обессилев, потерял самообладание. Ненависть Вулми будто парализовала англичанина, рука перестала слушаться, и его меч со звоном отлетел в угол. Поблуднев, Уэнтард отступил к стене, с ужасом глядя на ирландца.

— Подбери меч! — опутив саблю, проговорил Вулми, но Уэнтард будто не слышал этого. Тогда пират отбросил и свою саблю. — Ты даже не способен драться? Ну что ж, я убью тебя и голыми руками.

И Вулми наотмашь дважды ударил англичанина по лицу. Тот вскрикнул и протянул руки к шее пирата, но Вулми опередил его и ударил под вздох. Уэнтард упал на колени, по его лицу текла кровь. Вулми стоял над ним со сжатыми кулаками.

— Поднимайся! — с ненавистью процедил он сквозь зубы. — Поднимайся, палач беззащитных крестьян и вешатель детей!

Уэнтард, казалось, не слышал этого. Он что-то достал из-под рубашки и с горечью вглядывался в то, что держал в руке.

— Поднимайся, пока я не начал бить тебя ногами...

Вулми оборвал свою угрозу. По лицу Уэнтарда вместе с кровью текли слезы. Он всхлипнул.

— Что за дьявольщина! — Вулми выхватил то, что держал в руке англичанин, и что заставило Джона Уэнтарда разрыдаться. Это был миниатюрный портрет, написанный рукой мастера. Удар Вулми немного повредил его, однако ирландец разглядел улыбающееся нежное лицо красивой молодой женщины с маленькой девочкой.

— Черт побери! — Вулми перевел взгляд с портрета на человека, скорчившегося на полу. — Это твои жена и дочь?

Уэнтард закрыл лицо руками и кивнул, не в силах произнести ни слова. Он слишком много перенес за прошедшую ночь и этот день. То, что порвался портрет, который он всегда носил возле сердца, было последней каплей и окончательно сломило его волю.

Вулми сдвинул брови.

— Я не знал, что у тебя есть жена и ребенок, — произнес он с неожиданной теплотой в голосе.

— Дочке всего пять лет, — выдохнул Уэнтард. — Я почти год не видел их. Господи, что теперь с ними будет? Мое жалованье было невелико, я никогда не мог ничего отложить на черный день. Это ради них я разыскивал Ван Равена и его сокровища. Я надеялся на добычу, которая помогла бы мне обеспечить их на тот случай, если со мной что-то случится. Убей меня! — внезапно крикнул он с отчаянием. — Убей меня, и пусть с этим будет покончено, потому что воспоминание о них лишило меня мужества, и я позорно расплакался перед тобой и готов на коленях вымаливать у тебя пощаду!

В глазах ирландца мелькнуло смятение, и внезапно он положил портрет в руку Уэнтарда.

— Не стану я пачкать руки о такое ничтожество, как ты! — проговорил он и, повернувшись, вышел во внутреннюю дверь.

Уэнтард тупо посмотрел ему вслед, потом, по-прежнему стоя на коленях, стал разглаживать надорванный портрет, негромко поскуливая, как раненое животное, которое зализывает свои раны. В тропиках с

людьми происходят невероятные вещи, и Уэнтард был в эти мгновения словно помешанный.

Он не поднял головы и тогда, когда вновь слышались мягкие шаги Вулми. Пират вернулся, изменив своему обыкновению появляться неслышно, и до боли сжал рукой плечо англичанина. Бессмысленными глазами Уэнтард поглядел на своего врага.

— Проклятая собака! — выкрикнул Вулми, но в его взгляде уже не было прежней безумной ненависти. — Я должен был раскроить тебе череп. Долгие годы я мечтал об этом, особенно когда напивался, и если ты до сих пор жив, так это потому, что я круглый дурак. Будь ты проклят, я не должен ничего тебе объяснять! Что мне за дело до твоей жены и дочки? Но я глуп, как все ирландцы, я мягкосердечный сентиментальный дурак. Я не хочу обрекать на голодную смерть беспомощную женщину и ее ребенка. Вставай, и хватит сопли распускать!

Уэнтард продолжал смотреть на него, ничего не понимая.

— Ты... ты вернулся, чтобы помочь мне?

— Я мог бы заколоть тебя, как овцу, или оставить здесь подыхать от голода! — рявкнул пират, убрав саблю в ножны. — Поднимайся и подбери свой меч, он еще может тебе пригодиться. Кто бы мог подумать, что такому мерзавцу достанется в жены ангел! Черт тебя поberi, тебя бы следовало пристрелить, как бешеную собаку! Знай, что я доверяю тебе не больше, чем старым сказкам. Твои пистолы останутся при мне. Если только ты попытаешься исподтишка убить меня, я разобью твою башку рукояткой сабли.

Ошеломленный Уэнтард бережно убрал портрет за пазуху и, двигаясь словно во сне, поднял меч и вложил его в ножны. К нему будто вернулось сознание, и он пытался взять себя в руки.

— Что мы теперь должны сделать? — спросил он.

— Заткнись! — прорычал ирландец. — Я спасу тебя ради твоей жены и девчурки, но разговаривать с тобой я не обязан! — Он помолчал, потом все же про-

должил: — Мы выйдем отсюда тем же путем, которым я приходил и уходил. Четыре года назад я пришел сюда с сотней людей. Я слышал об этом разрушенном городе и думал, что здесь могут оказаться сокровища. От берега мы шли по старой дороге, и краснокожие не показывались. Они ждали, когда мы окажемся в ущелье, и тогда напали на нас. Их было впятеро больше нашего. Они стреляли со скал, потом отрезали нам дорогу назад и всех перебили. Мне одному удалось спастись. Я прорвался вперед и добежал до этого каменного мешка. Они не преследовали меня, а остались там, за воротами, ждать, когда я выйду. Однако я нашел другую дорогу — в комнате возле самой скалы обрушился кусок стены, и я увидел ступени, вырубленные в скале. Они привели меня к потайному ходу, и я выбрался наверх. Выход был завален камнем. Не думаю, что индейцы знают этот ход, — они никогда не появляются на тех скалах, что окружают колодец. И из ущелья сюда они тоже не заходят. Чего-то здесь они боятся — духов, должно быть.

Эти скалы с другой стороны спускаются в джунгли и покрыты густым лесом. В тот раз индейцы выставили свои караулы у подножия скал, но ночью я без труда прошел мимо них, добрался до берега и наш корабль, на котором оставалась горстка людей, ушел отсюда. Когда ты велел привести меня, я собирался тебя убить, и мне бы при этом не помешали наручники, но ты завел разговор о сокровищах, и я подумал, что тебя можно заманить в ловушку. Я хорошо помнил это место, и в моем рассказе правда перемешалась с ложью. Клыки Дьявола существуют на самом деле, и спрятаны они где-то на этом берегу, но вовсе не здесь. Здесь нет ничего.

На этот раз индейцы так же, как тогда, окружили скалы. Я-то могу пробраться мимо них, а вот тебе вряд ли удастся это так же легко. Вы, англичане, в лесу похожи на бизонов. Мы войдем в лес, когда стемнеет, и попытаемся пройти мимо них до того, как поднимется луна. А теперь пойдем, я покажу тебе ступени.

Уэнтард последовал за ирландцем через анфиладу полуразрушенных комнат, со стен которых тут и там свисали лианы, и вскоре Вулми остановился возле двери, вырубленной в стене, которая примыкала к скале. Возле этой стены лежала груда каменных обломков. Англичанин увидел вырубленные в скале узкие ступени, уводившие в темную шахту.

— Я хотел завалить ход камнями, — сказал Вулми. — Это когда я думал, что ты должен подохнуть от голода. Я понимал, что ты можешь забрести сюда и увидеть ступени. Но индейцам этот ход неизвестен, я уже говорил тебе, что они не заходят сюда — ни в лабиринт, ни на скалы. Однако они знают, что отсюда можно как-то выбраться, потому и выставляют караульных у подножия скал.

Другое дело чернокожий, которого я убил. Год назад здесь потерпел крушение корабль с черными рабами, и негры, которые спаслись тогда, бежали в джунгли.

С тех пор они живут где-то неподалеку. Этот негр не побоялся войти в ворота. Если с краснокожими есть негры, они могут попытаться найти тебя нынешней ночью. Будем надеяться, что этот был единственным, иначе они пошли бы все вместе.

— А почему бы нам не подняться на скалу прямо сейчас? Разве мы не можем укрыться в лесу? — спросил Уэнтард.

— Нет, краснокожие могут заметить нас снизу. Тогда они поймут, что ночью мы собираемся бежать, и удвоят свои караулы. Немного позже я один выберусь наверх и добуду еще какой-нибудь еды. Меня они не увидят.

Они вернулись в комнату, где спал Уэнтард. Вулми мрачно молчал, и Уэнтард не пытался заговорить с ним. Так молча они сидели долго. Примерно за час до заката Вулми поднялся, выругался сквозь зубы и отправился наверх. Там, в лесу, ему опять удалось камнем сбить с дерева обезьяну. Он освежевал ее, набрал в роднике воды в бутыл, выдолбленную из тыквы, и

принес мясо и воду обратно в развалины. Однако на этот раз за ним наблюдали. Его исключительное чутье изменило ему, и он не заметил в лесной чаще чернокожего, злобно глядевшего на него из-за деревьев.

Позже, когда они с Уэнтардом развели огонь и жарили мясо, он поднял голову и прислушался.

— Что ты услышал? — спросил Уэнтард.

— Барабан, — коротко ответил ирландец.

— Я тоже слышу его, — сказал Уэнтард через несколько мгновений. — Но что тут удивительного?

— Это не индейцы, — отозвался Вулми. — Этот барабан больше похож на африканский.

Уэнтард кивнул; ему приходилось бывать на Черном Берегу, и он слышал там ночную переключку барабанов. Африканские барабаны звучали совсем не так, как индейские.

* * *

Наступил вечер. Темнота медленно сгущалась. Барабан замолк. Среди низких холмов у подножия окружавших лабиринт скал под деревьями ярко горел костер, освещая смуглые и черные лица.

Сидевший на корточках индеец, чья одежда и манеры выдавали в нем вождя, повернул непроницаемое лицо к черному великану, стоявшему перед ним. Этот чернокожий был огромного роста и могучего сложения, он резко выделялся и среди индейцев, сидевших вокруг костра, и среди других чернокожих, стоявших за его спиной. Его плечи покрывала шкура леопарда, на сильных руках были медные браслеты. На жестких курчавых черных волосах лежал головной убор из перьев попугая. В левой руке чернокожий держал деревянный щит, обтянутый бычьей кожей, а в правой — тяжелое копье с огромным железным наконечником размером с ладонь.

— Я пришел к тебе сразу, когда услышал барабан, — гортанно сказал негр на ломаном испанском

языке, который служил для переговоров дикарям всех рас. — Я знал, что это Н'Онга зовет меня. Н'Онга ушел из нашего лагеря, чтобы привести Аджумбу, который задержался в твоём племени. Барабан Н'Онги рассказал мне, что в залив пришел бледнолицый и что Аджумба мертв. Я спешил. Теперь ты говоришь, что не смеешь входить в Старый Город.

— Я сказал тебе, что там обитает дьявол, — упрямо ответил индеец. — Он выбрал себе в жертву бледнолицего. Он рассердится, если ты отнимешь его жертву. Идти в его владения — значит умереть.

Чернокожий вождь потряс своим огромным копьем.

— Я долго пробыл в рабстве у испанцев и знаю, что нет дьявола, кроме бледнолицых! Я не боюсь твоего дьявола. На моей родине я убил одного из них таким же копьем. С тех пор, как бледнолицый вошел в Старый Город, прошли день и ночь. Почему дьявол не сожрал его и того, второго, который на скалах?

— Дьявол сейчас не голоден, — отозвался индеец. — Он редко ест. Когда он проголодается, он сожрет их. Я с моими людьми не войду в его логово. Ты здесь чужой. Ты этого не понимаешь.

— Бигомба был королем у себя на родине, и он не боится ничего: ни человека, ни духов, — ответил чернокожий гигант. — Ты сказал мне, что Аджумба вошел ночью в Старый Город и умер. Я видел его тело. Его убил не дьявол. Его убил один из бледнолицых. Если Аджумба смог войти в Старый Город, и дьявол не тронул его, значит, туда могу войти и я со своими людьми. Я знаю, как большой бледнолицый человек выходит на скалы. В скале есть ход. Н'Онга видел, как он вышел оттуда, а потом вернулся обратно. Я оставил там своих людей. Если эти бледнолицые опять выйдут, мои воины убьют их. Если они не выйдут больше, мы войдем в этот ход, когда взойдет луна. Твои люди стерегут ущелье, там бледнолицым не пройти. Мы поймаем их, как крыс, в этих развалинах.

— Осторожнее, — сквозь зубы процедил Вулми. — В этом ходе темно, как в преисподней.

Уже стемнело, и они с Уэнтардом пробирались по вырубленным в скале ступенькам. Англичанин взглянул вниз и ничего не увидел. Они двигались ощупью, и вскоре Вулми остановился и что-то пробормотал. Уэнтард ткнулся в его спину и почувствовал, как напряжены мышцы пирата. Он понял, что Вулми отодвигает камень, закрывавший выход. Наверху появилось отверстие, и на фоне звездного неба Уэнтард увидел очертания головы и могучих плеч ирландца.

Вулми начал выбираться наружу, но не успел он полностью выйти из узкого хода, как перед ним выросла черная тень, и возле его груди блеснул наконечник копья. Молниеносно выхватив саблю, пират отвел смертоносное оружие, но при этом его ноги едва не соскользнули с каменных ступеней. Левой рукой он достал из-за пояса пистоль и выстрелил, почти не целясь. Чернокожий вскрикнул и упал на Вулми, раскинув руки. Этого оказалось достаточно, чтобы ноги пирата потеряли опору. Он упал на Уэнтарда, и оба полетели вниз. Когда они оказались на каменных плитах пола, то, взглянув вверх, увидели по краям выхода несколько темных пятен — это воины пытались разглядеть хоть что-нибудь в кромешной тьме.

— По-моему, ты говорил, что индейцы никогда... — начал Уэнтард.

— Это не индейцы! — рявкнул Вулми, поднимаясь на ноги. — Это негры. Чернокожие! Те самые, которые спаслись с корабля, полного рабов. Тот барабанный бой, который мы слышали, был их сигналом. Осторожно!

На ступеньках зазвенели стрелы, пущенные сверху. Пират и англичанин отскочили в сторону, и Вулми привалил к отверстию хода тяжелую каменную плиту.

— Сейчас они спустятся сюда, — тяжело дыша, сказал он. — Надо как следует завалить этот ход. Хотя

нет, погоди. Если они решили войти сюда, они могут пройти и через ущелье или спуститься по скалам на веревках. В этот каменный мешок легко попасть отовсюду, выбраться гораздо труднее. Нет, мы оставим ход открытым. Тогда мы сможем попытаться перебить их по одному.

Он отвалил плиту от отверстия.

— А если они придут и через этот ход, и через ущелье?

— Скорее всего, они именно так и поступят. Но может быть, те, кто пойдет по ступеням, окажутся здесь раньше, и тогда мы сможем с ними справиться. Их, должно быть, не больше дюжины. Они ни за что не смогут уговорить индейцев войти сюда.

Он быстро и уверенно перезарядил в темноте пистолет, из которого стрелял. На это ушел весь порох, остававшийся в пороховнице, и они с Уэнтардом замерли возле входа в шахту в напряженном ожидании. Однако время шло, а сверху до них не доносилось ни звука. Воображение Уэнтарда уже рисовало картины нападения чернокожих со стороны ворот. Он поделился своей тревогой с Вулми, но тот покачал головой:

— Я услышал бы их; никто из двуногих не сможет подобраться к нам из ущелья так тихо, чтобы я не услышал этого.

Развалины залил серебристый свет луны. Вулми негромко выругался.

— Сегодня нам не удастся выйти отсюда. Может, они только и ждали, когда взойдет луна, чтобы добраться до нас. Иди туда, где ты спал, и наблюдай за ущельем. Если только увидишь, что они подходят, дай мне знать. А я возьму на себя этот ход.

Пока Уэнтард шел по развалинам, по его спине бежали мурашки. В лунном свете развалины лабиринта казались мрачнее преисподней, по стенам ползли причудливые тени лиан. Он дошел до той комнаты, где спал утром и где еще мерцали угли костра, на котором жарилось мясо обезьяны. Он шагнул к двери, выходяв-

шей наружу, но тут какой-то шорох заставил его повернуться. У него вырвался крик ужаса.

Из темного угла что-то выползло; в свете луны он отчетливо увидел большую клиновидную голову и изогнутую шею. В одно короткое мгновение перед ним раскрылась тайна этих развалин; он понял, чьи глаза смотрели на него, когда он спал, чья тень скользнула прочь, когда он проснулся; он понял, почему индейцы не заходят в разрушенный лабиринт и не взбираются на скалы, окружающие его. Теперь он лицом к лицу встретился с дьяволом, обитавшем в этом каменном мешке. Это была огромная анаконда!

В этот миг Джон Уэнтард испытал такой страх, все его тело сковал такой непомерный ужас, какой человек способен испытать разве что в ночных кошмарах. Он не мог пошевелиться, и после первого и единственного крика его язык словно прилип к гортани. Только когда отвратительная голова двинулась к нему, он стряхнул с себя оцепенение, но было уже поздно.

Он отчаянно метнулся в сторону, но спустя мгновение огромное тело чудовища обвилось вокруг человека плотными кольцами. Эти смертоносные объятия были холодны, как витки стального троса. Тщетно пытаясь освободиться, Уэнтард опять закричал. Он слышал, как стучали на каменных плитах башмаки Вулми. Вбежав в комнату, пират разрядил в змею оба пистолета одновременно, и было слышно, как пули вошли в скользкое гигантское тело. Змея содрогнулась, и кольца, сжимавшие тело человека, разжались. Уэнтард остался лежать на каменном полу, а змея со свистящим шипением бросилась на Вулми. В лунном свете было хорошо видно ее смертоносное раздвоенное жало.

Вулми молниеносно отпрыгнул далеко в сторону, и этому прыжку мог бы позавидовать здоровый голодный леопард. Блеснуло лезвие его сабли и опустилось на могучую шею чудища. Брызнула кровь, по телу змеи прошли судороги, она то свивалась в кольца, то выпрямлялась, а сильный хвост выбил из стены несколько кам-

ней. Вулми ловко увернулся, а Уэнтард, едва успев подняться на ноги, был отброшен в угол случайным ударом змеиного хвоста. Вулми снова взмахнул саблей, но змея, продолжая шипеть, скользнула во внутреннюю дверь, и в соседней комнате зашуршала трава, пробиравшаяся сквозь щели между каменными плитами.

Вулми бросился вслед за чудовищем. Змею надо было добить, чтобы она не вернулась к ним. Он бежал за ней по комнатам, в которых прежде не бывал, и в конце концов оказался в комнате, стены которой почти сплошь укрывали лианы. В одной из стен Вулми увидел черное пятно прохода, где скрылась змея. Уэнтард, все еще охваченный ужасом, тоже увидел проход, из которого доносился шорох. Теперь оба они разглядели очертания арки, наполовину скрытой густыми лианами. Луна слабо осветила каменные ступени, уходившие в темноту.

— Я не знал этого хода, — пробормотал Вулми. — Когда я нашел ту лестницу, я не стал искать больше ничего. Смотри, там блестит чешуя этого змея. Он здесь часто бывает. Ход, пожалуй, ведет через скалы прямо в джунгли. В этом каменном колодце нет никакой поживы даже для змея, ему приходится добывать пищу в джунглях. Если бы он выползал через ущелье, то мы давно увидели бы на траве его следы. Если только из этих развалин нет еще какого-нибудь выхода, надо попытаться выбраться наружу отсюда.

— Ты хочешь сказать, что мы войдем за чудовищем в эту черную дыру? — с дрожью в голосе переспросил Уэнтард.

— А почему бы нет? Мы догоним и убьем его. Ну а если наткнемся на гнездо таких тварей, значит, такова наша судьба. Не дожидаться же, пока чернокожие перережут нам глотки! Но в темноте идти нельзя.

Они поспешно вернулись в ту комнату, где жарили вечером мясо. Вулми раздул угли, нашел подходящую палку, обмотал один ее конец обрывком своей рубашки и поджег. Получилось какое-то подобие фа-

кела, светившего неровно и тускло. Тогда они опять дошли до той комнаты, где змея уползла в черный проход. Уэнтард не отступал от Вулми ни на шаг, и в каждой лиане, свисавшей со стен, ему мерещилась змея.

В тусклом свете факела они увидели на ступенях кровавые следы. Осторожно ирландец и Уэнтард вошли в темный проход. Впереди шел Вулми, высоко подняв факел и сжимая в правой руке саблю. Беспольные пистолы он выбросил. Они поднялись по ступеням, которых оказалось не больше десятка, и попали в тоннель футов пятнадцати в ширину и около десяти в высоту. Чешуя, блестящая на полу, служила доказательством того, что чудовище давно здесь обитало. Люди осторожно двигались вперед, различая перед собой кровавый след змеи.

Тоннель сохранился лучше, чем развалины лабиринта, и Уэнтард невольно подумал с уважением о древнем народе, некогда обитавшем здесь среди скал.

Между тем в залитую лунным светом комнату, из которой они вошли в тоннель, бесшумной тенью скользнул чернокожий великан. Наконечник его огромного копья поблескивал в темноте. Следом за ним вошли еще четыре чернокожих воина.

— Они в этом проходе, — показал один из них на арку, наполовину скрытую лианами. — Я видел там свет факела, но не решился преследовать их в одиночку и побежал к тебе, Бигомба.

— Но что это были за крики и выстрелы? — спросил другой воин.

— Наверное, они встретили демона и убили его, — ответил Бигомба. — А потом они ушли в этот ход. Наверное, ход идет сквозь скалу. Пусть один из вас соберет здесь всех остальных, которые ищут бледнолицых собак в развалинах, и все вместе идите за мной. Возьмите факелы. Я и вы трое сейчас же пойдем по их следам. В темноте Бигомба видит все, как лев.

Уэнтард тревожно посматривал на факел в руке Вулми и с ужасом думал, что когда факел погаснет, им придется идти в крошечной тьме. Его страх не прохо-

дил, и каждый миг ему казалось, что он видит впереди чудовищно огромное тело отвратительной твари. Вулми внезапно остановился, но не потому, что увидел чудовище. Влево от большого тоннеля отходил другой коридор.

— Куда мы теперь пойдем?

Вулми опустил факел и осветил каменный пол.

— Следы уходят влево, — сказал он. — Идем туда.

— Подожди! — Уэнтард схватил его за руку. — Смотри! Там впереди свет!

Вулми отвел руку с факелом за спину, чтобы как следует рассмотреть, что там впереди. И действительно, откуда-то в тоннель проникал лунный свет. Прервав погоню за раненым чудовищем, они бросились вперед и оказались в просторной квадратной комнате. Уэнтард застонал от разочарования — лунный свет проникал в комнату через разрушенный потолок, а выхода в джунгли здесь не было.

Во всех стенах этой комнаты темнели арки, одну из них закрывала тяжелая потемневшая и изъеденная ржавчиной дверь. Возле правой стены стоял каменный идол выше человеческого роста, и трудно было понять, то ли у идола лицо с человеческими чертами, то ли морда какого-то неведомого зверя. Перед ним возвышался каменный алтарь. На его груди что-то блестело.

— Что за дьявольщина! — Вулми шагнул вперед и снял с каменного истукана большое ожерелье, составленное из золотых пластин, украшенных драгоценными камнями. — А я-то думал, что врал, когда рассказывал тебе о драгоценностях. Оказывается, сам того не ведая, я говорил правду! Это, правда, не Клыки Дьявола, но в Европе оно будет стоять целого состояния.

— Что ты делаешь? — изумленно спросил Уэнтард, глядя на то, как ирландец положил ожерелье на алтарь и достал из ножен саблю. Вместо ответа Вулми перерубил украшение пополам и одну половину протянул Уэнтарду.

— Если мы выберемся отсюда живыми и невредимыми, это пригодится твоей жене и дочурке, — сказал пират.

— Ты... — выговорил ошеломленный Уэнтард, — ты ненавидишь меня и все-таки спасаешь мою жизнь и отдаешь мне это...

— Заткнись! — рявкнул Вулми. — Я отдаю это не тебе, а твоей жене и ее малышке. И не трудись меня благодарить! Я ненавижу тебя так...

Он не договорил, взглянув назад в коридор, по которому они пришли сюда. В следующий миг он затоптал факел и бросился на пол за алтарем, увлекая за собой Уэнтарда.

— В тоннеле люди! — прошептал он. — Я слышу их шаги! Дай Бог, чтобы они не успели заметить наш факел, он был совсем тусклым.

Он замолчал и стал вглядываться в темноту. Лунный свет не проникал в тоннель. Смутно виднелось то место, где от большого коридора отходил другой тоннель. Из тьмы коридора вынырнули четыре тени и остановились возле развилки. Черный великан молча указал копьем на второй тоннель. Две тени отделились и исчезли в узком боковом проходе, а гигант и оставшийся с ним воин направились вперед.

— Чернокожие ищут нас, — тихо сказал Вулми. — Они разделились, чтобы наверняка нас найти. Замри; за ними может оказаться целый отряд. — И сам он застыл неподвижно на каменном полу за алтарем. Чернокожие приближались. Уэнтард поежился, увидев их копья с огромными наконечниками. Гигант двигался легко и неслышно. Он держал копье наготове и закрывался щитом. Уэнтард подумал, что перед таким могучим противником сам Вулми вряд ли устоит.

Чернокожие остановились на пороге комнаты, и было видно, как блестят белки их глаз. Тот, что пониже ростом, схватил великана за руку, и показал перед собой. Уэнтард похолодел, решив, что негры заметили их. Однако воин показывал на каменного истука-

на. Чернокожий гигант презрительно хмыкнул. Он поклонялся богам своей родины, боги и демоны других народов не вызывали у него трепета.

Однако он направился к идолу, и Уэнтард понял, что сейчас негры их обнаружат.

Вулми быстро зашептал ему в ухо:

— Мы разделаемся с ними. Ты возьмешь на себя того, что поменьше, а я справлюсь с вождем. Вперед!

Одновременно они вскочили на ноги, и от неожиданности чернокожие вскрикнули. Тот, что был ниже ростом, растерялся. Однако он казался невысоким только по сравнению со своим великаном-вождем. На самом деле он был ростом с Уэнтарда, под шоколадной его кожей перекачивались сильные мышцы. Но преимущество оказалось у Уэнтарда. Англичанин стремительно налетел на чернокожего, нанося удар за ударом своим мечом. Негр выронил щит и копье и упал на каменные плиты.

Уэнтард повернулся к сражавшимся гигантам. Они кружили по комнате, залитой серебристым светом луны, — чернокожий вождь с огромным копьем и щитом против бледнолицего с саблей в руке.

Бигомба не растерялся под внезапным натиском белого человека. Он и не думал отступать, его щит принимал на себя частые сабельные удары, а ирландец не смог увернуться от копья — Бигомбе удалось ранить Вулми в шею.

Они яростно дрались в полном молчании, и Уэнтард не смел вмешаться в этот поединок из страха навредить Вулми. Оба гиганта двигались с легкостью и грацией тигров. При всем своем могучем сложении негр никак не мог справиться с пиратом, и смертельная схватка продолжалась.

Снова и снова Вулми отражал удары копья, опять и опять его сабля врезалась в щит Бигомбы. Шкура бизона, которой был обтянут этот щит, свисала теперь клочьями, и сам щит сильно уменьшился в размерах и уже не закрывал как следует могучее тело черного

вождя. Наконец ирландцу удалось ранить противника в грудь.

Бигомба заревел подобно раненому льву и бросился на пирата, нацелив копье прямо в его незащищенную грудь. Уэнтард отчаянно вскрикнул, ему показалось, что Вулми грозит неминуемая гибель. Однако пират оказался проворнее чернокожего, и удар тяжелого копья пришелся в пустоту. В следующий миг блестяло лезвие сабли, и Бигомба тяжело рухнул на каменный пол. На его плечах уже не было головы.

* * *

Едва дыша, Вулми отступил на шаг назад. Его могучая грудь тяжело поднималась и опускалась под изодранной рубашкой, по лицу струился пот. Бигомба оказался достойным ирландца противником.

— Мы должны выбраться отсюда, прежде чем здесь появятся остальные, — сказал он, убирая свою половину снятого с идола ожерелья. — Тот узкий коридор наверняка ведет наружу, но в нем сейчас двое негров, а у нас нет факела. Давай-ка попробуем выйти через эту дверь.

Тяжелая древняя дверь была обита позеленевшими от времени медными пластинами. Под напором крепкого плеча Вулми она громко закричала и подавалась. Сквозь приоткрывшуюся щель пират почувствовал дуновение ветра и запах речной воды. Он еще раз с силой налег плечом на дверь, и вдруг в коридоре раздались голоса. Вулми взревел подобно раненому волку. Стали отчетливо слышны шаги босых ног, и в комнату ворвались чернокожие с зажженными факелами в руках. Они слышали звуки кровавой схватки и спешили на помощь своим соплеменникам, и вот перед ними оказались их бледнолицые враги.

— Скорее открывай дверь! — воскликнул Уэнтард.

— Уже не успеем, — ответил Вулми. — Придется встретить их здесь.

Он перебежал через всю комнату и остановился возле довольно узкой арки, держа наготове саблю; Уэнтард не отставал от пирата ни на шаг. В душе англичанина поднялось какое-то суеверное чувство, и он отшвырнул в сторону свою половину ожерелья. Блеск драгоценных камней показался ему насмешкой судьбы. Он отогнал от себя воспоминание о тех, кто ждал его в милой Англии, и занял свое место рядом с Вуами.

Когда чернокожие поняли, в каком безвыходном положении оказались их жертвы, в каменном коридоре раздались ликующие возгласы. Когда же они поравнялись с боковым тоннелем, оттуда в главный проход выбежал один из воинов, отправившихся на поиски бледнолицых. За его спиной виднелось кошмарное окровавленное чудовище. Огромная змея вернулась.

Чернокожие не успели даже понять, что произошло. Радостные возгласы сменились криками ужаса, и в одно мгновение в тоннеле наступил настоящий ад. То тут то там между объатыми ужасом неграми показывалась голова огромной змеи. Она обвилась кольцами вокруг одного из черных тел и сдавила его в смертоносном объятии. Воин умер, не успев даже испустить последний вопль отчаяния. Остальных негров везде настигали удары могучего хвоста. Смертельно раненное чудовище, казалось, вознамерилось унести с собой в небытие как можно больше человеческих жизней.

Опомнившись, уцелевшие чернокожие воины бросились бежать по коридору туда, откуда они пришли, — в развалины лабиринта. В тоннеле осталось полдюжины распростертых на каменном полу безжизненных тел. Анаконда устремилась вслед бежавшим неграм, и вскоре чернокожие и чудовище скрылись в темноте.

— Господи! — Уэнтард вытер со лба испарину. — Ведь это могло случиться с нами!

— Должно быть, те двое, что вошли в тот коридор, наткнулись в темноте на лежавшего змея, — сказал Вуами. — У него не оставалось сил, чтобы ползти

дальше. А может, он понимал, что умирает, и вернулся, чтобы забрать с собой в преисподнюю побольше людей. Он будет преследовать этих негров, пока не истребит их всех или сам не содохнет. А может, им удастся с ним расправиться, когда они выберутся на открытое место. Подбери свою половину ожерелья. Я еще раз попытаюсь открыть эту дверь.

Тремя мощными толчками ему удалось сдвинуть тяжелую дверь. В комнату ворвался свежий влажный воздух. В проходе было темно, но Вулми решительно устремился вперед. Уэнтард не отставал от него. Через несколько шагов узкий коридор резко повернул влево, и они оказались в более широком тоннеле. Знакомый отвратительный запах заставил Уэнтарда вздрогнуть.

— Змей пользовался этим проходом, — уверенно сказал Вулми. — Это, должно быть, тот самый коридор, который открывался там, в тоннеле. Под скалами скрыто много неожиданного. Интересно, что бы мы нашли, если бы обошли все в этом лабиринте?

Уэнтард не ответил. После всего, что довелось ему пережить, он не остался бы здесь ни на одно лишнее мгновение, даже если бы ему посулили все сокровища мира.

— Посмотри-ка туда! — воскликнул вдруг Вулми.

— Куда можно посмотреть в этой непроглядной тьме? — проворчал Уэнтард.

— Да посмотри вперед, будь я проклят! Я вижу там свет!

— Твои глаза острее моих, — пробормотал англичанин, но слова Вулми словно добавили ему сил, и вскоре он тоже увидел впереди серое пятно.

Ему показалось, что они бесконечно долго идут по этому коридору, хотя выход был на самом деле не очень далеко от комнаты с идиолом и алтарем. Наконец они просунули головы в отверстие и увидели звезды, отражавшиеся в черных речных водах.

— Да, все верно, именно здесь змей выбирался в джунгли, — повторил Вулми.

Тоннель вывел их на крутой берег, заросший джунглями. Они спустились к воде и огляделись.

— Где мы? — спросил Уэнтард. Он потерял всякое представление о сторонах света.

— Мы у подножия скал, — ответил Вулми, — а это значит, что мы оставили позади караулы, выставленные индейцами вокруг. Берег в той стороне. Пошли!

Когда два белых человека вышли из джунглей на берег залива, солнце стояло еще высоко.

Вулми остановился под деревьями.

— Ну, вот мы и пришли. Смотри, в заливе по-прежнему стоит на якоре твой корабль. Все, что тебе нужно теперь сделать, — это крикнуть своим людям, чтобы за тобой выслали шлюпку, и можешь считать, что на этом твои приключения закончились.

Уэнтард был весь в синяках и кровоподтеках, одежда висела на нем жалкими лохмотьями. Сейчас в нем с трудом узнавался подтянутый капитан «Доблестного». Переменился он не только внешне. Теперь это был совсем не тот человек, который вел по джунглям своего пленника, мечтая о несметном богатстве.

— А как же ты? Я в неоплатном долгу перед тобой...

— Ты ничего мне не должен, Уэнтард. — Вулми сплюнул сквозь зубы. — Я не верю тебе.

Уэнтард опустил глаза. Вулми не мог представить, как жестоко прозвучали для англичанина его слова. Он попросту высказал то, что было у него на уме, вовсе не задумываясь, какую боль причинит Уэнтарду сказанное.

— Неужели ты думаешь, что после всего этого я смогу причинить тебе какой-нибудь вред? — воскликнул Уэнтард. — Плевать мне на то, что ты пират, я никогда не смогу...

— Сейчас ты переполнен благодарностью и добротой, — перебил его Вулми и невесело рассмеялся. — Но все может перемениться, как только ты вернешься к своим людям и вспомнишь о том, кто ты на самом

деле. Джон Уэнтард, заблудившийся в джунглях, — это один человек, а капитан Уэнтард на королевском судне — совсем другой.

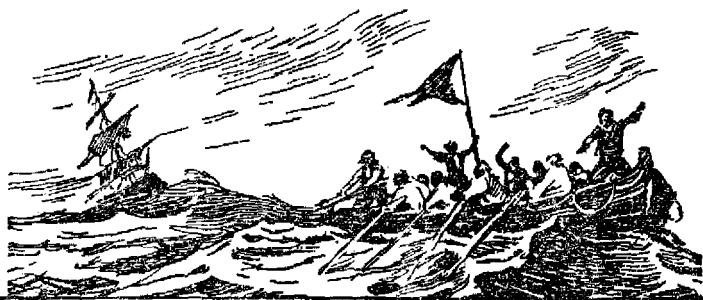
— Я клянусь... — с жаром начал Уэнтард и осекся, осознав всю бесполезность своих клятв.

Внезапно он почти с физической болью понял, что будет до конца дней казнить себя за то зло, которое он причинил в прошлом, хотя его жертва и простила его. Недоверие Вулми стало для него самым жестоким наказанием, какое только можно было придумать. И тогда Джон Уэнтард мысленно проклял самого себя. Ничего на свете не жаждал он в этот миг так страстно, как того, чтобы Вулми поверил ему; однако он уже знал, что этого не случится.

— Не можешь же ты остаться здесь! — слабо запротестовал он.

— Индейцы не выходят на этот берег, — ответил Вулми. — А чернокожих я не боюсь. Не беспокойся обо мне. — Он снова рассмеялся, ему показалось забавным, что кто-то может беспокоиться о нем. — Мне приходилось жить в диких лесах. Кроме того, я не единственный пират, оказавшийся в этом море. Для меня возможны самые неожиданные встречи с людьми, о которых ты даже представления не имеешь. В следующий раз ты услышишь обо мне, когда я вернусь на родину на своем корабле и со своей командой.

Решительно повернувшись, он бесшумно исчез в джунглях. Уэнтард, сжав в руке половину золотого ожерелья, беспомощно смотрел ему вслед.

ОСТРОВ СМЕРТИ

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

В длинном приземистом корабле, подошедшем к берегу, было что-то отталкивающее, и я мысленно похвалил себя за то, что не поторопился выйти из своего убежища ему навстречу.

Какой-то инстинкт заставил меня не спешить и сначала понаблюдать за действиями команды этого странного корабля, появившегося возле Карибских островов.

Все вокруг дышало покоем. Я лежал в траве среди зеленых кустов на гребне невысокого холма, плавно спускавшегося к берегу. Вокруг стояли высокие деревья, внизу зеленоватые волны лизали белый песок, а над моей головой синело ясное небо. Но этот зловеющий черный корабль, бросивший якорь в мелкой воде, выглядел так же неестественно, как змея, которая заползла в цветущий сад.

Корабль казался каким-то неряшливым, неуклюжим, будто его построил отъявленный лентяй, и от команды этого корабля не приходилось ждать ничего хорошего. До меня доносились грубые голоса, один из матросов сплюнул через борт.

На воду спустили шлюпку, она наполнилась людьми и направилась к берегу. Те, кто остался на палубе, что-то кричали вслед шлюпке, но слов я не мог разобрать.

Затаившись в высокой траве, я пожалел, что у меня нет подзорной трубы, чтобы разглядеть из своего убежища название корабля. Лодка вскоре ткнулась носом в песок. В ней было восемь человек: семеро рослых неуклюжих гребцов и восьмой — изящный молодой человек в шляпе с пером, который не прикасался к веслам. По мере их приближения мне становилось ясно, что в лодке о чем-то спорят. Гребцы кричали что-то молодому джентльмену, а он если и отвечал, то мне этого не было слышно.

Как только лодка достигла берега, один из матросов, сидевший на носу, вскочил и набросился на юношу. Тот поднялся, на солнце блеснула сталь, и я услышал крик матроса. Юноша легко выскочил из лодки, прошел несколько шагов по мокрому песку и стремительно направился в глубь острова. Остальные семеро зашумели, потрясая оружием. Тот, кто начал ссору, с залитым кровью лицом бросился вдогонку за молодым джентльменом, выкрикивая проклятия.

Юноша в шляпе с пером быстро добежал до кромки леса и скрылся за деревьями. Остальные преследовали его, и еще какое-то время я слышал их брань, потом голоса затихли.

Я снова стал разглядывать корабль. Его паруса наполнились ветром, и я отчетливо видел матросов на палубе. Якорь подняли, над кораблем взвился Веселый Роджер. Надо сказать, что ничего другого я и не ожидал.

На четвереньках я отполз за кусты и встал на ноги. Настроение мое испортилось: когда я заметил вдали паруса, в моем сердце появилась надежда на спасение, но с корабля сошли на берег восемь головорезов и стали моими соседями на этом острове.

Озадаченный, я медленно шел по лесу. У меня не было никаких сомнений, что этих букашьеров высадили на необитаемом острове — такие дела весьма обычны для людей из Красного Братства.

Я не знал, что теперь делать. Оружия у меня не было, а эти разбойники, конечно, увидели бы во мне врага, и я действительно был непримиримым врагом для всего этого сброда. Моя гордость восставала против того, чтобы прятаться от них, но другого выхода я не видел. Я понимал, что если смогу избежать встречи с ними, то это будет настоящим везением.

Размышляя так, я углублялся в лес. Где-то вдалеке слышались крики пиратов. Неожиданно я оказался на небольшой поляне. Вокруг тянулись к небу высокие деревья, причудливо обвитые лианами, на ветвях сидели птицы с ярким оперением. К мускусному запаху тропической зелени примешивался запах крови. Передо мной на поляне лежал мертвец.

Он лежал на спине, матросскую рубашку залила кровь из глубокой раны под сердцем. Конечно, он убит одним из Красных Братьев, я не сомневался в этом. Он был босиком, однако на пальце блестело кольцо с крупным рубином, черные штаны были подвязаны дорогим шелковым поясом. Из-за пояса торчали рукоятки двух пистолетов, рядом с ним валялась сабля. Что ж, по крайней мере, это оружие. Я вытащил у него из-за пояса пистолеты, они оказались заряженными. Потом я подобрал саблю. Мертвецу оружие уже не понадобится, а мне оно могло очень скоро пригодиться.

Внезапно рядом раздался негромкий смех. От неожиданности я подскочил на месте. Передо мной стоял молодой джентльмен из лодки. Он оказался ниже ростом, чем я думал, стройный и гибкий. Штаны из оленьей кожи плотно облегали его длинные ноги и были заправлены в отличные высокие сапоги. Талию обхватывал широкий малиновый пояс, за которым виднелись пистолеты. Под распахнутым голубым жилетом с золотыми пуговицами виднелась рубашка из тонкого полотна. Из-под шляпы с пером, надвинутой на одну бровь, выбивались золотистые волосы.

— Клянусь престолом сатаны, ты высмотрел кольцо с рубином! — воскликнул юноша.

Только теперь я разглядел лицо незнакомца — нежный овал, смеющиеся алые губы, большие серые глаза — и понял, что передо мной женщина. Одна ее рука упиралась в бок, а в другой она держала длинную шпагу с богато украшенной рукояткой, и я содрогнулся, увидев, что клинок обгажен кровью.

— Ну что же ты, отвечай! — нетерпеливо воскликнула она. — И тебе не стыдно, что тебя застигли за таким делом?

Теперь я понимаю, что мой вид не мог вызвать почтительного отношения, — я был босиком, и всю мою одежду составляли матросские штаны, выцветшие от соленой воды.

Ноее насмешливый тон привел меня в негодование.

— В конце концов, — вырвалось у меня, — если я должен ответить за ограбление трупа, то пусть кто-то другой ответит за его появление.

— Ха, это сделала я, и что с того? — Она недобро умехнулась. — Клянусь дьяволом, если я начну вспоминать всех, кого отправила в преисподнюю, это будет долгий разговор.

Меня охватило отвращение.

— Никогда не думал, что мне придется встретить женщину, которая станет хвастаться тем, что хладнокровно убивала людей, — сказал я.

— Ты говоришь — хладнокровно! — воскликнула она. — А что же, по-твоему, я должна покорно дожидаться, когда меня зарежут, словно овцу?

— Если бы ты выбрала для себя женские занятия, тебе не пришлось бы ни убивать, ни опасаться быть убитой, — ответил я с жаром и тут же пожалел об этих своих словах, потому что начал догадываться, кто эта девушка.

— Ну-ну, праведник, — процедила она, и глаза ее угрожающе вспыхнули, — значит, ты считаешь меня бандитом! А кто ты сам такой; что ты делаешь на заброшенном острове и почему рыщешь по джунглям и грабишь мертвецов?

— Меня зовут Стефан Хармер, я помощник капитана с торгового судна из Вирджинии, оно называлось «Голубая Графиня». Неделю назад наше судно сторело дотла, и мне одному удалось спастись. Я доплыл до этого острова, вот и все.

Девушка разглядывала меня задумчиво и немного насмешливо, словно не верила моим словам.

— А оружие я взял, потому что нет ничего страшнее, чем оказаться безоружным среди таких разбойников, — добавил я.

— Не причисляй меня к ним, — отозвалась она, потом спросила: — Ты знаешь, кто я такая?

— Ты можешь носить только одно имя, если принять во внимание твой щегольской наряд и хладнокровие.

— Так назови его!

— Элен Таврел.

— Ты угадал, — язвительно сказала она, — хотя я и не припомню, чтобы мы встречались раньше.

— Всякий, кто хоть раз бывал в Семи Морях, слышал об Элен Таврел, и насколько мне известно, она единственная женщина-пират, которая сейчас разбойничает возле Карибских островов.

— Так ты знаешь обо мне из матросских баек? И что же обо мне говорят?

— Говорят, что ты самое бесстрашное и бессердечное создание, когда-либо ступавшее на палубу корабля и променявшее женские изящные наряды на штаны, — спокойно ответил я.

Ее глаза опять сверкнули недобрый огнем, и она срезала кончиком шпаги цветок, оказавшийся у нее возле ног.

— А что еще обо мне говорят?

— Еще говорят, что, хотя твой путь залит кровью, ни один мужчина не может похвастаться тем, что ты подарила ему поцелуй.

Это, казалось, ей понравилось, и она улыбнулась.

— А вы верите этому, сэр?

— Верю, — отвечала я, — хотя могу поклясться Гадесом, что мне еще не приходилось видеть губ, столь явно предназначенных для жарких поцелуев.

Сказать правду, редкая красота девушки потрясла меня, тем более что я долгие месяцы вообще не видел женщин. Мне хотелось подойти к ней поближе, однако вид мертвеца у моих ног остановил мой порыв. Прежде чем я сказал что-нибудь еще, она повернула голову и прислушалась.

— Пойдем отсюда! — воскликнула она. — Мне кажется, что я слышу, как возвращается Гувер со своими болванами! Если на этом проклятом острове есть местечко, где можно надежно укрыться, отведи меня туда, иначе они убьют нас обоих!

Мне вовсе не хотелось обрекать ее на гибель, и я пригласил ее следовать за собой. Сквозь заросли деревьев и кустов мы направились к южной оконечности острова. Мы шли быстро и бесшумно, девушка двигалась с легкостью, которой могли бы позавидовать индейцы. Вокруг нас летали яркие бабочки, в высоких ветвях деревьев на разные голоса распевали тропические птицы. Однако с появлением пиратов у меня возникло такое чувство, будто на остров сошел призрак смерти.

Лес постепенно редел и в конце концов перешел в цепь ущелий между скалами. Мы продолжали наш путь, и меня немало удивила выносливость девушки. Она карабкалась по скалам и спускалась в расселины с ловкостью кошки и, казалось, не чувствовала усталости.

Наконец мы оказались у подножия невысокой скалы, возле которой весело журчал узкий ручеек с белыми песчаными берегами. Над водой склонялись деревья, а скалы, по которым мы только что шли, образовывали настоящий горный хребет, протянувшийся к северу.

— Нам теперь надо спуститься по этой скале, — сказал я. — Я помогу тебе...

Однако она, упрямо вскинув голову, уже направлялась вниз по крутому склону, иногда придерживаясь рукой за длинные ветви лиан. Я последовал за ней,

однако меня насторожило какое-то движение в зарослях на берегу ручья. Я негромко окликнул ее, попросив быть осторожнее; она, обернувшись, потеряла равновесие, до меня донеслось ругательство, и девушка покатилась вниз. Правда, падение было недолгим и упала она на мягкий песок, но не успела вскочить на ноги, как из ближних зарослей появился рослый пират и надвинулся на нее.

Я увидел повязанную платком голову и бородатое лицо пирата, который взмахнул саблей. У Элен не оказалось ни одного мгновения, чтобы достать шпагу или пистоль — он навис над ней огромной тенью, и сабля была уже готова опуститься... Я не помню, как выхватил пистоль и выстрелил не целясь. Сабля выпала из его руки, и он беззвучно зарылся лицом в песок. Девушка избежала верной смерти: сабля, падая, сбила с ее головы шляпу.

Я быстро сбежал вниз и замер возле тела мертвого буканьера. Я убил его невольно, не успев даже подумать, но в моей душе не было и тени сожаления о содеянном. Я спас девушку от гибели и, кроме того, избавил мир хотя бы от одного из тех алчных волков, которые рыщут в наших морях в поисках добычи.

Элен отряхнулась и негромко выругалась, увидев испорченную шляпу.

— Скажи спасибо, что твоя голова осталась целая, — заметил я. — Нам надо побыстрее убраться отсюда, пока на звук выстрела не сбежались остальные.

— Отличный выстрел, — сказала она. — Ты ловко его уложил, у меня бы так не получилось.

— Мне просто повезло, — ответил я со злостью. Из всех свойств, которых я не выношу в женщинах, самое худшее — это бессердечие. — У меня не было времени целиться, в другом случае я, возможно, сохранил бы ему жизнь.

Эти мои слова озадачили девушку, и до следующей скалы мы дошли в молчании. Мы вскарабкались по камням и оказались возле небольшого водопада в том месте, где ручей сбегал вниз.

— За этим водопадом есть пещера, — сказал я, стараясь перекрыть голосом шум воды. — На днях я случайно забрел сюда и обнаружил ее. Иди за мной.

Я шагнул в воду и перешел ручей, стремительно бежавший вниз. Девушка не отставала. Теперь перед нами был вход в небольшую темную пещеру. Именно здесь я намеревался устроить свое убежище незадолго до того, как встретил Элен.

Я вошел в пещеру, и шум водопада за моей спиной стал тише. Лицо девушки белело в темноте, как дикий цветочек.

— Проклятье, — сказала она, пытаясь выжать воду из полы жилета, — вы привели меня в какое-то дьявольское место, мистер Хармер. Сперва я вывалялась в песке и перепачкала свою одежду, а теперь я насквозь промокла. Ты думаешь, что Гувер со своей бандой не найдет наших следов, когда отправится на звук выстрела?

— Конечно, они будут искать нас, — отвечал я, — но наши следы доведут их только до скалы. Добрую часть пути мы проделали по камням, на которых следов не осталось. Они не смогут решить, куда мы направились от камней. А уж этой пещеры им вовек не найти. Так или иначе, для нас здесь самое безопасное место на острове.

— Ты все еще жалеешь, что не позволил Дику Комрелу убить меня? — спросила она.

— Как бы его ни звали, он был пират с обагренными кровью руками, — сказал я. — Нет, ты слишком красива для того, чтобы умереть такой смертью, несмотря на все твои преступления.

— Твои комплименты похожи скорее на обвинение. Ты и в самом деле меня ненавидишь?

— Не тебя, а тот кровавый промысел, который ты выбрала. Если бы ты вела другую жизнь, я был бы счастлив оттого, что встретился с тобой.

— Черт возьми! — воскликнула она. — Ты очень странный. Иногда ты говоришь как какой-нибудь придворный, а иногда как проповедник. Хотела бы я знать, какие чувства ты в действительности испытываешь?

— Я одновременно и очарован, и подавлен,— ответил я ей, передо мной во мраке пещеры смутно белело ее лицо, и ее присутствие заставляло меня трепетать.— Ты весьма привлекательна, но то, что ты пират, вызывает во мне возмущение. Клянусь Богом, ты страшнее, чем Лилит, у тебя лицо очаровательной девушки и душа змеи.

Она залилась нежным серебристым смехом.

— Ну-ну, не выходи из себя. Ты спас мне жизнь, нравится это тебе или нет, и я не проткну тебя шпагой, хотя ты этого заслуживаешь. Мне очень неприятно то, что ты сейчас сказал. Тебя не удивляет, что я оказалась здесь рядом с тобой?

— Люди из Красного Братства похожи на голодных волков, которые могут рыскать везде,— отвечал я.— Странно, что никто из них до сих пор не оказывался на этом острове. Так что ничего удивительного нет в том, что они появились-таки здесь, даже если их и высадили в этом необитаемом месте.

— Высадили? Ты хочешь сказать, что Джона Гувера высадили с его собственного корабля? Ты ошибаешься, друг мой. Судно, с которого мы сошли сюда, называется «Черный Рейдер», ты наверняка слышал о нем. Сейчас они ушли, чтобы напасть на испанских торговцев, но вернутся за нами через две недели.— Она передернула плечами: — Будь проклят тот день, когда я ступила на палубу этого корабля! Таких отъявленных мошенников и трусов мне раньше не приходилось встречать. Но моего капитана Роджера О'Фаррела сейчас нет корабля, и мне пришлось связаться с этой свиньей Гувером! Вчера он заставил меня высадиться с ним на берег, а по дороге я высказала все, что думаю о нем и его негодях. Им это пришлось сильно не по душе, но они не отважились драться в лодке, побоялись ее перевернуть.

Как только мы достигли берега, я ударила Гувера по лицу рапирой, убежала от них в лес и спряталась. Однако мне не повезло. Он догнал меня и стал размахивать саблей, тогда я заколола его, удачно попав под серд-

це. Потом появился ты, праведник, а остальное ты знаешь. Теперь они, должно быть, рыщут по всему острову.

Наверное, нужно тебе рассказать, почему Джон Гувер со своими ублюдками оказался здесь. Ты когда-нибудь слышал о сокровищах Могара?

— Нет.

— Я так и думала. Говорят, что, когда испанцы впервые оказались в этих морях, они нашли остров, на котором существовало вымирающее государство. Аборигены жили на берегу в деревянных и глиняных хижинах, но в глубине острова стоял большой каменный замок, оставшийся от какого-то исчезнувшего древнего народа, а в замке были сокрыты несметные сокровища. Испанцы уничтожили всех жителей острова, но прежде так спрятали свою добычу, что и сами не сразу смогли бы ее отыскать. Потом они ушли отсюда, оставив все богатства Могарского королевства храниться где-то в древнем замке, который они не сумели разрушить.

Этот остров лежит в стороне от морских путей, и со временем история почти забылась, ее еще иногда рассказывают мореходы. Но тем, кто верил легенде и отправлялся на поиски сокровищ, до сих пор не удалось найти замок.

Так вот, отправляясь в плавание, Джон Гувер решил во что бы то ни стало высадиться на этом острове и отыскать замок. Он говорил, что ему довелось бывать на этом острове с французским буканьером де Ромбером и что они видели замок своими глазами, точь-в-точь такой, как о нем рассказывает старая легенда.

Однако им пришлось бежать, потому что здесь их застигли королевские солдаты. Они не успели уйти далеко, на них напал королевский фрегат, и из команды де Ромбера остался в живых только один человек, который тоже высаживался с ними здесь на острове. Вот поэтому сейчас Гувер отправил своего помощника Фрэнка Маркера грабить торговое судно, которое мы видели неподалеку отсюда, а сам высадился здесь...

— Что?! Ты хочешь сказать...

— Да! На этом самом острове процветало, а потом погибло неизвестное маленькое королевство Могара, и где-то здесь в джунглях, среди деревьев и лиан стоит заброшенный замок, в котором хранятся сокровища двенадцати королей!

— Похоже на бред пьяных матросов, — не очень уверенно произнес я. — А зачем ты мне это рассказала?

— А почему бы и нет? — улыбнулась она. — Мы с тобой заодно, а я должна вернуть тебе долг чести. Может быть, нам повезет, и мы найдем сокровища, кто знает? Тот человек, который мог бы помочь Джону Гуверу, теперь мертв. Это Дик Комрел, которого ты застрелил. Но прислушайся!

Сквозь шум водопада до меня донеслись какие-то отдаленные звуки.

Я осторожно выглянул из пещеры. Вблизи ручья стояли пятеро пиратов. Самый высокий из них размахивал руками и что-то громко говорил, но что именно, я не смог расслышать из-за шума воды.

Я отпрянул от входа, хотя и понимал, что они не смогут меня увидеть. Шелковые кудри упали на мое плечо, девушка привстала на цыпочки и зашептала мне на ухо:

— Этот с квадратным лицом и бшенными глазами — капитан Гувер, темноволосый — француз Ла Коста; тот, с бородой, — Том Беллефонт, двое остальных — Билл Харбор и Майк Донлер.

Впоследствии мне еще не раз приходилось слышать эти имена, и позже я узнал, что видел едва ли не самых жестоких и свирепых людей с черными сердцами, которые когда-либо ступали на палубу корабля. Они кричали друг на друга, долго размахивали руками, а потом направились вдоль скал и скрылись из виду.

— Будь я проклята, но Гувер — редкостный негодяй! — воскликнула девушка, когда они ушли. — Теперь, когда ты застрелил Дика Комрела, ему придется в одиночку искать замок. Мерзавец! Лучше бы он оказался от меня по другую сторону Семи Морей! Роджер О'Фар-

рел оплатит ему за то, как он обращался со мной, клянусь тебе в этом, даже если я сама не смогу ему отомстить!

— За что отомстить? — с любопытством спросила.

— Он смотрел на меня, как на обыкновенную женщину, а не как на товарища. Когда я пригрозила, что проткну его шпагой, он обругал меня и заявил во всеуслышание, что в один прекрасный день сделает меня покорной, как ручная овечка, а потом заставил высадиться на берег вместе с ним.

Девушка помолчала, потом внезапно сказала:

— Тысяча чертей! Долго мы будем здесь торчать? Я проголодалась.

— Подожди здесь, — ответил я. — Я выйду наружу и наберу диких фруктов, их здесь много.

— Отлично, — отозвалась она, — но мне бы хотелось чего-то посерьезнее фруктов. Клянусь Зевсом, в лодке есть хлеб, соленое и вяленое мясо, так что мы пойдем...

При упоминании о настоящей еде у меня потекли слюнки: вот уже неделю у меня не было во рту ни крошки хлеба, не говоря уже про мясо, однако я перебил ее:

— Ты в своем уме? Зачем же нам тогда эта пещера, если не для того, чтобы укрываться в ней? Ты непременно попадешь в лапы этих негодяев.

— А я говорю, что сейчас самое время пойти к лодке, — заявила она. — Ты же видел, что они были здесь впятером, остальные двое мертвы, значит, в лодке сейчас никого нет.

— Ну да, мы пойдем к лодке, и они как раз в это время вернутся на берег, — возразил я.

— Не вернутся. Они все еще ищут меня или уже пытаются отыскать замок. Говорю тебе, сейчас самый лучший момент для того, чтобы забрать еду.

— Ну, раз ты так уверена, тогда пошли. — Я сдался, и мы пустились в обратный путь.

Я внимательно смотрел по сторонам, нам никто не встретился. Вокруг стояла тишина, даже птицы

умолкли. Я осмотрел свое оружие. Один из пистолетов убитого был разряжен, а порох во втором подмок, когда мы перебирались через водопад.

— А я заткнула дула своих пистолетов шелком, — сказала Элен, заметив мои действия. — Вот, возьми и перезаряди их.

С этими словами она протянула мне надежно защищенную от воды роговую пороховницу с порохом и пулями. Я обсушил пистолеты листьями и перезарядил их.

— Думаю, что лучше меня никто в мире не стреляет из пистолетов, — не без хвастовства произнесла девушка, — но больше всего я люблю шпагу.

Она достала шпагу из ножен, и клинок со свистом разрезал воздух.

— Вы, моряки, редко оцениваете достоинства прямого клинка, — уверенно заявила она. — Погляди на себя с этой уродливой неуклюжей саблей. Я успею несколько раз проткнуть тебя, прежде чем ты поднимешь саблю для удара. Вот так!

Она сделала стремительное движение, и на землю упала прядь моих волос.

— Осторожнее обращайся с оружием, — сказал я, когда ко мне вернулся дар речи. — Побереги свою отвагу и ловкость для встречи с врагами. А сабля — отличное оружие для честного человека, который не привык к вашим французским штучкам.

— Роджер О'Фаррел знает цену шпаге, — сказала она. — Сердце радуется, когда слышишь, как она поет у него в руке, и видишь, как он накаливает на нее врагов, как на вертел.

— Идем, — коротко отозвался я. Меня снова покорила ее грубость, и вовсе не хотелось слышать ее восхваления в адрес неизвестного мне пирата О'Фаррела.

Молча мы прошли скалы и ущелья и по густому лесу добрались до холма, выходившего на берег. Спустившись по его склону, мы подошли к лодке, которую действительно никто не сторожил.

Вокруг стояла такая тишина, что в ушах звенело. Солнце клонилось к закату и висело на западе, как окровавленный диск, птицы давно умолкли, и даже ветер совсем стих и не шелестел листвою.

Мы подошли к лодке и собрали себе узелок с хлебом и мясом. Мои пальцы дрожали от напряжения и волнения, пока мы снова не оказались на холме, — я был уверен в том, что пираты вернутся к лодке до темноты, а солнце уже заходило.

Только я об этом подумал, как раздался выстрел, и пуля обожгла мою щеку. К нам бежали Майк Донлер и Билл Харбор, выкрикивая на бегу проклятия и угрозы. Они заметили нас, возвращаясь к лодке, и теперь легко настигли, прежде чем мы успели опомниться.

Донлер, дико сверкая глазами, набросился на меня, кольца на его пальцах, пряжка на поясе и лезвие сабли блестели в лучах заходящего солнца. Распахнутая рубашка открывала широкую волосатую грудь, и я разрядил пистоль почти в упор. Он пошатнулся и заревел, словно раненый бизон. Однако у него еще хватило сил на сабельный удар, несмотря на смертельную рану. Я отразил этот удар и рассек его голову до самых бровей. Он упал замертво к моим ногам.

Я обернулся. Правду сказать, я побаивался за девушку, но увидел, что ей удалось выбить оружие из руки Харбора. На моих глазах она нанесла ему такой сильный удар в сердце, что шпага вышла наружу возле плеча.

Еще мгновение он держался на ногах, судорожно пытаясь глотнуть воздух, потом изо рта у него хлынула кровь, и когда девушка выдернула клинок из его тела, он тяжело повалился вперед лицом, умерев до того, как его тело коснулось земли.

Элен с усмешкой повернулась ко мне.

— Однако, мистер Хармер, — произнесла она, — моя шпага делает свое дело аккуратнее и надежнее, чем ваш топор мясника. Не думала, что у Майка Донлера так много мозгов. — Она поморщилась, взглянув на тело пирата.

— Довольно! — грубо сказал я, пораженный ее словами и хладнокровием. — Такие дела и в самом деле присущи мясникам, а мне это не по праву. Пойдем отсюда поскорее; если Гувер и остальные двое неподалеку, то нам несдобровать.

— Подбери хотя бы узел с едой, глупец, — желчно ответила Элен. — Неужели мы тащились в такую даль и убили двоих мерзавцев просто так?

Я не стал спорить и повиновался без разговоров, хотя аппетит мой пропал, — слишком уж не по душе мне было то, что случилось. Солнце зашло, и наступила южная темная ночь. Мы отправились обратно в нашу пещеру. Когда мы спустились с холма и море скрылось из виду, до нас донесся громкий крик — мы поняли, что это вернулся Гувер с оставшимися двумя пиратами.

— Теперь до утра нам ничто не грозит, — сказала моя спутница. — Раз они на берегу, значит, мы не рискуем внезапно наткнуться на них в лесу. А они не полезут ночью в этот дикий лес.

Мы прошли еще немного, остановились и, опустившись на траву, принялись за мясо и хлеб, запивая их водой из чистого холодного ручья. Меня восхитили изысканные манеры девушки — она ела, как истинная аристократка.

Покончив с едой и сполоснув руки в ручье, она поправила свои золотистые кудри и сказала:

— Клянусь Зевсом, это отличная работа за один день для двух преследуемых беглецов! Из семи буканьеров, которые высадились на этот берег нынче утром, в живых остались только трое! Как ты думаешь, может, нам хватит уже бегать от них? Давай попытаем счастья и нападём на них сами! Трое против двоих — это не так уж страшно.

— Что ты говоришь? — изумленно переспросил я.

— Ничего, — быстро отозвалась она. — Будь это не Джон Гувер, а кто-нибудь другой, я могла бы что-нибудь сказать. Но Гувера нельзя назвать человеком — он злобен и жесток, как дикий зверь, и что-то в нем такое, отче-

го кровь застывает в жилах. На свете есть только два человека, которых я боюсь, и один из них — Джон Гувер.

— А кто же второй?

— Роджер О'Фаррел.

На этот раз она произнесла имя пирата так, словно он был святым или, по крайней мере, королем, и почему-то мне от этого стало досадно. Я промолчал.

— Если бы здесь был Роджер О'Фаррел, — продолжала она, — нам не пришлось бы ничего бояться, потому что во всех Семи Морях нет ему равных, и даже Джон Гувер ему в подметки не годится. Он величайший из всех мореплавателей и прекрасный боец. У него манеры настоящего кавалера, да он и есть кавалер.

— Да кто таков этот твой Роджер О'Фаррел? — грубо спросил я. — Он что, твой любовник?

Она так ударила меня по щеке, что у меня искры из глаз посыпались. Мы стояли друг против друга, и в свете всходящей луны было видно, что ее лицо залила краска негодования.

— Будь ты проклят! — выкрикнула она. — Да если бы О'Фаррел оказался здесь, он вынул бы сердце у тебя из груди за такие слова! Ты же сам сказал, что ни один мужчина на свете не может назвать меня своей!

— И в самом деле так говорят, — ответил я. Моя щека горела, а в голове все страшно перемешалось.

— Говорят?! А сам ты как думаешь? — с утрозой в голосе спросила она.

— Я думаю, — сказал я, как мне показалось, весьма ядовито, — что ни одна женщина не может оставаться невинной, будучи грабительницей и убийцей.

Тут же мне пришлось пожалеть о своих словах. Она побледнела, тяжело задышала, и в следующий миг острие ее шпаги коснулось моей груди как раз под сердцем.

— Мне приходилось убивать и за меньшие оскорбления, — произнесла она свистящим шепотом.

Я похолодел, но нашел в себе силы ответить:

— Если ты убьешь меня, мое мнение едва ли переменится.

Она как-то странно взглянула на меня, опустила шпагу и, бросившись на землю, разрыдалась. Меня охватило раскаяние; я стоял над ней пристыженный, и мне хотелось ее утешить, однако я боялся прикоснуться к ней и тем навлечь на себя еще больший гнев. Наконец сквозь рыдания я услышал слова:

— Это уж слишком! — Она всхлипнула. — Я знаю, что в глазах мужчин я чудовище; мои руки запятнаны кровью. Да, я грабила и убивала, играла в кости и пила вино, и мое сердце огрубело. Все, что еще заставляет меня чувствовать себя не совсем уж пропащей, так это то, что я осталась до сих пор невинной девушкой. А мужчины, оказывается, считают меня падшей. Лучше бы... лучше бы мне умереть!

Это было и моим желанием в те мгновения — такой стыд я испытал за свои слова, недостойные мужчины. Теперь я увидел, какая нежная и чистая душа скрывается под маской ее грубости и жестокости. Сказать правду, не так уж плохо я о ней думал, а слова эти произнес просто со злости.

Я опустился на колени рядом с плачущей девушкой и, поднимая ее, попытался вытереть ее слезы.

— Убери от меня руки! — воскликнула она, отшатнувшись. — Мне нечего с тобой делать, раз ты считаешь меня падшей женщиной.

— Я вовсе не думаю так! — горячо уверил ее я. — Я смиренно прошу у тебя прощения. С моей стороны было подло и недостойно говорить тебе такие слова. Я ни на миг не усомнился в том, что ты честная девушка, а сказал это просто оттого, что разозлился.

Казалось, она немного успокоилась.

— Роджер О'Фаррел вдвое старше тебя, — сказала она, всхлипнув в последний раз. — Он спас меня с тонущего корабля, когда я была еще ребенком, и вырастил меня как родную дочь. И если я выбрала морскую разбойничью жизнь, так в этом он не виноват, он воспитывал меня, как настоящую леди. Просто любовь к приключениям у меня в крови, и хотя судьба

распорядилась так, что я родилась женщиной, я живу мужской жизнью.

Если я груба, холодна и бессердечна, так чего еще можно ожидать от девушки, которая каждый день видит кровавые жестокие драки, чьи детские воспоминания — это воспоминания о тонущих кораблях, жестоких схватках и предсмертных криках? Благодаря капитану Роджеру О'Фаррелу моими постоянными спутниками были грабители и убийцы.

Говорят, что он жесток, и может быть, это правда. Однако со мной он всегда был добр и нежен. Кроме того, в его жилах течет дворянская кровь, и он благороден, как лев!

Я ничего ей не ответил, хотя внезапно вспомнил о буканьере, происходившем из знатной ирландской семьи. Больше всего меня обрадовало то обстоятельство, что он относился к ней по-отечески, а не иначе.

Неожиданно я вспомнил давно забытую сцену — лодку, полную людей, которых мы взяли на борт неподалеку от Тортуги, и слова одной из женщин: «Мы должны благодарить Элен Таврел, спаси ее Господь! Это она заставила Хилтона дать нам в лодку воду и пищу, хотя он мог сжечь нас заживо вместе с кораблем. Может быть, она и пират, но сердце у нее доброе».

— Я умоляю тебя забыть о моих словах, — попросил я. — А теперь давай все-таки доберемся до нашего убежища, завтра оно может нам понадобится.

Я помог ей подняться и подал шпагу. Она молча последовала за мной, и в полном молчании мы добрались до нашей скалы. У ее подножия мы ненадолго остановились.

Сказать по правде, ночью джунгли были фантастически прекрасны. К небу поднимались темные скалы, слышался шелест листвы, и деревья отбрасывали причудливые тени. Вода в ручье казалась посеребренной лунным светом, а по небольшому озерцу, в которое он впадал, пролегла лунная дорожка. Сама же луна в темном небе была похожа на круглый щит из белого золота.

— Отправляйся спать в пещеру, — сказал я ей, — а я устрою себе постель в этих кустах.

— А тебе здесь ничто не угрожает? — спросила она.

— Нет; никто не появится здесь до утра, а хищных зверей на этом острове я пока не встречал.

Молча она перешла через водопад и исчезла в пещере. Я устроился на мягкой траве среди кустов и почти мгновенно заснул. Последним моим воспоминанием было воспоминание о ее густых золотистых локонах и огромных серых глазах.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Кто-то тряс меня за плечо. Я потянулся, потом внезапно проснулся и сел, озираясь в поисках сабли или пистоли.

— Смеею сказать, сэр, что спите вы крепко. Джон Гувер запросто мог бы подойти к вам и вынуть сердце из груди, и вы бы этого даже не почувствовали.

Начинало рассветать, а рядом со мной стояла Элен Таврел.

— Я хотел проснуться пораньше, — ответил я, зевая, — но, наверное, очень устал после вчерашнего. У тебя, должно быть, и тело, и нервы из стали.

Ее лицо дышало свежестью, будто она вышла из уютной спальни. Сказать по правде, немногие женщины способны пережить такие приключения, после этого провести ночь на голом песке в пещере и притом наутро остаться привлекательными.

— Давай завтракать, — предложила она. — Правда, выбор блюд у нас с тобой невелик, но мне помнится, ты что-то говорил о фруктах?

Позже, уже за едой, она вдруг сказала:

— Мое сердце кровью обливается при мысли о том, что Джон Гувер может найти сокровища Могара. Мне приходилось ходить в плавание с Роджером О'Фар-

релом, с Хилтоном, Хансенем и даже с ле Баном, по Гувер — первый капитан, посмеявшийся оскорбить меня.

— Он не найдет сокровищ, — отозвался я, — просто потому, что их здесь нет.

— Ты обошел весь остров?

— Да, я только не пытался пройти в глубь непроходимых восточных болот.

Ее глаза загорелись.

— Подумай сам: если бы сокровища было легко найти, до них давно бы кто-нибудь добрался. Уверяю тебя, они спрятаны именно где-то среди этих болот! Послушай-ка меня. Солнце еще не взошло, и Джон Гувер со своими дружками наверняка пьянствовали всю ночь и еще не скоро проснутся после этого. Мне хорошо известны их привычки, и они даже ради сокровищ не станут их менять! Давай-ка отправимся к этим болотам и попробуем найти сокровища.

— Зачем лишний раз испытывать Провидение? — возразил я. — К чему нам убежище, если мы не собираемся в нем отсиживаться? Нам повезло, что нас до сих пор не нашел Гувер, но если мы уйдем отсюда и отправимся через лес, мы наверняка не избежим встречи с ним.

— Если мы будем сидеть здесь, как крысы, он в конце концов нас обнаружит. Я не сомневаюсь, что мы сможем осмотреть болото и вернуться сюда до того, как он очнется, а даже если и нет — он не умеет тихо пробираться по лесу, его слышно издали, словно бизона. Мы не встретимся с ним, а если и увидим его, всегда успеем скрыться в лесу. — Она вздохнула. — Если бы здесь оказался Роджер О'Фаррел...

— Ну, раз уж ты вспомнила Роджера О'Фаррела, — теперь вздохнул я, — мне придется согласиться с любым самым безрассудным твоим планом. Тогда не будем мешкать.

— Вот здорово! — воскликнула она, по-детски захлопав в ладоши. — Мы непременно найдем эти сокровища! Я так и вижу перед собой блеск всех этих бриллиантов, и рубинов, и сапфиров, и изумрудов!

Когда мы по скалам вышли в широкое ущелье и по нему добрались до густого леса, простиравшегося на восток, заря еще только занималась. Таким образом, за два дня мы прошли почти через весь остров — пираты высадились на западном берегу, а болото лежало на востоке.

Какое-то время мы шли молча, потом я спросил:

— А как выглядит О'Фаррел?

— Он отлично сложен и выглядит, как король. —

Она окинула меня критическим взглядом. — Он выше тебя, но не такой могучий. Его плечи будут, пожалуй, пошире твоих, а вот грудь не такая широкая. Лицо у него решительное, и он всегда гладко выбрит. Волосы у него такие же черные, как у тебя, хотя он уже не молод. И еще у него прекрасные серые глаза, как стальные. У тебя тоже серые глаза, но ты смуглый, а у него белая кожа. Впрочем, если тебя побрить и хорошо одеть, то ты будешь выглядеть неплохо, даже рядом с капитаном О'Фаррелом. Сколько тебе лет?

— Двадцать семь.

— А я думала, ты старше. Мне двадцать.

— Ты выглядишь моложе, — ответил я.

— У меня богатый жизненный опыт, — заявила она. — А теперь, сэр, нам лучше замолчать, на тот случай, если где-нибудь в этом лесу обитают разбойники.

Чем дальше мы продвигались на восток, тем гуще становился лес. В одном месте через нашу тропу переползла змея, и девушка, вздрогнув, на миг замерла. Отважная, как тигрица в обращении с мужчинами, она оказалась просто женщиной в отношении всяких тварей.

Наконец мы вышли к болоту. Теперь остановился я.

— Откуда начинаются болота, которые тянутся на восток до самого моря. Видишь, впереди стеной стоят деревья, покрытые мхом и обвитые лианами? Ты еще не хочешь отказаться от своей безумной затеи?

Вместо ответа она взглянула на меня презрительно.

Об этом путешествии через болото я не люблю вспоминать. Мне пришлось прорубать саблей дорогу

сквозь бамбук и толстые лианы, и чем дальше мы шли, тем глубже наши ноги вязли в чавкающей жидкой грязи. Потом лес поредел, бамбук пропал, и перед нами оказались только заросли камыша выше нашего роста, среди которых темнели окна болотной жижи. Мы продолжали двигаться вперед, время от времени проваливаясь по пояс в болотную воду. Элен отчаянно ругалась, понимая, что останется от ее изысканного наряда, а я старался беречь силы. Дважды мы проваливались так глубоко, что нам с огромным трудом удавалось выбраться на твердую землю. Я сказал — на твердую землю? Нет, под ногами у нас была все та же омерзительная хлюпающая жижа.

Но, несмотря ни на что, мы медленно продвигались вперед, радуясь каждой мало-мальски твердой кочке. Один раз Элен наступила на змею и вскрикнула так, как, должно быть, кричат потерянные души; болото кишело змеями, и она не могла видеть их без содрогания.

Мне казалось, что этому болоту не будет конца, когда за камышами и кочками мы увидели деревья на твердой земле. Элен, вскрикнув от радости, устремилась вперед и тут же провалилась в болото едва ли не с головой. Я нашел под водой ее руки и с трудом вытащил ее из мерзкой жижи в самом жалком виде. При этом сам я оказался по пояс в воде. Но наконец наши усилия были вознаграждены.

Нас окружали высокие деревья, обвитые лианами, под ними росла шелковистая трава. Я был весьма удивлен, потому что за время своего пребывания на острове успел обойти вокруг болота и не обнаружил ничего подобного. Очевидно, мы попали на островок, окруженный болотами.

Элен была взволнована, но, прежде чем продолжить путь, она попыталась привести в порядок свою одежду и вытерла грязь с лица. Перепачканные до самых бровей, мы являли собой весьма смехотворную пару.

Самым худшим было то, что в пистолы Элен попала вода, да и мои тоже превратились в бесполезные

игрушки. В стволы и затворы забила грязь. На то, чтобы вычистить, как следует просушить и снова их зарядить, нужно было немало времени. Впрочем, я не имел ничего против того, чтобы проделать все это, но Элен возразила, сказав, что среди болота нам уж точно никто не угрожает и что она не может так долго ждать. Ей не терпелось осмотреть островок, на который мы попали, и обнаружить древний замок.

Я не стал спорить, и мы отправились дальше под сенью высоких деревьев, густые ветви которых не пропускали солнечный свет. Среди этих деревьев было так сумрачно, что, казалось, вот-вот откуда-нибудь перед нами появятся лесные духи. Птиц мы не слышали, и бабочки здесь не порхали, а вот несколько змей нам повстречались.

Вскоре перед нами возникли остатки древней каменной кладки. Из земли торчали заросшие травой плиты, кое-где виднелась черепица. Мы прошли еще немного и вышли на широкое открытое пространство, которое когда-то вполне могло быть настоящей улицей. Мы шли по этой древней улице в мертвой тишине и в конце концов увидели перед собой стены странной постройки.

Не говоря ни слова, мы подошли ближе. Сомнений не было: это древний замок, построенный из огромных каменных плит. Внутри вели широкие ступени, и мы поднялись по ним, сжимая рукояти своего оружия. С трех сторон нас окружали стены без окон и дверей; возле четвертой стены высились тяжелые квадратные колонны. Узкая лестница, начинавшаяся в центре этого огромного зала, вела к чему-то вроде алтаря. На нем не было никакого идола; если когда-нибудь на алтаре и стояло изображение древнего бога, его наверняка уничтожили испанцы. Гладкие стены, на потолке и на колоннах никаких орнаментов — все вокруг дышало суровой простотой.

Что за люди здесь обитали и какому богу они поклонялись, для кого выстроили эту мрачную святыню? Я поглядел на алтарь, возвышавшийся перед нами. Он

стояла на большой каменной платформе, встроенной в пол. Из середины этой платформы к потолку поднималась колонна, и алтарь был как бы частью этой колонны.

Мы поднялись по лестнице. Мне было совсем не по себе, да и Элен как-то притихла и взяла меня за руку. Гнетущая тишина заставляла думать, что по углам этого мрачного зала притаились чудовища из какого-то другого мира, готовые напасть на нас. В огромном каменном замке мы оба чувствовали себя маленькими и беспомощными.

Тишину нарушал только звук шагов Элен по каменным ступенькам. Я пытался представить себе, какие ритуалы могли здесь происходить, какому божеству поклонялись люди, некогда населявшие остров. Когда мы поднялись к алтарю и наклонились, разглядывая его, я заметил темные пятна на его поверхности. Девушка невольно охнула. Но настоящий ужас ждал нас впереди.

Мой взгляд скользнул по колонне, висевшей за алтарем, и обратился к потолку. Потолок, как оказалось, был выложен из невероятно длинных одинаковых каменных плит, и только над самым алтарем каменная плита совсем не походила на остальные — огромная, желтоватая с красными прожилками, она, наверное, весила не одну тонну, и я так и не смог понять, какая сила удерживает ее на месте.

В конце концов я решил, что ее так или иначе держит колонна, поднимавшаяся к потолку футов на пятнадцать. Каменная платформа, на которой стояла колонна, была футов десять высотой.

— Вот мы и нашли замок, — прошептала Элен, — где же сокровища?

— Будем искать, — отозвался я. — Только сначала давай приведем в порядок наши пистолы: кто знает, куда мы попали и что нас здесь может ждать?

Мы направились вниз по лестнице, и вдруг Элен остановилась.

— Ты слышишь? Кто-то идет!

— Я ничего не слышал. Тебе мерещится.

Но она продолжала уверять меня, что слышала шаги, и постаралась как можно скорее спуститься. Я все же оказался у подножия лестницы на миг раньше ее и оглянулся через плечо, чтобы что-то сказать. Ее глаза были широко раскрыты, а рука лежала на рукоятке шпаги. Я повернулся туда, куда она смотрела, и увидел между колоннами троих пиратов, перепачканных грязью с ног до головы, с оружием в руках.

Как в страшном сне передо мной оказались горящие злобой глаза Джона Гувера, борода огромного Беллефонга, ядовитая ухмылка Ла Косты. Они бросились на нас.

Я не знаю, как им удалось сохранить порох сухим, переправляясь через болота, но не успел я выхватить саблю из ножен — раздался выстрел Ла Косты, и пуля пробила мне правую руку, задев кость. Сабля выскользнула из моих пальцев, но я успел наклониться и подхватить ее левой рукой. Это было весьма удачно — надо мной, как дикий слон, навис Беллефонг.

Взревев, он поднял саблю над головой, и меня охватило такое бешенство, какое, наверное, охватывает загнанного в угол раненого льва. Наши клинки встретились, и от моего удара гигант отлетел к противоположной стене зала, упав при этом на колени. Но вместо того чтобы раскроить ему голову, моя сабля лишь скользнула по его волосам. В тот же миг Ла Коста перезарядил свой мушкет, прогремел выстрел, и я упал, обливаясь кровью.

Я смутно видел, как защищалась Элен, а те подробности, которые ускользнули от меня, она впоследствии рассказала мне сама.

Она стремительно бросилась на Гувера, и тому пришлось скорее защищаться, чем нападать. Не то чтобы он был неумелым бойцом, но его тяжелая сабля во многом уступала проворной шпаге девушки, а кроме того, он не обладал ее быстротой и ловкостью.

Поначалу он вовсе не собирался ее убивать, и потому старался только отражать ее молниеносные выпады, отступая при этом, чтобы дать Ла Косте воз-

возможность подкрасться к девушке сзади, обезоружить ее и связать ей руки за спиной. Однако прежде чем французу удалась эта хитрость, Элен нанесла удар в открытую грудь Гувера. В тот миг Джон Гувер должен был умереть, но удача, видно, отвернулась от нас. Элен поскользнулась, и шпага лишь оцарапала его ребра. Не успела она как следует встать на ноги, как Гувер с яростным криком выбил шпагу из ее руки и обхватил девушку своими огромными лапищами.

Элен отчаянно отбивалась, плевала ему в лицо, кусалась и царапалась, пытаясь дотянуться до шпаги, а он издевательски хохотал. В его руках она казалась беспомощным ребенком. Он связал девушку, подтащил ее к колонне и крепко привязал. Элен выкрикивала такие проклятия, от которых кровь стыла в жилах.

Увидев, что я пытаюсь подняться, он велел Ла Косте связать и меня, на что француз ответил ему, что у меня все равно перебиты обе руки. Тогда Гувер приказал связать мне ноги, что тот и исполнил, после чего меня привязали рядом с девушкой. Мне до сих пор непонятно, почему француз так ошибся. Может быть, это произошло потому, что я истекал кровью и не мог пошевелить руками, тогда он и решил, что моя левая рука тоже перебита.

— Итак, моя прекрасная леди, — издевательски произнес Джон Гувер, — мы вернулись к тому, с чего начинали. Не знаю, где вы повстречали этого молоко-соса, но думаю, что его ждет весьма печальная участь. Сейчас у нас есть одно неотложное дело, а после мы облегчим его страдания.

Я прекрасно понял, что он хотел этим сказать. Конечно, меня ожидала неминуемая смерть. Дыхание Элен участилось.

— Ублюдок! — выкрикнула она. — Ты не посмеешь убить его!

Гувер рассмеялся и повернулся к Беллефонту, который в этот миг поднимался с каменного пола.

— Ну что, Беллефонт, твоя голова достаточно пуста, чтобы заняться делом?

Гигант хмыкнул:

— Пусть меня зажарят в Гадесе, если когда-нибудь моей голове так доставалось...

— Принеси инструменты, — приказал Гувер, и Беллефонт с неожиданным для него проворством выскочил из зала и вскоре вернулся с кирками и большим тяжелым молотом.

— Я разнесу этот чертов замок на мелкие кусочки, но добуду то, за чем мы пришли, — рявкнул Гувер. — Это же самое я и говорил тебе, когда ты спросила, зачем я погрузил в лодку кувадду, моя маленькая Элен. Комрел сдох, не успев толком рассказать нам, как добраться до замка, однако из некоторых его оговорок я понял, что замок где-то на восточной стороне острова. Когда мы нынче утром вышли к болоту, я понял, что мы почти нашли то, что искали. Так оно и вышло, а заодно мы нашли и тебя.

— Мы теряем время, — пробубнил Беллефонт. — Давайте уж что-то делать.

— Все это пустая трата времени, — мрачно сказал Ла Коста. — Гувер, я еще раз говорю тебе, что эта дурацкая затея плохо кончится. Здесь обитель демонов; нет, сам дьявол простирает свои черные крылья над этим замком. Здесь нечего делать христианам! А что до сокровищ, то говорят, что жрецы древнего народа схоронили их в море, и я верю этому.

— Скоро увидим, — отозвался Гувер. — Эти стены и столбы кажутся мощными, но настойчивость и сила способны сокрушить любой камень. За дело!

Теперь страшно даже вспомнить об этом, а в тот момент я почему-то подумал, что больно уж странным светом освещен огромный зал. Снаружи перед замком не росло никаких деревьев, но те, что росли в нескольких ярдах от древних стен, отбрасывали такую густую тень, что солнечный свет никак не мог проникнуть внутрь. Между тем непонятно откуда исходил призрачный свет. В углах зала клубился серый туман, и движения людей в этом тумане наводили на мысли о

привидениях, а их голоса звучали как-то глухо, почти потусторонне.

— Ищите потайные двери или что-нибудь этакое, — повелительно произнес Гувер, простукивая кувалдой стены.

Пираты повиновались, при этом было видно, что Ла Коста делает все неохотно.

— Не выйдет из этой затеи ничего хорошего, Гувер, — слышался его голос из дальнего угла. — Нельзя тревожить языческих богов в языческих храмах. — *Богу это не угодно!*

В следующий миг мы все вздрогнули от его отчаянного крика. Он выскочил из угла; его рука была, как мне показалось, обмотана чем-то черным. Выскочив на середину зала, он голыми руками стал лихорадочно отрывать от себя змею, успевшую его ужалить.

— Онебо! — кричал он, переводя безумный взгляд с Беллефонта на Гувера. — Боже праведный, я горю, я умираю! Святые угодники, помогите мне!

Казалось, даже туповатый Беллефонт был потрясен этим ужасным зрелищем, лишь Гувер остался невозмутимым. Он поднял пистоль и протянул французу.

— Ты обречен, — бесстрастно сказал он, — я теперь растекается по твоим венам, как дьявольский огонь, но ты можешь прожить еще несколько часов. Лучше будет, если ты сам прекратишь свои мучения.

Ла Коста взял пистоль двумя пальцами, как тонкую хворостинку. Еще миг он колебался, выбирая между двумя смертями. Потом, видимо не в силах вынести жжения в теле, приставил дуло к виску и нажал на курок. Последнего мученического его взгляда мне не забыть до Судного дня, пусть простятся его земные прегрешения, ибо если кто-либо и проходил через муки чистилища перед смертью, так это был несчастный Ла Коста.

— Клянусь Богом, — воскликнул, подняв бровь, Беллефонт, — тут какая-то дьяволыщина!

— Ерунда! — спокойно отозвался Гувер. — Сюда просто заползла болотная змея, а этот болван не заме-

тил ее в темноте и сунул руку туда, где она свернулась. Пусть это тебя не смущает, продолжим наше дело, только смотри внимательно: может, здесь есть еще змеи.

— Прошу вас, сперва перевяжите раны мистера Хармера, — внезапно попросила Элен, и по тому, как дрожал ее голос, я догадался, что она потрясена случившимся. — Он может умереть от потери крови.

— Пусть подышает, — безучастно ответил ей Гувер. — Это избавит меня от необходимости тратить на него пулю.

Мои раны между тем продолжали кровоточить, но сознание прояснилось, и хотя раненая рука сильно болела, я уже не походил на умирающего. Когда пираты отошли от нас, я принялся левой рукой развязывать путы на ногах. Правда, драться я бы, наверное, не смог, но решил, что стоит освободиться, а там уж что-нибудь придумаю. Узлы плохо поддавались моим негнущимся пальцам, но я упорно продолжал начатое. Тем временем Гувер со своим помощником осматривали углы и простукивали стены.

— Клянусь дьяволом, вся штука наверняка в этом алтаре, — сказал Гувер, прекратив свое занятие. — Дай-ка кирку, и поглядим на него как следует.

Они поднялись по лестнице, будто по трапу корабля, и в призрачном свете были похожи на мертвецов. Холод подступил к моему сердцу, и мне показалось, что я слышу взмахи крыльев смерти. Меня охватил необъяснимый ужас, и взгляд мой невольно поднялся к огромной каменной плите, находившейся прямо над алтарем. Думаю, что Элен чувствовала то же самое. Я слышал ее тяжелое частое дыхание.

Буканьеры поднялись на каменную платформу, и опять раздался голос Гувера, гулкое эхо разнесло его по огромному залу:

— Ну а теперь, Беллефонт, берись за кирку и разнеси этот алтарь.

Огромный могучий Беллефонт повиновался. Алтарь казался такой же частью каменной платформы,

как и колонна, возвышавшаяся над ним до самого потолка. Беллефонт поднял мощную кувалду, и звук от удара тяжелого молота о гладкую каменную поверхность многократно усилили древние высокие стены. Я видел, как вздулись стальные мышцы его могучих рук и плеч, он снова и снова поднимал молот и с силой опускал его на каменный алтарь. Гувер чертыхнулся, а Беллефонт, казалось, выбился из сил и проворчал, что ему ничего не сделать с проклятым камнем, но под тяжелым свирепым взглядом Гувера он опять поднял молот. Мгновение он стоял так, широко расставив ноги, держа над головой кувалду, а затем, вложив в удар всю свою силу, опустил ее на алтарь. Раздался треск, и поверхность каменного алтаря разлетелась на мелкие куски, посыпавшиеся во все стороны.

— Пусто, клянусь дьяволом! — воскликнул Джон Гувер, ударив кулаком в ладонь. — Я этого и ожидал! Как только они додумались до такого, ведь в нем не было ни единой щели? Наклонись-ка сюда да высеки огонь, а то здесь темно, как в Гадесе.

Они склонились над разбитым алтарем, на мгновение вспыхнул огонек, затем оба выпрямились.

— Я ничего не увидел, — проворчал Беллефонт, пряча огниво, — а ты?

— Ничего, кроме одного большого красного камня, — мрачно ответил Гувер. — Но, может быть, под ним есть еще один тайник.

Он опять нагнулся и пошарил рукой внутри алтаря.

— Дьявольщина! Этот проклятый камень, похоже, крепко сидит там, будто его что-то держит... вот... еще немного... он поддается...

Его слова заглушил громкий скрип железных рычагов; казалось, что звук идет снаружи, и все мы невольно взглянули наверх. Оба буканьера испустили вопль ужаса, воздев руки к небу, и огромный камень в центре крыши рухнул вниз. Колонна, алтарь и лестница превратились в груду красных развалин.

Оглушенные невероятным грохотом, Элен и я, не отрываясь, с ужасом смотрели на груды каменных обломков посреди зала. Из-под них ручьем текла кровь. По прошествии довольно долгого времени я наконец опомнился, освободился от веревок и отвязал девушку. Мы вышли из этого замка смерти, и мне показалось, что нет на свете ничего слаще свежего воздуха и дневного света, хотя пахло болотной гнилью, а солнечный свет почти не пробивался сквозь густую листву. Внезапно меня охватила слабость; я упал и провалился в черноту.

ДЕНЬ ПОСЛЕДНИЙ

Что-то капнуло мне на лоб, и я открыл глаза.

— Стив, о Стив, ты жив? — нежно спросил кто-то; в голосе девушки слышались слезы.

— Кажется, да, — ответил я, пытаюсь сесть, однако маленькая рука заботливо уложила меня обратно.

— Стив, — опять сказала Элен, и я ощутил странное волнение от того, что она назвала меня по имени, — я перевязала тебя, как только было возможно, лоскутом от моей рубашки. Нам надо выбираться отсюда, из этого мрачного места, и идти в лучшую часть острова. Ты сможешь идти, как ты думаешь?

— Я попробую, — ответил я, хотя при воспоминании о болоте мое сердце сжалось.

— Я нашла дорогу, — сказала она. — Когда я отправилась на поиски чистой воды, я дошла до маленького ручейка, а рядом с ним оказалась замечательная дорога, вымощенная каменными плитами. Она покрыта грязью всего на каких-нибудь несколько дюймов, и вся заросла, но мы вполне сможем идти по ней.

Она помогла мне подняться на ноги, и с ее поддержкой я сделал первые не очень уверенные шаги. Так мы и шли по древней дороге, и я не раз успел поинтересоваться загадочному народу, населявшему некогда

этот остров, строившему так прочно и долговечно и так ревниво хранившему свои тайны.

Наше возвращение показалось мне бесконечным, мы долго шли через джунгли, но наконец за деревьями блеснуло море. Вскоре, изнеможенные, мы опустились на песок рядом со шлюпкой. Элен ни за что не согласилась отдохнуть, пока как следует не перевязала мои раны, обнаружив в лодке чистые повязки и мазь. Узким острым кинжалом она достала пулю из раны в моей руке, и хотя мне казалось, что я умираю от боли, она вправила поврежденную кость и туто перевязала руку. Я был немало удивлен ее лекарским искусством, но она сказала, что с самого детства упражнялась в перевязывании ран и вправлении сломанных костей — Роджер О'Фаррел всегда сам заботился о раненых; в юности он получил некоторое медицинское образование и охотно передавал ей все свои знания.

Она довольно долго сетовала, что нет подходящих условий, для того чтобы как следует вылечить мою руку, но я перестал ее слышать, упав на спину и потеряв сознание, — большая потеря крови не прошла даром. Очнулся я только ранним утром следующего дня. Пока я лежал без чувств, Элен соорудила мне подстилку из мягких листьев и заботливо укрыла меня своим плащом, который, конечно, потерял бывшее великолепие, а когда я пришел в себя, она уселась рядом на песок и, глядя на меня огромными серыми глазами, серьезно спросила:

— Стив, ты будешь жить?

В ответ я слабо усмехнулся.

— Хорошего же ты мнения обо мне, если думаешь, что меня так легко убить. Как ты сама себя чувствуешь, Элен?

— Устала... немного. — Она улыbnулась. — Но это быстро пройдет. Мне не раз приходилось видеть, как умирали люди, но никогда я не видела ничего подобного тому, что произошло в замке. Их предсмертные крики будут слышаться мне до самой смерти. Как ты думаешь, отчего они погибли?

— Сейчас все это кажется довольно загадочным, — ответил я, — но мне помнится, что вокруг замка в развалинах я видел много покореженных металлических стержней. Судя по тому, как соединялась каменная платформа с лестницей, можно предположить, что вся эта конструкция, как и сам алтарь, оказалась полой внутри, и колонна тоже. Внутри была встроена какая-то сложная система рычагов, соединенная с той огромной плитой в крыше. Я думаю, что камень в алтаре как-то соединялся с одним из рычагов, и когда его сдвинули с места, все рычаги пришли в движение и обрушили плиту с потолка.

Она поежилась.

— Пожалуй, ты прав. А сокровища...

— Их никогда не было. А если и были, древние жрецы, наверное, в самом деле утопили их в море, чтобы они не достались испанцам. При этом они, скорее всего, надеялись, что немало испанцев погибнет в поисках сокровищ. На самом деле меня не покидает ощущение, что в этом замке обитают какие-то темные силы.

— Вот и еще одна мечта развеялась как дым, — вздохнула девушка. — Да-да, я мечтала найти рубины и сапфиры величиной с мой кулак!

Она задумчиво глядела вдаль, туда, где волны начали розоветь под первыми солнечными лучами. Вдруг она вскочила.

— Я вижу парус!

— Это возвращается «Черный Рейдер»! — воскликнул я.

— Вовсе нет! Даже отсюда я вижу, что это королевский корабль! Он идет сюда.

— Наверное, за пресной водой, — предположил я.

Элен напряженно хрустнула сплетенными пальцами.

— Теперь моя жизнь будет зависеть от тебя. Если ты скажешь им, что я Элен Таврел, меня вздернут на рее до того, как начнется отлив!

— Элен, — сказал я как можно ласковее, взяв ее за руку и усадив рядом с собой. — Я изменил свое мне-

ние о тебе с тех самых пор, как впервые тебя увидел. Я по-прежнему считаю, что женщинам нечего делать в Красном Братстве, однако я понял, что так уж сложилась твоя судьба, ты в этом не виновата. Я не знаю женщины более доброй, отважной и самоотверженной, чем ты. Для команды этого корабля ты будешь Элен Хармер, моей сестрой, которая путешествовала вместе со мной.

— Два человека на свете вселяли в меня страх, — тихо сказала она, опустив глаза. — Джон Гувер, потому что он был негодяем, и Роджер О'Фаррел, потому что он такой замечательный и к тому же знатный. Уважение мне внушал только один человек — О'Фаррел. Теперь я встретила второго человека, которого есть за что уважать. Ты смелый и честный, Стив, и...

— И что?

— Ничего. — Она слегка смутилась.

— Элен, — сказал я, привлекая ее к себе, — мы с тобой вместе пережили слишком много, чтобы что-нибудь смогло теперь разлучить нас. Твоя необыкновенная красота пленила меня с того мгновения, когда я увидел тебя; потом я понял, что под маской твоей жестокости скрывается золотое сердце. У каждой души есть вторая половина, мой маленький друг, а я восхищаюсь тобой, и восхищение переполняет мое сердце. Мне неважно, что было с тобой прежде, и я всего-навсего простой моряк, да вдобавок потерявший свой корабль, но позволь мне сказать матросам этого судна, когда они высадятся на берег, что ты не сестра мне, а невеста...

Она стремительно повернулась ко мне, и в ее глазах запылали прежние лукавые огоньки.

— О-ля-ля, сэр, вы делаете мне предложение? Это очень мило с вашей стороны, но...

— Элен, не смейся надо мной!

— Я вовсе не думаю смеяться, Стив, — сказала она уже другим тоном. — Но я еще никогда не думала о замужестве. Сэр, я еще слишком молода для того,

чтобы выходить замуж, а кроме того, я до сих пор не повидала на свете всего, что мне хотелось бы повидать. И запомните, что я все-таки Элен Таврел.

— Это ничего не значит; стань моей женой, и я уведу тебя в другую жизнь.

— Не надо так спешить, — возразила она, что-то рисуя пальцем на песке. — Дай мне время подумать о твоём предложении. Кроме того, я ни шагу не сделаю без согласия Роджера О'Фаррела. В конце концов, Стив, я всего-навсего молодая девушка, и я действительно еще никогда не задумывалась ни о замужестве, ни о любви. — Она улыбнулась. — Ох уж эти мужчины, нет от них покоя бедной девушке!

— Элен! — почти жалобно воскликнул я. — Неужели тебе нет до меня совсем никакого дела?

— Нет, это не так. — Она взглянула мне в глаза. — Ты нравишься мне, как не нравился еще ни один мужчина, даже Роджер О'Фаррел. Но я должна привыкнуть к этому и убедиться, что это истинная любовь.

С этими словами она рассмеялась, а я от волнения чертыхнулся.

— Фи, как ты позволяешь себе разговаривать в присутствии любимой девушки, — поддразнила она меня. — Послушай, Стив, мы должны разыскать Роджера О'Фаррела, где бы он ни был сейчас, потому что я у него вместо дочери, и если ты ему понравишься, то кто знает?.. Но ты не должен больше говорить о нашей женитьбе до той поры, пока я не повзрослею и не побываю еще во многих приключениях. А пока мы останемся такими же друзьями, какими стали здесь.

— Но друг должен позволить мне один честный поцелуй, — отважился сказать я, взглянув туда, где величаво шел корабль.

Она опять рассмеялась и приникла губами к моим губам.

ИСПАНСКОЕ ЗОЛОТО

ИСПАНСКОЕ ЗОЛОТО

1

Майк Костиган пристально рассматривал нечто, лежавшее на его ладони.

— Говоришь, нашел это на Восточном Пике? Именно там?

— Около, — ответил нищий мальчишка, тощий бродяжка с копной взъерошенных волос, из-под которых иногда мелькал странный взгляд маленьких глаз.

— Около, — повторил Майк неопределенно, сведя брови на переносице. — Пик большой. Ты имеешь в виду северную сторону холма, на которой что-то взрывали?

— Да. — Глаза мальчишки коротко блеснули. — То самое место. Это у Лемме, да.

Майк положил вещь обратно в протянутую шершавую ладонь со словами:

— Похоже на испанскую монету восемнадцатого века. Смотри, чтобы кто-нибудь не отобрал ее у тебя.

Он проследил за бродяжкой, который, ссутулясь и неуклюже ступая, уходил вниз по улице. Беспризор-

ный ребенок, грязный и худой, которого в городе так и звали Скинни — доходяга и который считался умственно отсталым, — несчастный, выброшенный на обочину осколок нефтяного бума, пронесшегося когда-то над городком.

— Странно, если он нашел испанскую монету на Восточном Пике, — размышлял Майк, — я не видел ничего подобного, кроме как в музее частных коллекций. Наверное, какой-нибудь рабочий нефтепровода потерял, а мальчишка, болтаясь, как обычно, по окрестностям, случайно наткнулся на нее и подобрал.

Немного погодя Костигана окликнул приятель, и он мгновенно забыл и о всяких мальчишках, и об их монетах.

— Эй, Майк! Знаете, кто собирается в «Бороду»? Уверен, что и вы направляетесь туда!

— Нет, я просто вышел прогуляться, — ответил Майк.

— Ненавижу навязываться, но если вы никуда не собираетесь...

— Такое прекрасное утро, я с удовольствием прокатился бы куда-нибудь.

Вскоре их машина с грохотом неслась по дороге, идущей из Затерянной Долины на запад. Приятель Майка с любопытством взглянул на него:

— Как это вы решились провести отпуск в родном городишке? Вас же обычно носит по всему свсту, тем более, что денег у вас с избытком.

Майк улыбнулся. Это был высокий молодой человек. Сугуловатый, но могучего телосложения, с массивными плечами и длинными мускулистыми руками. С открытым, слегка капризным лицом ирландца и живыми серыми глазами под гривой черных, почти смоляных волос. Выглядел он очень молодо, слегка за двадцать.

— Действительно, смешно сказать, но только теперь выяснилось, как много у меня здесь друзей. И потом, знаете, сюжет моей новой книги, которая сейчас разошлась по всей стране, да и всех моих ранее

напечатанных рассказов, я искал и находил на нефтяных промыслах.

— Да, но нефтяной бум, когда-то имевший место в Затерянной Долине, вроде пошел на спад. А вы не слишком молоды для писателя?

— Что вы, мне уже за тридцать. Хотя согласен, — для писателя это возраст юности.

— И что вдохновляет вас сейчас?

— С тех пор как вернулся, пока ничего. — Майк улыбнулся. — Но вы знаете, после любого бума всегда что-нибудь да остается. По краям подобного водоворота всегда болтаются какие-то щепки, обломки, и я надеюсь отыскать среди всего этого необычную, нестандартную личность и потом использовать, как типаж, как характер.

— Тогда остановите свой взор на Восточном Пике и взгляните мельком на двух геологов, которые там работают.

— Геологи? На Восточном Пике?

— Так они себя называют, но только, что бы они ни говорили, это одна лишь видимость. Люди Гальфа давно просверлили все горы вокруг и все-таки не обнаружили той нефти, ради которой стоило бы механизировать работы. А те парни не похожи на настоящих геологов или топографов. Может быть, они посланы сюда какой-нибудь Южно-американской компанией, я не знаю, но выглядят они как испанцы; черноволосые, темнотицы мужчины с усами. Я слышал, они прилетели на самолете и сели на том поле, что севернее Восточного Пика, единственном поле, не обработанном в этом году.

— Не слишком-то много народу живет около этого холма, — никого на пару миль в округе. Остановившись там, они получили возможность делать все, что угодно, без каких бы то ни было свидетелей. Удивительно только, где и как они берут пропитание, не знаете? Вы можете мне их отыскать?

Восточный Пик маячил прямо перед ними милях в десяти на северо-запад от городка Затерянная Доли-

на. Огромный холм, круто возносящийся над окружающей его равниной, казался очень высоким, эту иллюзию поддерживала общая безжизненность ландшафта. Несколькими милями дальше возвышался его двойник. Эти скалы-близнецы были известны окружающим как Пики Кэйдок и различались только тем, что одну из них называли Восточным, а другую Западным Пиком.

Они входили в состав общественных земель Центрального Западного Техаса и образовались самым типичным образом, как результат многовековой эрозии. Тысячи лет дождей и ветров вымыли и выдули широкие выходы на поверхность мягкой глины, сократив площадь плодородной земли равнины до размеров, не превышающих нескольких сотен футов. Эти холмы оставались и еще долго останутся в неприкосновенности из-за каменистых осыпей, сплошь покрывающих холмы сверху донизу и служащих непреодолимым препятствием для всех празднующихся.

Восточный Пик, совершенно типичный для холмов такого рода, был все же довольно крутым и поднимался над окружающей равниной как обрывистая скала, снизу доверху покрытая огромными качающимися валунами, время от времени срывающимися с высоты. Торчащие здесь и там крутые утесы футов двадцати придавали холму вид подвыпившего гуляки, и это впечатление усиливала большая роща растущих на его вершине дубов.

Дорога к «Бороде» возле Восточного Пика, окруженного пастбищами и полями, поворачивала к северу, проходя примерно в миле от его восточного плеча, и обрывалась.

Двое приятелей только что повернули на север, и спутник Костигана, обернувшись, заметил, что какой-то автомобиль догоняет их с намерением обогнать, подавая сигналы, чтобы привлечь внимание.

— Эти парни движутся к «Бороде», Майк. Сейчас машины сблизятся, а дорога узка, и мы можем угодить в кювет. Благодарю покорно!

Но обгон свершился благополучно, вторая машина умчалась. Майк начал осматриваться, чтобы отыскать на дороге место пошире для разворота в обратную сторону. Он медленно вел машину и в конечном итоге сделал разворот в том месте, где дорога ближе всего подходила к холму. И тотчас услышал, что его кто-то зовет. Майк выключил мотор и оглянулся на окрик. Человек приближался не спеша, и Костиган по описанию узнал в нем одного из мнимых геологов. Мужчина был высок, довольно сухощав, темноволос и весьма мускулист.

Майк усмехнулся. «Ну прямо Непреклонный Рудольф, или я Голландец, — сказал он про себя, сидя в ожидании приближающегося человека. — Если бы я писал мелодраму в стиле «Блестящих девяностых», то не подобрал бы типажа более злодейского. Высокий, тощий, черные усы, — какая гордая красота! Какая мощь, наконец! А на самом деле он, вероятно, учитель в воскресной школе родного городка и простодушный активист движения бойскаутов. Уж слишком выгладит головорезом, чтобы оказаться им на самом деле».

Человек перелез через проволочную изгородь и подошел к автомобилю:

— Вы любите делать деньги, а? — спросил он отрывисто, и Майк несколько удивился явственному акценту, настолько точно соответствующему всему облику мужчины, что кажушемуся даже чуть нарочитым, как специальный сценический эффект.

Парень несколько раз повторил свой вопрос, прежде чем Майк сумел восстановить свое душевное равновесие, на потерю которого все-таки имелись некоторые причины. Он механически заметил, что человек одет в форменную одежду геологов: армейская шляпа, защитного цвета брюки и бутсы. Но вещи казались снятыми с чужого плеча, и незнакомец явно чувствовал себя непривычно в подобном одеянии.

Майк переводил внимательный взор с одежды человека на его лицо, и обратно. Все теории насчет воскресной школы унеслись прочь. Поражали неми-

гающие глаза мужчины, поразительно яркие при смуглом цвете лица. Неприятная особенность взгляда незнакомца вызвала невольный холодок в позвоночнике Майка. При этом глаза «геолога» оставались неизменно холодны и абсолютно безжизненны и более походили на змеиные, чем на человеческие.

— Да, конечно, я хотел бы иметь деньги, — машинально ответил Костиган.

— Буэно. Вы ехать в эта Затерянная Долина и покупать бакалея, — я дать вам список. Потом вы возвращаться сюда, я вас встречать, брать пища и платить вам десять долларов.

— Ладно. — По своему обыкновению Майк был одет довольно просто, как всегда, когда не был занят «сбором материалов» или когда не происходило ничего интересного возле него и его рычащего автомобиля, самого соблазнительного среди автомобилей сельской молодежи. По внешнему виду его можно было принять за того, кем он хотел сейчас казаться: молодым дебоширом, работающим на нефтепромыслах.

— Как насчет того, чтобы выдать мне на покупку, — спросил Майк, поддерживая предложенную обстоятельствами игру.

— Каррамба! Я давать вам деньги? Нет, нет, мой друг! Вы купить жратву сам и представить мне счет. Я платить вам цену плюс десять долларов.

— Хорошо, — Майк кивнул и спохватился, что для пущего реализма он не должен был соглашаться так легко, — я вернусь как можно скорее.

— Смотри, сделай. — Незнакомец покровительственно улыбнулся, отчего щеки Майка окрасились гневным румянцем, а с губ сорвался приличный случаю ответ, который, впрочем, затерялся в реве мотора.

— Конечно, может быть, он обыкновенный, не очень состоятельный горожанин, ну, скажем, просто не представился счастливым случай или сам не сумел сделать карьеру, — размышлял Майк, возвращаясь в город, — но если я хоть что-нибудь понимаю в людях,

то этот парень в душе преступник, потенциальный убийца. Во-первых, акцент звучит слишком фальшиво, это факт. Эти парни не мексиканцы, хотя... Ей-Богу, я теперь догадываюсь, как Скинни нашел монету, — фамильная реликвия одного из них, наверное. Я куплю ее у Скинни и отдам обратно парню. Он, конечно, грубая скотина, но с интересным характером. Любопытно, что он делает на холме? Вот уж поистине глаза, как у гремучей змеи, чтоб мне никогда не видеть этой погрешности!

И его живое воображение тотчас начало выстраивать сюжеты, один фантастичнее другого, о зловещем появлении латинос, да еще в пустынной местности, ну и так далее. Он знал одно — какой угодно, тем более подобный, случай в ходе изложения может сам по себе приобрести характер более странный и жестокий, чем любая история, написанная Майком Костиганом до сих пор.

2

Добравшись до Затерянной Долины, Майк отправился в бакалейную лавку и купил провизию по списку, заплатив за нее из собственного кармана. Выйдя из дверей, он заметил Скинни и подозвал его:

— Скинни, монета еще у тебя? — Угрюмый кивок. — Я дам тебе десять долларов за нее, вдвое больше, чем она стоит.

— Став Лири покупал ее, я забыл, — ответил ребенок.

— Лири купил? На Лири было бы больше похоже, если бы он ее у тебя просто отобрал. Сколько же он заплатил

— Пять долларов, потому что банковский кассир сказал — эта вещь ценная, — бормотал Скинни. — Я считаю, пять долларов вовсе не дешево для Лири, ведь он картежник и бутлегер.

— Когда ты ее нашел? — вроде бы равнодушно спросил Майк.

— Пару недель назад.

— Так давно?

— Угу.

Майк присвистнул. Судя по тому, что он слышал, испанцы были на холме всего несколько дней. Поэтому он расстался со своей идеей — возратить людям на холме украденную, как Костиган подумал, у них монету. Но высокая стоимость раритета заставила его поразмышлять над другим: присутствием испанцев на холме, где была найдена старинная испанская монета. Все же он решил, что это простое совпадение.

Возможно, другой человек просто никогда и не задумался бы по такому пустяковому поводу, однако Майк находил свою писательскую интуицию отточенной столь блестяще, что был уверен, — она никогда не позволит ему искать связь там, где ее нет, и причину там, где все только дело случая; жизнь, как известно, и так полна шаблонных фрагментов, которые никогда не начинаются и редко заканчиваются.

Он попрощался со Скинни и зашел в магазин купить банку холодного лимонада, чтобы утолить жажду.

В это время прибыл автобус, совершающий рейсы из Форт Ворт в Эль Пасо и Санта Фе, и из него вышла единственная пассажирка: юная женщина, стройная, изящно одетая. Она вошла в магазин, и в душе Майка сразу запечатлелись белое личико, пухлые розовые губы, большие, полные жизни, темные, почти черные глаза и шелковистые, мягко вьющиеся волосы. Глаза их встретились, и он ощутил такое, совершенно непривычное, волнение, что его сердце начало давать заметные перебои.

Он никогда не являлся поклонником женских чар и до сего момента был очень далек от чего-то подобного: жизнь его протекала большей частью в тяжелой, грубой, экстремально напряженной атмосфере нефтяных промыслов и суете городов, возникавших на вол-

не бума. А его дороги были дорогами сильного одинокого мужчины. Но что-то неуловимое в изяществе одинокой девушки привлекло его внимание, как магнит притягивает железо.

Он ощутил неясное, даже приятное, тепло где-то в груди и почувствовал огромное желание увидеть еще хотя бы раз девушку, так внезапно пробудившую в нем незнакомое чувство.

— Это Затерянная Долина, не так ли? — спросила незнакомка у управляющего магазином. — И есть ли в окрестностях города холм под названием Кабала Дьявола?

— Не знаю о таком, — ответил управляющий.

— Она имеет в виду Восточный Пик, — вступил в разговор Майк. — Испанцы дали ему старинное индейское название Холм Дьявольского Коня.

— Когда-то я такое название слышал, ведь я живу здесь почти всю жизнь, — сказал управляющий.

— Теперь никто холм так не называет, — ответил Майк, — он больше известен, как Восточный Кэйдок, с тех пор как американцы обосновались в этой местности. Но на старых картах он действительно называется Кабала Дьявола, и я думаю, вы видели его, когда подъезжали к городу.

— К северо-западу от города? — воскликнула она. — Да, я видела и надеялась, что это он.

Когда она повернулась и устремила свой взгляд на Майка, он заметил темные тени под глазами незнакомки — трогательное свидетельство общего, как ему показалось, тяжелого утомления, и физического, и морального. Она выглядела такой слабой и беззащитной, что в нем зашевелился инстинктивный протест.

Он ощутил смешное желание взять ее на руки и успокоить, как испуганного ребенка.

— Я должна отправиться туда немедленно, — вдруг сказала она. — Как это можно сделать?

Майк внутренне возликовал — лучшего шанса быть полезным этой странной девушке... и вдруг на-

строение его упало: несомненно, эта девушка, сама похожая на испанку, была невестой или женой одного из геологов, работавших на холме.

Тем не менее он торопливо заявил:

— Я сам туда направляюсь и был бы рад отвезти вас и привезти обратно, если пожелаете. — Ее лицо прояснилось:

— О, это прекрасно. Я заплачу вам, сколько скажете.

Майк почему-то слегка обиделся на ее последние слова, но, прежде чем он успел что-либо сказать, девушка повернулась к управляющему с вопросом, не сможет ли она оставить в его магазине вещи до своего возвращения. Во всяком случае, рассудил про себя Майк, провожая ее к машине, девушка вернется в город вместе с ним.

Девушка вся трепетала, словно в очень сильном волнении, но во время всего совместного путешествия едва ли произнесла пару слов, что отчасти разочаровало Майка. Он ехал осторожно, даже медленно, искоса наблюдая за ней, наслаждаясь ее красотой и пытаясь понять подоплеку очевидного смятения незнакомки. Он решил, что предвкушение встречи с любимым достаточно уважительная причина для волнения, — слишком много переживаний на пути к нему. В конце концов, он на этом и остановился, вынужденный довольствоваться тем, что имеет возможность просто находиться рядом с ней.

Эта девушка оказалась именно такой, какую он всегда мечтал и не надеялся встретить. Он представился, но она на это никак не отреагировала, напряженно наблюдая за приближающимся холмом, и чем ближе они подъезжали к нему, тем больше нарастало ее возбуждение.

— Мы подъедем к холму как можно ближе, — сказал Майк, останавливаясь в том месте, где он должен был передать продукты, — мы можем остаток пути пройти пешком, хотя это тяжеловато.

Она немедленно вышла из машины и направилась к изгороди, разгораживающей поля, затем остановилась, ее глаза расширились, лицо побледнело и она, обернувшись, посмотрела на Майка с такой ненавистью, что он опешил.

— Скотина! Предатель! — прошептала она. У Майка от изумления отвисла челюсть, он, занятый пакетом с провизией, оглянулся, не понимая причины столь бурного проявления чувств, — человек, которого он называл про себя Рудольфом, стоял перед ним со злобной улыбкой, скрестив руки.

— Ах, сеньор, мы с вами торговались дольше, чем вы ездили, — он говорил с такими шипящими модуляциями, что это могло показаться дурным предзнаменованием. — Особенно приятно, что вы вернулись с сеньоритой.

Девушка медленно повернулась к нему и подняла руку, как бы защищаясь:

— Гомес! Не трогайте меня!

И Майк понял, что она смертельно напутана. Он слишком пристально наблюдал за неожиданным поворотом событий, чтобы обратить внимание на внезапно исчезнувший акцент «геолога» и такую же грамотную речь, как у него самого.

Гомес, продолжая все так же улыбаться, подходил бесшумной, странно извилистой походкой, чем напомнил Майку большого питона, скользящего навстречу своей жертве. Его длинные, тонкие пальцы жестко сомкнулись на тонкой девичьей руке, и она жалобно вскрикнула, покоряясь грубой силе.

Майк очнулся, сделал широкий шаг вперед, железной хваткой вцепился в запястье испанца и не слишком вежливо отшвырнул руку оскорбителя прочь:

— Не знаю, что это может означать, но, мне кажется, вы забыли, что перед вами леди.

— Что-о-о! — удлинненное слово тоже было похоже на шипение змеи, — разве это ваше дело, а?

— Эта девушка моя пассажирка, и мне не нравится ваше поведение, так что идите своей дорогой!

Какое-то мгновение они стояли лицом к лицу: темное лицо Гомеса перекосила злоба, глаза Майка медленно разгорались бешенством. Вдруг правая рука латинос метнулась к поясу, и в тот же миг кулак Майка врезался в его челюсть. Прямой удар оказался так силен, что опрокинул Гомеса на спину. Майк ударил ногой по руке с ножом, который Гомес успел вытащить, и, отступив, настороженно следил за поверженным, готовым к следующей атаке. Испанец, однако, не собирался продолжать сражение, он, пошатываясь, поднялся, пытаясь справиться с головокружением, вытер кровь, выступившую в уголках рта, и размашисто зашагал прочь, бросив перед этим совершенно убийственный взгляд на соперника и что-то пробормотав себе под нос.

Майк повернулся к девушке и неуверенно спросил: — Вас обратно в город, мисс?

— Да, пожалуйста. — Голос ее был слабым и безразличным. Встреча с Гомесом, казалось, повергла ее в шок; прежнее возбуждение пропало. Она вернулась в машину, тихо опустилась на сиденье и во время пути не произнесла ни слова.

Майк следил за дорогой, а мысли его вертелись вокруг случившегося; он чувствовал, что перед ним, с одной стороны, начало следующей книги, а с другой — какая-то таинственная драма.

Вдруг он почувствовал легкое прикосновение к своей руке и, обернувшись, встретил взгляд больших черных глаз, полных слез:

— Я сначала составила неверное суждение о вас, простите те грубости, что я наговорила. Я подумала...

Она еще не закончила, когда он прервал ее:

— Все нормально, мисс, я, я... — Вдруг обнаружилось, что он, никогда и ни при каких обстоятельствах не лезший в карман за словом, стал таким неуклюжим, что растерял их все. Отчаянным усилием он вернул себе былое красноречие:

— Я не хочу показаться назойливым, ведь даже не знаю вашего имени, но мне кажется, что вы в беде, и, если позволите... Я помогу вам, чем могу...

Каким бы бесполезным и дерзким ни казалось ему собственное предложение, он старался справиться с новыми эмоциями, вторгшимися в его жизнь.

Девушка нервно сплетала и расплетала пальцы, и было видно, что она почти готова обратиться за помощью к любому, кто покажется ей добрым человеком, даже к иностранцу.

— О нет, — прошептала она. — Благодарю вас, но я не могу, не могу.

Майк, естественно, не настаивал, чувствуя, что он и так едва не переступил границы дозволенного.

Остаток пути они ехали молча, до самого магазина в Затерянной Долине. Там, выйдя из машины, девушка спросила, сколько стоят его услуги. Майк ответил, что он не оказывал никаких услуг, рывком выжал сцепление и мотор грубо взревел. Майк и сам не мог объяснить, почему не взял с нее денег. Принимая во внимание роль, которую он сам добровольно принял, его нынешнее поведение казалось совершенно неуместным.

Вернувшись в меблированные комнаты, в которых он остановился, Майк провел вечер в одиноких размышлениях, прервав их только для того, чтобы спуститься поужинать, а возвратившись обратно, снова принялся обдумывать сегодняшние события.

Он собрал все происшествия воедино: сначала Скинни нашел старинную монету, потом появились псевдогеологи на проклятом холме, затем приехала девушка... Кульминацией было нападение на нее Гомеса. Нет, он не мог связать эти события и вообще не понимал, связаны ли они друг с другом. Нетерпеливо пожав плечами, Костиган наконец отказался от затеи разобраться в этом каскаде загадок и решил, что его будущее произведение само расставит все по местам и свяжет случайную находку Скинни с людьми, выдающими себя за латинос.

«Во всяком случае,— подумал он,— человек, который теперь владеет монетой, картежник и бутлегер, наипоследнейший человек в мире, которого должна была заинтересовать антикварная монета».

Кроме того, Майк сомневался, что Скинни сможет рассказать, где нашел монету: смутная память больного ребенка не удерживала событий даже одного дня. Майк лег, выключил свет и вскоре уснул.

3

Вдруг Костиган проснулся, сел на кровати и, бессознательно напрягая в темноте глаза, настороженно прислушался. Он не мог сообразить, что его разбудило. Может быть, ему приснилось, что где-то испуганно закричала женщина? Этот короткий, внезапно оборвавшийся, пронзительный крик! Он собирался лечь обратно, когда до его ушей донеслись неясные звуки какой-то возни: шарканье ног, шепот проклятий. Похоже, доносились они из комнаты напротив. Майк поднялся — это следовало проверить: по его сведениям, комната напротив пустовала.

Он пересек холл, на мгновение задержался у закрытой двери и прислушался. Сомнений не было: в этой темной комнате происходило что-то подозрительное. Наиболее правдоподобной казалась мысль, что в комнату проник грабитель, поскольку и поздний час — почти полночь, — и окружающая мрачная обстановка располагали к таким подозрениям.

Разумеется, проснись на его месте какой-то другой, более разумный пансионер, услышав, как хозяйка взывает о помощи, он прежде всего постарался бы выяснить, что происходит и насколько это опасно. Но Майк Костиган никогда не мог похвастаться благоразумием!

Поэтому он потрогал дверь и обнаружил, что она заперта. Тогда он всем телом налег на створку, и хлип-

кий замок немедленно сдался. Майк буквально влетел в комнату.

Из единственного окна струился лунный свет, создавая на полу причудливые узоры, но Майку показалось, что тень у окна слишком уж густа. В этот момент стукот разделился на две фигуры, одна из которых бесшумно бросилась к нему с явной угрозой.

Майк увидел отблеск стали, развернулся, инстинктивно выбросив вперед левую руку, и ловким движением отбил брошенный нож, летевший в предплечье. И все же он почувствовал, как лезвие вспарывает рукав. Заметив боковым зрением, что атакующее его привидение находится уже на полпути к нему, он вслепую нанес удар правой, но поскольку нож появился опять, то следом еще хорошо двинул левой.

Грабитель, пролетев через всю комнату, с грохотом приземлился возле окна. Лунный свет залил его лицо, и Майк мельком увидел грубые черты, редкую бороду и толстые губы, искривленные болью и ненавистью. Майк подхватил стул для новой атаки, но парень вскочил и исчез в проеме окна, переброшив свое тело через подоконник с ловкостью обезьяны. Майк бросился к окну и успел увидеть, как грабитель соскочил с приставленной к стене дома лестнице и исчез в темноте. Эту лестницу вчера возле дома напротив оставил плотник, который там что-то чинил.

Он включил свет и застыл от изумления, — на полу лежала девушка, которую он вчера подвозил к Восточному Пику. Она скорчилась возле окна, одной рукой опираясь в пол, а другую прижимая к груди. Не сознавая, что делает, Майк бросился рядом с ней на колени и прижал к себе худенькое тело; и в этот миг он понял, что в его жизнь вошла любовь.

— Больно, девочка? — хрипло спросил он и согнулся, увидев, что ее ночная сорочка вся разрезана на полосы. Она учащенно и тяжело дышала, но на лице показалось выражение огромного облегчения, и

все же она оставалась совершенно обессиленной не только физически, но и морально.

Майк бережно поднял ее на руки и уложил на постель. Он всегда отличался импульсивностью, а сейчас был так потрясен и расстроен, что встал у кровати на колени, обнял девушку и прижал к себе:

— Я даже не знаю вашего имени, а вы ничего не знаете обо мне, — прошептал он, — но мне все равно, сейчас я понял одно — я вас люблю и намерен заботиться о вас и помогать вам всем, чем могу, нравится вам это или нет.

Он смотрел на нее, сам пугаясь слов, что произносил, но из черных, печальных глаз девушки постепенно уходил страх, а тонкая рука робко легла на плечо Майка.

Но в это время из холла донеслись тяжелые шаги и возбужденные голоса — это хозяйка с целой свитой явилась выяснить причину шума.

Девушка испуганно забилась под одеяло и торопливо зашептала:

— Не говорите о том, что здесь произошло! — Майк мгновенно отступил от постели и осторожно выглянул за дверь.

— Какого черта? — удивилась хозяйка. — Что вы здесь делаете в такой поздний час?

От смущения девушка похорошела еще больше:

— Действительно, очень плохо, что я всех перебудила, но огромный черный кот вскочил в окно сквозь рваную занавеску и ужасно напугал меня. Мистер Костиган услышал мой визг, вошел и прогнал его.

Хозяйка нахмурилась:

— Ну, не знаю, может, занавеска и была порвана по чьей-то небрежности...

Девушка ответила ей простодушно-изумленным взглядом.

Хозяйка продолжала шарить глазами по комнате. Наконец ее взгляд остановился па порванной занавеске, неоспоримо подтверждающей правдивость

представленного объяснения, а Майк подумал, что если расследование продолжится, то будет обнаружена и лестница, приставленная к окну. Тогда подозрения хозяйки возрастут еще больше.

Но лестница замечена не была, и чтобы ни думали вошедшие о присутствии Майка в этой комнате, вслух ничего сказано не было. Даже об усилиях, необходимых для того, чтобы выгнать какого-то слишком активного кота и вызвавших такой шум и разгром.

Выходя вместе со всеми из комнаты, хозяйка пробормотала:

— Кот! Ха! Какой нахальный кот! — Костиган, естественно, шел последним и чуть задержался, спросив шепотом:

— Вам больше ничего не грозит?

— Нет, — ответила она так же шепотом, — я оставлю свет, и он не осмелится явиться сегодня ночью.

Майк быстро вернулся и отбросил лестницу от окна. Та с шумом упала.

— На всякий случай, если я вам понадоблюсь, моя дверь напротив.

— Спасибо. — Слабая улыбка осветила ее утомленное лицо. — Теперь, пожалуйста, идите. Я все объясню вам утром. Обещаю!

4

На следующее утро Майк встал рано, невыспавшийся и злой. Дверь напротив была закрыта, и он, не поддавшись искушению постучать, спустился вниз. Около столовой его встретила хозяйка с довольно кислой миной на лице.

— Какие-нибудь еще недоразумения с котами? — не без сарказма спросила она.

— Нет, — спокойно ответил Майк. — Я слышал, как он лазал по деревьям и орал от ярости, что расстро-

ились его планы, но человек всегда берет верх над животными, и остаток ночи прошел спокойно.

Хозяйка фыркнула; легкомысленное поведение Майка не вызывало ее благосклонности.

— Во всяком случае, — резко произнесла она, — должна заметить, что для молодой женщины она слишком привередлива. Явилась вчера поздно вечером, сняла комнату и с тех пор ни разу не вышла. Я двадцать лет кормлю самых разных людей от Талсы до Бодера, но меня первый раз попросили подать еду в номер. Я только что приготовила завтрак, чтобы отнести ей наверх, но если она не доплатит, я больше этого делать не буду!

— Как ее имя? — спросил Майк, не в силах удержаться.

— А, не знаю. Я не спрашиваю имен у людей, которые платят так много, а она, когда оплачивала неделю, не представилась. Сдается мне, она скрывается от кого-то, потому как просила никому не говорить, что остановилась здесь. Надеюсь, я не приютила преступницу, которую разыскивает полиция.

Майк вошел в столовую и в полной мере отдал должное завтраку, стоявшему перед ним, вопреки тому факту, что у него было полно неразрешенных проблем, и главная из них — девушка. Сначала, после экскурсии на холм, он подозревал любовную историю, отвергнутого поклонника или ревнивого мужа, но после ночного нападения дело приняло зловещий оборот.

После завтрака Майк вышел в садик и первой, кого он увидел, оказалась девушка, сидевшая на траве. Белое легкое платье еще больше подчеркивало ее юность и хрупкую прелесть. Щеки девушки слегка порозовели в свете восходящего солнца. Он поразился тому, как грациозно она сидела, и как хороша была при этом. Когда Майк подошел, она восторженно встрепенулась и жестом пригласила сесть рядом.

— Во-первых, — сказала она, — я должна поблагодарить вас за вчерашнее и за сегодняшнюю ночь. И в том, и в другом случае вы спасли мне жизнь.

— Видите ли, — начал он, но она прервала его:

— Нет, правда. Эти люди хотели убить меня и попытаются снова сделать это. Вот почему я и решилась рассказать вам все, как обещала этой ночью. Только после этого вы тоже окажетесь в опасности!

Майк сделал нетерпеливый жест:

— Видите ли, я, конечно, прошлой ночью был не в себе, говоря, что люблю вас, но я так чувствовал тогда и то же чувствую и сейчас...

Подняв руку, она опять остановила его. Ее губы не улыбались, глаза были непроницаемы.

— Нет, подождите, пока не выслушаете меня. Признание мужчины в любви — высокая честь для любой женщины, но я не могу сейчас об этом думать. Слушайте же!

Мое имя Мэрилин ла Велон, моя родня — испанцы с обоих берегов океана, но большинство из них осели в Соединенных Штатах. Сама я родилась на Миссисипи.

Когда в 1882 году Мексика освободилась от испанского ярма, генерал Рикардо Марес, который в то время был в Санта Фе, заторонился на юг, стремясь поддержать роялистскую партию. Он вез с собой трофей пушной и торговой экспедиций, а также часть своего собственного состояния, такую большую, что для нее потребовался не один мул.

Он был вынужден идти в стороне от своего маршрута, избегая встреч с мятежными солдатами, но где-то в центре Западного Техаса генерал исчез вместе со всей командой. Согласно историческим документам, ни о ком из них больше никогда не слышали, хотя мулов с клеймом Мареса видели потом у местных индейцев. Многое известно не только из документов, но и из фамильных преданий, потому что Рикардо Марес принадлежал к семейству моей матери.

Около года назад один мой друг познакомился в Оклахоме, а это старинные индейские территории, с вождем Кайоваса, очень пожилым человеком, а тот

почему-то очень привязался к нему и показал много реликвий, принадлежавших племени, и среди них карту с еле различимыми красными линиями, сделанную на куске кожи, выделанной в Кордове. Кожа была такой же, какую раньше использовали для шитья обуви испанских солдат. Линии были тусклыми и надписи почти неразборчивыми, но мой друг сумел прочесть имя: Генерал Рикардо Марес.

Это очень заинтересовало моего друга, поскольку он знал историю нашей семьи, поэтому он убедил старого вождя продать ему карту, а позже передал ее мне. С помощью увеличительного стекла я сумела разобрать, что на ней изображен холм и, насколько я смогла различить надпись, он назывался Кабала Дьявола. Потом я заглянула в старую карту Техаса и обнаружила, что этот холм находится в графстве Кэйлоран в десяти милях к северо-западу от старого поселка, который теперь стал городом Затерянная Долина.

Старый вождь рассказал моему другу историю карты. Оказывается, он взял ее в бою с команчами, а те, в свою очередь, нашли карту на теле испанского офицера, который был убит со всеми своими людьми на холме Дьявольского Коня. Старик думал, что это какой-то амулет белых, и в этом качестве карта высоко ценилась индейцами. Ведь люди, до них владевшие ею, прославились высоким мужеством и бесстрашием. Позднее, из обрывочных замечаний вождя, стала понятна и дальнейшая судьба карты.

Сейчас вы видите здесь лишь фрагмент кальки, снятой с той карты. Генерал Марес, окруженный дикарями и понимающий, что обречен на гибель, спрятал золото и сделал чертеж тайника, заклиная всех святых, чтобы карта попала в чистые руки. Он погиб и с ним все его войско, а карта свыше ста лет хранилась краснокожими.

Мне кажется, что найти золото будет не очень сложно. И, конечно, я имею на него больше прав, чем кто-либо другой, поскольку генерал Марес умер, не

оставив сына, а я и моя сестра — его единственные потомки. Но я и понятия не имею, как справиться с трудностями, которые в связи с находкой возникнут потом. Видите ли, я не уверена, что удастся справиться с работами на холме, так как кожа почти истлела, линии совершенно поблекли и, единственное, что сохранилось четко, — это очертания самого холма, его название и имя хозяина карты. То есть точное место тайника установить невозможно: на какой стороне холма, на вершине или у подножия. Все пометки, которые могли бы помочь, видны очень неотчетливо. Я думаю, мой единственный шанс — отправиться к этому холму и обыскивать его сверху донизу, пока сокровища не будут найдены. В теперешних обстоятельствах подобный труд представляется мне почти невыполнимым и по объему, и по тяжести. Да и решимости приступить к работам мне не хватает. Пока я вынашивала всякие планы на этот счет, на сцене вдруг появились два моих врага. Это Гомес, которого вы видели вчера, и Эл Калебра, который попытался убить меня сегодня ночью.

Гомес — испанец, хотя большую часть жизни прожил в Мексике и Соединенных Штатах. Одно время он был индейским агентом в Соноре и там-то и наткнулся на историю о сокровищах Мареса. Эл Калебра, который слишком зверь, чтобы называться человеком, — потомок предателя мексиканца, принимавшего участие в бойне возле Кабалы Дьявола. И хотя он в свое время всячески уклонялся от какого бы то ни было образования, но тут сообразил, что карта может являться путевой нитью к золоту, которое, как он знал, перевозилось на мулах и которого не нашли после сражения. Он пытался заинтересовать сокровищами индейцев, но в те времена никто из них деньгами не интересовался, и воин, которому эта карта принадлежала, заниматься поисками отказался. Элу многое было известно из рассказов, которые в его семье передавались из поколения в поколение, но он не знал, где произошло сражение.

Гомес же к моменту встречи с Калейброй слышал только, что экспедиция Мареса пропала где-то в Техасе, но теперь, убедившись, что именно индейцы, а не восставшие мексиканцы уничтожили генерала Мареса и его людей, готов был начать систематические поиски.

Он скопировал карту и ждал только удобного случая.

Майк Костиган восхищенно слушал; это была самая захватывающая история, которую он когда-либо слышал, читал или писал.

— Подумать только! Искать и, в конце концов, найти карту, которая около ста лет хранилась у индейцев, почти забывших о ней! Да ни один более или менее сведущий в истории и традициях индейцев человек никогда не взялся бы за такое дело.

— Гомес — крупный антрополог, знает индейские языки и обычаи, он много сдиз по резервациям, а также беседовал с индейцами, живущими в городах, отыскивая следы карты от команчей до Кайовы, и в конце концов нашел старого вождя, который видел ее последним.

Он нашел и расспросил моего друга, выяснив, что тот подарил карту мне, и потом обратился ко мне, претендуя на карту, но, зная свои права, я отказалась отдать ее.

Тогда они с Калейброй начали угрожать мне, а в том маленьком городке, на Миссисипи, где я воспитывала свою младшую сестру, у меня не было друзей, к которым можно было обратиться за помощью. Наконец я решила приступить к поискам, а они стали следить за мной.

Они следовали за мной по пятам, покушались на мою жизнь, несколько раз обыскивали мою комнату, но я всегда держала карту при себе. Наконец, они заманили меня в пустующий дом на окраине города, обыскали и отобрали карту. Они добились своей цели, а я была так беспомощна в их руках, что не надеялась

выбраться живой, но отчаяние придало мне неожиданные силы: пока Гомес рассматривал карту, я вырвалась из лап Эла Калебры, выхватила у Гомеса карту и выскочила из окна второго этажа. Я сильно расшиблась, но все же справилась с головокружением, прежде чем они сбежали по лестнице, и скрылась в кустарнике. Все, что я вам сейчас рассказала о поисках карты, разболтал мне Гомес, пока я была их пленницей.

Зная, что они и в дальнейшем будут угрожать мне, я отправила сестру к нашей тетушке в Вирджинию, надеясь избавить ее от преследований, а сама отправилась в Техас. Я думала, что опередила Гомеса, ведь после нападения на меня в городе их больше не видели. Поскольку карта ничего нового мне уже дать не могла, я оставила ее на хранение, но они, видимо, считают, что она все еще со мной.

Вчера, когда я увидела встречающего вас Гомеса, я... я подумала, — она слегка запнулась, — что вы один из его сообщников, и испугалась. А теперь считаю, что могу вам довериться, хотя и не встречала вас никогда прежде.

Можно было все рассказать вам еще вчера, но я боялась. Вы должны понять меня; я так много плохого узнала о людях за последние несколько месяцев, что теперь готова подозревать едва ли не каждого.

Вчера вечером я пришла в гостиницу очень поздно, сняла комнату, но была совершенно растеряна, потому что и уезжать не хотела, и оставаться боялась. Ведь я думала, что опередила Гомеса, а он приехал первым; наверное, он все-таки успел прочесть название холма, прежде чем я вырвала у него карту.

Я сильно перепугалась, когда Эл Калебра ночью залез ко мне в комнату, чтобы заставить отдать карту, и, если бы она у меня была, я, конечно, отдала бы ее, но, как уже говорила, карта сейчас в сейфе банка Натчезе.

Он не поверил моим словам, вытащил длинный нож, а когда я вскрикнула, закрыл мне рот своей ла-

пой. Мне удалось схватить его за запястье, но он разрезал мою ночную сорочку в лоскуты и собирался убить меня, но тут подоспели вы.

— Лучше бы мне знать все, — буркнул Майк, нахмутив лоб, кельтская ярость медленно разгоралась в нем. — Ну, он так легко не отделается!

— Вы появились как раз вовремя. А еще они опасаются, что я обращусь в правительство Соединенных Штатов и избавлюсь наконец от них.

— Почему же вы этого не делаете? Мне кажется, что, обратившись к юристам, вы и быстрее, и надежнее решили бы ваши проблемы!

— Я боюсь. На эти деньги претендует мексиканское правительство, и если о них узнают, то просто отберут, как собственность государства.

— Кто вам это сказал?

— Гомес.

Майк размышлял:

— Если богатство так велико, как предполагается, то произойти может все что угодно, и вполне допустимо, что правительство Мексики запросто сумеет конфисковать имущество своих верноподданных за неисполнение устаревших испанских законов.

— Кроме того, есть еще и владельцы земли, — добавила Мерилин.

— Сейчас землей владеет корпорация, для которой миллион долларов значит меньше, чем для меня какая-то сотня. На мой взгляд, деньги и права на них полностью ваши.

Вдруг она тронула его за рукав.

— Вы, может, думаете, что я очень жадная? — спросила она с легкой дрожью в голосе. — Просто я очень нуждаюсь в деньгах и не могу позволить себе связаться с долговременными тяжбами. У моей сестры туберкулез, и малышка может умереть, если я не вывезу ее в Аризону или Нью-Мехико, где сухой климат. Она совсем еще ребенок...

Ее голос прервался, из глаз полились слезы.

— Да вы и сами еще ребенок, — мягко сказал Майк, — вы — бедный ребенок, а вам досталось столько, что сломило бы и десяток мужчин.

— Моя семья старинного кастильского рода, — ответила она, вытирая слезы и возобновляя свое повествование. — Старики говорят, что у Велонов железная натура.

— А что вы собирались делать, если бы добрались вчера до холма? — спросил Майк, пораженный внезапной мыслью.

— Не знаю, — беспомощно ответила она, — последние несколько недель моя голова в каком-то тумане. Моим единственным стремлением было желание добраться до холма и при этом избежать встречи с Гомесом.

— А каким образом вы собирались найти золото и забрать его, не имея никаких инструментов? — мягко пожурил ее Майк. — Нет, вы определенно нуждаетесь в человеке, который мог бы присматривать за вами, и я собираюсь этим заняться.

Она подскочила, как ужаленная:

— Нет, нет! Зачем вам подвергаться такой опасности, я ведь просто описала положение дел, а для собственных нужд у меня достаточно денег.

— Пожалуйста, выслушайте меня, я не хотел вас обидеть; я люблю вас, здесь уж ничего не поделаешь, и хочу вам помочь. Я никогда не верил в любовь с первого взгляда, но, оказывается, подобное случается. Сожалею, что ночью, видимо, напугал вас своими словами, но не позволяйте ложной гордости становиться на вашем пути. Поверьте, я не хулиган, не дебошир и ни в коем случае не отношусь к тому сорту мужчин, которых стоит опасаться молоденьким девушкам.

Она задумчиво опустила глаза, а потом тихо заговорила:

— Должна сказать, что вы не показались мне грубым ни в речах, ни в манерах, и я уверена в ваших добрых намерениях, но все же не могу принять ваше пред-

ложение, хотя и очень благодарна за заботу. И... и, пожалуйста, не возвращайтесь больше к этой теме, — тут она опустила взгляд и застенчиво договорила: — По крайней мере... по крайней мере, до тех пор, пока не закончатся эти ужасы.

Она ничего больше не сказала, но сердце Майка подпрыгнуло; ему показалось, что Мерилин тоже... Нет, он не был уверен. Просто она устала от перенесенных оскорблений и рада любой защите, кто бы ее ни предложил:

— Пожалуй, я сегодня загляну на Пик.

— Нет, нет. — Мерилин воскликнула так испуганно, что он остановился. — Нет, они убьют вас!

— Я тоже думаю, что опрометчиво рисковать в открытую, но у меня есть идея: существует старая дорога, она подходит к Пику с запада, ею давно уже не пользуются. Я подъеду к холму на машине мили за две, а дальше незаметно пройду вдоль высохшего ручья, оттуда поднимусь на Пик и проведу свою собственную маленькую разведку — посмотрю, с какой стороны холма находятся эти негодяи.

— Но ведь на поиски тайника уйдет несколько дней, а за это время они обязательно обнаружат вас, — запротестовала Мерилин.

— Я же сказал, у меня идея, — повторил он. — Думаю, мне известно немного больше, чем вашим знакомцам. Это, конечно, странно звучит, но источник моей уверенности — пока тайна.

— Тогда я пойду с вами!

— Вы? Зачем, детка? — Он опять разволновался и расстроено спросил: — Вы все еще не доверяете мне, Мерилин?

Она вспыхнула ярким румянцем:

— Дело не в доверии, ведь, рассказав о кладе, я полностью в ваших руках. Но, если уж мне не удастся отговорить вас от риска, значит, я должна разделить его с вами. Ну, неужели вы не понимаете, я все должна видеть своими глазами, до самого конца.

— Я не обману вашего доверия, — хрипло сказал Костиган. Тронутый ее беспомощностью и смелостью, он вынужден был слегка прочистить горло. — Уверен, что вам не следует идти на холм, но, если таково ваше желание, я ничего не могу поделать, чтобы помешать ему осуществиться.

5

— Есть у вас пистолет? — спросила вдруг девушка.

Они двигались, скрытые деревьями, по руслу высохшего ручья, о котором недавно упоминал Майк.

Машина была оставлена в двух милях отсюда, там, где старая дорога заканчивалась на одном из пастбищ, окружавших холм.

— Нет, — ответил Майк, поскольку, отправляясь на Пик, он позаботился совсем о других вещах. — Может быть, я и взял бы один, но у меня его нет. И, честно говоря, я никогда так далеко в схватках не захожу, но зато не ленюсь работать кулаками.

Девушка слегка улыбнулась, и на шутника пристально взглянуло дуло револьвера:

— Я приобрела его сразу, как вырвалась из плена.

— Спрячьте, — засмеялся Майк, — из этой штуки я никогда не попаду даже в стену дома, а кулаки мои более опасны. Просто смертельно опасны!

Мерилин заткнула оружие за пояс. Ловко сидевший на ней костюм для верховой езды, придавал ее облику что-то мальчишеское и тем не менее еще больше подчеркивал врожденное изящество испанки.

«Истинная дочь Кастилии», — думал Майк, наблюдая, как она с трудом, но мужественно пробирается вдоль ручья, устремившись навстречу такой опасности, что заставила бы спасовать немало мужчин. В Мерилин чувствовалась неукротимая сила духа, позволявшая предположить, что сейчас она в состоянии за-

держат и Гомеса, и его сообщников, отбросив условности и издержки воспитания в тепличных условиях.

Майк, разумеется, уделял ей гораздо больше внимания, чем происходящему вокруг. Вот и получилось, что, пока им нужно было наклоняться, уклоняться, обходить, перепрыгивать, они начисто забыли об осторожности и наткнулись совершенно неожиданно на странную сцену.

На насыпи, полого спускавшейся к руслу ручья, у сильно смахивающего на змеевик сооружения из металла и меди, под которым горел костер, колдовали трое мужчин. Прежде чем Майк с девушкой пришли в себя от изумления, ружье в руках одного из них поднялось:

— Руки вверх!

Ничего не оставалось делать, как повиноваться, хотя Майк просто кипел, стыдясь той легкости, с какой он, так гордившийся собой, вдруг превратился в пленника. Он оглядел мужчин; ошметки городских низов, грязная накипь, сопровождающая любой бум.

Старший из мужчин, картежник и мот Лири, великан с огромными руками и бочкообразной грудной клеткой, был очень характерной личностью для Техасских нефтяных промыслов, довольно широко известной своим безудержным нравом и всегдашней готовностью к свалке. Двое остальных оказались его сообщниками: Меркен, омерзительного вида подлец и тощий задира, и Эдварде, человек с безвольным подбородком, выдающим предательскую натуру подонка.

— Визитеры, а? — насмешливо загремел Лири. — Нажми на них, Эдварде. Да не трогай даму, только Костигана.

Глаза Майка вспыхнули яростью, но он подчинился, позволив связать себе руки за спиной. Потом его усадили спиной к дереву, росшему на насыпи. Мерилин с побелевшим лицом примостилась позади Костигана.

— Теперь вы, может быть, объясните, в чем дело? — Майк едва не рычал. — Я, знаете ли, хоть и не

очень состоятельный человек, но вашим перегонным кубом не интересуюсь, да и леди тоже.

— Дело в том, — сказал, присаживаясь на валун, Лири, — что мы собираемся поиметь хорошие деньги. Ну! Ваш друг Гомес! Мы следим за латинос уже несколько дней, с тех пор как они появились на холме. Нас все мучил вопрос, что это геологи копают да копают в камнях, вместо того чтобы изучать породы и все такое. Ну, мы пришли сюда, и встреча сначала была очень официальной, а потом я взял, да и выставил ту золотую монету, что так удачно купил у Скинии. Я говорю, не это ли ищете? Ну! Они поначалу взбесились, а потом выложили карты на стол. Да, вы ж знаете, — они явились за кладом. Миллион долларов золотом! Ну! Пытались выудить у меня, где я нашел монету, да Скинии почти ничего не помнит, твердит только, что на северной стороне Восточного Пика. Полудурок чертов! Ну!

Пока договорились с Гомесом и его партнером, что они будут искать сегодня ночью, а мы — выкапывать и грузить в самолет, потом все поделим... По крайней мере, они так задумали... А мы, может, думаем иначе. Ну! Решено встретиться сегодня к ночи. Он широко ухмыльнулся, Майк окинул его холодным взглядом, и в это время девушка бесформенным кулем упала на землю.

— Лири, ради Бога, отпусти девушку, Гомес убьет ее!

— И не сомневаюсь, прибьет. Он вроде говорил об этом.

— Я дам тебе десять тысяч, вышлю, как только вернусь к себе, если ты позволишь ей уйти отсюда до появления Гомеса! — в отчаянии предложил Майк.

— Что такое десять тысяч для человека, собирающегося сделать хорошую партию на миллион? Ну? — презрительно фыркнул Лири. — Не дергайся из-за юбки. Я могу взять ее с собой.

— Ты, трусливая свинья! — На скулах Майка вздулись желваки. — Если у тебя есть хоть капля сме-

лости, развяжи меня и давай биться один на один. Победителю достается все!

— Я бы с удовольствием поиграл с тобой, Костиган, но, ты же знаешь, сначала бизнес, потом удовольствия. Мы, может быть, потом к этому вернемся, если Гомес вас сам не прикончит. Ну!

Майк впал в уныние. День кончался, солнце клонилось к западу. Лири и Эдварде ссорились по пустякам над игральными картами, сидя в тени насыпи. Меркен, карауля пленников, не спускал ружья с колен, а взгляды, которые он время от времени бросал на девушку, были так выразительны, что у Майка от бешенства закипала кровь.

Майк выждал момент, когда Меркен слегка отвлекся, и прошептал Мерилин:

— Улучите момент, вытащите свою пушку и уложите Меркена.

Он ничего не сказал, когда в ответ она прошептала сквозь слезы:

— Я... я его где-то потеряла...

— Эй, чего это вы там шепчетесь? — Меркен опять был начеку.

— Мы дискутируем о погоде, — Майк всегда был вежлив, — что вы думаете о наших шансах на дождь, мистер Грязнуля?

Меркен криво усмехнулся:

— Я думаю, что если завтра пойдет дождь, то ты об этом не узнаешь, Красавчик, — слегка запнувшись, парировал он.

Костиган отчаянно искал выход. Как действуют литературные герои в подобных ситуациях? Обычно у них есть друзья, которые появляются как раз вовремя, — здесь на это рассчитывать не приходилось. Еще идея! Конец веревки, свисающей со скалы! Он огляделся, подходящей скалы не было. И тут он воспрянул духом; дальше, где за насыпью скала выступала крутой стеной, в грунте была выемка, нечто вроде небольшой пещеры, почти незаметной. Она очень могла при-

годиться в потасовке, если б только не веревка, связывающая руки.

— Только не нервничать! — предостерег он Меркена. — Мне нужно поменять положение — это дерево слишком неудобно, и я не собираюсь пролежать всю ночь под ним.

Девушке он шепотом велел оставаться на месте, отвлекая внимание Меркена. Затем прошелся по насыпи, присел в одном месте, в другом, все очень естественно, до тех пор пока не почувствовал под пальцами подходящий камень.

Время тянулось бесконечно, под бдительным оком Меркена он не решался делать резких движений, и работа по перстиранию веревки шла очень медленно. Слабое покачивание запястьями в моменты, когда внимание сторожа было занято девушкой, — вот и все, что мог себе позволить Майк.

От необходимости контролировать себя, Меркена и общую ситуацию испарина выступила на лбу Костигана. Его нервы были натянуты до предела, запястья разодраны в кровь, но веревка все еще держалась. Солнце, скрытое деревьями, уже склонялось к горизонту, скоро явится Гомес, а это грозило смертью и Майку, и девушке. Он стал более неосторожен в движениях, борясь с искушением разорвать веревку одним напряжением мышц, лицо одеревенело от усилий не выдать эмоции. Взгляд на девушку, которую постепенно покидало мужество, привел его в чувство, и наконец настал момент, когда Майк напрягся и дернул. Запястья были свободны. Он немножко посидел, разминая онемевшие руки.

Меркен, весь вечер сидевший, словно сфинкс, вдруг поднялся и потянулся, держа ружье одной рукой за ствол.

В то же мгновение Майк прыгнул, метнувшись в воздухе, как камень, пущенный из катапульты. Потерявший бдительность, Меркен заорал что-то нечленораздельное, замахнулся ружьем, но было уже позд-

но — Майк подскочил к нему и с такой силой врезал правой по косматой голове, что тело подонка, описав дугу, рухнуло на камни. Ружье отлетело за ручей.

Взглянув поверх головы Лири, с ревом карабкающегося к нему, на девушку, уже вскочившую на ноги, он крикнул:

— Бегите! Возвращайтесь в город! — И добавил, почувствовав, что она колеблется: — Идите, говорю вам! Если вы останетесь — мы погибнем оба. — Тогда она повернулась и побежала. Эдварде направился к отлетевшему ружью, но Лири, глаза которого горели азартом драки, остановил его.

— Стой где стоишь! — заорал он и прыгнул навстречу Майку, подобно огромной обезьяне.

Костиган никогда не избегал драк, и с той поры, как возмужал, ни разу не был повержен. Все его сто восемьдесят пять фунтов, казалось, состояли из стали и китового уса. Майк считался неплохим боксером, благо за его спиной были годы практики с самыми крепкими бойцами нефтяных промыслов, но он всегда знал, что если кто-нибудь в Затерянной Долине и способен победить его, так это именно Лири, чьи подвиги стали почти легендой среди населения разработок. И вот настал момент истины. Майк почувствовал дрожь боевого азарта, кулаки сжались, пока он поджидал гиганта, несшегося к нему, как разъяренный бык.

Лири был на дюйм выше и на двадцать фунтов тяжелее Майка, но двигался со скоростью боксера легкого веса. В одно мгновение он оказался возле Майка, запустив правую свингом в приподнятый подбородок противника — обычный упреждающий прием. Костиган уклонился, но, как только хук Лири просвистел возле виска, прошелся своей правой по его корпусу и завершил апперкотом левой, который чуть не снес челюсть гиганта. Лири пошатнулся.

Но тут же ответил свингом, рука его при этом походила на качающуюся балку. Майк сначала уклонился, а потом обрушил серию коротких ударов на

голову великана. С Лири было довольно легко, — он действовал всегда в одном и том же стиле, полагаясь на свое умение держать удар и дышать через раз. Задача состояла в том, чтобы избежать сокрушительного хука бутлегера и в то же время чредой мощных ударов как можно больше измотать его.

Следующий свинг скользнул по локтю Майка, и он выбросил правую прямым ударом в небритую рычащую пасть с такой силой, что голова Лири дернулась, а из уголков рта начала сочиться кровь. Но бутлежер лез неустрашимо, голова опущена, плечи согнуты. Он свинговал свирепо и опасно. Майк отбивался, но не отступал, пропуская сильные удары поверх плеч или над головой, а сам в это время опять и опять короткими злобными тычками обрабатывал покрасневшую физиономию Лири.

Но все же свингующая левая Лири окончательно разрушила его оборону, и тогда Майк, обхватив противника за талию, отбросил великана обратно к дереву. Лири был ошеломлен и чувствовал тошноту, но с ревом, перешедшим в тигриный рык, продолжал довольно энергично развивать успех.

Тогда Костиган нанес короткий прямой левой и тут же, как только голова Лири пошла назад, провел правой хук слева по корпусу. Его кулак, двинувшись от бедра, с ужасающей силой врезал бутлегеру под сердце. Рот Лири распахнулся, руки повисли, и он зашатался. Такой же удар ранее осадил Меркена.

Майк стоял перед Лири, как леопард, обрабатывая с двух рук перекошенную челюсть противника: левой, правой, опять левой. Потом в ход пошло колесо, и Лири с грохотом полетел вниз.

Костиган остановился, поджидая, когда противник поднимется, хоть и казалось невероятным, что кто-то способен встать после столь грубой обработки.

Но Лири не был обыкновенным человеком; хитрый и коварный в свалках, он вдруг вихрем подлетел к Майку и крепко пнул его по ногам снизу вверх. Го-

рильи руки схватили Майка, бутлегер терял голову от злобы. А Костиган, ловко вывернувшись, освободился от хватки. Затем отпрыгнул, но не успел еще приземлиться, как противник неуклюже качнулся и смачно приложился к скуле Майка. Боксер легкого веса зашатался, искры полетели из его глаз, а следующий свинг попал в висок Майка, и он рухнул как подкошенный. Все закружилось перед его глазами. Все же Костиган инстинктивно увернулся от удара Лири, нацеленного в лицо, схватил противника за штанину и подтянулся, не считаясь с градом крепких тычков, осыпавших его голову и плечи. Он получил сильный удар в грудь, но сумел захватом связать руки Лири, подбородком ткнул в левое вражеское плечо и все это время старался справиться с головокружением.

Лири с проклятиями вырвал руку и жестко врезал Майку в глаз. А молодой человек вернул комплимент коленом в солнечное сплетение, что вызвало у жертвы очередной поток проклятий.

Потом с силой, равную которой трудно встретить, великан поднял Майка, окончательно освободив корпус от захвата, и бросил оземь. Только мягкая почва спасла кости ирландца, но все же Майк мгновение лежал ошеломленный падением, а Лири, торопясь закрепить успех, поскользнулся и шлепнулся плашмя, проехав брюхом по осыпавшимся камням.

Пока Лири карабкался обратно наверх, Майк поднялся, кое-как собрался и попытался, как какой-нибудь ущербный боксер, применить клинч. Лири неуклюже, плечом ударил его в лицо, Майк отшатнулся и упал бы, но натолкнулся спиной на дерево. Лири продолжал свинговать обеими руками.

На первое время Майк ушел в глухую оборону. Он нырял и уклонялся так быстро, как еще был способен, и блокировал свинги локтями, чувствуя, что руки медленно немеют под тяжелыми ударами Лири. Разгром, казалось, близок, но Майк был боксером того типа, что не прекращает бой, куда держится на но-

гах. Чтобы победить, его надо было свалить. Такой боксер, как Майк, стоил дюжины других.

Вот и теперь бывалая ярость вдруг охватила его, помогая восстановить силы. Отказавшись от обороны, все вложив в последнюю попытку, он выпрямился и, сквозь шквал свингов, двинул мощным правым хуком, усадив Лири па пятки, и, как тот ни уклонялся, прошелся левой по плечу. Наконец, Майк нанес удар всем корпусом и отскочил, а Лири свалился, как подрубленный, и сильно ударился головой о корни дерева.

Теперь они оба поднимались на ощупь, ошеломленные и крепко ослабевшие. Лири выглядел ужасно: один глаз совершенно заплыл, другой казался щелью среди кровоподтеков, губы превратились в кровавое месиво, лицо избито и изранено, на голове кровоточила глубокая рана, полученная при падении.

Кроме того, несмотря на его сверхчеловеческие силы, начал сказываться беспорядочный образ жизни, — его прерывистое дыхание со свистом вырывалось из груди. Майк был свежее, поскольку вел более правильный образ жизни, и тем не менее колени его подгибались, а дерево стремительно кружилось перед ним.

Обоим стало ясно, что битва близилась к завершению. Они ощущали крайний упадок сил. Лири, чей единственный видящий глаз гибельно засветился, со всей свирепостью ринулся вперед, а Майк, оставшись на месте, встретил великана свингом правой, вложив в него каждую унцию угасающих сил и все их впечатления в подбородок Лири. И едва костяшки его пальцев коснулись челюсти Лири, как тот рухнул, сраженный силой последнего удара.

Майк стоял, качаясь. Сражение закончилось. И только тут он вспомнил об Эдварде. Оглядевшись, он увидел, что последний подонок, разинув рот, скрючился на противоположном берегу сухого русла с ружьем в руках. Увидев, что Майк смотрит на него, он бросил ружье и кинулся бежать.

Майк засмеялся и трясущейся рукой провел по лбу. Он не понял причины столь неожиданной ретирады, но был очень доволен тем, что не надо больше ни с кем драться, даже если это всего лишь Эдварде. Вдруг полное изнеможение накрыло его, как половодье, он осел, потом повалился, почти лишившись чувств.

Когда он немного очухался, солнце уже село, и тени крались по дну ручья. Он с трудом поднялся и увидел ружье, брошенное Эдварде. Подняв его, он понял причину столь поспешного бегства — замок ружья был разбит Меркеном при падении, и теперь оно годилось разве что в качестве дубины. Очевидно, это было единственное оружие в лагере самогонщиков.

Все события заняли не более нескольких минут, ведь солнце уже садилось, когда Майк вырвался на свободу. Он взглянул на свою жертву — Лири все еще лежал там, где свалился; он получил слишком сильные побои, чтобы собраться с силами за короткое время. Майк подумал, что бутлегер умер, но, слава Богу, тот зашевелился, и Костиган с облегчением отбросил podobные мысли; люди иногда отключаются на часок, получив нокаут на ринге или в другой какой свалке.

Меркен, судя по всему, постепенно приходил в сознание, но все еще валялся и был не в себе.

Майк подумал, не связать ли парочку, но решил, что нет смысла, поскольку Эдварде вернется и все равно освободит их. И необходимо было поспешить в город, где испанцы могли отыскать девушку:

Потом его осенило: Гомес собирался быть здесь к ночи и, предположительно, самогонщики должны были стать его компаньонами на холме. Если верить Лири, двое латинос собирались встретиться с ним. Майк решил, что сейчас наступило время провести собственное расследование. Он поднял кирку, валявшуюся неподалеку, вскинул ее на плечо и отправился на холм.

Он шел осторожно, крадучись мимо деревьев, в темноте похожих на леших, но было еще кое-что потяжелее всяких там переживаний, ведь из лап Лири он вырвался не без ущерба для себя: одежда висела кло-чьями, рука едва действовала, глаза почти заплали, кожа на лице и руках, казалось, отсутствовала, торс был сплошь в синяках. Смертельно уставший молодой человек подошел к подножию Дьявольского Коня с первым проблеском звезды. Было бы правильнее растянуться где-нибудь для хорошего отдыха, но он упрямо двигался дальше.

«Какая жалость, — думал он, — что Эдварде — единственный свидетель столь жестокого и так блестяще закончившегося боя».

Вдруг где-то впереди себя он услышал приглушенную речь, которая, хоть ее и было неясно слышно, все же не походила на английскую. Он скользнул за дерево и затаился. Вскоре показались двое: один высокий и тощий, а другой — низкорослый, массивный, похожий на гориллу.

Когда они проходили мимо убежища Майка, кулаки его непроизвольно сжались так, что кровь отхлынула от суставов, и смертельная ненависть овладела ирландцем. Все самые древние, самые затасанные инстинкты поднимались в нем и приказывали убить этих двоих быстрыми, жестокими ударами орудия, которое Костиган держал на плече.

Потом, когда мужчины прошли совсем близко от него и удалились, не ведая того, что едва-едва избежали смерти, Майк, трясущийся от злобы, вынужден был прислониться к дереву, чтобы взять себя в руки. Так сильны были его любовь и ненависть.

Никогда прежде он не испытывал желания убить человека. Какую бы враждебность он ни питал к противнику, он всегда вполне удовлетворялся ударом кулака по морде. Однако при взгляде на этих людей, что преследовали и избивали девушку, единственную, которую он любил, вернулись воспоминания о жалобном

рассказе Мерилин, и, вместе с обретенной любовью, он познал и ненависть. Дикий гнев на мгновение обжег его. Он пошел своей дорогой, изрядно потрясенный пережитым, и не так уже, как прежде, уверенный в своей железной выдержке.

В ранних сумерках, проложив путь среди чахлах малорослых деревьев, он вскарабкался на отвесно вырастающий утес Восточного Пика. У него была определенная цель, и вскоре он оказался перед ней — на северной стороне холма. Склон здесь поднимался невероятно круто, но ближе к вершине так же круто падал вниз, образуя провал между склоном и довольно высоким утесом.

Кроме того, недавний взрыв поблизости вызвал небольшой оползень, и часть передней стенки утеса сползла вниз, образовав некое подобие подошвы. На этой-то подошве Скинни, этот «чудак», и нашел свою золотую монету, если верить его неопределенному описанию.

Майк остановился, — подъем отнял у него слишком много сил. Выше, там, где над ним поднимался утес, было зловеще тихо и мрачно. Перед ним лежало довольно широкое пространство, похожее на небольшое плато, пустошь, на которой ничего не росло.

Здесь, свыше ста лет назад, измотанные солдаты генерала Рикардо Мареса обрели свою последнюю обитель. Майк, с его живым воображением, как наяву, увидел то короткое и жестокое сражение: испанцев, сбившихся в кучу поблизости от подошвы утеса, с неуклюжими кремневыми ружьями и с гораздо более смертоносными саблями, пиками и кинжалами. Их высокого бесстрастного командира, нашедшего, даже в тот тяжелый час, силы вырыть тайник и спрятать золото, нарисовать карту с обозначением места тайника на коже сапога кинжалом, который он обмакивал, несомненно, в свою кровь.

Майк мысленно видел эту страшную сцену: грохот мушкетов, резкие взвизги сабель, сталкивающихся

ся с томагавками, пение стрел. Потом последняя глава — неотразимые бешеные атаки пронзительно воющих краснокожих дьяволов с перьями на головах.

Он мысленно живописал кровавую сцену, как жестокую драму далекого прошлого: дикие наездники, несущиеся прочь на запад, — черная гравюра на ярком пламени заката, — их перевязи отвратительно украшены скальпами. А позади остались проигравшие — обнаженные, окровавленные, изувеченные.

Майк слегка передернул плечами. Страшный день!

Жуткий день, он до сих пор бросает свою мрачную тень на век нынешний кровавым отблеском золота, побуждая людей совершать преступления, и потомуки надменных кастильцев, которые владели этим золотом, борются за него с сыновьями тех самых диких карей.

«Очень может быть, и даже слишком может быть, что потомки первopоселенцев, изгнавшие и индейцев, и испанцев из страны, ставшей приютом для золота, знай об этом, тоже бы ввязались в драку», — думал Майк с чисто нордическим добродушием.

Он посмотрел на утес, сумрачный и злоедей в свете звезд; здесь Скинни нашел свою монету, и здесь же, по рассказам, первые поселенцы находили разбросанные кости скелетов, распавшихся в процессе гниения.

Майк не сомневался, что эти останки отмечали место последней стоянки экспедиции Маркеса. Знание этих двух фактов и привело его к утесу. В сумерках он неотчетливо видел очертания двух огромных скал, примыкавших друг к другу. Он поднял кирку, содрогнувшись от острой боли в мышцах, тихонько качнул ее наугад, и она ударилась там, где скалы соприкасались. Посыпались осколки камней, обнажился небольшой проем. Это был неожиданный подарок, ведь к нему он мог вскарабкаться без особых усилий. Все складывалось слишком просто, слишком легко.

чтобы быть правдой, и после стольких сражений, интриг и трудов казалось даже неприличным; случайный удар киркой, и открытие совершено. Он вскарабкался, у ног его на глине лежала кирка.

После всего происшедшего легко решить, что всеми поисками Мерилин управляла целая цепь случайностей. Майк был поражен, что случай может быть так слеп, как кажется в этом деле. Наверное, так проявилась забота тех высших сил, что опекают безумцев и беспомощных детей.

Держа в руке зажженную спичку, он обследовал бывший тайник. Показалась крошечная пещерка, обрамленная фрагментами гнилого дерева, — остатками сундука, в котором, несомненно, хранилось золото. Очевидно, испанцы вырыли в глине достаточно глубокий туннель, уложили туда сундук с золотом и завалили входное отверстие большими камнями, замазав их глиной, смешанной с почвой, чтобы замаскировать это место и придать ему первоначальный вид.

Шло время, сундук совсем сгнил, спрятанные монеты валялись небрежной грудой, готовой выпасть наружу в любой момент, как только тайник будет вскрыт. Оползень стащил вниз огромную часть почвы с лицевой стороны утеса и вместе с ней большую часть камней, оставив только те два, между которыми была щель, в этой-то щели и нашел Скинии монету, когда здесь спал после дневных шатаний.

Луна уже взошла, и в ее свете Майк выбирал из тайника монеты, блестящие просто фантастически. Сохранившаяся часть туннеля оказалась неглубока, и Костиган вскоре понял, что подобрал все сокровище Мареса. Величина его сильно преувеличилась по мере пересказов, и конечно, монет там было не на миллион, но все же на первый взгляд набралось на несколько тысяч долларов.

Большое счастье для девушки в стесненных обстоятельствах. Майк уныло размышлял, что найденный тайник, наверное, проложит пропасть между ним

и Мэрилин. Она никогда не говорила, даже не намекала, что отвечает ему взаимностью, и, следовательно, у парня не было ни малейшего повода думать, что прекрасная испанка разделяет его чувства. Майк решил, что неверно истолковал смятение девушки, вызванное его участием и заботой, и уж, конечно, он не собирался напрашиваться на благодарность.

По крайней мере, Майк испытывал известное удовлетворение, найдя для нее сокровища. Пусть это даже приведет к разлуке с любимой. Правда, совесть не давала забыть, что он отправил Мэрилин в город одну, но он убеждал себя, что так сложились обстоятельства. Он не успел бы перехватить ее по дороге и отправиться вместе с ней на поиски, как Мэрилин того хотела. Теперь же, если его долгое отсутствие вызовет беспокойство девушки, то найденное золото послужит ему оправданием.

Рассуждая столь пессимистично, он опять повернулся к золоту, к которому начинал уже чувствовать некоторое отвращение. Он понимал, что все сразу ему не утащить, и решил до отказа набить карманы, сделать еще нечто вроде мешка из куртки, а остальное перепрятать поблизости и вернуться за ним позже. Конечно, это потребует времени, но другого выхода Майк не видел. Состояние, в котором он сейчас находился, не позволяло сделать большего.

Да и вообще, надо скорее покончить с этим. С тех пор как он обнаружил тайник, какие только ужасы не мерещились ему. Он внимательно всматривался в рожицу деревьев у края плато, не шевелится ли там что. Тени от окружающих камней, колеблющиеся в лунном свете, тоже давали богатую пищу воображению, а шепот ночного ветерка предупреждал, что кто-то подкрадывается.

Он стоял на коленях перед слабо поблескивающей грудой золота и трудился так усердно, что на какое-то время забыл об осторожности. И вдруг мир вокруг него с грохотом обрушился, и он провалился в чер-

ную пустоту, в один миг растеряв все, даже самые радужные, надежды.

7

Майк медленно возвращался к действительности, первым ощущением стала пульсирующая боль в голове и онемевшие руки. Он силился припомнить, что произошло: сражение с Лири, найденный тайник... А что же потом? Решив, что оцепенение — это результат того, что веревка Эдварде слишком туго стягивала руки и все это шуточки нарушенного кровообращения, он начал разминать руки и ноги, но неловко повалился набок.

Пытаясь опять сесть, он внимательно огляделся вокруг, — луна поднялась уже высоко, и ее сияние ярко освещало всю площадку. Перед ним сидели четверо: Гомес, худое лицо его расплывалось в зловещей улыбке, Эл Калембра, поблескивающий свинными глазками, Лири и Эдварде. Прикрыв телом мешок с деньгами, Майк надеялся, что его скинут в пропасть вместе с ним.

— А! Опять визитер, — сказал Гомес.

Лири, обезображенное лицо которого теперь еще меньше напоминало человеческое, посмотрел на Майка.

— Ты здорово воткнул мне, Костиган, — сказал он без всякой злобы. — Второй раз за всю мою жизнь я отключился, а тот бой был с тяжеловесом. А вообще, тебе повезло, ведь когда я еще хорошо видел, я закинул в карман нож. А какова драчка, а?!

— Да, — согласился Майк, уже не чувствуя к Лири ненависти и зная, что сейчас опаснее всех Гомес, который немедленно вмешался в разговор.

— Благодарю вас, сеньор Костиган, что вы нашли для нас золото. Мы тоже считали, что оно лежит на этом утесе, но решили посмотреть еще где-нибудь. Сегодня вечером мы собирались перерыть здесь все с помощью вот этих людей, а потом подумали, что слиш-

ком глубоко копаем. Кстати, сеньор Лири, почему это вас не было в назначенном месте и вы появились только сейчас?

— Мы отнесли Меркена в город, Костиган сломал ему два ребра. Эй, слышь, Костиган, я встретил одного парнишку, очень тобой интересовался. Мое имя Лири, и я никому не справочное бюро. Ну!

— Та-а-к,— присвистнув, начал латинос, но Лири заткнул его.

— Ну уж нет, черт побери, я признаю тебя только здесь, и все!

Атмосфера сразу опасно накалилась, Гомес улыбнулся и осторожно ее разрядил:

— Буэно! Пусть теперь наш друг, который так прекрасно найти нам золото, остаться здесь навсегда, а мы брать монеты и идти. Но что нам сделать с Майком?

— Подвесь на каком-нибудь дереве,— предложил Лири.

— И получить Федеральную Службу на хвосте? Глупо, сеньор. Но ведь может произойти несчастный случай, скажем, при падении, если вы его уроните перед нашим уходом.

— Это пригодилось бы и для тебя,— невнятно буркнул Лири.— Но береженого...

— Вот именно. Мы будем в Южной Америке раньше, чем найти тело. Самолет моих друзей поднять только двоих.

— Нам с Эдварде это и лучше,— грубо ответил Лири.— Мы тоже быстро уберемся. Но, послушай, нам не с руки убирать Костигана. Ну?!

— Хватит! Тем более если здесь меньше золота, чем думать, мы не нуждаемся ваша помощь нести его в самолет.

— Согласен. Поделим здесь.

Майк почувствовал, что дело быстро движется к развязке. Тонкая улыбка Гомеса застыла, почти заледенела на его темном лице. Лири набылчился, этакий пригнувшийся монстр: заплывшие глазки посверки-

вают, огромные кулаки конвульсивно сжаты. Взгляд Эдварде заметался из стороны в сторону, и только Эл Каледра, сидевший в одиночестве, оставался спокоен.

— Нет, сеньор, — Гомес задышался, и голосом, чуть выше шепота, членораздельно произнес: — Нет, я не думаю, что мы будем делить деньги на всех.

На мгновение повисла напряженная тишина, затем Лири со злобным рычанием подпрыгнул, как разъяренный тигр, и растопыренные пальцы его походили на когти. Рука Гомеса мгновенно поднялась, сверкнув металлом автоматического пистолета, и в темноте раздался щелчок. Лири приостановился, пьяно покачнулся, потом медленно сложился и, раскинув руки, неуклюже улегся возле ног своего убийцы.

Эдварде что-то пискнул, заметался и попробовал спастись бегством вниз по склону, но Эл Каледра швырнул свое обезьяноподобное тело следом. Эдварде оглянулся и пронзительно завизжал. Уже возле деревьев он вдруг споткнулся, и в тот же миг Каледра настиг его. Что произошло там, в тени ветвей, Майк не увидел, но блеснула сталь, и визг Эдварде оборвался на запредельной ноте.

Эл Каледра поднялся на плато, вытирая лезвие кинжала о грязный рукав.

— Теперь, — с сардонической улыбкой сказал Гомес, стоявший в ожидании Каледры, — остается только взять золото — и в Южную Америку! Дурак Лири думал, что загнал меня в угол, я же знаю, он хотел забрать все найденное, а не забрал бы, так и молчать согласился бы только при условии дележа. — Гомес уже не думал об акценте, а Майк, вспомнив про нож в кармане Лири, понял, что испанец скорее всего прав.

— Дурак! Я только хотел получить еще и девушку, а потом смыться. Приди он на полчаса позже, то мог бы спокойно проваливать, ведь пас здесь уже бы не было, но глупец пришел вовремя и умер. А теперь и вы не будете мешать нам больше. Я сейчас закончу то,

что Эл Каледра не довел до конца, когда подобрался к вам по камням и свалил с ног, пока вы были поглощены сокровищами.

Майк похолодел, но справился с собой, не моргнув глазом, встретил насмешливый взгляд Гомеса. Медленно, с изысканной жестокостью пистолет испанца поднялся и нацелился Майку в лицо. Костиган смотрел в черное дуло, от которого до его, Майка, смерти был всего один щелчок. Единственное, пусть небольшое, удовлетворение ему доставляла мысль, что убийца никогда не увидит слабости Майка Костигана. В нем опять кипел недавний гнев, подстегиваемый еще и яростью бессилия сильного мужчины, умирающего без единого шанса поквитаться.

Глаза Гомеса прищурились, палец на курке напрягся.

— Руки вверх! — как удар хлыста, раздалась команда.

Гомес вздрогнул и поднял взгляд, курок дернулся, и Майк почувствовал, как пуля опалила его щеку. Пронзительный крик слился с эхом выстрела, и второй пистолет сказал свое слово.

— Номбре де Диас! — открыв рот от изумления и заикаясь, проговорил Гомес. — Не стреляйте!

— Ты скотина! Ты дьявол! Ты убил его! — Лежавший Майк неловко вывернул голову, — позади него стояла Мерилин. В ее широко открытых глазах стояли ужас и отвращение, лицо было бледное, но пистолет в руке не дрожал.

— Ты убил его, — повторила она гневно, — и я убью тебя!

Следующая пуля прошла мимо испанца, целиться Мерилин все же не умела, но Гомес закричал, увидев свою смерть в темных глазах. Эд Каледра стоял, задрал руки вверх, явно ошарашенный подобным сюрпризом.

— Мерилин, — обрел наконец голос Майк, — я не убит.

Девушка вздрогнула, взглянула вниз и тут же бросилась перед ним на колени, пытаясь поднять его голову, целуя и всхлипывая одновременно, со всей страстью кастильской натуры, совершенно позабыв обо всем остальном.

— Разрежьте веревки! Скорее, девочка! — торопил он Мерилин, полузадушенный объятиями, и она начала пальцами рвать узлы.

В этот момент Гомес и Эл Калебра, с отчаянием загнанных в угол крыс, подскочили, подхватили мешок с монетами и ударились в головокружительный бег, волоча мешок между собой. Рванувшись из веревок, Майк неистово выругался, но Мерилин удержала его.

— Нет, нет, пусть бегут, — просила она, — не хочу никогда больше видеть это золото! И так уже все промокло от крови! О, Майк, — причитала она, — я нашла свой пистолет, потом пошла обратно, а там уже никого не было, и я потеряла ручей и появилась только сейчас.

Закончив свой бессвязный отчет, она зарыдала, как убитый горем ребенок, вся ее буйная свирепость мгновенно улетучилась. Что за девушка! Истинная дочь древней Кастилии, в гневе она могла запугать даже банду головорезов, а потом опять стать хрупкой и нежной, и трогательно краснеть, как школьница. Майк не мог понять, как ей удалось проскользнуть мимо латинос незамеченной, видимо, они слишком увлеклись разговором со своей жертвой. Вдруг рев самолета, который садился на невозделанное поле к северу от подошвы холма, разорвал тишину. А вскоре самолет взмыл «свечкой», чиркнув по звездам в южном направлении.

«Гомес, несмотря ни на что, выиграл, — подумал Майк. — Повезет ли ему и дальше?»

Вдруг позади них раздались проклятия и еще какие-то булькающие звуки. Они повернулись, — Лири изо всех сил пытался подняться на ноги. Грудь его была фактически разорвана на куски, но в руках он держал ружье. Поднимая его к небу, бутлегер морщился от

боли. Самолет все еще жужжал над ними, и ружье в руках умирающего грохнуло раз, другой... Самолет изменил направление, мотор заглох, раздался тягостный вой, потом тяжелый удар. Это на другой стороне холма рухнул пронесшийся, как пылающая комета, самолет.

А Лири, шатаясь, смеялся страшным, каким-то квакающим смехом, и кровь толчками вылетала из его рта. А затем, опрокинувшись, он умер, прежде чем упал на землю.

Мерилин дрожащей рукой отерла лоб и вдруг упала без сознания Майку на руки; драма окончилась, но слишком дорого обошлась.

Майк бережно отнес ее подальше от жуткого места и осторожно уложил на случайный клочок мягкой травы. Вскоре девушка пришла в себя и внимательно на него поглядела.

— Я как-нибудь достану золото, Мери, девочка, — сказал Майк тихо. — Я заберу его из разбившегося самолета и...

Она содрогнулась:

— Ох, не говорите об этом!

— Мери, малышка, может быть, я совсем дурак, но мне начинает казаться, что вы меня действительно любите.

Костиган прочел ответ в темных глазах, привлек девушку к себе, и шепот Мерилин донесся до него, как дуновение ветерка:

— Я люблю вас, Майк!

НОЖ, ПУЛЯ И ПЕТЛЯ

Стивен Элиссон, известный также как Сонора Кид, одиноко торчал у стойки бара «Золотой песок», когда туда влетел Джонни Элкинс. Он мельком взглянул на бармена и, тронув Элиссона за локоть, невнятно пробормотал сквозь зубы:

— Стив, они добиваются тебя!

Тот и виду не подал, что расслышал. Кид был очень молод, среднего роста, стройный, но сильный, как пума. Кожа его лица потемнела, видно, солнце и ветры немало потрудились над этим. Сонора выглядел совершенно так же, как и множество других ковбоев, участвующих в ежегодных скачках в Чизхольме. Если бы не глаза. Внимательные серые глаза, временами поблескивающие холодом стали из-под широких полей шляпы.

Две пушки, с рукоятками под слоновью кость, в потертых кобурах висели на бедрах явно не просто для вида.

Кид осушил стакан и спросил:

— Кто добивается?

Стрельнув глазами на дверь, Элкинс тревожно прошептал страшное имя:

— Гризли-Простак! Город кишит охотниками за бизонами и они как на шиле! Эти парни не трепачи, и я носом чую, за кем они охотятся на этот раз. За тобой!

Кид подбросил монетку, проследил, как она покатилась зигзагами по стойке бара, сгреб сдачу и повернулся на выход. Кривоногий коротышка Элкинс поспешил следом, стараясь подстроиться к широкому шагу приятеля. Они вышли из салуна и протопали несколько ярдов, прежде чем заговорили снова.

— Ей-богу, Кид, — пыхтел Элкинс, — ты меня бешишь! Я тебе говорю, кто-то в здешнем коровнике подначивает этих шкуродеров на всякую чертовщину!

— Кто?

— Откуда я знаю? Ну, хотя б Майк Конноли. Помнишь, как ты увел у него парней, которых он укрывал, когда мы сшивались здесь в прошлом году. Ведь он тоже когда-то охотился на бизонов. Его ребята держатся с ним заодно, так что, если тебя посадят в лужу, он и пальцем не пошевелит.

— Его никто и не просит шевелить пальцами! — обозлился Элиссон, и глаза его блеснули. — Я не нуждаюсь в каких-то скотоводах, чтоб разогнать банду охотников!

— Да чего ждаты! — убеждал Элкинс. — Ребята ж вчера отправились.

— Ну, ты ж знаешь, — ответил Элиссон. — Мы пригнали в город стадо, самое большое в этом году, и продали скот Блейну — новому перекупщику. А он еще не полностью рассчитался: у него не хватило наличных, но дал достаточно, чтобы расплатиться с гуртовщиками, да еще я кое-что послал в Абилену. Полный расчет будет сегодня. Вчера я отправил ребят вниз по тропе, а то ведь продуют все деньжата с этими охотниками! Вот я и прогнал их на юг от греха подальше. А сам получу остальные деньги и догоню ковбоев в Арканзасе.

— Старик Донноли иногда так напивается в дороге, прямо до невозможности. Почему бы Блейну не послать ему чек или еще как-нибудь?

— Старик Донноли не доверяет банкам. А знаешь, он держит все деньги в огромном сейфе на ранчо и всегда требует, чтобы с ним расплачивались большими купюрами.

— Мало того, что ребята рвут жилы, гоняя скот с низу Рио-Гранде до Канзаса, — проворчал Джонни, — так еще каждый сосунок должен рисковать своей шкурой, перевозя кучу налички. Черт, Став, по двадцать долларов за голову — это ж какая куча пачек! Мула задавить можно! Да любой грабитель за такое продырявит шкуру кому хошь и не задумается!

— Я должен сейчас же встретиться с Блейном, — резко прервал его Кид. — И с деньгами или без, но я не выметусь отсюда, пока Гризли не откроет карты. Он не будет хвастаться, что выставил меня из города!

Элиссон повернул в сторону правления, некрашеного строения, заодно служившего и офисом, и жильем для деловых людей города.

Когда Кид вошел, Блейн разубался, он явно был рад встрече. Перекупщик скота был крупным мужчиной, холемым, упитанным и хорошо одетым. Выглядел он, как самый типичный представитель племени перекупщиков, одного из многих племен авантюристов, пронесившихся железными осколками с Запада через Канзасские равнины, где, как от волшебного прикосновения этого железа, в одну ночь возникали новые города, открывались новые каутауны — торжища крупного рогатого скота.

До того как из западных районов протянули сюда железную дорогу, с чего и начался бум скототорговли, Блейн был картежным шулером на рудниках Невады. Сейчас он не носил оружия в открытую, но поговаривали, что во времена его картежной карьеры ему не было равных в искусстве владения пушкой.

Умный, честолюбивый, образованный, этот человек являлся центральной фигурой в новоиспеченном городке, быстро разрастающемся в надежде не только успешно конкурировать, но впоследствии и затмить

такие старинные каутауны, как Абилена, Ньютон и Вичита.

— Я думал, вы будете позже, Элиссон, — улыбнулся Блейн. — Ну вот, они здесь, пришли сегодня утром!

Он дотянулся до огромного сейфа и выложил на стол объемистую пачку денег.

— Пересчитайте! — Кид тряхнул головой:

— Вы дали слово.

Он вытащил из кармана черный кожаный мешок, затолкал туда деньги и туго перевязал веревкой, стараясь сделать пакет менее громоздким.

— Вы собираетесь везти с собой эти деньги? — поинтересовался Блейн.

— Прямоком на ранчо Томагавк, — осклабился Кид. — Старик Донноли распорядился, чтоб только так.

— Вы сильно рискуете, — сказал Блейн. — Почему вы не хотите, чтобы я выписал чек на Первый Национальный Банк Канзас-Сити?

— Старик не хочет иметь дела ни с какими банками. Предпочитает иметь наличные всегда под рукой.

— Что ж, это его и ваше дело, — ответил перекупщик. — Документы о продаже мы оформим в другой раз, но, думаю, вы не откажетесь подписать квитанцию: у меня останется доказательство, что я заплатил вам оговоренную сумму в должном виде.

Кид подписал квитанцию, а Блейн, закинув бумагу в пасть сейфа, заметил:

— Я так понял, что ваши гуртовщики отбыли вчера?

— Ага, так.

— Значит, вы намерены ехать в одиночку со всеми этими деньгами? — удивился Блейн.

— Ага! Думаю, все будет в порядке! Поверьте, на тропе в прерии, с деньгами или без, все же спокойнее, чем здесь, в городе.

Кид, естественно, умолчал, что его будет сопровождать Джонни Экинс, помощник хозяина Томагавка. Джонни появился в Канзасе в прошлом году и те-

перь, утомленный северными просторами, двигался на юг со своим старым приятелем.

— Но, пожалуй, я ненадолго оставляю пакет у вас. Мне еще надо уладить одно дельце, а потом загляну к вам: поздно вечером или завтра утром.

Как только Элиссон вразвалочку вышел из офиса Блейна и его шпоры небрежно зазвякали в уличной пыли, к нему бочком приблизилась какая-то облаченная в неопишуемые лохмотья личность и едва слышно произнесла:

— Гризли-Простак с ребятами хотят знать, хватит ли у тебя характера заглянуть в Буффало Хамп?

— Вернись и скажи им: я там буду, — так же тихо ответил Кид.

Личность тут же растворилась в сумерках, а Кид заторопился в отель, а потом в платную конюшню. Вскоре он опять появился на улице, но уже верхом на крепком мустанге.

Каутаун еще не спал, ночная жизнь была в полном разгаре. Жестяно бренчали пианино в дансингах, каблуки отбивали остервенелую дробь на дощатых настилах, двери салунов неистово хлопали. Шумное веселье кутил сопровождалось визгливым женским хохотом, а иногда и выстрелами; гуртовщики выплескивали накопившуюся в тяжелой работе нервную энергию.

Ничто не сдерживало, не смягчало, не облагораживало эти сцены. Все было дико, безвкусно и примитивно, как безвкусны и примитивны были голые стены домов, неряшливо разбросанных под звездами прерии.

Майк Конноди с ребятами шествовали от дансинга к дансингу, свирепо оглядывая каждый салун. Они поддерживали порядок в заведении с помощью револьверов и не испытывали никаких симпатий к тощим, бронзоволицым объездчикам, которых, зло подшучивая, называли «чизхольмами».

Среди объездчиков и в самом деле было немало темных личностей. Тяжелая жизнь воспитывала жестких людей. На первых порах погонщикам скота не раз

приходилось в поисках спокойного рынка сбыта прокладывать свой путь через земли, кишмящие индейцами и белыми бандитами. В Канзасе они рассчитывали найти отдых, безопасность и самые простые удовольствия.

Но вскоре каутауны переполнились шулерами, авантюристами, профессиональными убийцами и прочими паразитами, масса которых всегда двигалась вслед за любым бумом; золотым ли, серебряным, нефтяным или бизоньим. И наивных ковбоев на перегонах в прерии ждали опасности гораздо меньшие, чем в городе, возникшем на волне бума.

Но парни они оказались крепкие и, подвесив револьверы низко на бедра, научились в любой миг быть готовыми к каким угодно разборкам: с индейцами или белыми преступниками на тропах перегона, с шулерами или полицейскими в городах. Истребители же, прежде обретавшиеся в среде шулеров и полицейских, заняли свое место среди гуртовщиков.

К племени истребителей принадлежал и Стив Элиссон, поэтому старик Донноли назначил его боссом на перегоне своего стада.

Кид привязал коня к столбу возле Буффало Хамп и широким шагом направился к пятну золотистого света у входа. Его встретил звон стекла, пьяное веселье и орущие песню голоса:

Июль месяц, помню, стоял на дворе.
Шел поезд на Денвилл по звездной поре.
Сейф полный два парня тихонько открыли...
И золота нету в казенной норе!

Кид приостановился у дверей, правая рука его тихо скользнула к револьверу, но тут он услышал шипение:

— Стив, ты чего, спятил?

Пальцы Джонни стиснули руку Элиссона, и он понял, что малый нервничает. Лицо объездчика бледным пятном расплывалось в тусклом свете.

— Не ходи туда. Стив! — убежденно прошептал Джонни.

— А кто там? — тихо спросил Кид.

— Самые отпетые! Гризли-Простак клялся и божился, что вырвет твое сердце и съест его сырым! Я говорил тебе, Стив, они знают, что это ты убил Билла Гелта. Охотники с тебя скальп снимут!

— Что ж, пусть снимут, если кишка не тонка!

— Но ты ж знаешь их манеру, если войдешь и сцепишься с Простаком, они стрельнут тебе в спину. Вырубят свет, и пойдя разберись, кто это сделал!

— Знаю! — Никто лучше Кипа не знал штучки каутаунских головорезов. — В прошлом месяце несколько хвастунов так же свалили Джо Орда, старшего гуртовщика Триппла. Наверное, они же и ограбили, потому что при парне не нашли денег, полученных за скот. Но то были картежники, а не охотники.

— А какая разница?

— Никакой, если дело дойдет до пули, — ухмыльнулся Кид. — Слушай, Джонни! — сказал Элиссон и перешел на шепот.

Элкинс напряженно слушал, согласно кивая головой, и, когда Кид зашагал к освещенной двери, кривоногий ковбой покатился следом.

Едва фигура Кида показалась в дверях, шум в зале мгновенно затих. Поющие, точнее, ревущие парни тотчас прекратили свои жалобы на Джесси Джеймс и, словно огромные медведи, развернулись в сторону входа.

Кид окинул взглядом весь салун, забитый охотниками и спующими между ними официантами. Кроме них да бармена, в сапуне находился еще один человек — начальник полиции Майк Конноли, широкоплечий мужчина с большим неподвижным лицом и тяжелым револьвером на бедре.

Охотники — все как один здоровенные бородастые мужики. Глаза сверкают в свете ламп, одна рука всегда около огромного мясницкого ножа, притороченного к поясу. Многие в штанах из оленьей кожи и индейских мокасилах. У них темные, как у индейцев, лица и длинные волосы. Живя невероятно примитив-

ной жизнью, охотники были жестоки и свирепы, как краснокожие, но намного опаснее.

В центре зала угрожающе возвышался косматый громила, больше похожий на медведя, чем на человека — Гризли-Простак. Он хохотал во все горло, но когда повернулся в сторону вошедшего, глаза его сверкнули, а руки потянулись к оружию.

— Что ты здесь делаешь, Элиссон? — его голос, казалось, заполнил все помещение и даже керосиновая лампа замигала.

— Слышал, ты мечтал со мной встретиться, — спокойно ответил Кид, ни на миг не отводя взгляда от зверской морды Простака.

Гризли-Простак взревел почище буйвола, замотал головой и схватил оружие. Большинство охотников обычно носили револьверы и ножи, но тот длинный мясницкий нож с широким лезвием, который Гризли неизменно подвешивал к ремню слева, выглядел просто чудовищно.

— Ты убил Билла Гелта! — заорал он, и толпа его друзей угрожающе загудела.

— Ага! — согласился Кид.

Лицо Гризли потемнело, вены набухли. Он выкинул вперед обутую в мокасин ногу, словно пытаясь ударить, и завопил:

— Ага?! Ты убил его до смерти!..

— Я застрелил его за дело, — огрызнулся Кид, и его серые глаза вдруг заledenели. — В прошлом году, когда клеймили стадо у хозяина Томагавка, он крепко повздорил с одним ослом, пригнавшим на ранчо гурт. Парни взяли с собой одного из помощников хозяина и отошли за сотню шагов на обрыв, и Билл разделал того осла, как отбивную. Когда в этом году мы гнали скот, я встретил его в Канаде и навсегда погасил... Но у него все-таки был шанс...

— Врешь! — рявкнул Гризли. — Ты выстрелил ему в спину! Гуртовщик, которому ты хвастался, все рассказал. Ты убил его и бросил валяться, как собаку!

— Собаку я не бросил бы валяться! — ухмыльнулся Кид. — Когда я отъезжал, Гелт стал уже падалью для стервятников и не было особой надобности прикрывать его. Но я не стрелял в спину!

— Ты не выйдешь отсюда! — взвыл Гризли, размахивая огромными кулачищами.

Кид бросил беглый взгляд в зал и увидел потемневшие от ярости лица и напряженные позы. Это было нечто большее, чем застарелая вражда между охотниками и ковбоями. Майк Конноли молча стоял поодаль...

— Ну, что ж вы не начинаете! — поинтересовался Кид, слегка пригнувшись и положив руки на обе кобуры.

— А мы не убийцы, как ты, — презрительно хмыкнул Гризли. — Конноли должен увидеть честную игру. Ты ж вооружен. Или тебе не хватит пороху на драку с нами?

— Честную? Гризли, выбирай оружие сам. Я не боюсь встретиться с тобой.

— Хорошо! — рыкнул охотник, сбросив портупею к ногам Майка Конноли. — Ах да, ты ж не носишь ножей. Джо! Дай ему один!

Бармен нырнул под стойку, где у него был целый арсенал смертоносного оружия, заложенного в разное время безденежными посетителями, и выложил несколько ножей. Кид вытащил оба револьвера, отдал их Джонни Элкинсу, который, как бы случайно, отступил к дверям. После короткого осмотра Элиссон выбрал нож с тяжелой рукояткой и узким, сравнительно коротким лезвием, безошибочно определив испанскую работу.

Остальные расположились вдоль стен, очистив место для драки. Кид не испытывал никаких иллюзий по поводу того, что сейчас произойдет. Он знал о своей репутации отличного стрелка, и понимал, что ему подстроили ловушку: петлю затягивали так, чтобы в первую очередь избавиться от столь опасных в его руках револьверов. А вот если нож Гризли потерпит неудачу, то не миновать Элиссону пули в спину. Кид немного

потоптался по опилкам, словно проверяя опору для ног, чуть-чуть передвинулся и... оказался возле раскрытого окна. Наконец он повернулся и изготовился.

Гризли рывком выхватил свой нож и был готов рвануться в атаку, как медведь, с которым его обычно и сравнивали. При всей своей массивности охотник был ловок, как кошка, и ногами орудовал не хуже, чем руками. А противостоял ему сильно уступавший по комплекции ковбой в ботинках на высоких каблуках, совершенно непригодных для быстрого передвижения по полу, засыпанному опилками. Да и нож в руке Стива казался игрушечным по сравнению с клинком противника. Но охотники не учли или просто не знали, что Кид был родом из местности, где буквально толпами бродили мексиканцы, великолепно орудовавшие ножами.

Кид, стоявший лицом к лицу со своими оскорбленными, орущими врагами, знал, что если дело дойдет до рукопашной — он погиб. Гризли держал нож в левой руке, поскольку правое плечо его было когда-то задето ковбойской пулей. Вдруг он подпрыгнул, как огромный зверь, взмахнул ножом, целясь прямо в сердце врага, и, зарывчав, бросился на противника. Рука Кида ушла назад и вдруг резко вылетела вперед. Испанский клинок сверкнул пучком голубого света и вошел в грудь Гризли — рукоятка дрожала под самым его сердцем. Гигант запнулся и зашатался, изумленно разинув рот. Кровь хлынула потоком... И он рухнул, головой вперед.

Тело Гризли еще не успело коснуться пола, а левая рука Кида, спрятанная до того под рубашкой, вынырнула с небольшим дуствольным крупнокалиберным пистолетом. Не глядя, Санора дважды выстрелил в сторону лампы; свалился охотник, успевший поднять шестизарядный револьвер, со звоном разлетелась лампа, поливая толпу горящим керосином. В наступившей темноте охотники и вовсе сорвались с цепи: началась дикая стрельба, треск мебели смешался с воплями и проклятьями, раздался зычный голос Майка Конноли, требовавшего зажечь свет.

Едва зал погрузился во тьму, Кид развернулся и кинулся в окно. Он, как кошка, приземлился на ноги и помчался к столбу, у которого был привязан его конь. Вдруг перед ковбоем возникла чья-то тень, он инстинктивно вскинул пистолет, но тут же признал Элкинса:

— Джонни! Мои револьверы? — Две гладкие, хорошо знакомые рукоятки ткнулись Киду в руки.

— А я сразу пошел в обход посмотреть, что делается вокруг, а то мало ли что. — Джонни даже слюной брызгал от возбуждения. — Ты пригвоздил его, Стив? Да! Ух, ей-богу!

— Берись за дело — топчи свою тропу, Джонни! Страхни городскую пыль и жди меня у ручья, на развилке в трех милях к югу. Я буду там, как только заберу деньги у Блейна. Ну! Катись!

* * *

Несколько минут спустя, перебросив поводья через голову коня, он скользнул к освещенному окну и увидел работающего за письменным столом Ричарда Дж. Блейна. Услышав свист ковбоя, тот оглянулся, раскрыл рот и побагровел. Кид толкнул приоткрытую створку окна и прыгнул в комнату.

— У меня нет времени обходить дом вокруг, — извинился он. — Как только вы отдадите деньги, я немедленно дам тягу из города.

Чем-то изрядно сконфуженный, покрасневший Блейн поспешно скомкал лист бумаги, на котором только что писал, и попытался запихнуть его в карман, потом повернулся к сейфу, стоявшему открытым за его спиной. В глубине разверстой пасти сейфа Элисон увидел свой черный кожаный мешок. Блейн вдруг обернулся:

— Какие-нибудь неприятности?

— У меня — никаких. Если только у тех придурков — охотников за бизонами.

— О! — Казалось, перекупщик понемногу приходит в себя. Во всяком случае лицо его постепенно приобретало нормальный цвет. — Вы меня здорово напугали, Кид. Мне померещилось, что сам дьявол явился за мной! Так что с теми охотниками?

— Их возмутило, что я убил клеймовщика Гелта. Не пойму, как они это раскопали — ведь я никому в городе не рассказывал о Билле, кроме вас и Джонни Элкинса. Наверное, кто-то из моих приятелей раззвонил. Не то чтобы меня это рассердило, но просто я не имею привычки трепаться повсюду о койотах — я в них стреляю, если надо. А эти кретины решили поквитаться со мной. — И в нескольких словах Кид рассказал о происшествии в Буффало Хамп. — Теперь, думаю, парни постараются меня линчевать, и при этом будут еще клясться, что я — убийца!

— Ну, это вряд ли, — улыбнулся Блейн. — Может, отдохнете здесь до утра?

— Не могу, я сейчас же отправляюсь.

— Ну, хоть выпьем на дорожку, — настаивал Блейн.

— У меня совсем нет времени. — Кид прислушался, нет ли погони. Могло случиться так, что обезумевшие от ярости охотники уже напали на след, а Кид знал, что Майк Коинноли не стал бы защищать его от толпы.

— Ну, несколько минут ничего не изменят. Подождите, сейчас я принесу выпивку.

Местные правила вежливости в подобном случае отказа не допускали. Блейн вышел в приемную, и Кид слышал, как он что-то ищет. Кид стоял посреди комнаты нервный, настороженный и по привычке внимательно оглаживал все вокруг. Вдруг он заметил на полу смятый комок бумаги, очевидно, часть письма, поспешно скомканного и отброшенного Блейном. Он не обратил бы на листок никакого внимания, если бы среди каракулей не увидел случайно свое имя.

Он наклонился, поднял бумагу и, разгладив ее, прочел. Оказалось, что это послание к Биллу Донноли.

«Ваш старший гуртовщик Элиссон убит сегодня в баре во время потасовки. Я рассчитался с ним за скот и получил квитанцию с его собственной подписью. Однако денег при нем не нашли, это может засвидетельствовать начальник полиции Конноли. Ваш человек сильно проигрался и, вероятно, воспользовался вашими деньгами. Это, конечно, тяжело, но...»

Дверь открылась и появился Блейн с бутылкой виски и двумя стаканами. Увидев свое письмо в руках Кида, он мертвенно побледнел и выронил ношу.

Бутылка и стаканы разлетелись вдребезги. Рука Блейна только метнулась к поясу, а в правой Кида уже блеснул «тексан». Двойным эхом прозвучали выстрелы, но сорок пятый грохнул первым. За спиной Элиссона звякнуло окно, а Блейн рухнул на пол и остался лежать в растекающейся красной луже. Кид схватил свой черный мешок, засунул его под рубашку и выскочил в окно. Потом взлетел на коня и понесся к развилке. За его спиной к привычным звукам ночного города прибавился и все нарастал зловещий рев: бушевали охотники. Надо признаться, что Элиссон, как, впрочем, и каждый, даже самый последний, человек в Канзасе, не задумываясь, повесил бы такое чудовище, каким сейчас выглядел сам в результате столь неудачного стечения обстоятельств. Кид стиснул зубы — нож, пуля, петля — всего хватало этой ночью.

Джонни Элкинс ждал его в условленном месте, и ковбой сразу же отправились в свой обратный путь — на тысячу миль по Южной тропе.

— Ну? — Джонни прямо корчился от любопытства.

Элиссон коротко рассказал обо всем, что произошло.

— Теперь я все понял. Блейн делал капитал на грабеже, получая и скот, и деньги. Понимаешь, он думал, что я в городе один, и нарочно задержал расчет за стадо. Потом напустил на меня охотников. И у Блейна оставалась квитанция, доказывающая, что деньги мне

переданы. Если бы меня убили, а денег при мне не оказалось... Он даже постарался задержать меня, наверное, надеясь, что подоспеют охотники.

— Но он же не мог заранее знать, что ты оставишь баксы в его сейфе, — деловито заметил Джонни.

— Ну, если б не оставил, то Конноли забрал бы деньги, стоило охотникам меня прикончить. Он человек Блейна. Должно быть, так же обстояло дело и с Джо Ордом.

— А все считали Блейна таким большим хозяином, — протянул Джонни.

— Ага. И вспомни, сколько крупных гуртов пропало даром. Я думаю, что, вообще-то, он мог и впрямь стать большим хозяином. Однако большой или маленький — сорок пятому все равно.

И это суждение заключало в себе всю философию «истребителя».

СОДЕРЖАНИЕ

ТИГРЫ МОРЕЙ	4
Тигры морей	
<i>(Перевод с англ. Н. Дружининой)</i>	6
Край, где заходит солнце	
<i>(Перевод с англ. Н. Дружининой)</i>	52
КЛИНКИ ДЛЯ ФРАНЦИИ	115
Воительница	
<i>(Перевод с англ. А. Курич)</i>	116
Клинки для Франции	
<i>(Перевод с англ. Г. Подосокорской)</i>	157
Подруга смерти	
<i>(Перевод с англ. Г. Подосокорской)</i>	184
Королевская служба	
<i>(Перевод с англ. Г. Подосокорской)</i>	205
След Гунна	
<i>(Перевод с англ. Г. Подосокорской)</i>	228
ОСТРОВ СМЕРТИ	251
Мечи красного братства	
<i>(Перевод с англ. Н. Дружининой)</i>	252
Месть черного Вулми	
<i>(Перевод с англ. Н. Дружининой)</i>	335
Остров смерти	
<i>(Перевод с англ. Н. Дружининой)</i>	382
ИСПАНСКОЕ ЗОЛОТО	417
Испанское золото	
<i>(Перевод с англ. Н. Барковой)</i>	418
Нож, пуля и петля	
<i>(Перевод с англ. Н. Барковой)</i>	465

РОБЕРТ ИРВИН
ГОВАРД

*Собрание сочинений
в восьми томах*

Том четвертый

Ответственный редактор
Е. Артемьева

Художественные редакторы
В. Андреева, И. Марев

Технический редактор
Л. Платонова

Корректор
Л. Макеева

Компьютерная верстка
А. Яблонская

Изд. № 0403159.

Подписано в печать 26.09.03 г.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная.

Гарнитура «Балтика». Печать высокая

Усл. печ. л. 25,2. Уч.-изд. л. 22,2.

Заказ № 0314480.

ТЕРРА—Книжный клуб.
115093, Москва, ул. Щипок, 2.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат».
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

РОБЕРТ ГОВАРД

ТОМ 4

СЛЕД ГУННА

Благородные пираты, вступающие с работоторговцами
и жаждущие испанского золота,
величайшие авантюристы прошлого,
необузданные войны варварских племен,
ищущие славы на службе у заморских владык —
все они познали глубины человеческого коварства
и прощали разбушевавшихся стихий...

ISBN 5-275-00863-5

9 785275 008630

КТ